Стефани Майер

ЗАТМЕНИЕ

Самая знаменитая
вампирская сага XXI века
«Сумерки», «Новолуние», «Затмение»

Annotation

Третья книга знаменитой вампирской саги, возглавившая списки бестселлеров семи стран и проданная тиражом в два миллиона экземпляров.

Истинная любовь не страшится опасности… Белла Свон готова стать подругой своего возлюбленного Эдварда навеки, ведь именно вечность длится жизнь вампира. Но тогда ей придется предать лучшего друга – вервольфа Джейка и тем самым, возможно, заново разжечь древнюю вражду между "ночными охотниками" и их исконными врагами – оборотнями…

- Стефани Майер
  - Пролог
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая
  - Глава девятнадцатая
  - Глава двадцатая
  - Глава двадцать первая
  - Глава двадцать вторая
  - Глава двадцать третья

- Глава двадцать четвертая
- Глава двадцать пятая
- Глава двадцать шестая
- Глава двадцать седьмая
- Эпилог
- Благодарности

Стефани Майер
Затмение

Посвящается моему мужу, Панчо, за его терпение, любовь, дружбу, чувство юмора и готовность обойтись без домашнего ужина.

А также моим детям, Гейбу, Сету и Эли, за возможность испытать такую любовь, за которую и умереть не жалко.

Огонь и лед
Мир, говорят, сгорит в огне
Иль станет льдом.
Вкус страсти я познал вполне —
Пожалуй, мир сгорит в огне.
Но если дважды гибель ждет,
То, ненависть познав сполна,
Я знаю, как смертелен лед —
Боюсь, зима
Нас всех убьет.

Роберт Фрост

Пролог

Увильнуть от столкновения не удалось.

С замирающим сердцем я смотрю на своего защитника: он готов биться до последнего, хотя численное превосходство на стороне нападающих. Помощи ждать не приходится: в этот самый момент его семья тоже бьется не на жизнь, а на смерть.

Узнаю ли я, чем кончится та, другая схватка? Кто там победит, а кто проиграет? Доживу ли до того, чтобы это узнать?

Шансов маловато.

Черные глаза, в которых горит дикая жажда моей смерти, следят, выжидая мгновения, когда мой защитник отвлечется. И в это мгновение я наверняка умру.

Где-то далеко-далеко в холодном лесу раздался волчий вой.

Глава первая
Ультиматум

~~Белла~~,

~~Не знаю, зачем ты заставляешь Чарли передавать записки через Билли, будто мы во втором классе. Если бы я захотел с тобой поговорить, я бы ответил…~~

~~Ты ведь уже сделала выбор, понимаешь? Ты не можешь получить и то, и другое, когда «Смертельные враги» – что тут может быть непонятного? Ты…~~

~~Я знаю, что веду себя как идиот, но ничего нельзя поделать…~~

~~Мы не можем быть друзьями, когда ты проводишь все свое время с бандой…~~

~~Мне только хуже становится, когда я слишком много думаю о тебе, поэтому не пиши больше…~~

Да, я тоже по тебе скучаю. Очень скучаю. Но это ничего не меняет. Извини.

Джейкоб

Я провела пальцами по листку, нащупывая углубления в тех местах, где ручка слишком сильно надавила на бумагу, почти до дырки. Я так и видела, как Джейк пишет эту записку: царапает злые буквы корявым почерком, перечеркивает строку за строкой, когда не выходят нужные слова, а то и ручку ломает огромными пальцами – тогда понятно, откуда взялись кляксы. Я так и видела, как ярость стягивает его брови к переносице и бороздит морщинами лоб. Будь я с ним рядом, могла бы и расхохотаться.

«Да ладно тебе, Джейк, – сказала бы я. – Не напрягайся, выкладывай все, как есть».

А вот сейчас смеяться совсем не хотелось. Я в сотый раз перечитывала слова, которые уже выучила наизусть. Его ответ на мою умоляющую записку – переданную Чарли через Билли, будто мы и впрямь во втором классе – меня не удивил. Я знала, что скажет Джейк, еще до того, как вскрыла конверт.

Удивляла только боль, которую причиняла каждая перечеркнутая

строчка – словно края букв резали острее ножа. Кроме того, за каждой незаконченной от злости фразой стояла неисчерпаемая обида, а за Джейкоба мне было больнее, чем за себя.

Мои размышления прервал запашок горелого, донесшийся из кухни. В нашем доме, если кто-то кроме меня готовит ужин, впору удариться в панику.

Я сунула измятую бумажку в задний карман, мигом слетела по лестнице и успела в последний момент: банка с соусом для спагетти, которую Чарли поставил в микроволновку, совершила всего один оборот. Я рванула дверцу.

– Что-то не так? – недовольно спросил Чарли.

– Па, сначала надо крышку снять. Микроволновки металл не любят. – Я выхватила банку, открыла ее, вылила половину соуса в чашку, потом поставила чашку в микроволновку, а банку обратно в холодильник; установила время и нажала кнопку «старт».

Чарли наблюдал за моими манипуляциями, поджав губы.

– Но макароны-то я правильно сварил?

Я бросила взгляд на кастрюлю на плите – источник запаха, который и привлек мое внимание.

– Помешать бы надо, – доброжелательно заметила я.

Нашла ложку и попыталась разлепить разваренный комок, прилипший к донышку.

Чарли вздохнул.

– Что это на тебя нашло? – спросила я.

Он скрестил руки на груди, хмуро поглядел на проливной дождь за темными окнами и проворчал:

– Ничего на меня не нашло.

С чего это Чарли взялся готовить ужин? И почему ходит такой хмурый? Эдвард еще не пришел: обычно отец приберегает такие штучки для моего парня, чтобы каждым словом и жестом подчеркнуть нежелательность его присутствия. Только не стоит напрягаться: Эдвард и без того прекрасно знает, как Чарли к нему относится.

Я помешивала спагетти и, нервничая, по привычке прикусывала щеку изнутри, размышляя над словом «парень». Какой же он мне «парень»! Должно быть какое-то другое слово, более подходящее для выражения вечной привязанности… Но слова вроде «судьба» и «предназначение» в нормальном разговоре звучат по-дурацки.

У Эдварда на уме было другое слово, и именно оно заставляло меня нервничать. Даже когда я произносила его про себя, у меня скулы сводило.

«Невеста». Тьфу ты! От одной мысли трясти начинает.

– Что-то я не пойму, с каких это пор ты готовишь ужины, – сказала я, тыкая в плавающий в кипящей воде комок макарон. – Или, скорее, пытаешься готовить.

Чарли пожал плечами.

– Ни один закон не запрещает мне готовить ужин в моем собственном доме.

– Ну да, тебе ли не знать, – ухмыльнулась я, не сводя глаз со значка на его кожаной куртке.

– Ха! Один-ноль.

Словно вспомнив, что все еще одет, он стянул с себя куртку и повесил на специально предназначенный для нее крючок. Пояс с пистолетом уже висел на месте: Чарли несколько недель не считал нужным надевать его, уходя в участок. В городишке Форкс, штат Вашингтон, люди больше не пропадали, и загадочные волки гигантского размера больше не показывались в вечно дождливых лесах…

Я молча тыкала ложкой в комок спагетти: Чарли сам созреет для разговора. Отец не особо словоохотлив, а судя по всему, попытка приготовить домашний ужин означает, что сказать ему есть что.

По привычке я глянула на часы: в это время я смотрю на часы каждые пять минут. Осталось меньше получаса.

Медленнее всего время тянулось между обедом и ужином. С тех пор как мой бывший лучший друг (и оборотень) Джейкоб Блэк предал меня и наябедничал о моих тайных поездках на мотоцикле – чтобы мне запретили выходить из дома и встречаться с моим парнем (и вампиром) Эдвардом Калленом, – нам с Эдвардом позволено видеться только с девятнадцати ноль-ноль до двадцати одного тридцати, исключительно у меня дома и под присмотром папочки, который не спускает с нас недовольного взгляда.

Так ужесточился мой домашний арест, который я получила за трехдневное отсутствие без объяснения причин и одно ныряние со скалы.

Конечно, мы с Эдвардом продолжали видеться в школе, и с этим Чарли ничего поделать не мог. А кроме того, Эдвард проводил почти каждую ночь в моей комнате – о чем Чарли и понятия не имел. Тут пришлась весьма кстати ловкость Эдварда – он мог бесшумно залезать через окно моей спальни на втором этаже, – а также его способность читать мысли Чарли.

Хотя середина дня оставалась единственным временем суток, которое мы проводили порознь, я уже не находила себе места, и минуты тянулись бесконечно долго. И все же я не жаловалась на суровость наказания, потому что, во-первых, знала, что сама его заслужила, а во-вторых, не

могла обидеть отца, уехав от него сейчас, когда на горизонте нависла гораздо более серьезная разлука.

Отец с кряхтением уселся за стол, развернул мокрую газету и тут же неодобрительно зацокал языком.

– Па, и зачем ты только эти новости читаешь! От них сплошное расстройство!

Он пропустил мои слова мимо ушей и проворчал, обращаясь к газете:

– Именно поэтому все хотят жить в маленьком городе. Черт знает что такое!

– Ну, а теперь чем провинились мегаполисы?

– Сиэтл рвется стать чемпионом страны по количеству убийств. Пять нераскрытых убийств за последние две недели. Представляешь? Пять!

– По-моему, Сиэтлу до Финикса далеко. А ведь жила же я в Финиксе.

И при этом никакое убийство мне ни разу не грозило, пока я не переехала в папин безопасный маленький городок. По правде говоря, мое имя до сих пор значится в нескольких «черных списках»… Ложка в руке затряслась, и по воде в кастрюле пошли волны.

– Ну, а я бы ни за какие деньги там жить не согласился, – заявил Чарли.

Я поняла, что спасти ужин не удастся, и принялась накрывать на стол. Спагетти пришлось резать на порции ножом – Чарли наблюдал за процессом с виноватым лицом. Свою порцию отец залил соусом и с аппетитом принялся за еду. Я тоже, насколько смогла, замаскировала слипшийся ком и без особого энтузиазма последовала примеру Чарли. На кухне воцарилось молчание. Чарли все еще просматривал новости, а я открыла зачитанный до дыр «Грозовой перевал» на той странице, где остановилась за завтраком, и попыталась погрузиться в атмосферу Англии позапрошлого века в ожидании, когда отец заведет наконец разговор.

Я добралась до эпизода возвращения Хитклифа, когда Чарли прокашлялся и бросил газету на пол.

– Ты права, я и впрямь сделал это намеренно. – Он махнул вилкой в сторону склеившихся макарон. – Хотел с тобой поговорить.

Я отложила книгу. Переплет был уже до того истрепан, что она не закрылась.

– Так бы сразу и сказал.

Он кивнул и нахмурился.

– Я подумал, что если приготовлю ужин, ты будешь помягче.

Я расхохоталась.

– У тебя это здорово вышло! От твоих кулинарных талантов я совсем

размякла. Так о чем ты хотел поговорить?

– О Джейкобе.

Мое лицо застыло.

– А что Джейкоб? – спросила я сквозь зубы.

– Тише, Белла. Я знаю, ты все еще расстроена тем, что он на тебя наябедничал, но ведь Джейк поступил правильно. Проявил ответственность.

– Ах, ответственность! – Я закатила глаза. – Ладно. Так что насчет Джейка?

Заданный беззаботным тоном вопрос эхом отдавался у меня в голове. Очень непростой вопрос. Так что насчет Джейка? Мой бывший лучший друг теперь стал… кем? Моим врагом? Я поморщилась.

Чарли внезапно насторожился.

– Только не злись на меня, ладно?

– Злиться? За что?

– Ну, это и насчет Эдварда тоже.

Я прищурилась.

Чарли хрипло заговорил:

– Я ведь пускаю его в дом, верно?

– Пускаешь, – согласилась я. – На короткие промежутки времени. Разумеется, ты мог бы и меня выпускать из дома – тоже на короткие промежутки времени, – в шутку продолжала я, понимая, что под домашним арестом мне сидеть до конца учебного года. – Теперь я такая паинька…

– Вообще-то как раз об этом я и хотел поговорить.

Лицо Чарли неожиданно растянулось в улыбке, от которой вокруг глаз собрались морщинки и он помолодел лет на двадцать.

В этой улыбке для меня забрезжила тень надежды, однако я решила не пороть горячку.

– Па, что-то я не пойму. Мы говорим о Джейке, об Эдварде или о моем домашнем аресте?

Он снова улыбнулся.

– Да вроде как обо всем сразу.

– И как же они друг с другом связаны? – осторожно поинтересовалась я.

– Хорошо. – Он со вздохом поднял руки, словно сдаваясь. – В общем, я подумал, что ты заслуживаешь амнистии за хорошее поведение. Ты невероятно терпелива для своего возраста.

У меня глаза на лоб вылезли, и я не удержалась от вопля:

– Правда? Я свободна?

Что это вдруг на него нашло? Я была абсолютно уверена, что не видать мне свободы, как своих ушей, до самого отъезда из дома, да и Эдвард не заметил никаких колебаний в мыслях Чарли.

Отец поднял палец.

– При одном условии.

Моя радость тут же померкла.

– Вот так всегда, – простонала я.

– Белла, это не столько требование, сколько просьба. Ты свободна. Однако я надеюсь, что ты воспользуешься своей свободой… благоразумно.

– В каком смысле?

Чарли опять вздохнул.

– Я знаю, что ты мечтаешь ни на шаг не отходить от Эдварда…

– С Элис я тоже встречаюсь, – вставила я.

Сестра Эдварда могла приходить в любое время, когда ей вздумается: для нее Чарли бы сделал все что угодно.

– Верно, – ответил он. – Но ведь у тебя и помимо Калленов есть друзья. Во всяком случае, были.

Мы молча уставились друг на друга.

– Когда ты в последний раз разговаривала с Анжелой Вебер? – перешел в атаку Чарли.

– В пятницу во время обеда, – тут же ответила я.

До возвращения Эдварда мои школьные приятели разделились на два лагеря. Я их называла «хорошие» и «плохие». Или «мы» и «они». К «хорошим» относились Анжела, ее постоянный приятель Бен Чейни и Майк Ньютон; эти трое великодушно простили мое сумасшествие после отъезда Эдварда. Лорен Мэллори была заводилой на «их» стороне, и почти все остальные, включая мою первую подругу в Форксе Джессику Стэнли, охотно поддерживали ее выпады против меня.

А когда Эдвард вернулся в школу, разделение стало еще более резким.

Майк ко мне охладел, а вот Анжела по-прежнему проявляла преданность, и Бен следовал ее примеру. Несмотря на естественное отвращение, которое большинство людей испытывают к Калленам, Анжела каждый день садилась в столовой рядом с Элис. И через несколько недель вполне освоилась. Трудно не очароваться семейством Калленов – если дать им шанс проявить очарование.

– А помимо школы? – спросил Чарли, выводя меня из задумчивости.

– А помимо школы я вообще ни с кем не встречаюсь. Ты ведь меня никуда не пускаешь, разве забыл? Кроме того, у Анжелы есть парень. Она все время проводит с Беном. И если я действительно свободна, – добавила

я максимально скептическим тоном, – то мы могли бы встречаться вчетвером.

– Ладно. Но тогда… – Чарли заколебался. – Вы с Джейком были неразлучны, как сиамские близнецы, а теперь…

– Па, давай уж выкладывай! – заявила я. – Какое именно условие?

– Белла, мне кажется, что тебе не следует бросать всех своих друзей из-за отношений с парнем, – сурово произнес Чарли. – Это нехорошо, и я думаю, твоя жизнь станет более уравновешенной, если в ней будут и другие люди. То, что случилось в сентябре…

Меня передернуло.

– Если бы твоя жизнь не сводилась к отношениям с Эдвардом Калленом, такого вообще могло бы не случиться.

– Ничего не изменилось бы, – пробормотала я.

– А может, и изменилось бы.

– Короче, что за условие?

– Условие таково: ты будешь пользоваться свободой, чтобы встречаться и с другими друзьями. Для равновесия.

Я медленно кивнула.

– Равновесие – это хорошо. Мне что, расписание составить?

Отец поморщился, однако покачал головой.

– Не стоит все так усложнять. Просто не забывай друзей…

Легко сказать, не забывай друзей! После окончания школы я не смогу больше встречаться с друзьями – ради их собственной безопасности. Как быть? Общаться с ними, пока есть такая возможность? Или уже теперь начать отдаляться, чтобы разлука наступала постепенно?.. От второго варианта меня бросало в дрожь.

– Особенно Джейка, – добавил Чарли.

А эта проблема еще хуже предыдущей! Я не сразу сумела найти нужные слова.

– С Джейком все не так… просто.

– Белла, с семьей Блэков у нас почти родственные отношения. – Голос Чарли снова стал по-отечески суровым. – И Джейкоб был тебе очень, очень хорошим другом.

– Знаю.

– Разве ты по нему совсем не скучаешь? – огорченно спросил он.

Горло внезапно перехватило, и пришлось дважды прокашляться, прежде чем я смогла ответить.

– Скучаю, конечно, – призналась я, не поднимая глаз. – Очень скучаю.

– Тогда в чем дело?

А вот это я никак не могла ему объяснить. Людям – нормальным людям, вроде меня и Чарли – неположено знать о тайно существующем вокруг нас секретном мире, полном мифов и чудовищ. Лично я об этом мире знала все – и в результате моя жизнь висела на волоске. Не хватало еще и Чарли в это впутать.

– С Джейком у нас… проблема, – сказала я. – То есть с нашей дружбой проблема. Джейку, кажется, мало просто дружбы.

Я не стала углубляться в детали, правдивые, но незначительные по сравнению с тем, что стая оборотней Джейка смертельно ненавидит семью вампиров Эдварда, – и меня заодно, поскольку я собираюсь к этой семье присоединиться. Такие вещи в записке не обсудишь, на звонки Джейк не отвечает, а моя идея лично посетить оборотня решительно не понравилась вампирам.

– По-моему, Эдварду не помешала бы здоровая конкуренция. – Теперь в голосе Чарли появился сарказм.

Я мрачно посмотрела ему в глаза.

– Ни о какой конкуренции и речи быть не может.

– Не желая общаться с Джейком, ты его обижаешь.

Ага, оказывается, это я не желаю с ним общаться!

– Думаю, что Джейк вовсе не хочет со мной дружить. – Слова обжигали рот. – И с чего ты вообще об этом заговорил?

Чарли смутился.

– Ну, мы сегодня с Билли…

– Вы с Билли сплетничаете, как старухи! – пожаловалась я, злобно втыкая вилку в слипшиеся макароны.

– Билли тревожится за сына, – ответил Чарли. – Джейку сейчас очень трудно… у него депрессия.

Я вздрогнула, но глаз не подняла, по-прежнему рассматривая комок макарон.

– А ты всегда возвращалась такая счастливая, когда проводила день с Джейком, – вздохнул Чарли.

– Я и сейчас счастлива, – прорычала я сквозь зубы.

Слова так не вязались с интонацией, что Чарли расхохотался, и я тоже не удержалась.

– Ладно, ладно, – сдалась я. – Пусть будет равновесие.

– И Джейкоб, – настойчиво добавил Чарли.

– Я попробую.

– Хорошо. Найди точку равновесия, Белла. И, кстати, тебе письмо, – сказал Чарли, неуклюже закрывая тему. – Возле плиты.

Я не шевельнулась: мои мысли завязывались узлами вокруг имени Джейкоба. В письме скорее всего какая-нибудь дурацкая реклама. Посылку от мамы я получила вчера, а больше никто и не должен был мне писать.

Чарли отодвинул стул и потянулся, вставая из-за стола. Отнес свою тарелку в раковину и, прежде чем вымыть ее, швырнул в мою сторону толстый конверт. Письмо пролетело через стол и стукнуло меня в локоть.

– А, спасибо, – пробормотала я.

Чего это Чарли так неймется? И тут заметила адрес отправителя: Юго-Восточный университет Аляски. – Быстро же они ответили. Небось, опять опоздала с заявлением.

Чарли хихикнул.

Я перевернула конверт и недовольно уставилась на отца.

– Письмо вскрыто.

– Мне стало интересно, что там.

– Шериф, я в ужасе. Это преступление против федеральных законов!

– Да ты посмотри сначала.

Я вытащила письмо и расписание занятий.

– Поздравляю, – сказал отец, прежде чем я успела прочитать хоть слово. – В первый раз ты получила положительный ответ.

– Спасибо, папа.

– Нам надо поговорить насчет оплаты. У меня есть кое-какие сбережения…

– И не вздумай! Твой пенсионный фонд мы трогать не станем. Я специально откладывала деньги на колледж.

Хотя сколько я там отложила – и сколько теперь осталось…

Чарли нахмурился.

– Белла, в некоторых колледжах плата высокая. Я хочу помочь. Тебе не обязательно ехать аж на Аляску, из-за того что там дешевле.

И ничего не дешевле. Просто очень далеко, и в Джуно в среднем триста двадцать один пасмурный день в год. Первое условие устраивает меня, а второе – Эдварда.

– Мне хватит. Кроме того, есть всякая финансовая помощь. Можно запросто получить заем.

Надеюсь, мое вранье не слишком бросалось в глаза. Вообще-то я в финансовых вопросах ничего не смыслила.

– А… – начал Чарли, но вдруг надулся и посмотрел в сторону.

– Что?

– Ничего. – Он нахмурился. – Так, поинтересоваться хотел… а какие у Эдварда планы на будущий год?

– Планы?

– Ну да.

Три быстрых стука в дверь стали моим спасательным кругом. Чарли закатил глаза, а я вскочила с места.

– Минутку! – закричала я и пошла в прихожую.

Нетерпеливо распахнула дверь настежь… Вот он, мой единственный и неповторимый!

Его красота до сих пор сводила меня с ума – и всегда будет сводить! Взгляд пробежал по бледному лицу: мужественный подбородок, мягкий изгиб – сейчас улыбающихся – губ, прямая переносица, острые скулы, гладкий, мраморный лоб под спутавшимися бронзовыми локонами, потемневшими от дождя…

В глаза я посмотрела в последнюю очередь, зная, что, встретив его взгляд, забуду все на свете. Огромные глаза в обрамлении густых черных ресниц сияли теплым золотистым светом. Глядя в них, я всегда испытывала необыкновенное чувство – словно мои кости превращались в желе. Немного закружилась голова, но это я просто дышать забыла. В очередной раз.

За такое лицо любой мужчина в модельном бизнесе продал бы черту душу. Вообще-то, очень может быть, что именно столько это и стоит – одну душу.

Нет. Не верю. И мне ужасно стыдно за то, что я всего лишь подумала такое. Как здорово, что я единственный человек, чьи мысли Эдварду прочитать не под силу.

Я протянула руку, его холодные пальцы прикоснулись к ней, и из моей груди вырвался вздох. Прикосновения Эдварда вызывают у меня необыкновенное чувство облегчения, словно я испытывала боль, которая вдруг исчезла.

– Ты. – Я слегка улыбнулась: такое вялое приветствие после столь напряженного ожидания!

Эдвард поднял наши переплетенные пальцы и легонько погладил мою щеку тыльной стороной ладони.

– Как прошел день?

– Медленно.

– У меня тоже.

Он подтянул мое запястье к лицу, закрыл глаза и провел носом по коже – не открывая глаз и нежно улыбаясь. Эдвард как-то назвал это «наслаждаться ароматом, не прикасаясь к вину».

Я знала, что запах моей крови для него слаще, чем любая другая кровь

– в точности как для алкоголика вино рядом с водой. Этот запах вызывал невыносимую жажду, которая причиняла Эдварду настоящую боль. И все же он не отшатывался от меня, как раньше. Трудно вообразить, какого исполинского усилия воли требовало от него простое прикосновение.

Меня очень огорчало, что Эдварду приходится так напрягаться. Утешало лишь то, что мне недолго оставалось быть источником его страданий.

Тут послышались шаги Чарли: он, как обычно, громко топал, выражая неудовольствие приходом гостя. Эдвард моментально открыл глаза и опустил руку, все же не разнимая переплетенных пальцев.

– Добрый вечер, Чарли. – Эдвард всегда безукоризненно вежлив, хотя Чарли этого и не заслуживает.

Чарли хмыкнул нечто неразборчивое и встал в дверях, скрестив руки на груди. В последнее время он доводит понятие «родительский присмотр» до абсурда.

– Я принес новые бланки заявлений.

Эдвард помахал передо мной набитым до отказа большим конвертом. На мизинце красовался рулончик марок.

Я застонала. Сколько могло остаться колледжей, куда Эдвард еще не заставил меня послать анкету? И как он только умудряется найти лазейки? Ведь время подачи заявлений давно прошло!

Эдвард улыбнулся, будто прочитал мои мысли: хотя у меня наверняка все на лбу написано.

– Еще не везде закончили прием заявлений. А в некоторых местах готовы сделать исключение.

Могу себе представить, по каким причинам. И о каких суммах идет речь.

Моя гримаса заставила Эдварда расхохотаться.

– Ну что, начнем? – Он потащил меня к обеденному столу.

Чарли фыркнул и пошел следом, хотя жаловаться на наше сегодняшнее времяпрепровождение не приходилось: он сам каждый день достает меня разговорами о выборе колледжа.

Я быстро расчистила стол, и Эдвард разложил внушительную стопку заявлений. Заметив, как я убираю в сторонку «Грозовой перевал», Эдвард задрал бровь. Я знала, о чем он подумал, однако Чарли не дал Эдварду рта раскрыть.

– Кстати, о заявлениях для поступления в колледж, – начал Чарли кислым тоном. Он старался не обращаться к Эдварду напрямую, но если уж приходилось, то это еще больше портило ему настроение. – Мы с Беллой

как раз обсуждали планы на следующий год. Ты уже решил, где будешь учиться?

Эдвард, улыбаясь, поднял глаза на Чарли и дружелюбно ответил:

– Нет, пока не решил. Меня согласны взять в несколько колледжей, я пока взвешиваю возможные варианты.

– И куда же тебя приняли? – не отступался Чарли.

– В Сиракузы… Гарвард… Дартмут… а сегодня пришло согласие из Юго-Восточного университета Аляски. – Эдвард слегка развернулся, чтобы подмигнуть мне.

Я поперхнулась от смеха.

– Гарвард? И Дартмут? – пробормотал Чарли, не в силах скрыть восхищение. – Вот это да… ничего себе. И еще университет Аляски… хотя на что он тебе сдался после Гарварда-то. Ведь твой отец наверняка хочет…

– Карлайл позволяет мне принимать решения самостоятельно, – безмятежно заявил Эдвард.

Чарли хмыкнул.

– Эдвард, а знаешь что? – жизнерадостно спросила я, включаясь в игру.

– Что?

Я показала на пухлый конверт на кухонном столе:

– Меня тоже только что приняли в университет Аляски!

– Поздравляю! – ухмыльнулся Эдвард. – Надо же, какое совпадение!

Чарли прищурился, переводя взгляд с меня на Эдварда.

– Ну ладно, – пробормотал он. – Пойду баскетбол посмотрю. Белла, не забывай: девять тридцать.

Каждый вечер он удаляется с одной и той же фразой.

– Па? А как же наш недавний разговор о свободе?

Чарли вздохнул.

– Хорошо. Пусть будет десять тридцать. В будни у тебя все еще комендантский час.

– Белле можно свободно выходить из дома? – радостно спросил Эдвард.

Я знала, что его это известие ничуть не удивило, но не смогла уловить ни одной фальшивой нотки в голосе.

– С оговорками, – сквозь зубы поправил Чарли. – А тебе-то что?

Я недовольно глянула на отца.

– Да так, к сведению. Элис все не терпится пошататься с кем-нибудь по магазинам, и я уверен, что Белла будет рада выбраться в город. – Эдвард улыбнулся мне.

– Ни за что! – зарычал Чарли и внезапно побагровел.

– Па! Ну почему?

Чарли с трудом разжал челюсти.

– Я не хочу, чтобы ты в ближайшее время ездила в Сиэтл.

– Почему?

– Ты же слышала: в Сиэтле какая-то банда убивает всех подряд, так что держись от города подальше, ясно?

Я закатила глаза.

– Па, у меня гораздо больше шансов попасть под удар молнии, чем за единственный день в Сиэтле…

– Нет, нет, Чарли прав, – прервал меня Эдвард. – Я вовсе не имел в виду Сиэтл. Вообще-то, я говорил о Портленде. Я бы и сам не пустил Беллу в Сиэтл. Ни в коем случае.

Я в недоумении уставилась на Эдварда, но он внимательно читал статью на первой странице газеты. Наверное, просто хочет успокоить Чарли. Предположить, что в обществе Эдварда и Элис мне может грозить опасность даже от самых отпетых человеческих ублюдков – вот уж обхохочешься!

Уловка сработала. Чарли на мгновение уставился на Эдварда, а потом пожал плечами.

– Вот и хорошо. – Отец протопал в гостиную: похоже, заторопился, не желая пропустить начало игры.

Я не хотела, чтобы Чарли меня услышал, и дождалась, пока он включит телевизор.

– Что ты…

– Погоди-ка, – отозвался Эдвард, не поднимая глаз от заявления, и подтолкнул бумажку ко мне. – По-моему, можно воспользоваться уже готовыми сочинениями: здесь точно такие же вопросы.

Наверное, Чарли все еще прислушивается к нашему разговору. Я вздохнула и принялась заполнять однообразные графы «фамилия, имя», «адрес», «номер социального страхования»… Через несколько минут я посмотрела на Эдварда, но он сидел, задумчиво уставившись в окно. Я снова прилежно склонилась над заявлением – и только тут разглядела название университета! Фыркнув, я отодвинула бумажки в сторону.

– Белла, ты чего?

– Эдвард, не смеши меня. Заявление в Дартмут?

Эдвард настойчиво придвинул бланк.

– Я думаю, тебе понравится Нью-Гэмпшир. Для меня там есть полный набор вечерних классов, а местные леса очень удобно расположены для

заядлого туриста. И полно всякой живности. – Эдвард криво улыбнулся, зная, что мне перед такой улыбкой не устоять.

Я втянула воздух носом.

– Можно подумать, меня туда возьмут! Разве что за чудовищную взятку. Может, отгрохать им новую библиотеку на деньги Калленов? Фигушки. Мы ведь уже говорили об этом!

– Белла, ну почему бы тебе просто не заполнить заявление? С тебя не убудет.

Я разозлилась.

– А знаешь что? Я отказываюсь!

Я протянула руку, собираясь скомкать листки и бросить в мусорное ведро, но бумажки уже исчезли. Секунду я смотрела на пустой стол, затем перевела взгляд на Эдварда. Он, казалось, не шелохнулся, однако заявление наверняка надежно спрятано у него в кармане.

– Что за шуточки?

– Твоя подпись у меня получается лучше, чем у тебя. А сочинения ты уже написала.

– Это уже совсем ни в какие ворота! – Я заговорила шепотом на случай, если, несмотря на телевизор, Чарли все же услышит. – Мне никуда больше не надо подавать никаких заявлений. Меня уже приняли. И сбережений почти хватает на первый семестр. Лучшего алиби не придумаешь. Незачем бросать на ветер кучу денег – неважно чьих!

На лице Эдварда застыла болезненная гримаса.

– Белла…

– Даже не начинай! Не спорю, что ради Чарли нужно делать вид, будто я поступаю в колледж, но мы-то оба знаем, что осенью мне будет не до учебы! И вообще придется держаться подальше от людей.

О первых годах жизни вампира я имела весьма смутное представление. Эдвард подробностей не рассказывал, избегая этой темы, но я знала, что будет невесело. Судя по всему, самообладанию нужно еще научиться. И думать не стоило об учебе – разве что на заочных курсах.

– По-моему, мы пока не определились со временем, – мягко напомнил Эдвард. – Ты могла бы поучиться семестр-другой. Ты еще столько всего не испытала в жизни.

– Все это я и потом могу испытать.

– Потом это будет уже не человеческая жизнь. Белла, второй раз человеком не станешь.

Я вздохнула.

– Эдвард, подумай хорошенько. Затягивать слишком опасно.

– Пока еще не опасно, – настаивал он.

Я хмуро уставилась на него. Не опасно? Ага, нисколечко! За мной всего лишь гоняется вампир-садистка, намеренная отомстить за смерть своего дружка – желательно путем лишения меня жизни каким-нибудь медленным и мучительным способом. Да черт с ней, с этой Викторией! Ах да, есть же еще и Вольтури! Королевская семейка вампиров с небольшой армией вампирчиков. И они настаивают на моей смерти в ближайшем будущем, потому что людям об их существовании знать не положено. Вот и все. Было бы от чего панику разводить!

Эдвард полагался на невероятную способность Элис точно предвидеть будущее: она заранее предупредит нас об опасности. Но даже когда его сестра начеку, только сумасшедший стал бы рисковать!

Кроме того, я уже выиграла этот спор. Мы договорились, что мое превращение в вампира произойдет сразу после выпускного – до которого остается всего несколько недель.

Уже совсем скоро! От этой мысли в сердце екнуло. Конечно же, превращения не избежать. И кроме того, оно станет ключом к тому, чего я хочу больше всего на свете. Но у меня не выходило из головы, что Чарли сидит в соседней комнате и смотрит телевизор – точно так же, как в любой другой вечер. А мама все умоляет меня провести лето на пляже в солнечной Флориде – вместе с ней и ее новым мужем. И есть еще Джейкоб, который, в отличие от моих родителей, поймет, в чем дело, когда я уеду в какой-нибудь колледж у черта на рогах. Если даже родители долго ничего не заподозрят и мне удастся отвертеться от визитов домой под предлогом больших расходов, непомерной учебной нагрузки или слабого здоровья, то Джейкоб будет знать правду.

На мгновение мысль о том, какое отвращение испытает ко мне Джейкоб, затмила все остальное.

– Белла, не стоит торопиться. – Эдвард заметил мою расстроенную гримасу, и его лицо тоже исказилось от боли. – Я никому не позволю пальцем тебя тронуть. Ты можешь ждать, сколько захочешь.

– Я хочу поторопиться, – с неуверенной улыбкой прошептала я, пытаясь обратить все в шутку. – Я хочу стать чудовищем.

Эдвард стиснул зубы.

– Ты понятия не имеешь, о чем говоришь. – Он внезапно бросил на стол между нами мокрую газету и ткнул пальцем в заголовок на первой странице:

КОЛИЧЕСТВО ЖЕРТВ РАСТЕТ

ПОЛИЦИЯ ПОДОЗРЕВАЕТ БАНДУ

– А это-то здесь при чем?

– Белла, чудовища существуют на самом деле.

Я ошарашенно посмотрела на заголовок и снова перевела взгляд на окаменевшее лицо Эдварда.

– Это… это сделал вампир? – прошептала я.

Эдвард невесело улыбнулся. Его голос прозвучал хрипло и холодно.

– Белла, ты не представляешь, как часто подобные мне стоят за ужасными сообщениями ваших человеческих газет. Судя по этой статье, в Сиэтле резвится новорожденный вампир. Кровожадный, дикий, неуправляемый. И мы все такие.

Я снова опустила глаза в газету, чтобы не встречаться взглядом с Эдвардом.

– Мы уже несколько недель наблюдаем за происходящим, – продолжал он. – Все признаки налицо: невероятные исчезновения людей, происходящие ночью; плохо спрятанные трупы; отсутствие каких-либо вещественных доказательств… Это кто-то совсем новенький. И ни один из стареньких не взял на себя ответственность за появление новичка. – Эдвард глубоко вздохнул. – Честно говоря, нам до этого дела нет. Мы бы вообще не обратили внимания на новорожденного вампира, если бы он не появился так близко к дому. Я же говорю, такие вещи случаются постоянно. Существование чудовищ приводит к чудовищным последствиям.

Я попыталась не заметить имена жертв, но они выделялись, словно набранные жирным шрифтом. Пять человек лишились жизни, пять семей скорбят о потере. Абстрактно размышлять об убийстве совсем не то, что прочитать имена жертв: Морин Гардинер, Джеффри Кемпбелл, Грейс Раци, Мишель О’Коннелл, Рональд Элбрук. Люди, у которых были родители, дети, друзья, кошки-собаки, работа, надежды, планы, воспоминания…

– Со мной такого не случится, – прошептала я, словно убеждая саму себя. – Ты не позволишь мне стать такой. Мы будем жить в Антарктиде.

Эдвард фыркнул, сводя все к шутке.

– Пингвины, значит. Прелестно!

Я неуверенно засмеялась и сбросила газету на пол, чтобы убрать эти имена с глаз долой. Конечно же, Эдвард прежде всего думает, на кого можно поохотиться. Он и его родственники-«вегетарианцы» защищают людей, предпочитая удовлетворять голод крупными хищниками.

– Ну тогда, как и договорились, едем на Аляску. Только куда-нибудь подальше, чем Джуно – туда, где полно медведей-гризли, – сказала я.

– Еще лучше, – согласился он. – Там и полярные медведи водятся. Очень злые. А волки так просто огромные.

Я резко выдохнула.

– Что с тобой? – спросил Эдвард. Прежде чем я успела прийти в себя, он уже понял, в чем дело, и напрягся всем телом. – Ясно. О волках вспоминать не будем, если тебе это неприятно. – Его голос прозвучал холодно и отчужденно, а плечи расправились.

– Эдвард, он был моим лучшим другом, – пробормотала я. Слово «был» больно кольнуло. – Конечно же, мне неприятно.

– Прошу прощения, я не подумал, – официальным тоном извинился он. – Мне не следовало так говорить.

– Да ладно, чего там. – Я стиснула в кулаки лежавшие на столе руки и не сводила с них глаз.

Мы помолчали, а потом Эдвард взял меня прохладными пальцами за подбородок. Теперь выражение его лица смягчилось.

– Честное слово, прости.

– Ничего. Я знаю, что ты не это хотел сказать. Мне не следовало так реагировать. Просто… я как раз перед твоим приходом думала о Джейке. – Я заколебалась. Мне казалось, что карие глаза Эдварда становятся чуть темнее каждый раз, когда я произношу имя Джейка. – Чарли говорит, что ему сейчас очень плохо, – умоляющим тоном сказал я. – Ему больно, и это… это моя вина.

– Белла, ты ни в чем не виновата.

Я глубоко вздохнула.

– Помочь Джейку – мой долг. И к тому же одно из условий Чарли…

Пока я говорила, лицо Эдварда снова стало каменным, как у статуи.

– Ты ведь знаешь, и речи быть не может о том, чтобы ты встречалась с оборотнем без нашей защиты. А наше появление на их территории будет нарушением договора. Ты что, хочешь развязать войну?

– Конечно нет!

– Тогда и говорить больше не о чем. – Эдвард убрал руку и оглянулся в поисках чего-нибудь, что позволит сменить тему. Его взгляд задержался за моей спиной. Эдвард улыбнулся, хотя настороженность из глаз не исчезла. – Хорошо, что Чарли решил выпустить тебя из дома: тебе давно пора наведаться в книжный магазин. Сколько можно читать «Грозовой перевал»? Я думал, ты его уже наизусть выучила.

– Не все же могут похвастаться фотографической памятью, – буркнула я.

– Память тут ни при чем. Никак не могу понять, чем тебе нравится эта

книга. Ее герои – ужасные типы, которые портят друг другу жизнь. Даже не знаю, почему Хитклифа и Кэтрин ставят наравне с парами вроде Ромео и Джульетты или Элизабет Беннет и Дарси. Это история не любви, а ненависти.

– С классикой у тебя проблемы, – огрызнулась я.

– Должно быть, потому, что антиквариат меня не впечатляет, – улыбнулся Эдвард. Похоже, он доволен, что ему удалось отвлечь мое внимание. – Нет, правда, скажи мне, почему ты ее перечитываешь снова и снова? – Теперь в его глазах светился искренний интерес: Эдвард в очередной раз хотел разобраться в мешанине моих мыслей. Он протянул руки через стол и обхватил мое лицо ладонями. – Чем она тебя так привлекает?

Его искреннее любопытство меня обезоружило.

– Не знаю, – ответила я, судорожно пытаясь собраться с мыслями, которые невольно разбегались под пристальным взглядом Эдварда. – Наверное, все дело в неизбежности. Ничто не может их разлучить: ни ее себялюбие, ни его злодеяния, ни даже сама смерть…

Эдвард подумал и игриво ухмыльнулся.

– По-моему, было бы гораздо лучше, если бы у каждого из них нашлось какое-нибудь искупающее все недостатки достоинство.

– А по-моему, в этом-то все и дело, – возразила я. – Их единственное достоинство – любовь.

– Надеюсь, тебе-то достанет здравого смысла не влюбиться в кого-нибудь столь же… зловредного.

– Мне уже поздновато беспокоиться о том, в кого влюбляться, – заметила я. – Хотя и без предупреждений у меня вроде неплохо получилось.

Эдвард тихо засмеялся.

– Я рад, что ты так думаешь.

– Надеюсь, тебе-то хватит ума держаться подальше от кого-нибудь столь же себялюбивого. Ведь на самом деле все беды от Кэтрин, а не от Хитклифа.

– Я буду осторожен, – пообещал он.

Я вздохнула. Эдварду здорово удается меня отвлекать. Я прижала его ладонь к своему лицу.

– Мне нужно увидеться с Джейком.

Эдвард закрыл глаза.

– Нет.

– Это совершенно безопасно! – вновь взмолилась я. – Я целыми днями

торчала среди них в Ла-Пуш, и никогда ничего не происходило.

Зря я: на последних словах голос невольно дрогнул. Я тут же поняла, что говорю неправду: однажды ведь кое-что произошло. Перед глазами встал огромный серый волк с оскаленными клыками, припавший к земле для прыжка – и ладони вспотели от незабываемого ужаса.

Эдвард услышал, как у меня застучало сердце, и кивнул, словно я вслух признала свое вранье.

– На оборотней полагаться нельзя. Находящиеся рядом с ними люди иногда получают травмы. А то и погибают.

Я открыла рот, чтобы возразить, – и онемела. В памяти всплыла другая картинка: когда-то прекрасное личико Эмили Янг, обезображенное тремя темными шрамами, которые стянули вниз уголок правого глаза, а рот искривили в ухмылку.

Мрачно торжествующий Эдвард ждал, пока ко мне вернется дар речи.

– Ты их не знаешь, – прошептала я.

– Белла, я знаю их лучше, чем ты думаешь. Я был здесь в прошлый раз.

– В какой прошлый раз?

– С оборотнями мы столкнулись лет семьдесят назад, когда осели возле Хоквиама. Еще до того, как к нам присоединились Элис и Джаспер. Нас было больше, однако их бы это не остановило, и они бросились бы в драку, если бы не Карлайл. Ему удалось убедить Эфраима Блэка в возможности сосуществования, и в конце концов мы заключили перемирие.

Имя прадедушки Джейка заставило меня вздрогнуть.

– Мы думали, что оборотни вымерли вместе с Эфраимом, – пробормотал Эдвард. Теперь он словно сам с собой разговаривал. – Думали, что генетическая мутация, позволявшая человеку превращаться в волка, была потеряна…

Он замолчал и укоризненно посмотрел на меня.

– Ты хоть понимаешь, что твое неукротимое влечение ко всему смертоносному вернуло к жизни вымирающую стаю волков-мутантов? Если бы твое невезение можно было законсервировать, мы бы получили оружие массового уничтожения!

Я пропустила насмешку мимо ушей, обратив внимание лишь на предположение Эдварда – неужели он всерьез?

– Эдвард, да я-то здесь при чем? Разве ты не знаешь?

– Чего не знаю?

– Оборотни вернулись из-за вампиров.

Эдвард застыл и в изумлении уставился на меня.

– Джейкоб сказал, что все началось с появления здесь твоей семьи. Я думала, ты в курсе…

Эдвард прищурился.

– Это они так говорят?

– Да ты сам подумай! Семьдесят лет назад вы пришли сюда – и появились оборотни. Вы вернулись сейчас, и снова появились оборотни. По-твоему, совпадение?

Он мигнул и перестал сверлить меня взглядом.

– Карлайла заинтересует эта теория.

– Ну да, теория! – фыркнула я.

Эдвард помолчал, уставившись в окно. Наверное, размышлял о том, что присутствие его семьи превращает местных жителей в гигантских волков.

– Любопытно, однако мало что меняет, – пробормотал он наконец. – Ситуация остается прежней.

Что означает: никаких друзей среди оборотней.

Я знала, что с Эдвардом нужно быть терпеливой. Дело не в том, что его нельзя переубедить, а в том, что он не понимает. Представить себе не может, скольким я обязана Джейкобу Блэку – спасением моей жизни (многократным!), да и здравым рассудком тоже.

Я ни с кем не люблю говорить об этой черной полосе, особенно с Эдвардом. Ведь он пытался спасти меня своим отъездом, пытался спасти мою душу. Он не виноват во всех тех глупостях, которые я натворила в его отсутствие. Не виноват в тех страданиях, которые я испытала.

Вот только сам Эдвард считает иначе.

Поэтому мне придется очень осторожно выбирать слова.

Я встала и обошла вокруг стола. Эдвард раскрыл объятия, и я села ему на колени, прижимаясь к прохладному, словно вырезанному из камня телу.

– Пожалуйста, послушай меня, – начала я, не сводя глаз с его рук. – Это не просто дурацкий каприз – хочу повидать старого друга и все тут! Джейку сейчас очень больно. – Мой голос дрогнул. – Я никак не могу оставить его в беде, не могу отказаться от него сейчас, когда он во мне нуждается. Даже если он не всегда человек… Ведь он не оставил меня, когда я… когда я сама была не совсем человеком. Ты представить себе не можешь, каково мне пришлось…

Я заколебалась. Обнимавшие меня руки окаменели; пальцы сжались в кулаки, и под кожей проступили сухожилия.

– Если бы не Джейк… Не знаю, что бы со мной было к тому времени, как ты вернулся. Эдвард, я многим ему обязана.

Я настороженно посмотрела на Эдварда: глаза закрыты, зубы стиснуты.

– Никогда не прощу себе, что оставил тебя, – прошептал он. – Никогда.

Я положила ладонь на его холодное лицо и держала, пока он не вздохнул и не открыл глаза.

– Ты просто хотел как лучше. Так и получилось бы, не будь я такой ненормальной. Главное, сейчас ты здесь, остальное неважно.

– Если бы я не уехал, ты бы не чувствовала себя обязанной рисковать жизнью, чтобы утешить пса.

Меня передернуло. К Джейку я привыкла и не обращала особого внимания на его презрительные словечки: «кровосос», «пиявка», «паразит»… Бархатный голос Эдварда почему-то делал оскорбительное слово еще обиднее.

– Даже не знаю, как тебе это сказать, – уныло начал Эдвард. – Все равно выйдет жестоко. Я уже чуть не потерял тебя один раз. И не потерплю, чтобы тебе грозила хотя бы малейшая опасность.

– Доверься мне. Все будет хорошо.

Его лицо опять исказилось от боли.

– Пожалуйста, Белла, – прошептал он.

Я посмотрела во внезапно вспыхнувшие золотистые глаза.

– Что «пожалуйста»?

– Пожалуйста, ради меня. Пожалуйста, постарайся быть осторожна. Я сделаю все, что в моих силах, но мне понадобится помощь.

– Постараюсь, – пробормотала я.

– Ты хоть понимаешь, что ты на самом деле для меня значишь? Как сильно я люблю тебя? – Эдвард прижал меня к твердой груди, положив подбородок мне на макушку.

Я поцеловала ледяную шею.

– Я знаю, как сильно я люблю тебя, – ответила я.

– Ты сравниваешь одно маленькое деревце с целым лесом… – Эдвард поцеловал меня в макушку и вздохнул. – Никаких оборотней.

– Не пойдет. Я должна повидаться с Джейком.

– Тогда мне придется тебе помешать.

В его голосе прозвучала несокрушимая уверенность.

Я не сомневалась, что уверенность полностью обоснована.

– Это мы еще посмотрим, – не сдавалась я. – Он по-прежнему мой друг.

Записка Джейка внезапно стала оттягивать карман. Мне даже послышался голос Джейка: он будто соглашался с Эдвардом, чего в

реальности ждать не приходится.

«Это ничего не меняет. Извини».

Глава вторая
Уловка

После испанского я шла в столовую в необычно приподнятом настроении – и не только потому, что держала за руку лучшего человека на свете, хотя и это, конечно, тоже.

Может, дело было в том, что я «отсидела свой срок» и опять вышла на свободу.

А может, дело вовсе даже не во мне: просто во всей школе царила атмосфера свободы. Учебный год заканчивался, и в воздухе чувствовалось возбуждение – особенно в выпускном классе.

Все говорило о том, что до свободы рукой подать: плакаты, сплошь покрывшие стены столовой; разноцветные объявления, не вмещающиеся в мусорные баки; яркие рекламные брошюрки; зловещие объявления о выпускном бале, украшенные розовыми венками. Большой бал должен состояться в следующие выходные, но Эдвард железно пообещал, что мне это не грозит. В конце концов, эту часть человеческой жизни я уже попробовала.

Нет, все же именно ощущение личной свободы так кружит голову. Окончание учебного года радует меня вовсе не так сильно, как остальных. Вообще-то, стоит об этом подумать, и я начинаю нервничать до тошноты. Уж лучше не думать.

Но куда же денешься от разговоров о выпускном?

– А вы разослали извещения? – поинтересовалась Анжела, когда мы с Эдвардом сели за наш столик.

Анжела собрала каштановые волосы в неряшливый хвостик, глаза у нее нервно поблескивали.

Элис и Бен сидели по обе стороны от Анжелы. Бен зачарованно уставился в комикс – даже очки сползли на кончик тонкого носа. Элис осмотрела мой невзрачный наряд – джинсы и футболка – с таким видом, что мне стало неловко. Наверное, планирует очередное превращение Золушки в принцессу. Я вздохнула. Элис все никак не смирится с моим безразличием к моде. Дай ей волю, и она будет переодевать меня каждый день – а то и несколько раз в день, – как какую-нибудь куклу-переростка.

– Нет, – ответила я на вопрос Анжелы. – Кому посылать-то? Рене и так знает о выпускном, а больше и некому.

– А ты, Элис?

Элис улыбнулась.

– Уже все разослала.

– Везет, – вздохнула Анжела. – А у моей матушки полно родственников, и она хочет, чтобы я им всем от руки написала. У меня рука отвалится!.. Больше тянуть нельзя, и я заранее в ужасе.

– Давай помогу, – предложила я. – Правда, пишу я, как курица лапой.

Чарли будет в восторге. Краем глаза я заметила улыбку Эдварда. Ему тоже наверняка понравилась эта идея: можно выполнить условия Чарли, не связываясь с оборотнями.

У Анжелы гора с плеч свалилась.

– Ой, спасибо огромное! Я могу прийти к тебе, когда скажешь.

– Лучше уж я к тебе: надоело дома сидеть. Вчера Чарли меня на волю выпустил, – ухмыльнулась я, сообщая хорошие новости.

– Правда? – В добродушных карих глазах Анжелы загорелся восторг. – Ты вроде говорила, что у тебя пожизненное заключение.

– Ну!.. Я-то думала, что сидеть мне дома, по крайней мере, до самого выпускного.

– Белла, здорово! Надо это отпраздновать.

– Категорически «за»!

– Что бы нам такое вытворить? – Элис с воодушевлением прикидывала про себя разные возможности.

Для меня ее идеи обычно слишком сногсшибательны. По глазам видно, что и в этот раз затевается нечто грандиозное.

– Элис, что бы ты ни придумала, я боюсь, это выходит за границы дозволенного Чарли.

– Если ты свободна, то какие могут быть границы?

– Ну, хотя бы границы континентальной части США.

Анжела с Беном расхохотались, а Элис недовольно поморщилась.

– Так чем мы займемся вечером? – не отставала она.

– Ничем. Давай дадим Чарли пару дней, надо убедиться, что он не шутил. К тому же завтра все равно в школу.

– Тогда отпразднуем на выходных! – Энтузиазм Элис ничем не уймешь!

– Обязательно, – пообещала я, надеясь ее утихомирить.

Я знала, что не соглашусь ни на какие дурацкие выходки. С Чарли лучше быть поосторожнее: пусть оценит мое благоразумие, прежде чем я попрошу разрешить мне что-нибудь этакое.

Анжела и Элис начали обсуждать варианты. Бен отложил комикс и

присоединился к ним. Я перестала слушать, о чем они разговаривают. Надо же, а свобода меня не очень-то радует.

Мои друзья обсуждали планы поездки в Порт-Анжелес или, может быть, в Хоквиам, а меня грызло недовольство, причина которого лежала на поверхности: с тех пор как я попрощалась с Джейкобом Блэком в лесу возле моего дома, из головы не выходила одна картинка. Словно назойливый будильник, заведенный звонить каждые полчаса, она врывалась в мысли. Искаженное от боли лицо Джейка. Таким я видела его в последний раз.

Когда лицо Джейка вновь встало перед глазами, я поняла причину своего недовольства: моя свобода ограничена. Конечно, я могу поехать, куда вздумается – кроме Ла-Пуш; могу делать все, что угодно – только не видеться с Джейком.

Я хмуро уставилась в стол. Наверняка ведь есть какой-то компромисс!

– Элис? Элис!

Оклик вывел меня из задумчивости. Анжела махала рукой перед лицом Элис, которая смотрела прямо перед собой невидящим взглядом. Вид Элис невольно вызвал у меня приступ паники: я уже знала этот невидящий взгляд и понимала, что Элис сейчас видит не школьную столовую, а нечто совершенно иное, хотя и в каком-то смысле столь же реальное. То, что должно скоро произойти. Я побледнела.

И вдруг Эдвард рассмеялся – непритворным, беззаботным смехом. Анжела с Беном оглянулись на него, а Элис внезапно подскочила, словно кто-то пнул ее под столом.

– Что, уже сонный час? – поддразнил Эдвард.

Элис пришла в себя.

– Ой, кажется, я замечталась.

– Мечтать куда приятнее, чем целых два часа сидеть за партой, – заметил Бен.

Элис снова втянулась в дискуссию – с еще большим оживлением, чем прежде. С нарочитым оживлением. Она всего лишь на секунду посмотрела Эдварду в глаза и перевела взгляд на Анжелу прежде, чем кто-либо еще успел это заметить. Эдвард молчал, рассеянно теребя мой локон.

Мне не терпелось спросить у Эдварда, что именно видела Элис, но за весь день мы ни на минуту не могли остаться наедине. Очень странно! Будто Эдвард намеренно этого избегал. После обеда Эдвард замедлил шаг и пошел рядом с Беном, обсуждая задание, которое, как я точно знала, уже давно сделал. На переменах кто-нибудь еще постоянно оказывался поблизости, хотя обычно мы могли провести несколько минут с глазу на

глаз. После уроков Эдвард разговорился с Майком Ньютоном – нашел с кем разговаривать! – и пошел вместе с ним на стоянку. Я плелась следом и растерянно слушала, как Майк отвечал на неожиданно дружелюбные вопросы Эдварда. Кажется, у Майка проблемы с машиной.

– …да ведь я только что поменял аккумулятор! – сказал Майк, настороженно разглядывая Эдварда.

Похоже, не я одна теряюсь в догадках.

– Может, с проводами что-то? – предположил Эдвард.

– Может, и с проводами. Честно говоря, я в тачках дуб дубом, – признался Майк. – Показать бы ее кому, так у меня на автомастерскую денег нет.

Я открыла рот, собираясь предложить помощь своего механика, – и тут же закрыла рот. В последнее время мой механик занят – рыщет по лесу в шкуре гигантского волка.

– Я кое-что в этом понимаю, могу посмотреть, если хочешь, – предложил Эдвард. – Вот только отвезу Беллу и Элис домой.

Мы с Майком дружно уставились на Эдварда.

– Ну… это… спасибо, – пробормотал Майк, приходя в себя. – Мне вообще-то на работу пора. Как-нибудь в другой раз.

– Запросто.

– Счастливо! – Майк сел в машину, в недоумении качая головой.

В двух шагах от нас стоял «вольво» Эдварда, в котором уже сидела Элис.

– Чего это ты вдруг? – пробормотала я, когда Эдвард открыл передо мной дверцу.

– Почему бы не помочь человеку? – отозвался он.

Элис на заднем сиденье тут же застрекотала со скоростью пулемета:

– Эдвард, ну какой из тебя механик? Попросил бы Розали поглядеть на машину Майка сегодня вечером, чтобы не ударить в грязь лицом – если он и впрямь захочет принять твою помощь. Правда, при виде Розали у Майка челюсть отвалится… Ведь все думают, что она за тридевять земель в колледже учится, так что, пожалуй, не стоит ее просить. А жаль. Хотя с машиной Майка даже ты сможешь справиться. Тебе не под силу только всякие разные тонкости в итальянских спортивных моделях. И кстати, раз уж мы заговорили об Италии и той спортивной машине, которую я там угнала… с тебя причитается желтенький «порше». И вряд ли я соглашусь ждать до Рождества…

Я на минутку отключилась, переходя в режим «ожидания», и болтовня Элис стала лишь фоновым шумом.

Похоже, Эдвард уклоняется от моих вопросов. Ну и ладно. Все равно мы скоро останемся наедине.

Эдвард, видимо, тоже это понял. Он высадил Элис возле подъездной дорожки к дому Калленов, хотя я уже думала, что он доставит сестру прямо к дверям и проводит в дом.

Вылезая из машины, Элис бросила внимательный взгляд на брата. Эдвард сидел с безмятежным видом.

– Пока, – сказал он. И едва заметно кивнул.

Элис повернулась к нам спиной и исчезла за деревьями.

Эдвард молча развернул машину и поехал обратно в Форкс. Я ждала: захочет ли он сам заговорить? Не заговорил. Я напряглась. Да что же такое увидела Элис во время обеда? Что-то, о чем Эдвард предпочитает молчать. И с чего вдруг такие секреты? Может, стоит заранее подготовиться, прежде чем задавать вопрос? А то вдруг запаникую, и Эдвард подумает, что я не умею держать себя в руках…

Так мы и молчали всю дорогу до моего дома.

– На завтра почти ничего не задали, – заметил Эдвард.

– Угу, – согласилась я.

– Как ты думаешь, мне можно войти?

– Чарли не возражал, когда ты заехал за мной утром.

Хотя Чарли наверняка надуется, когда придет домой и увидит там Эдварда. Надо бы приготовить на ужин что-нибудь особенное.

Мы вошли в дом, и Эдвард последовал за мной вверх по лестнице на второй этаж. Развалился на моей кровати и уставился в окно, игнорируя мое взвинченное состояние.

Я бросила сумку на место и включила комп. В почтовом ящике лежало сообщение от мамы, а она пугается, когда слишком долго не получает ответа. В ожидании, пока мой древний компьютер проснется, я нервно барабанила пальцами по столу.

И вдруг Эдвард накрыл мою руку своей, прервав барабанную дробь.

– Мы, кажется, немного нетерпеливы сегодня? – промурлыкал он.

Я подняла глаза, собираясь выдать нечто насмешливое, но его лицо оказалось ближе, чем я ожидала. Золотистые глаза горели совсем рядом, на губах я почувствовала его прохладное дыхание, а на языке – его запах. И остроумное замечание тут же вылетело у меня из головы. И вообще все на свете из головы вылетело.

Эдвард не дал мне возможности прийти в себя.

Если бы все было так, как мне хочется, то большую часть времени я бы только и делала, что целовалась с Эдвардом. Никогда в жизни я не

испытывала ничего подобного прикосновению к его прохладным губам – твердым, как мрамор, и в то же время нежным и послушно следующим за моими.

Однако так, как мне хочется, бывает редко.

Поэтому я слегка удивилась, когда он взъерошил мне волосы, положив ладонь на затылок и прижимая мое лицо к своему. Я обхватила Эдварда за шею. Как бы мне хотелось быть такой сильной, чтобы никогда его не выпускать!.. Одна рука скользнула по моей спине, крепче прижимая меня к каменной груди. Даже сквозь свитер кожа Эдварда была такой холодной, что я задрожала – от счастья и удовольствия.

Я знала, что остается не больше трех секунд, прежде чем он вздохнет и ловко отстранится. И скажет, что на сегодня мы уже достаточно рисковали моей жизнью. Пытаясь не упустить последние мгновения, я изо всех сил вжалась в его тело. Провела кончиком языка по изгибу его нижней губы – безупречно гладкой, словно отполированной, а на вкус…

Эдвард оторвался от моих губ; похоже, он и не заметил, что я изо всех сил сжимала его в объятиях. В глазах горело возбуждение, которое он так твердо контролировал.

– Ах, Белла… – вздохнул он.

– Я бы извинилась, но не считаю себя виноватой.

– Это мне следует считать себя виноватым в том, что ты не чувствуешь себя виноватой… Пожалуй, я лучше присяду на кровать.

Голова у меня слегка кружилась.

– Ну, если хочешь…

Эдвард ухмыльнулся и выскользнул из моих объятий.

Я повернулась обратно к компьютеру. Он уже загрузился и теперь тихонько гудел. Или, скорее, кряхтел.

– Передавай привет Рене, – сказал Эдвард.

– Обязательно.

Я пробежала глазами сообщение от Рене, то и дело покачивая головой: надо же до такого додуматься! Хотя я перечитывала сообщение второй раз, новости меня все равно позабавили – а также повергли в ужас. Узнаю свою маму: только она способна напрочь забыть, что панически боится высоты, и вспомнить об этом, когда уже привязана к парашюту – и к инструктору по прыжкам с парашютом. Я слегка разозлилась на Фила: он второй год женат на моей маме и до сих пор позволяет ей вытворять всякие глупости. Я бы не допустила ничего подобного: слишком хорошо знаю собственную мать.

Вообще-то, нельзя опекать их постоянно. Пусть сами разбираются – не все их за ручку водить!

Большую часть своей жизни я заботилась о Рене, терпеливо отговаривая от наиболее безумных планов и добродушно смиряясь с тем, от чего отговорить не удалось. Маме я всегда потакала, с улыбкой воспринимая ее выходки, и относилась к ней даже слегка снисходительно. Я видела ее ошибки и про себя посмеивалась над ними: у Рене ветер в голове!

Совсем не то, что я – предусмотрительная и осторожная. Ответственная и взрослая – такой я себе представлялась. Так о себе думала.

В голове все еще шумело после поцелуя Эдварда, и я невольно вспомнила самую роковую ошибку мамы: глупая и романтическая девчонка, она выскочила замуж сразу после школы за человека, с которым была едва знакома. А через год родилась я. Мама всегда утверждала, что ни о чем не жалеет и я лучший подарок в ее жизни, но тем не менее постоянно твердила мне, что умные люди к браку относятся серьезно. Те, у кого есть голова на плечах, сначала поступают в колледж и делают карьеру, а потом начинают задумываться о семейной жизни. Мама знала, что я-то не такая легкомысленная и бестолковая провинциалка, какой была она…

Я стиснула зубы и попыталась сосредоточиться, чтобы написать ответ. И тут дочитала до последней строчки и вспомнила, почему не ответила раньше.

«Ты давно ни словом не упоминаешь Джейкоба, – писала мама. – Чем он сейчас занимается?»

Наверняка без Чарли не обошлось!

Я вздохнула и быстро напечатала ответ, вставив его между двумя ничего не значащими абзацами:

«По-моему, у Джейкоба все в порядке. Мы редко встречаемся: он теперь почти все время проводит с друзьями в Ла-Пуш».

Криво улыбаясь, я добавила привет от Эдварда и отправила письмо.

Только выключив компьютер и отодвинув стул от стола, я заметила, что Эдвард молча стоит у меня за спиной. Собралась было отругать его за подглядывание, но тут же поняла, что на меня он не обращает ни малейшего внимания. Эдвард пристально рассматривал плоскую черную коробку с криво торчащими во все стороны проводами: сразу видно, что с этой штукой что-то не то. Да это же автомагнитола, которую Эмметт, Розали и Джаспер подарили мне на прошлый день рождения! Я и забыла про подарки, спрятанные под нарастающим слоем пыли в шкафу.

– И что ты ухитрилась с ней сотворить? – с ужасом в голосе поинтересовался Эдвард.

– Она не вытаскивалась из приборной панели.

– Ага, и тогда ты применила к ней пытки?

– Ты ведь знаешь, какая я неуклюжая с инструментами. Я не нарочно.

Эдвард сделал притворно-трагическую мину и покачал головой.

– Ты ее убила!

Я пожала плечами.

– Ну что поделать!

– Ребята обидятся, если увидят, – сказал Эдвард. – Пожалуй, тебе повезло, что Чарли никуда тебя не пускает. Я поставлю на ее место новую, пока они не заметили.

– Спасибо, только такая шикарная штучка мне без надобности.

– А я не для тебя стараюсь.

Я вздохнула.

– В прошлом году подарки на день рождения тебе не очень-то пригодились, – проворчал Эдвард.

В его руках внезапно оказался листок плотной бумаги, которым он стал обмахиваться, как веером.

Я промолчала, испугавшись, что голос дрогнет. Мое восемнадцатилетие – и далеко идущие последствия его празднования – вспоминать не хотелось. С чего вдруг Эдвард об этом заговорил? Ведь он относился к этому еще более болезненно, чем я.

– Ты не забыла, что они вот-вот истекут? – спросил Эдвард, протягивая мне листок – еще один подарок на день рождения: билеты на самолет, которые Карлайл и Эсми подарили мне, чтобы я могла навестить Рене во Флориде.

Я глубоко вздохнула и ответила безжизненным голосом:

– Вообще-то я про них совсем забыла.

На лице Эдварда появилось нарочито жизнерадостное выражение.

– Ну, время еще есть, – продолжал он ровным тоном. – Чарли выпустил тебя на свободу, а выходные у нас ничем не заняты, раз уж ты отказываешься идти со мной на бал.

Эдвард ухмыльнулся.

– Почему бы не отпраздновать твое освобождение поездкой во Флориду?

У меня перехватило дыхание.

– Во Флориду?

– Ты ведь сама сказала: «в пределах границ континентальной части США».

Я подозрительно уставилась на него из-под нахмуренных бровей. С чего это он вдруг?

– Так как же? – не отставал Эдвард. – Ты хочешь повидаться с Рене или нет?

– Чарли ни за что на свете не разрешит!

– Он не может запретить тебе видеться с матерью: она все еще твой главный опекун.

– У меня нет опекунов: я совершеннолетняя.

Эдвард ослепительно улыбнулся.

– Вот именно!

Я ненадолго задумалась, но все же решила, что игра не стоит свеч. Чарли будет рвать и метать: не потому, что я еду к Рене, а потому, что еду с Эдвардом. И надолго перестанет со мной разговаривать, а то и опять под домашний арест посадит. Разумнее даже не упоминать об этом. Может, как-нибудь потом, через несколько недель, в качестве одолжения к выпускному…

Но как же хочется повидать маму не потом, а сейчас! Я не видела ее ужасно давно. А когда видела, то не в самый удачный момент. Во время последнего визита в Финикс я все время провалялась на больничной койке. Когда Рене в последний раз приезжала в Форкс, я была в невменяемом состоянии. Не хотелось бы покинуть маму с такими неприятными воспоминаниями.

И может быть, если она увидит, как мне хорошо с Эдвардом, то скажет Чарли, чтобы перестал на нас давить.

Пока я раздумывала, Эдвард внимательно вглядывался в мое лицо.

Я вздохнула.

– Не в эти выходные.

– Почему?

– Не хочу ссориться с Чарли. Ведь он только что меня простил.

Эдвард нахмурился.

– По-моему, в эти выходные было бы в самый раз…

Я покачала головой.

– Как-нибудь потом.

– Вообще-то, не только тебя не выпускали из дома. – Он хмуро посмотрел на меня.

Что-то здесь не так. Непохоже на Эдварда: он никогда не думает о собственных интересах – и этим совсем меня разбаловал.

– Тебя-то под арест не сажали, – заметила я.

– Без тебя все остальное не имеет значения.

Я закатила глаза: стоит ли так преувеличивать!

– Я не шучу.

– Давай не будем торопиться, хорошо? Почему бы нам для начала не съездить в кино в Порт-Анджелесе…

Эдвард застонал.

– Ну ладно. Давай вернемся к этому разговору позже.

– Разговор уже закончен, – не сдавалась я.

Он пожал плечами.

– Тогда сменим тему, – сказала я, наконец вспомнив происшествие во время обеда. Неужели Эдвард намеренно заговаривал мне зубы? – Что сегодня увидела Элис?

Я пристально смотрела в лицо Эдварду, изучая его реакцию.

Ни одна мышца на лице Эдварда не шевельнулась, только золотистые глаза чуть заметно потемнели.

– Она видела Джаспера в незнакомом месте: наверное, где-то на юго-западе, недалеко от его бывшей… семьи. Но Джаспер вовсе не собирается туда возвращаться. – Эдвард вздохнул. – Поэтому Элис встревожилась.

– Ясно. – Ну вот, а я-то уже нарисовала себе всякие ужастики. Конечно, Элис заглядывает в будущее Джаспера, ведь он ее вторая половинка, хотя свои чувства они проявляют не так горячо, как Розали и Эмметт. – А почему ты мне раньше не сказал?

– Не думал, что ты обратила на это внимание.

Стало быть, у меня чересчур живое воображение. Самый обычный день я превратила в кошмар, заподозрив, что Эдвард изо всех сил что-то от меня скрывает. Лечиться надо!

Мы спустились на первый этаж и занялись домашним заданием на случай раннего возвращения Чарли. Эдвард закончил все за несколько минут, а я прилежно корпела над математикой, пока не решила, что пора готовить ужин. Эдвард принялся помогать – время от времени корча рожи: у него человеческая пища вызывает легкое отвращение. Я приготовила бефстроганов по рецепту бабушки Свон, потому что хотела подлизаться. Бефстроганов я не очень-то люблю, зато Чарли понравится.

С работы отец вернулся в хорошем настроении, даже не особенно грубил Эдварду. Как обычно, Эдвард извинился и не стал ужинать с нами. В гостиной заработал телевизор, хотя я сомневаюсь, что Эдвард смотрел вечерние новости.

Не без труда запихав в себя третью порцию, Чарли задрал ноги на свободный стул и удовлетворенно сложил руки на раздувшемся животике.

– Спасибо, Белла, такая вкуснятина!

– Я рада, что тебе понравилось. Как работа? – Чарли ел так сосредоточенно, что я не стала отвлекать его разговорами.

– Потихоньку. Можно сказать, полная тишина. Мы с Марком большую часть дня в карты резались, – с ухмылкой признался он. – Я выиграл девятнадцать партий из двадцати шести. А потом поболтал по телефону с Билли.

Я постаралась не измениться в лице.

– И как у него дела?

– Ничего, нормально. Суставы только побаливают.

– Бедняга.

– Да уж. Билли пригласил нас на выходные в гости. Хочет позвать еще Клируотеров и Улейсов. Вроде как матч устроить.

– Ага, – только и сумела сказать я.

Да и что тут еще скажешь? Я знала, что на сборище оборотней меня не пустят – даже под родительским присмотром. Интересно, будет ли возражать Эдвард против поездки Чарли в Ла-Пуш? Или решит, что раз Чарли большую часть времени проводит с Билли, который просто человек, то опасности нет?

Я встала из-за стола и собрала посуду, не глядя на отца. Бросила все в раковину и пустила воду. Появился Эдвард и молча взял полотенце для посуды.

Чарли вздохнул и на время прекратил этот разговор, хотя скорее всего вернется к нему, когда мы останемся наедине. Тяжело поднявшись на ноги, отец, как обычно, пошел смотреть телевизор.

– Чарли, – окликнул его Эдвард.

Отец остановился посреди нашей маленькой кухни.

– Что?

– А Белла не говорила, что мои родители подарили ей на прошлый день рождения авиабилеты, чтобы она могла съездить повидать Рене?

Я уронила тарелку, которую мыла. Та отскочила от кухонного стола и грохнулась на пол. Уцелела, но забрызгала комнату и всех нас мыльной водой. Чарли, похоже, даже не заметил.

– Белла? – ошеломленно произнес он.

Я нагнулась за тарелкой и ответила, не поднимая глаз:

– Ну да, подарили.

Чарли шумно сглотнул, потом прищурился и перевел взгляд на Эдварда.

– Нет, не говорила.

– Хм, – пробормотал Эдвард.

– А почему ты спрашиваешь?

Эдвард пожал плечами.

– Срок действия скоро истечет. Если Белла не воспользуется подарком, то боюсь, Эсми может обидеться. Конечно, сказать она ничего не скажет…

Я в недоумении уставилась на Эдварда.

Чарли задумался.

– Белла, пожалуй, тебе стоит съездить к маме. Она обрадуется. И странно, что ты мне и словом не обмолвилась.

– Забыла.

Он нахмурился.

– Забыла, что тебе подарили билеты?

– Ну… – неопределенно пробормотала я и повернулась к раковине.

– Эдвард, ты сказал «билеты», – не отставал Чарли. – Сколько билетов подарили Белле твои родители?

– Один для нее… и один для меня.

В этот раз тарелка, выскользнув из моих рук, упала в раковину почти бесшумно. Я отчетливо слышала, как отец резко выдохнул. От раздражения и стыда кровь бросилась мне в лицо. И зачем только Эдвард затеял этот разговор? Я хмуро смотрела на мыльные пузырьки в раковине и тряслась от страха.

– Об этом и речи быть не может! – внезапно завопил рассвирепевший Чарли.

– Почему? – с невинным удивлением в голосе поинтересовался Эдвард. – Ведь вы только что сказали, что Белле стоило бы съездить к маме.

Чарли пропустил его слова мимо ушей.

– Никуда ты с ним не поедешь! – закричал он.

Я резко обернулась и увидела выставленный в гневе палец.

В ответ на такой тон во мне непроизвольно вспыхнула ярость.

– Папа, я не ребенок. И, надеюсь, ты помнишь, что разрешил мне выходить из дома!

– А с этого момента запрещаю!

– За что?!

– Потому что я так сказал!

– Чарли, ты не забыл, что по закону я считаюсь совершеннолетней?

– Это мой дом – и ты будешь следовать моим законам!

Я посмотрела на него ледяным взглядом.

– Ну если так… Мне прямо сейчас выкатываться, или ты дашь пару дней, чтобы собрать чемодан?

Чарли побагровел. И как я только могла пригрозить ему отъездом?

Я глубоко вдохнула и постаралась говорить более спокойным тоном:

– Папа, когда я что-то натворю, то на наказание не жалуюсь, однако с твоими предрассудками мириться не намерена.

Он заикался и брызгал слюной, но так и не сказал ничего вразумительного.

– Ты прекрасно знаешь, что у меня есть полное право съездить к маме на выходные. Признайся честно, если бы я поехала с Элис и Анжелой, ты бы и не подумал возражать, верно?

– Так это ж девчонки! – проворчал он и кивнул.

– А против Джейка ты стал бы возражать?

Я выбрала Джейка лишь потому, что знала, как относится к нему Чарли – и тут же пожалела, что произнесла это имя. Эдвард сжал челюсти так, что зубы клацнули.

Чарли попытался взять себя в руки.

– Стал бы, – неубедительно произнес он. – Мне бы это не понравилось.

– Па, врать ты совсем не умеешь.

– Белла…

– Я ведь не в Лас-Вегас уезжаю, чтобы стать там стриптизеркой. Я еду к маме! У нее тоже есть родительские права.

Он обжег меня взглядом.

– Или ты имеешь в виду, что мама не в состоянии обо мне позаботиться?

Чарли вздрогнул от моей скрытой угрозы.

– Представь себе, что будет, если я ей так и скажу!

– Не вздумай ничего говорить, – предупредил он. – Белла, мне это категорически не нравится.

– Тебе вовсе не из-за чего волноваться.

Он закатил глаза, но я уже видела, что буря утихла.

Я отвернулась и вытащила пробку из раковины.

– Домашнее задание я сделала, ты поужинал, посуда вымыта, и я свободный человек. И иду гулять. Вернусь к половине одиннадцатого.

– Куда ты идешь? – Лицо Чарли, почти принявшее нормальный оттенок, снова слегка раскраснелось.

– Еще не знаю, – призналась я. – Но не дальше, чем на десять миль от дома. Договорились?

Чарли проворчал что-то, мало похожее на одобрение, и вышел из комнаты. И конечно же, выиграв схватку, я немедленно почувствовала себя виноватой.

– Мы идем гулять? – негромко спросил Эдвард с восторгом в голосе.

Я бросила на него хмурый взгляд.

– Да. Мне бы хотелось поговорить с тобой – наедине.

Похоже, Эдвард вовсе не настолько испугался, как ему бы следовало.

Я дождалась, пока мы сели в машину.

– И как это понимать?

– Белла, я знал, что ты хочешь увидеть маму: ты говорила о ней во сне. Даже переживала за нее.

– Я?

Он кивнул.

– Но ты слишком большая трусиха, чтобы заговорить об этом с Чарли, вот я и посодействовал.

– Посодействовал? Да ты меня бросил на корм акулам!

Он закатил глаза.

– По-моему, никакая опасность тебе не грозила.

– Я же сказала, что не хочу ссориться с Чарли.

– А кто тебя заставлял?

Я бросила на него свирепый взгляд.

– Когда он начинает распоряжаться, я ничего не могу с собой поделать: мне ударяют в голову подростковые инстинкты.

Эдвард хихикнул.

– А я-то здесь при чем?

Я в раздумье уставилась на него. Эдвард безмятежно смотрел вперед сквозь ветровое стекло. Что-то здесь не так, но я не понимаю, что именно. А может, просто мое слишком живое воображение снова разыгралось, как сегодня днем?

– Это внезапное желание посетить Флориду никак не связано с вечеринкой у Билли?

Лицо Эдварда окаменело.

– Никак. Неважно, здесь ты или в другом полушарии, ты бы все равно туда не пошла.

Ну вот, опять то же самое, что было пять минут назад с Чарли: со мной обращаются, как с непослушным ребенком. Я стиснула зубы, чтобы не заорать. Не хватало еще и с Эдвардом поругаться.

Эдвард вздохнул.

– Так чем мы займемся сейчас? – Его голос снова стал теплым и бархатистым.

– Давай поедем к тебе? Я Эсми уже сто лет не видела.

Он улыбнулся.

– Эсми будет рада. Особенно когда услышит о наших планах на

выходные.

Я со стоном признала свое поражение.

Как я и обещала, мы не стали задерживаться допоздна. Когда мы подъехали к дому, свет еще горел. Ну разумеется, Чарли ждет меня, чтобы поорать еще немного.

– В дом не заходи, – сказала я Эдварду. – Только хуже будет.

– Судя по его мыслям, Чарли довольно спокоен, – поддразнил Эдвард с таким выражением на лице, что я подумала, не пропустила ли какую-то шутку.

Уголки его рта слегка подергивались от сдерживаемой улыбки.

– Пока, – угрюмо пробормотала я.

Он засмеялся и чмокнул меня в макушку.

– Я вернусь, когда Чарли захрапит.

Дома во всю орал телевизор, и я на мгновение заколебалась: не попробовать ли проскочить незамеченной?

– Белла, зайди-ка на минутку! – позвал Чарли, пуская под откос мои планы.

Волоча ноги, я сделала пять шагов до гостиной.

– Что, па?

– Ну как, хорошо провели вечер? – спросил он с явной неловкостью.

Я попыталась найти в вопросе скрытый смысл.

– Да, – нерешительно ответила я наконец.

– Чем занимались?

Я пожала плечами.

– Посидели с Элис и Джаспером. Эдвард побил Элис в шахматы, а потом играли мы с Джаспером. Он меня разбил в пух и прах.

Я улыбнулась. Нет ничего забавнее, чем наблюдать, как Эдвард и Элис играют в шахматы: сидят почти неподвижно, не сводя глаз с доски, пока Элис предвидит ходы Эдварда, а тот в свою очередь читает ее мысли. Большую часть партии они играют в голове. По-моему, каждый из них сделал всего пару ходов пешками, когда Элис вдруг сбросила своего короля с доски и сдалась. Партия закончилась за три минуты.

Чарли внезапно онемел – очень странно!

– Белла, мне надо с тобой поговорить. – Он смущенно нахмурился.

Я молча сидела и ждала продолжения. Чарли встретил мой взгляд и тут же уткнулся глазами в пол, не говоря ни слова.

– Па, так в чем дело?

Он вздохнул.

– У меня это не очень-то хорошо получается. Даже не знаю, с чего начать…

Я ждала.

– В общем, тут такое дело. – Чарли встал с дивана и принялся мерить шагами гостиную, упорно глядя себе под ноги. – Похоже, у вас с Эдвардом серьезные отношения, и ты должна знать, что в некоторых вещах следует соблюдать осторожность. Я знаю, ты уже взрослая, но, Белла, ты все еще совсем молодая, а есть много важных вещей, которые нужно знать, когда ты… когда у тебя близкие отношения…

– Папа, да ради бога! – взмолилась я и вскочила. – Надеюсь, ты не собираешься рассказывать мне о сексе!

Он мрачно смотрел в пол.

– Я твой отец. И несу за тебя ответственность. Не забывай, что мне так же неловко, как и тебе.

– Да неужели! И в любом случае, ты сильно опоздал. Мама десять лет назад все рассказала, так что можешь успокоиться.

– Десять лет назад ты еще не дружила с мальчиками, – неохотно пробормотал он.

Я видела, что ему очень хочется прекратить этот разговор. Мы оба стояли посреди комнаты, глядя в пол и отвернувшись друг от друга.

– Вряд ли за это время что-то существенно изменилось, – буркнула я.

Мои щеки наверняка горели так же ярко, как у Чарли. Это уже за пределами седьмого круга ада. И еще хуже знать, что Эдвард предвидел этот разговор. Неудивительно, что он сидел такой довольный!

– Просто скажи мне, что вы ведете себя благоразумно, – взмолился Чарли, явно желая провалиться сквозь землю.

– Па, не переживай, все совсем не так, как ты думаешь.

– Белла, не сочти, что я тебе не доверяю, но ведь ты не захочешь ничего рассказывать, да мне и даром не надо никаких подробностей. Я понимаю, что времена изменились, и постараюсь обойтись без предрассудков.

Я смущенно усмехнулась.

– Времена, может, и изменились, а вот Эдвард остался старомодным. Тебе не о чем волноваться.

Чарли вздохнул.

– Знаем мы таких старомодных, – пробормотал он.

– Черт возьми! – застонала я. – Папа, мне очень не нравится, что ты вынуждаешь меня сказать это вслух. Очень-очень не нравится. Но… я… я все еще девственница и пока собираюсь ею оставаться.

Нас обоих передернуло, однако Чарли перестал хмуриться. Кажется, он мне поверил.

– Ну а теперь мне можно наконец пойти спать?

– Еще минутку…

– Па, ну пожалуйста! Я тебя умоляю!

– Даю слово, что смущаться больше нечего, – успокоил он.

Я бросила на него взгляд: слава богу, Чарли расслабился и перестал краснеть. Со вздохом облегчения он опустился на диван: разговор о сексе окончен.

– Что еще?

– Просто хотел поинтересоваться, как у тебя с тем самым равновесием.

– А, ну ладно… Сегодня я договорилась с Анжелой, что помогу ей писать извещения об окончании школы. Только мы вдвоем.

– Прекрасно. А как насчет Джейка?

Я вздохнула.

– Па, этот вопрос я пока не решила.

– Постарайся решить, Белла. Уверен, что ты все сделаешь правильно. Ты славная девочка.

Прелестно. Значит, если мне не удастся найти способ помириться с Джейком, то я перестану быть славной девочкой? Удар ниже пояса!

– Да-да, конечно, – согласилась я.

Слова вырвались автоматически, и я улыбнулась: у Джейкоба подхватила. И даже сказала эту фразу тем же самым снисходительным тоном, каким Джейк разговаривал со своим отцом.

Чарли ухмыльнулся, снова прибавил громкость и развалился на диване, довольный проделанной работой. Судя по всему, собирается смотреть спортивный канал допоздна.

– Спокойной ночи, Белла.

– Спокойной ночи! – Я бегом рванулась к лестнице.

Эдвард давно ушел и не вернется, пока Чарли не заснет. Наверное, проводит время на охоте или еще где-нибудь, так что ложиться спать я не спешила. Сидеть в одиночестве не хотелось, однако я ни за что не пойду вниз к Чарли – вдруг он вспомнит еще какой-нибудь вопрос полового воспитания, который не успел обсудить. Меня передернуло.

Ну вот, спасибо Чарли: сижу тут, взвинченная, и места себе не нахожу. Домашнее задание сделано, а читать или слушать музыку я не в состоянии. Позвонить что ли Рене – обрадовать сообщением о приезде? Нет, время во Флориде на три часа вперед, мама уже спит.

Пожалуй, можно позвонить Анжеле…

И тут я поняла, что хочу поговорить вовсе не с Анжелой. Мне надо поговорить кое с кем другим.

Кусая губы, я уставилась в темноту за окном. Не знаю, сколько я так стояла, взвешивая все «за» и «против»: с одной стороны, я помогу Джейкобу, снова увижусь с лучшим другом и буду славной девочкой, а с другой – безумно разозлю Эдварда. Минут десять я раздумывала – вполне достаточно, чтобы решить, что «за» перевешивают «против». Эдвард переживает за мою безопасность, а я уверена, что с этим проблем не будет.

Звонить бесполезно: Джейк отказывается разговаривать со мной по телефону с тех пор, как вернулся Эдвард. Кроме того, я хочу его увидеть – убедиться, что он улыбается. Мне не будет покоя, пока я не избавлюсь от ужасного воспоминания: искаженное от боли лицо Джейкоба стояло перед глазами.

Часик у меня еще есть. Можно быстренько смотаться в Ла-Пуш и обратно, прежде чем Эдвард сообразит, что я уехала. Вообще-то, в такое время мне запрещено выходить из дома, но станет ли Чарли возражать, если это не связано с Эдвардом? Сейчас узнаем.

Я схватила куртку и помчалась вниз по лестнице, на бегу всовывая руки в рукава.

Чарли моментально отвел глаза от телевизора.

– Ничего, если я съезжу повидаюсь с Джейком? – запыхавшись, выдавила я. – Ненадолго.

Услышав имя Джейка, Чарли тут же расплылся в довольной улыбке, даже не удивившись, что его воспитательная лекция возымела эффект так быстро.

– Конечно, Белла. Ничего страшного, оставайся там, сколько захочешь.

– Спасибо, па! – крикнула я, вылетая за дверь.

Как настоящий беглец, опасающийся погони, я невольно оглянулась несколько раз, пока бежала к пикапу. Толку от этого не было: темнота такая, что хоть глаз выколи. Ручку на дверце пикапа пришлось находить на ощупь.

Глаза едва начали привыкать к темноте, когда я сунула ключ в замок зажигания. Резко повернула ключ влево – вместо оглушительного рева мотора раздался жалкий щелчок. Я снова повернула ключ – то же самое.

И тут краем глаза я уловила какое-то движение: в кабине кто-то был!

– Ай! – в ужасе вскрикнула я.

Эдвард сидел совершенно неподвижно: его силуэт лишь слегка выделялся менее темным пятном на фоне черноты. Только руки двигались: он поворачивал туда-сюда какую-то загадочную черную штучку, не сводя с

нее глаз.

– Элис звонила, – пробормотал он, по прежнему не поднимая взгляд.

Элис! Вот черт! Я и забыла про ее способность видеть мои планы. Эдвард наверняка попросил ее следить за мной.

– Она заволновалась, когда пять минут назад твое будущее внезапно исчезло.

Мои широко распахнутые от удивления глаза совсем на лоб вылезли.

– Если помнишь, она не может видеть оборотней, – все так же тихо объяснил Эдвард. – Когда ты решаешь связать свою судьбу с ними, твое будущее тоже исчезает. Ты об этом, конечно, не знала, но хотя бы понимаешь, почему это заставляет меня… немного нервничать? Элис перестала тебя видеть. Она даже не могла сказать, вернешься ты домой или нет. Твое будущее, как и будущее оборотней, пропало. Мы не знаем, почему так получается. – Он словно разговаривал сам с собой, продолжая крутить в руках деталь от двигателя моего пикапа. – Может, врожденная защита? Вряд ли, потому что я легко читаю их мысли. По крайней мере, мысли Блэков. Карлайл полагает, что жизнь оборотней полностью подчинена их превращению. Они превращаются скорее инстинктивно, чем осознанно. Совершенно непредсказуемая реакция, которая целиком их изменяет. В то мгновение, когда оборотень переходит из одной формы в другую, нельзя даже сказать, что он существует. В будущем для них нет места…

Я молча слушала рассуждения Эдварда.

– К утру я починю пикап, – помолчав, успокоил меня Эдвард. – На случай, если ты захочешь поехать на нем в школу.

Поджав губы, я вытащила ключ и неловко выбралась из машины.

– Закрой окно, если не хочешь пускать меня сегодня. Я не обижусь, – прошептал Эдвард, прежде чем я хлопнула дверцей.

Я протопала в дом и хлопнула еще и входной дверью.

– Что стряслось? – спросил Чарли, не вставая с дивана.

– Пикап не заводится, – прорычала я.

– Глянуть, в чем дело?

– Да нет, не надо. Утром попробую еще раз.

– Можешь взять мою машину.

Мне не полагалось садиться за руль его полицейской машины. Похоже, Чарли во что бы то ни стало хочет отправить меня в Ла-Пуш. А я еще отчаяннее хочу там оказаться.

– Нет, я устала. Спокойной ночи.

Я с топотом поднялась по лестнице и подошла прямиком окну. Резко дернула металлическую раму: окно захлопнулось с такой силой, что стекло

задрожало.

Я долго смотрела на черное вибрирующее стекло, пока оно не перестало дрожать. Потом вздохнула и открыла окно настежь.

Глава третья
Подоплека

Солнце так глубоко спряталось в облаках, что совершенно невозможно понять, зашло оно за горизонт или нет. Мы долго летели вслед за солнцем, которое будто застыло на месте, и я совсем сбилась с толку: время стало каким-то растяжимым. Меня застало врасплох появление в лесу первых зданий: мы почти дома.

– Ты всю дорогу сидела очень тихо, – заметил Эдвард. – Не укачивает?

– Нет, все в порядке.

– Тебя огорчило расставание?

– Пожалуй, не столько огорчило, сколько камень с души сбросило.

Эдвард вопросительно взглянул на меня. Бесполезно просить его внимательнее смотреть на дорогу – да, честно говоря, и необходимости нет, как ни грустно в этом признаться.

– В некоторых отношениях Рене гораздо… чувствительнее Чарли. Я уже начинала нервничать.

Эдвард рассмеялся.

– У твоей мамы интересное сознание. Вроде детского, но очень проницательное. Она видит многие вещи не так, как другие.

Проницательная – это в самую точку. В тех случаях, когда мама обращает на что-то внимание. Большей частью она настолько погружена в собственные проблемы, что вокруг себя почти ничего не замечает. Однако в эти выходные Рене не спускала с меня глаз.

Фил был занят: повез на соревнования школьную команду по баскетболу. В поле зрения Рене оставались только мы с Эдвардом. Когда закончились объятия и восхищенные вопли, мама стала за нами наблюдать. И по мере наблюдения в ее больших голубых глазах вспыхнуло сначала недоумение, а потом озабоченность.

Утром мы пошли гулять по пляжу. Рене горела желанием выставить напоказ все прелести своего нового дома – наверное, все еще надеялась переманить меня из Форкса во Флориду. А еще хотела поговорить со мной наедине, что не составило труда: Эдвард выдумал срочный реферат, чтобы не выходить днем на улицу.

Я снова вспомнила разговор с мамой…

Мы неторопливо шли по дорожке, стараясь держаться в тени редких

пальм. Хотя утро было раннее, солнце жарило вовсю. При такой влажности воздуха вдох и выдох казались серьезной физической нагрузкой.

– Белла, – промолвила Рене, разглядывая набегающие на песок волны.

– Что, мам?

Она вздохнула, не поднимая на меня глаз.

– Я волнуюсь…

– Что-то стряслось? – тут же встревожилась я. – Тебе нужна моя помощь?

– Со мной все в порядке. – Она покачала головой. – Я волнуюсь за тебя… и Эдварда.

Назвав имя Эдварда, Рене наконец посмотрела мне в глаза с виноватым выражением на лице.

– Вот как, – пробормотала я, уставившись на пару пробегающих мимо и насквозь пропитанных потом сторонников здорового образа жизни.

– Похоже, у вас гораздо более серьезные отношения, чем я думала, – продолжала Рене.

Я нахмурилась, припоминая последние два дня. Мы с Эдвардом едва прикасались друг к другу – по крайней мере, на глазах у Рене. Неужели и мама решила прочитать мне лекцию об ответственном поведении? Это не смутило бы меня так, как разговор с Чарли. С мамой смущаться нечего: ведь это я последние десять лет все время твердила ей об ответственности.

– Вы как-то странно себя ведете, – произнесла мама с озабоченным видом. – Он так следит за тобой… будто готов броситься тебя защищать. Готов подставить себя под пули, чтобы спасти тебя, или что-то в этом роде.

Я засмеялась, хотя так и не сумела посмотреть Рене в глаза.

– Разве это плохо?

– Нет. – Она нахмурилась, подбирая слова. – Не плохо, просто… необычно. Он с тебя глаз не сводит… и ведет себя очень осторожно. Я не могу понять ваши отношения. Точно в них есть какой-то секрет, о котором я не знаю.

– Мам, ну что ты себе напридумывала? – торопливо ответила я нарочито беззаботно.

Сердце у меня екнуло. Я и забыла, как наблюдательна моя мама. Ее незатейливый взгляд на вещи проникал в самую глубину, и она видела все насквозь. Раньше мне это не мешало: до сих пор у меня не было секретов, которыми я не могла бы с ней поделиться.

– Дело не только в нем, – оправдывалась Рене, поджав губы. – Видела бы ты, как ты сама ведешь себя в его присутствии.

– А что такое?

– То, как ты двигаешься – поворачиваешься вокруг него, даже не думая об этом. Стоит ему шевельнуться, как ты уже подстраиваешься. Точно магнит… или будто под действием тяготения. Ты словно луна или искусственный спутник. В жизни не видела ничего подобного.

Рене уставилась себе под ноги.

– Так, а не начиталась ли ты детективов? – поддразнила я с натянутой улыбкой. – Или сейчас ты читаешь фантастику?

Рене порозовела.

– Да при чем здесь это!

– Попалась какая-нибудь хорошая книжка?

– Ну, была одна, какая разница? Мы о тебе разговариваем.

– Мам, тебе не стоит читать ничего, кроме женских романов. Ты ведь такая впечатлительная.

Уголки ее губ слегка приподнялись.

– Я болтаю глупости, да?

На долю секунды я онемела: Рене так легко переубедить! Иногда это к лучшему, потому что не все ее идеи воплощаются в жизнь. Но теперь мне стало больно от того, как быстро она поддалась – ведь в этот раз мама попала прямо в яблочко!

Она подняла взгляд, и я взяла себя в руки.

– Почему же глупости? Просто ты мама.

Рене засмеялась и махнула рукой, показывая на белый песок, протянувшийся до голубой воды.

– Разве всего этого недостаточно, чтобы убедить тебя переехать обратно к своей глупой маме?

Я театральным жестом вытерла лоб и сделала вид, что отжимаю волосы.

– К влажности привыкаешь быстро, – пообещала мама.

– К дождю тоже можно привыкнуть, – возразила я.

Она игриво толкнула меня локтем в бок, взяла за руку, и мы пошли обратно к машине.

Если не считать беспокойства за меня, мама казалась вполне счастливой. Удовлетворенной. Она все еще смотрела на Фила огромными влюбленными глазами, и это утешает. Рене наверняка довольна жизнью и вряд ли сильно по мне скучает, даже сейчас…

Моей щеки коснулись ледяные пальцы Эдварда. Я моргнула, приходя в себя, и подняла глаза. Он склонился и поцеловал меня в лоб.

– Спящая красавица, мы уже приехали. Пора просыпаться.

На крыльце горел свет, а на подъездной дорожке стояла патрульная машина Чарли. Разглядывая дом, я заметила, как в гостиной пошевелилась штора и на темную лужайку упал яркий луч света.

Я вздохнула: Чарли, разумеется, сидит в засаде.

Эдвард, должно быть, отметил то же самое: он выглядел напряженным и думал о чем-то другом, когда открыл мне дверцу.

– Он очень злится? – спросила я.

– С Чарли проблем не будет, – пообещал Эдвард ровным голосом без намека на шутку. – Он по тебе соскучился.

Сомнительно. Если так, то почему у Эдварда такой вид, словно он готов броситься в драку?

Сумка у меня была маленькая, но Эдвард настоял на том, чтобы занести ее в дом. Чарли придержал для нас дверь.

– Добро пожаловать домой, малышка! – воскликнул отец вполне искренне. – Как там в Джексонвилле?

– Влажно. И мошкары полно.

– Значит, Рене не удалось убедить тебя поступать в университет Флориды?

– Она попыталась. Но воду я предпочитаю пить, а не вдыхать.

Чарли неохотно перевел взгляд на Эдварда.

– А ты как провел время?

– Хорошо, – безмятежно отозвался Эдвард. – Рене очень гостеприимна.

– Ну ладно. Рад за тебя. – Чарли отвернулся от Эдварда и неожиданно заключил меня в объятия.

– С ума сойти! – прошептала я ему на ухо.

– Белла, я очень по тебе соскучился. Без тебя в доме с голоду умереть можно.

– Сейчас я это исправлю! – пообещала я, как только он выпустил меня из объятий.

– Может, сначала Джейку позвонишь? Он каждые пять минут названивает с шести утра. Я пообещал, что ты свяжешься с ним, как только приедешь – еще до того, как распакуешь чемодан.

Мне не понадобилось смотреть на Эдварда: я и так почувствовала его полную неподвижность и ледяное молчание. Так вот почему он напрягся!

– Джейк хочет поговорить со мной?

– Я бы сказал, рвется изо всех сил. Он так и не объяснил мне, в чем дело. Твердит, что, мол, очень важно.

И тут пронзительно и требовательно зазвонил телефон.

– Готов поставить всю следующую получку, что это Джейк, –

пробормотал Чарли.

– Я возьму, – ответила я, бросаясь на кухню.

Эдвард последовал за мной, а Чарли удалился в гостиную.

Я схватила трубку и повернулась лицом к стене.

– Алло?

– Ты вернулась, – произнес Джейк.

От знакомого хрипловатого голоса по спине побежали мурашки. В голове вспыхнули тысячи воспоминаний, переплетаясь друг с другом: каменистый пляж и стволы прибитых к берегу деревьев; гараж; банки теплой «колы» в бумажном пакете; крохотная комнатка с потертым диванчиком. Искорки смеха в глубоко посаженных черных глазах Джейка, лихорадочный жар его ладони на моей руке, блестящие белые зубы на темном лице и широкая улыбка – она всегда была словно ключ к тайной дверце, куда могут войти только родственные души.

Мной завладело чувство, похожее на тоску по дому – желание увидеть место и человека, которые приютили меня в самый черный период моей жизни.

Я сглотнула комок в горле.

– Вернулась.

– А почему мне не позвонила?

Его сердитый тон моментально заставил меня ощетиниться.

– Потому что я вошла в дом ровно четыре секунды назад, и твой звонок как раз прервал сообщение Чарли о том, что ты хочешь со мной поговорить.

– А, извини.

– Да ладно. Чего это ты вдруг Чарли покоя не даешь?

– Мне нужно с тобой поговорить.

– Об этом я уже догадалась. Давай, выкладывай.

Джейк помолчал.

– Ты завтра в школу идешь?

Я нахмурилась: что за дурацкий вопрос?

– Конечно, иду. Почему бы нет?

– Да так, просто интересно.

Снова молчание.

– Джейк, так о чем ты собирался поговорить?

Он заколебался.

– В общем-то, ни о чем таком. Я… Мне захотелось услышать твой голос.

– Понятно. Джейк, я очень-очень рада, что ты позвонил…

Я запнулась, не зная, что добавить. Вот бы взять да заявить, что я прямо сейчас приеду в Ла-Пуш, но этого я сказать никак не могла.

– Мне пора, – внезапно выпалил Джейк.

– Что?

– Попозже позвоню, ладно?

– Но Джейк…

Он уже повесил трубку. Я недоуменно слушала короткие гудки.

– Разговор, однако, получился короткий, – пробормотала я.

– Все в порядке? – тихо спросил Эдвард.

Я медленно повернулась.

– Не знаю. Интересно, зачем он звонил?

Неужели Джейк весь день не давал Чарли покоя лишь для того, чтобы спросить меня, иду ли я завтра в школу? А если он просто хотел услышать мой голос, то почему так быстро повесил трубку?

– Тебе виднее, – отозвался Эдвард, едва заметно улыбаясь.

Я хмыкнула. Что верно, то верно. Джейка я знала как облупленного. Не составит труда вычислить его мотивы.

Мои мысли бродили далеко отсюда – миль за пятнадцать, в Ла-Пуш, – пока я копалась в холодильнике и готовила ужин для Чарли. Эдвард привалился к кухонному столу, и я смутно сознавала, что он не сводит глаз с моего лица, однако была слишком занята, чтобы беспокоиться о том, что он увидит.

Вопрос о школе показался мне ключевым: это все, о чем спросил Джейк. А он наверняка отчаянно хотел получить ответ на какой-то вопрос, иначе не стал бы так упорно названивать Чарли.

Но какое Джейку дело до моей посещаемости?

Будем рассуждать логически. Допустим, не пошла бы я завтра в школу – что это меняет с точки зрения Джейка? Перед отъездом Чарли отругал меня за пропуск уроков в конце учебного года; я с трудом убедила его, что одна пропущенная пятница аттестата не испортит. Джейку такие вещи и вовсе до лампочки.

В голову ничего не шло. Может, не хватает каких-то важных данных?

Что могло измениться за последние три дня? Причем это нечто настолько важно, что Джейк, который упорно игнорировал мои звонки, сам решил мне позвонить! Что же произошло?

Я застыла на месте прямо посреди кухни, и упаковка замороженных гамбургеров выскользнула из моих онемевших пальцев. Однако удара об пол не последовало: Эдвард поймал пакет и бросил на стол. Потом мгновенно обхватил меня руками и прошептал на ухо:

– В чем дело?

Я растерянно покачала головой.

Три дня могли изменить все на свете.

Ведь я сама недавно думала, что не смогу учиться в колледже. Не смогу находиться рядом с людьми после болезненного трехдневного превращения, которое подарит мне бессмертие и возможность вечно быть с Эдвардом. После превращения, которое навсегда сделает меня заложницей собственной жажды…

А если Чарли сказал Билли, что я исчезла на три дня? Не поторопился ли Билли с выводами? А вдруг на самом деле Джейк хотел узнать, осталась ли я человеком? Хотел убедиться, что перемирие не нарушено и ни один из Калленов не посмел укусить человека? Укусить, а не убить…

Но неужели Джейк допускал, что в таком случае я вернусь домой к Чарли?

Эдвард потряс меня за плечи.

– Белла?

– Я думаю… наверное, он проверял, – пробормотала я. – Хотел убедиться. В том, что я по-прежнему человек.

Эдвард окаменел и медленно, со свистом, выдохнул.

– Нам придется уехать, – прошептала я. – До того как. Чтобы не нарушить договор. Мы никогда не сможем сюда вернуться.

Эдвард крепче сжал меня в объятиях.

– Я знаю.

За нашей спиной громко кашлянул Чарли.

Я подскочила и, заливаясь краской, высвободилась из объятий.

– Если не хочешь готовить ужин, то можно заказать пиццу, – намекнул Чарли.

– Нет, не надо. Я уже начала.

– Ладно, – отозвался Чарли.

Он привалился к косяку и скрестил руки на груди.

Я вздохнула и принялась за работу, стараясь не обращать внимания на зрителей.

– Если я попрошу тебя кое-что сделать, ты мне доверишься? – тихо спросил Эдвард напряженным голосом.

Мы почти доехали до школы. Всего секунду назад Эдвард беззаботно шутил, а сейчас его руки вдруг вцепились в руль так, что, казалось, вот-вот разорвут на части. Эдвард выглядел встревоженным, и смотрел вдаль, будто прислушиваясь к отдаленным голосам.

Сердце у меня заколотилось, но я осторожно ответила:

– Смотря в чем.

Мы заехали на школьную стоянку.

– Я боялся, что ты именно так и скажешь.

– Что я должна сделать?

– Оставаться в машине. – Эдвард вырулил на свое обычное место и заглушил мотор. – Жди здесь, пока я за тобой не вернусь.

– Но… почему?

И тут я его увидела. Трудно было не увидеть: даже если бы не черный мотоцикл, в нарушение правил припаркованный на тротуаре, Джейкоб все равно на целую голову возвышался над окружающими.

– Теперь понятно, – пробормотала я.

На лице Джейка застыло хорошо знакомое мне выражение. Он использовал эту маску, когда хотел держать себя в руках, не давая воли чувствам. И потому становился похож на Сэма, старшего из волков, вожака квилетской стаи. Однако Джейку никогда не давалось такое безмятежное спокойствие, которое исходило от Сэма.

Хотя за время отсутствия Калленов я довольно близко познакомилась – и даже подружилась – с Сэмом, я так и не сумела отделаться от неприязни, вспыхивавшей во мне, когда Джейк начинал подражать вожаку. Он переставал быть самим собой.

– Вчера ты поторопилась с выводами, – пробормотал Эдвард. – Джейк спросил про школу, потому что знал: я буду там, где будешь ты. Ему надо поговорить со мной – в безопасном месте, в месте, где есть свидетели.

Выходит, вчера я неправильно истолковала мотивы Джейка. Проблема в недостатке информации. Например, какого черта Джейку говорить с Эдвардом?

– В машине я не останусь, – заявила я.

Эдвард тихонько застонал.

– Ну еще бы ты осталась… Ладно, не будем тянуть кота за хвост.

Лицо Джейка окаменело, когда он увидел, как мы идем ему навстречу, держась за руки.

Вокруг я заметила и другие лица – одноклассников. Глаза у них вылезали на лоб при виде всех шести футов семи дюймов долговязой фигуры Джейкоба с налитыми мускулами, которые и не снились ни одному нормальному парню шестнадцати с половиной лет. Взгляды ощупывали обтягивающую черную футболку (с короткими рукавами, несмотря на необычно прохладный день), потрепанные джинсы с масляными пятнами и блестящий черный мотоцикл. На лице Джейка взгляды не задерживались:

что-то заставляло людей быстро отводить глаза. И никто не решался подойти близко – все обходили его стороной.

Я с удивлением поняла, что на Джейка смотрят с опаской. Ну надо же!

В нескольких шагах от Джейкоба Эдвард остановился и слегка завел руку назад, заставив меня зайти ему за спину.

– Мог бы и позвонить. – В голосе Эдварда зазвучали металлические нотки.

– Извиняюсь, – ухмыльнулся Джейк. – В моей записной книжке нет телефонов пиявок.

– Позвонил бы Белле домой и спросил меня.

Джейк стиснул зубы и нахмурился.

– Джейкоб, здесь не место для разговоров. Давай потом поговорим, ладно?

– Можно и потом. Заеду после школы в ваш склеп, – фыркнул Джейк. – Что, и это тебе не нравится?

Эдвард многозначительно оглянулся по сторонам, задержав взгляд на зеваках, которые находились едва за пределами слышимости. Несколько человек с горящими глазами не торопились проходить мимо. Кажется, они надеялись, что скуку очередного понедельника может разнообразить драка. Я заметила, как Тайлер Кроули пихнул локтем Остина Маркса, и оба замедлили шаг.

– Я уже знаю то, что ты хочешь мне сказать, – заявил Эдвард так тихо, что я и то едва расслышала. – Ты свое дело сделал. Считай, что предупреждение мы получили.

Эдвард бросил на меня встревоженный взгляд.

– Предупреждение? – озадаченно спросила я. – О чем это вы?

– Ты ей не сказал? – Глаза Джейка недоверчиво распахнулись. – Небось испугался, что она встанет на нашу сторону?

– Джейкоб, пожалуйста, не надо, – не повышая голоса, промолвил Эдвард.

– Почему это? – не отступал Джейк.

Я недоуменно нахмурилась.

– Эдвард? О чем ты мне не сказал?

Он продолжал хмуро сверлить Джейка взглядом, словно не слышал.

– Джейк?

Джейкоб удивленно посмотрел на меня.

– Так он не сказал тебе, что его… старший брат пересек границу в субботу вечером? – спросил Джейк с сарказмом и тут же перевел взгляд на Эдварда. – Пол имел все основания…

– Это была ничейная полоса! – прошипел Эдвард.

– Неправда!

Джейкоб кипел от гнева: руки у него дрожали. Он потряс головой и пару раз глубоко вдохнул.

– Эмметт и Пол? – прошептала я.

Пол – самый вспыльчивый из стаи Джейка. Именно он не смог удержать себя в руках тогда в лесу: в памяти внезапно возник образ рычащего волка.

– Что стряслось? Они подрались? – В испуге я повысила голос. – Но почему? Что с Полом?

– Никто не дрался, – тихо ответил Эдвард. – Все живы-здоровы. Не переживай.

Джейкоб смотрел на нас в полном недоумении.

– Выходит, ты совсем ничего не сказал Белле? Значит, поэтому ты ее увез? И она не знает, что…

– Уходи! – на полуслове оборвал Эдвард.

Его лицо внезапно стало действительно ужасным. На секунду он выглядел как… настоящий вампир. И смотрел на Джейка со злобой и неприкрытой ненавистью.

Джейкоб помрачнел, однако с места не двинулся.

– Почему ты ей ничего не сказал?

Они молча стояли, сверля друг друга взглядами. Вокруг Тайлера и Остина собрались и другие зеваки. Я заметила Майка рядом с Беном: Майк положил руку Бену на плечо, будто удерживая на месте.

В полной тишине меня внезапно осенило, и все встало на свои места.

Я поняла то, о чем Эдвард не хотел мне говорить.

То, что Джейк никогда не стал бы от меня скрывать.

То, из-за чего Каллены и волки рыскали по лесу в опасной близости друг от друга.

То, что заставило Эдварда настоять на поездке во Флориду.

То, что Элис увидела на прошлой неделе – и о чем Эдвард мне наврал.

То, чего я и сама ожидала.

Я слышала свое собственное учащенное дыхание, но ничего не могла поделать. Здание школы прыгало перед глазами, словно во время землетрясения, однако я знала, что на самом деле трясет меня.

– Она вернулась за мной…

Виктория не отступится, так и будет наносить ложный удар и убегать – раз за разом, пока не найдет прореху в обороне.

Может, мне повезет, и Вольтури доберутся до меня еще раньше: по

крайней мере, в их руках я умру быстро.

Эдвард прижал меня к себе, развернувшись и по-прежнему прикрывая от Джейка, и погладил по лицу.

– Все хорошо, – прошептал он. – Все в порядке. Я никому не позволю и пальцем тебя тронуть.

Потом злобно покосился на Джейкоба.

– Ну что, шавка, теперь ты получил ответ на свой вопрос?

– А тебе не кажется, что Белла имеет право знать? – с вызовом спросил Джейкоб. – Ведь это ее жизнь в опасности.

Эдвард говорил так тихо, что даже Тайлер, который постепенно, дюйм за дюймом, подходил ближе, не мог ничего услышать.

– Зачем пугать, если никакая опасность ей не грозила?

– Лучше быть испуганной, чем обманутой.

Я постаралась взять себя в руки, но перед глазами все расплывалось от слез. Из головы не выходило лицо Виктории: оскаленные зубы и красные глаза, горящие огнем мести. Она считает Эдварда виновным в смерти своего возлюбленного Джеймса и готова на все, чтобы поквитаться.

Эдвард кончиками пальцев вытер слезы на моих щеках.

– Неужели ты действительно считаешь, будто причинить боль лучше, чем защитить? – пробормотал он.

– Белла сильнее, чем ты думаешь, – заявил Джейк. – Она и в худших переделках бывала.

Выражение его лица вдруг изменилось: он посмотрел на Эдварда странным взглядом – прищурившись, словно решал в уме трудную задачку по математике.

Эдвард вздрогнул, лицо исказилось от боли. На одно ужасное мгновение мне вспомнился день в Италии, в жутком дворце Вольтури, где Джейн истязала Эдварда, мысленно рисуя перед ним кошмарные картины…

Это воспоминание вдруг прекратило начинающуюся истерику и позволило взглянуть на вещи трезво. Пусть лучше Виктория меня тысячу раз убьет, чем Эдвард будет так мучиться.

– Ну и рожу ты скорчил! – засмеялся Джейк.

Эдвард поморщился, но все же сумел придать лицу бесстрастное выражение, хотя в глазах все равно стояла боль.

Я перевела взгляд с Эдварда на ухмыляющегося Джейка.

– Что ты с ним сделал? – недовольно спросила я.

– Все в порядке, Белла, – тихо ответил Эдвард. – Просто у Джейкоба хорошая память.

Джейк усмехнулся, и Эдварда снова перекосило.

– Хватит! Что бы ты ни делал, сейчас же перестань!

– Как скажешь, – пожал плечами Джейк. – Он сам виноват, если ему не нравятся мои воспоминания.

Я недовольно уставилась на него, но Джейк проказливо улыбнулся в ответ: словно мальчишка, пойманный за чем-то недозволенным и знающий, что ему это сойдет с рук.

– Директор уже идет сюда, чтобы выгнать посторонних с территории школы, – прошептал мне Эдвард. – Белла, пойдем на английский, а то и тебе попадет.

– Не слишком ли он заботливый? – сказал Джейк, обращаясь ко мне. – Без проблем жить скучно. Или тебе не разрешают повеселиться?

Эдвард сдвинул брови и слегка оскалился.

– Джейк, заткнись, – велела я.

Джейкоб засмеялся.

– Похоже, все-таки не разрешают. Ну ладно, если тебе вдруг захочется снова повеселиться, заходи в гости. Твой мотоцикл по-прежнему стоит у меня в гараже.

Эта новость отвлекла мое внимание.

– Ты ведь должен был его продать. Обещал Чарли, что продашь.

Если бы я не умоляла Чарли от имени Джейка (который не одну неделю возился с обоими мотоциклами и заслуживал вознаграждения), то Чарли выбросил бы мой мотоцикл в мусорку, а то и сжег.

– Продал, как же! Это ведь твой мотоцикл, а не мой. В общем, пусть у меня постоит, пока ты не решишь его забрать.

На его лице вдруг появилась хорошо знакомая мне легкая улыбка.

– Джейк…

Он наклонился вперед, с лица исчезло выражение злого сарказма.

– Знаешь, пожалуй, я ошибался, когда говорил, что нам не быть друзьями. Возможно, у меня получится. Приезжай ко мне.

Я остро почувствовала присутствие Эдварда: его руки все еще обхватывали меня защитным кольцом, хотя ни один мускул не шевельнулся. Бросив взгляд на его лицо, я увидела лишь терпеливое спокойствие.

– Ну, Джейк, не знаю…

Джейкоб совершенно сбросил маску враждебности, словно позабыв про Эдварда – или, по крайней мере, нарочито его игнорируя.

– Белла, я очень по тебе соскучился. Без тебя все наперекосяк.

– Знаю, Джейк, и мне очень жаль, но…

Он покачал головой и вздохнул.

– Понимаю. Не имеет значения, да?.. Ладно, как-нибудь переживу. Кому нужны друзья? – Он скривился, пытаясь скрыть боль под бравадой.

Страдания Джейка всегда вызывали во мне неосознанное желание его защитить. Совершенно иррациональное желание: вряд ли я могу предложить Джейку какую бы то ни было физическую защиту. И все же мои руки, прижатые Эдвардом, тянулись к Джейку – тянулись, чтобы обнять его теплую, широкую талию, чтобы молча поддержать и утешить.

Укрывающие меня руки Эдварда превратились в путы.

– Давайте-ка все по классам, – послышался суровый голос за нашими спинами. – Проходите, проходите, мистер Кроули.

– Джейк, иди в школу, – с тревогой прошептала я, узнав голос директора.

Джейк учился в квилетской школе, но все равно мог получить нагоняй за незаконное нахождение на территории чужой школы.

Эдвард выпустил меня из объятий, взял за руку и снова заставил спрятаться за его спиной.

Мистер Грин протолкался сквозь толпу зевак. Его брови, словно грозовые тучи, низко нависли над маленькими глазками.

– Я не шучу! Те, кто все еще будет здесь стоять, когда я обернусь, останутся в школе после уроков!

Толпа рассосалась, прежде чем директор успел договорить.

– Так, мистер Каллен. Что-то случилось?

– Ничего, мистер Грин. Мы как раз шли на уроки.

– Прекрасно. А вот ваш друг мне незнаком. – Мистер Грин хмуро обернулся к Джейкобу. – Вы наш новый ученик?

Директор оглядел Джейка с головы до ног и явно пришел к тому же выводу, что и все остальные: опасный хулиган.

– Не-а, – со сдержанной усмешкой ответил Джейк.

– В таком случае, молодой человек, потрудитесь немедленно покинуть территорию школы, пока я не позвонил в полицию.

Легкая усмешка Джейка расцвела в широкую ухмылку. Он наверняка представил себе, как появляется Чарли, чтобы его арестовать. Не понравилась мне эта ухмылка: слишком горькая и насмешливая. Совсем не то я хотела бы увидеть на лице Джейка.

– Есть, сэр! – по-военному отдал честь Джейк, сел на мотоцикл и пнул стартер, не потрудившись съехать с тротуара.

Мотор зарычал, Джейк резко развернул мотоцикл так, что шины завизжали, и через несколько секунд уже исчез из вида.

Мистер Грин играл желваками, наблюдая за представлением.

– Мистер Каллен, надеюсь, вы попросите своего друга больше не появляться на территории школы.

– Он мне не друг, мистер Грин, но я передам ваше предупреждение.

Мистер Грин поджал губы. Безупречное поведение и отличные оценки Эдварда определенно говорили в его пользу.

– Вот как. Если у вас возникли неприятности, то я был бы рад…

– Все в порядке, мистер Грин. Никаких неприятностей.

– Надеюсь. Ну ладно, идите на занятия. И вы тоже, мисс Свон.

Эдвард кивнул и быстро потащил меня за руку к кабинету английского.

– Ты в состоянии идти на уроки? – прошептал он, когда мы прошли мимо директора.

– Да, – пробормотала я, неуверенная, что говорю правду.

В состоянии или не в состоянии – уже неважно. Мне надо было срочно поговорить с Эдвардом, и урок английского вряд ли самое подходящее для этого место. Однако за нашими спинами стоял мистер Грин, и ничего другого нам не оставалось.

Мы немного припозднились и торопливо сели на свои места. Мистер Берти читал стихотворение Фроста и предпочел не заметить наше опоздание, чтобы не прерываться.

Я выдрала чистый листок из тетради и начала писать. От возбуждения мой корявый почерк стал еще менее разборчивым.

Что случилось? Расскажи мне все. И не надо нести чушь про необходимость меня защищать.

Я сунула записку Эдварду. Он вздохнул и взял карандаш. Ответ занял меньше времени, чем вопрос, хотя Эдвард написал целый абзац своим изящным каллиграфическим почерком.

Элис увидела, что Виктория возвращается. Я увез тебя из города просто на всякий случай: у Виктории не было ни единого шанса до тебя добраться. Эмметт и Джаспер почти поймали ее, но она прекрасно умеет ускользать. Виктория сбежала на самой границе с квилетами, будто по карте читала. Нам помешало еще и то, что способности Элис не сработали из-за вмешательства индейцев. Надо признаться, квилеты тоже могли бы ее поймать, если бы не мы. Большой серый волк решил, что Эмметт перешел границу, и собрался обороняться. Розали, конечно же, не осталась в стороне, и тогда все прекратили погоню, чтобы

защищать своих. Карлайл и Джаспер утихомирили ссору, пока дело не дошло до драки. Но к тому времени Виктория уже скрылась. Вот и все.

Я хмуро смотрела на исписанный листок бумаги. Все они были там: Эмметт, Джаспер, Элис, Розали и Карлайл. И даже, наверное, Эсми, хотя Эдвард ее не упомянул. А еще Пол и остальные оборотни. Ссора запросто могла перейти в драку, где мои будущие родственники сражались бы с моими старыми друзьями. Любому из них могло не поздоровиться. Оборотням, скорее всего, пришлось бы худо, но стоило мне представить крошечную Элис рядом с огромным оборотнем – в драке…

Меня передернуло.

Я аккуратно стерла весь абзац резинкой и написала поверх:

А как же Чарли? Ведь она могла охотиться на него.

Не успела я дописать, как Эдвард покачал головой, явно собираясь преуменьшить грозившую Чарли опасность. Он протянул руку за листком, но я не обратила внимания и продолжала:

Ты не можешь знать, о чем она думала, потому что тебя здесь не было. Нам не стоило уезжать во Флориду.

Эдвард выхватил у меня листок.

Я бы ни за что не отпустил тебя одну. С твоим «везением» от самолета бы и черного ящика не осталось!

Я вовсе не это имела в виду: без него я бы не поехала. Наоборот, нам обоим следовало остаться в Форксе. Однако его ответ меня отвлек и слегка разозлил: как будто я не могу никуда поехать, не попав в авиакатастрофу! Очень смешно.

Ну допустим, мое невезение и впрямь привело к катастрофе. В таком случае что именно мог бы сделать ты?

А почему упал самолет?

Теперь Эдвард сдерживал улыбку.

Пилоты напились вдребезги.

Ерунда – я бы сам сел за штурвал.

Ну конечно! Я поджала губы и попыталась еще раз.

Оба двигателя взорвались, и мы падаем в смертельном штопоре на землю.

Я бы подождал, пока мы упадем достаточно низко, схватил тебя в охапку, пробил стенку и выпрыгнул. А потом прибежал бы с тобой обратно на место падения самолета, и мы бы, шатаясь, бродили вокруг, изображая парочку самых везучих людей в мире.

Я молча уставилась на него.
– Что такое? – прошептал Эдвард.
– Ничего, – едва слышно сказала я, ошеломленно качая головой.
Я стерла расстроивший меня разговор и написала еще одну строчку:

Обещай, что в следующий раз все расскажешь.

Без следующего раза наверняка не обойдется. Одно и то же будет повторяться, пока кто-нибудь не погибнет.
Эдвард долгим взглядом посмотрел мне в глаза. Интересно, как я выгляжу? Лицо вроде бы холодное, значит, кровь не прилила к щекам. Ресницы все еще мокрые.
Он со вздохом кивнул.

Спасибо.

Листок исчез у меня из-под носа. Я удивленно подняла взгляд и увидела, как к нам идет мистер Берти.
– Мистер Каллен, что это тут у вас? Что-нибудь интересное для всего класса?
Эдвард невинно посмотрел на него и поднял листок, лежавший сверху.
– Это мои конспекты, – с недоумением в голосе ответил он.
Мистер Берти бегло прочитал написанное – наверняка безупречный конспект его собственной лекции – и, нахмурившись, отошел.
Позже, на математике (единственном предмете, где со мной не было

Эдварда) до моих ушей донеслись кое-какие сплетни.

– Ставлю на гигантского индейца, – сказал кто-то.

Я искоса глянула в ту сторону и увидела Тайлера, Майка, Остина и Бена: поглощенные разговором, они сидели нос к носу.

– Да уж, – прошептал Майк, – ну и громила этот Джейкоб. Думаю, он побьет Каллена.

Похоже, Майку это пришлось бы по душе.

– Вряд ли, – не согласился Бен. – Эдвард не так прост. Он всегда такой… уверенный в себе. По-моему, он вполне может за себя постоять.

– Бен прав, – согласился Тайлер. – Кроме того, если этот парень отделает Эдварда, то вы же понимаете, что его братья в стороне не останутся.

– А ты в Ла-Пуш давно ездил? – спросил Майк. – Мы с Лорен пару недель назад на пляж поехали, так видел бы ты дружков Джейкоба. Такие же громилы.

– Эх, жаль, что все обошлось, – вздохнул Тайлер. – Боюсь, мы никогда не узнаем, кто кого побил бы.

– А по-моему, ничего не кончилось, – сказал Остин. – Может, еще и посмотрим.

Майк усмехнулся.

– Никто не хочет сделать ставки?

– Десятку на Джейкоба, – тут же откликнулся Остин.

– Десять на Каллена, – присоединился Тайлер.

– Десять на Эдварда, – согласился Бен.

– На Джейкоба, – сказал Майк.

– Кстати, кто-нибудь в курсе, из-за чего они повздорили? – поинтересовался Остин. – От этого может зависеть результат.

– О причине нетрудно догадаться, – ответил Майк и покосился на меня, Бен и Тайлер тоже глянули в мою сторону.

Судя по выражению лиц, ни один из них не догадался, что я все слышала. Они быстро отвернулись и зашуршали тетрадками.

– А я все-таки ставлю на Джейкоба, – пробормотал Майк себе под нос.

Глава четвертая
Природа

Неделя выдалась хуже некуда.

Я знала, что на самом деле ничего не изменилось. Ну да, Виктория опять за мной охотится, но разве я хоть на минуту поверила, что она оставит меня в покое? Ее появление всего лишь подтвердило мои подозрения. Нет никаких причин для нового приступа паники.

Легко сказать «нет причин для паники».

До выпускного осталось всего несколько недель. Не глупо ли мне, слабой и вкусной, сидеть и ждать очередного несчастья? Быть человеком слишком опасно: того и гляди попадешь в беду. Такая, как я, не должна быть человеком: столь невезучее существо не может оставаться беззащитным.

Но меня никто не слушал.

– Белла, нас здесь семеро, – сказал Карлайл. – У нас есть Элис, которая не даст Виктории напасть неожиданно. Думаю, ради Чарли мы должны придерживаться первоначального плана.

– Солнышко, мы никому не позволим тебя и пальцем тронуть, – присоединилась Эсми. – Ты ведь это прекрасно знаешь. Пожалуйста, не переживай. – Она поцеловала меня в лоб.

– Я очень рад, что Эдвард тебя не убил, – заявил Эмметт. – С тобой гораздо веселее.

Розали свирепо на него посмотрела.

Элис закатила глаза:

– Ты меня обижаешь. Неужели ты на самом деле тревожишься?

– Если здесь нет ничего страшного, то зачем вы с Эдвардом потащили меня во Флориду? – подозрительно спросила я.

– Белла, разве ты не заметила, что Эдвард склонен немножко, самую капельку, перегибать палку?

Джаспер использовал свой странный талант управления эмоциями и безмолвно стер во мне все следы паники и напряжения. Я почувствовала себя уверенней и позволила им пропустить мимо ушей мою отчаянную мольбу.

Конечно же, спокойствие улетучилось, как только мы с Эдвардом вышли из комнаты.

В общем, все решили, что мне нужно выбросить из головы чокнутую вампиршу, которая намерена меня убить. А я буду как ни в чем не бывало заниматься своими делами.

Я попыталась. И с удивлением обнаружила, что есть вещи, о которых думать столь же неприятно, как и о том, что я вот-вот разделю участь динозавров.

А все потому, что реакция Эдварда разозлила меня больше всего.

– Это ваше с Карлайлом дело, – сказал Эдвард. – Разумеется, ты знаешь, что я готов сделать это нашим с тобой делом, если захочешь. При одном известном тебе условии, – закончил он с ангельской улыбкой.

Тьфу ты! Знаю я это условие! Эдвард пообещал, что сам меня укусит, когда я захочу… если только мы сначала поженимся.

Иногда мне кажется, что он притворяется, будто не может читать мои мысли: а иначе как бы он узнал единственное условие, которое я не могу принять? Единственное условие, которое может меня задержать.

В общем, как ни крути, неделя выдалась паршивая. А сегодня самый скверный день.

Любой день становится скверным, когда Эдварда нет рядом. Элис не предвидела ничего необычного в эти выходные, поэтому я настояла, чтобы Эдвард воспользовался шансом поохотиться вместе с братьями. Ему ведь скучно ловить мелкую дичь поблизости.

– Поезжай, развейся, – сказала я. – Привези мне парочку горных львов.

Я бы никогда не призналась Эдварду, как мне плохо, когда он уезжает: тут же возвращаются кошмары времени разлуки. Эдвард ужасно расстроился бы и побоялся меня оставить даже в случае крайней необходимости. В начале так и было – когда мы только вернулись из Италии. Его золотистые глаза стали черными, и он страдал от жажды гораздо больше, чем следовало. Теперь я делаю вид, что все хорошо, и практически выталкиваю его за дверь всякий раз, когда Эмметт и Джаспер хотят поохотиться.

Боюсь, что он все-таки разгадал мою тайну. Частично. Утром на моей подушке лежала записка:

Я вернусь так быстро, что ты не успеешь по мне соскучиться. Побереги мое сердце: я оставил его у тебя.

И вот впереди длинная пустая суббота, которую нечем заполнить, кроме утренней смены в магазине спорттоваров миссис Ньютон. Впрочем, есть еще утешительное обещание Элис: «Я поохочусь рядом с домом. Если

понадобится, то прибегу через пятнадцать минут. Буду начеку на случай неприятностей».

В переводе это означало: не вздумай наделать глупостей только потому, что Эдвард уехал.

Элис не хуже брата может разобрать мой пикап на части.

Хотя не все так плохо. После работы я собиралась помочь Анжеле написать извещения – будет чем отвлечься. Да и Чарли в хорошем расположении духа из-за отсутствия Эдварда; пока есть такая возможность, нужно радоваться его прекрасному настроению. Элис переночует у меня, если уж я скисну настолько, что попрошу ее об этом. А завтра Эдвард вернется. Как-нибудь переживу.

Не хотелось появляться на работе ни свет ни заря, так что завтрак я ела не торопясь, склевывая кукурузные хлопья по одному. Помыв посуду, я выстроила магниты на холодильнике в идеально ровную линию. Кажется, у меня начинается навязчивый невроз.

Последние два магнита – простые черные кружочки, которые мне нравятся за то, что могут спокойно удерживать десяток листов бумаги, – никак не хотели строиться в ряд с остальными. Они оказались обращены друг к другу противоположными полюсами, и каждый раз, когда я ставила на место последний, его сосед выпрыгивал из ряда.

Не знаю почему (наверное, и в самом деле невроз начинается), меня это раздражало. Неужели нельзя быть послушными магнитиками?.. Упрямая до абсурда, я упорно сдвигала их вместе, словно надеялась, что они внезапно сдадутся. Можно, конечно, перевернуть один обратной стороной вверх, но это похоже на поражение. В конце концов, разозлившись больше на себя, чем на магниты, я сняла их с холодильника и прижала друг к другу. Это потребовало определенного усилия: магниты оказались слишком сильны, чтобы сдаться без боя. И все же я заставила их смирно лежать рядом.

– Ну вот, – сказала я вслух (разговор с неодушевленными предметами – всегда плохой признак). – Ничего страшного, видите?

Секунду я стояла, как идиотка, не желая признавать, что законы природы нарушить нельзя. Потом вздохнула и приложила их обратно к дверце холодильника – на приличном расстоянии друг от друга.

– И вовсе незачем так упрямиться…

Ладно, пора убираться из дома – пока неодушевленные предметы не начали сами со мной разговаривать.

Когда я вошла в магазин, Майк методично протирал пол между рядами полок, а его мать раскладывала на витрине новые товары. Они не заметили

моего прихода и продолжали препираться.

– Тайлер не может поехать в другое время, – пожаловался Майк. – Ты сказала, что после выпускного…

– Ничего, потерпишь, – отрезала миссис Ньютон. – Займетесь чем-нибудь другим. В Сиэтл ты не поедешь, пока полиция не прекратит безобразия, которые там творятся. Бетти Кроули сказала Тайлеру то же самое, так что не надо на меня дуться… А, доброе утро, Белла. – Она заметила меня и быстро изменила интонацию. – Ты сегодня рано.

Карен Ньютон не из тех людей, у кого вам придет в голову спрашивать о спортивных товарах. Мелированные светлые волосы всегда элегантно собраны на затылке, ногти на руках отполированы мастером маникюра, педикюр тоже безупречен, что легко заметить, потому что миссис Ньютон носит туфли на шпильках, которые даже отдаленно не напоминают ни одну из выстроившихся на полках моделей туристических ботинок.

– Обошлось без пробок на дорогах, – пошутила я, доставая из-под прилавка свой жилет жуткого оранжевого цвета.

Меня удивило, что миссис Ньютон так разошлась из-за поездки в Сиэтл – прямо, как Чарли. По-моему, она слишком преувеличивает.

– Эээ… м-да… – Миссис Ньютон на мгновение замялась, перебирая стопку рекламных брошюрок, которые раскладывала возле кассы.

Я замерла, не успев всунуть в жилет вторую руку: этот взгляд мне хорошо знаком.

Когда я предупредила Ньютонов, что не смогу работать у них летом (то есть бросаю их в самое горячее время), они стали натаскивать на мое место Кэти Маршалл. Платить обеим сразу им не по карману, поэтому…

– Я собиралась тебе позвонить, – сказала миссис Ньютон. – Вряд ли сегодня набежит целая толпа. Мы с Майком, скорее всего, и сами справимся. Мне очень жаль, что ты так рано встала…

В любой другой день такой поворот событий меня безумно обрадовал бы. Но сегодня…

– Мам, это несправедливо! – запротестовал Майк. – Если Белла хочет работать…

– Нет-нет, ничего, миссис Ньютон. Майк, все в порядке. Мне надо к экзаменам готовиться, и вообще…

Не хотелось становиться причиной семейного раздора, когда мать с сыном и так уже поспорили.

– Спасибо. Кстати, ты не могла бы по дороге на улицу выбросить эти брошюрки в мусорку? Их принесла какая-то девушка, и я пообещала ей разложить брошюрки на прилавке, но места нет.

– Конечно, миссис Ньютон. – Я положила на место жилет, взяла под мышку стопку бумаги и вышла в дождливую морось.

Мусорный контейнер стоял с торца магазина, рядом с парковкой для сотрудников. Я потащилась туда, обиженно отшвыривая с дороги каждый попадавшийся под ноги камешек. Только я собралась отправить в мусорку кипу ярко-желтых бумажек, как мне бросился в глаза напечатанный на всю страницу жирным шрифтом заголовок, из которого прямо-таки выпрыгнуло одно слово.

Схватив брошюрки обеими руками, я уставилась на картинку под заголовком. В горле застрял комок.

СПАСИТЕ ВОЛКА В НАШЕМ ЗАПОВЕДНИКЕ

А внизу аккуратный рисунок: сидя под сосной и закинув голову, волк воет на луну. Картинка меня очень расстроила: волк выглядел жалобно и одиноко, будто воет от горя.

Я уже летела к пикапу, все еще сжимая в руках брошюрки.

У меня было не больше пятнадцати минут. Должно хватить. До Ла-Пуш всего-то пятнадцать минут езды, и я наверняка успею пересечь невидимую границу еще до того, как окажусь в самом городке.

Пикап завелся с пол-оборота.

Элис не могла предвидеть этот мой поступок, потому что я его не планировала. Спонтанные действия – вот в чем фокус! И если двигаться достаточно быстро, то есть шанс воспользоваться своим преимуществом.

Брошюрки я, не глядя, бросила в кабину, и они рассыпались по пассажирскому сиденью: сотня заголовков жирным шрифтом, сотня черных воющих волков на желтом фоне.

Я неслась по мокрому шоссе, включив дворники на полную мощность и не обращая внимания на стоны древнего мотора. Максимум, который я могла выжать из пикапа – пятьдесят пять миль в час. Будем надеяться, этого хватит.

Где проходит граница, я понятия не имела, но, когда показались первые домики Ла-Пуш, почувствовала себя увереннее: сюда Элис наверняка не может за мной последовать.

Позвоню ей сегодня днем от Анжелы, уговаривала я себя, чтобы Элис убедилась, что со мной все в порядке. Ей вовсе незачем нервничать и злиться: когда Эдвард вернется, он будет зол за двоих.

Когда я затормозила перед знакомым домом, покрашенным облупившейся красной краской, пикап был на последнем издыхании. Я

смотрела на домик, который когда-то служил мне убежищем, и в горле снова застрял комок.

Не успела я заглушить мотор, как в дверях показался ошеломленный Джейкоб.

Рев пикапа прекратился, и во внезапно наступившей тишине Джейк удивленно выдохнул:

– Белла?

– Привет, Джейк!

– Белла! – завопил он, и на его лице расплылась улыбка, которую я так ждала: словно солнце выглянуло из облаков. – Глазам своим не верю!

Он подбежал к пикапу и почти сдернул меня с сиденья; мы оба прыгали от радости, как дети.

– Как ты сюда попала?

– Сбежала тайком!

– С ума сойти!

– Привет, Белла! – Билли выехал к дверям на инвалидной коляске, чтобы посмотреть, что происходит.

– Привет, Би…

Договорить мне не удалось, потому что Джейк стиснул меня в медвежьих объятиях так, что я чуть не задохнулась, и закружил.

– Как здорово, что ты приехала!

– Дышать… не могу… – просипела я.

Джейк засмеялся и поставил меня на ноги.

– С возвращением, Белла!

И прозвучало это как «с возвращением домой».

Мы были слишком возбуждены, чтобы чинно сидеть дома, и пошли прогуляться. Джейкоб чуть ли не прыгал; пришлось несколько раз напоминать ему, что ноги у меня не десяти футов длиной.

Шагая рядом с Джейком, я почувствовала, что во мне просыпается мое второе «я»: младше возрастом и более безответственное. Девчонка, которая при случае способна выкинуть нечто ужасно глупое без всякой на то причины.

Нашего веселья хватило на первые несколько вопросов: как дела, чем занимаемся, сколько времени я могу провести в Ла-Пуш и как тут оказалась. После недолгих колебаний я поведала Джейкобу про брошюрку с волком – Джейк так расхохотался, что деревья вокруг затряслись.

Потом, когда мы неторопливо прошли позади магазина и продрались сквозь густые кусты, окружавшие дальний конец Первого пляжа,

беззаботная болтовня закончилась. Мы слишком быстро добрались до причин нашей долгой разлуки, и я увидела, как на лице моего друга застыло хорошо знакомое выражение горечи.

– Так что это вообще такое было? – Джейкоб яростно пнул сухую ветку; та пролетела над песком и зашуршала на камнях. – В смысле, когда последний раз… ну, до того, как… – Джейк запинался, не зная, что сказать. Вдохнул поглубже и попытался еще раз: – Я имею в виду… теперь все точно так же, как было до того, как он уехал? Ты все ему простила?

Теперь уже я сделала глубокий вдох:

– Нечего было прощать.

Мне хотелось пропустить все эти обвинения и упреки, но я знала, что нам придется это обсудить, прежде чем мы сможем поговорить о других вещах.

Джейк поморщился, словно лимон надкусил.

– Жалко, что, когда Сэм нашел тебя прошлой осенью, у него не оказалось с собой фотоаппарата. Это стало бы вещественным доказательством номер один.

– Никого не посадили на скамью подсудимых.

– Хотя кое-кого и следовало бы.

– Даже ты не станешь обвинять его, если узнаешь, почему он уехал.

Несколько секунд Джейкоб молча сверлил меня взглядом.

– Ну давай, – ехидно поддразнил он, – просвети меня.

Его враждебность начала раздражать, задевая за живое. Неприятно, что Джейк на меня злится. Это напоминает тот давний ужасный день, когда Джейк, повинуясь приказу Сэма, сказал, что мы не можем быть друзьями. Я остановилась на секунду, чтобы собраться с духом.

– Прошлой осенью Эдвард уехал от меня, потому что не хотел, чтобы я дружила с вампирами. Он думал, что мне будет лучше, если он уедет.

Джейкоб задумался и на минуту потерял дар речи. Что бы он ни собирался сказать мне, его заранее заготовленный ответ явно не соответствовал ситуации. Джейк не представляет, что именно заставило Эдварда принять такое решение; трудно вообразить, что подумал бы Джейк, если бы знал о нападении на меня Джаспера.

– И все же Эдвард вернулся, – пробормотал Джейк. – Силы воли не хватило сделать, как задумал?

– Если ты помнишь, я сама поехала и привезла его.

Джейкоб на мгновение уставился на меня – и отступил: выражение лица смягчилось, и голос стал спокойнее.

– Верно. Только я так и не понял, в чем было дело.

Я в нерешительности закусила губу.

– Это что, тайна? – В голосе Джейка послышалось поддразнивание. – Тебе запрещено мне рассказывать?

– Нет! – рявкнула я. – Просто история слишком длинная.

Джейкоб самоуверенно улыбнулся и пошел по пляжу, не сомневаясь, что я пойду следом.

Если Джейк будет себя так вести, то чего я вообще сюда притащилась? Я машинально поплелась за ним, раздумывая, не развернуться ли и не поехать ли домой. Правда, дома придется объясняться с Элис… пожалуй, торопиться некуда.

Джейкоб подошел к знакомому стволу: целое дерево, с корнями и ветками, выбросило на берег. Побелевший ствол глубоко ушел в песок. В некотором смысле, это было наше дерево.

Джейк уселся на созданную природой скамейку и приглашающе похлопал по стволу.

– Я люблю длинные истории. В ней есть погони и перестрелки?

Я закатила глаза.

– Что-то вроде того.

– Какой же ужастик без погонь и перестрелок!

– Ужастик! – фыркнула я. – Ты слушаешь или так и будешь меня прерывать?

Джейк сделал вид, что закрыл рот на замок и выбросил ключ через плечо. Я попыталась сдержать улыбку, но не смогла.

– Придется начать с того, что ты сам видел.

Джейк поднял руку, как на уроке.

– Говори, – разрешила я.

– Это даже хорошо, – сказал он. – Я не очень-то понял, что именно тогда происходило.

– Вообще-то, все не так просто, поэтому слушай внимательно. Ты знаешь, что Элис способна предвидеть события?

Волки не очень обрадовались, когда выяснилось, что древние легенды о сверхъестественных способностях вампиров соответствуют истине, поэтому хмурое выражение на лице Джейка я приняла за утвердительный ответ и принялась рассказывать, как мы гонялись за Эдвардом по Италии.

Подробности я свела к минимуму, умолчав обо всем, что не имело особого значения. Рассказывая, как Элис «увидела» планы Эдварда покончить с собой, когда он подумал, что я умерла, я взглянула на Джейка, однако его лицо оставалось бесстрастным. Иногда казалось, что Джейкоб глубоко задумался, и я сомневалась, слушает ли он меня. Он только

однажды прервал мой рассказ:

– Так значит, эта пиявка-предсказательница нас не видит? – На лице Джейка светились одновременно восторг и враждебность. – Правда? Вот здорово!

Я стиснула зубы. Мы сидели в молчании, и Джейк внимательно смотрел на меня, ожидая продолжения. Я хмуро сверлила его взглядом.

– Ох! – спохватился Джейк, осознав свой ляп. – Извини.

И снова символически запер рот на замок.

Когда дело дошло до рассказа о Вольтури, догадаться о чувствах Джейка труда не составило: сжатые челюсти, мурашки на коже рук и раздутые ноздри. Я обошлась без лишних подробностей, сказав только, что Эдварду удалось договориться с Вольтури и нас отпустили, – умолчав о взятом с нас обещании и ожидаемом визите. Не хватало еще, чтобы Джейку снились мои кошмары.

– Теперь ты все знаешь. Твоя очередь. Что произошло, когда я проводила выходные у мамы?

Наверняка Джейкоб расскажет мне больше Эдварда: он не боится меня напугать.

Внезапно оживившийся Джейк наклонился вперед.

– Короче, в субботу вечером, как обычно, я с Квилом и Эмбри бегал по лесу, патрулируя территорию, и вдруг откуда ни возьмись «Ба-бах!». – Джейк раскинул руки, изображая взрыв. – Свежий след! Оставленный минут пятнадцать назад, не больше. Сэм хотел, чтобы мы его дождались, но я ведь не знал, что ты уехала, и не знал, присматривают ли за тобой твои кровососы. В общем, мы со всех ног помчались за вампиршей, и все же ей удалось нас обогнать и перейти границу. Мы рассредоточились вдоль линии, надеясь, что пиявка сунется обратно. Честно говоря, достала она нас. – Джейк мотнул головой, и ему на глаза упала челка, растущая из короткого ежика. – Мы забрались слишком далеко на юг. Каллены оттеснили пиявку к нам, только на несколько миль севернее. Могла бы получиться классная засада, если бы мы знали, где ждать.

Джейк снова помотал головой и поморщился.

– И тут мы влипли. Сэм с остальными ребятами добрался до нее раньше нас, но пиявка плясала на самой границе, а с другой стороны собралась вся шайка кровопийц. Здоровый такой, как там его…

– Эмметт.

– Ну да, он самый. Здоровяк бросился на эту рыжую, а она быстрее молнии!.. Он пролетел за нее и чуть не врезался в Пола. А Пол… Ну, ты же знаешь Пола.

– Еще бы!

– У Пола случилось короткое замыкание. Да и у кого бы не случилось? Прямо под носом – кровопийца!.. Пол прыгнул… Не смотри ты на меня так! Вампир был на нашей территории!

Я постаралась не показывать чувства, чтобы Джейк продолжил рассказ. От нервного напряжения ногти до боли впивались в ладони, хотя я знала, что все закончилось благополучно.

– Короче, Пол промахнулся, и здоровяк перешел обратно на свою сторону. Но тут эта… ну, такая, блондинка… – На лице Джейкоба отразилась забавная смесь гадливости и невольного восхищения, когда он попытался описать сестру Эдварда.

– Розали.

– Неважно. В общем, она готова была стоять насмерть, так что я и Сэм прикрыли Пола по бокам. Тогда их вожак и другой такой блондин…

– Карлайл и Джаспер.

Джейк бросил на меня недовольный взгляд.

– Да наплевать мне, как их зовут! Ладно, пусть будет Карлайл. Он заговорил с Сэмом, пытаясь погасить ссору. Потом началась какая-то фигня, и все вдруг успокоились – это тот самый, о котором ты мне рассказывала, морочил нам головы. Хотя мы и понимали, что происходит, все равно не могли не успокоиться.

– Я знаю, как себя при этом чувствуешь.

– Злым, как черт, вот как себя чувствуешь! Но злиться можешь только потом. – Джейк сердито покачал головой. – В общем, Сэм и вожак кровопийц договорились, что главное – это Виктория, и мы опять за ней погнались. Карлайл пустил нас вперед, чтобы мы могли найти след, однако рыжая вскоре скрылась в скалах к северу от Мака – где граница несколько миль идет вдоль самого берега. И там ушла в воду. Здоровяк и тот, спокойный, хотели получить разрешение пересечь границу и пойти за рыжей, но мы, конечно же, не дали.

– Хорошо. То есть, хотя вы вели себя очень глупо, я рада. Эмметт всегда слишком рискует. Ему могло непоздоровится.

Джейкоб фыркнул.

– Значит, твой вампирчик сказал тебе, что мы напали без всякой причины, а его невинные дружки…

– Нет, – прервала я Джейка. – Эдвард рассказал мне то же самое, хотя и не столь подробно.

Джейк хмыкнул и наклонился за камешком, ничем не отличавшимся от миллионов таких же камешков у нас под ногами. Лениво швырнул его

футов на сто в воду залива.

– Я думаю, она вернется. У нас будет еще одна попытка.

Меня передернуло: разумеется, Виктория еще вернется! А скажет ли мне Эдвард о ее возвращении? Сомневаюсь. Придется не спускать глаз с Элис, выжидая признаков, предвещающих новое появление рыжей…

Джейк, похоже, не заметил моего состояния. Надув губы, он отстраненно смотрел на волны.

– О чем задумался? – спросила я после долгого молчания.

– О том, что ты мне рассказала. Как предсказательница увидела тебя прыгающей со скалы и подумала, что ты покончила с собой, и как в результате началось черт знает что… Ты хоть понимаешь, что если бы подождала меня – что тебе и следовало сделать! – то пия… Элис не увидела бы, как ты прыгаешь? И ничего бы не изменилось. Скорее всего, мы сейчас сидели бы в моем гараже – как всегда по субботам. В Форксе не было бы никаких вампиров, а мы с тобой… – Джейк замолк и задумался.

– Эдвард все равно вернулся бы.

– Ты уверена?

– Когда мы расстались… нам обоим было очень плохо.

Джейк хотел что-то сказать – что-то злое, судя по выражению лица, но спохватился, глубоко вдохнул и начал сначала:

– Ты знаешь, что Сэм на тебя очень злится?

– На меня? – Я опешила. – А, понятно. Думает, что если бы не я, то и их бы здесь не было.

– Да нет, дело вовсе не в этом.

– А в чем тогда?

Джейк наклонился, поднял еще один камешек и стал вертеть его в руках. Не сводя глаз с черного камешка, он тихо сказал:

– Когда Сэм увидел… какая ты была вначале, когда Билли рассказал ему, как Чарли беспокоился, что ты не поправишься, и потом, когда ты стала прыгать со скал…

Я поморщилась. Вот уж о чем мне никогда не позволят забыть!

Джейк блеснул глазами и поднял на меня взгляд.

– Сэм думал, что ты единственная на свете, у кого есть причины ненавидеть Калленов так же сильно, как он сам их ненавидит. А когда ты как ни в чем не бывало позволила им вернуться в свою жизнь, он почувствовал себя… Преданным.

Я ни на секунду не поверила, что только Сэм так себя почувствовал. И яд в моем голосе предназначался им обоим:

– Скажи своему Сэму, что он может пойти…

– Посмотри-ка!

Джейк показал на орла, пикирующего в океан с невероятной высоты. В последний момент птица вышла из пике, и только когти на мгновение чиркнули по воде. Тяжело хлопая крыльями, орел потащил пойманную рыбину к берегу.

– Это можно видеть повсюду. – Голос Джейка прозвучал отчужденно. – Природа берет свое: охотник и добыча, непрерывный цикл жизни и смерти.

Смысл лекции о природе до меня не дошел: по-моему, Джейк пытался сменить тему. И вдруг он с мрачным юмором поглядел мне в глаза.

– И все же ты не увидишь, чтобы рыба пыталась поцеловать орла. Такого не бывает. – Джейкоб насмешливо ухмыльнулся.

Я натянуто улыбнулась, хотя во рту все еще стоял привкус ядовитых слов.

– А может, рыба пыталась, – предположила я. – Кто знает, о чем она думала. Орлы ведь такие красавцы.

– Так вот в чем все дело, да? – Голос Джейка внезапно зазвенел. – Красавец, говоришь?

– Джейкоб, не болтай глупости!

– Ну, тогда дело в деньгах? – не унимался он.

– Очень мило, – пробормотала я, вставая с сухого дерева. – Я польщена твоим мнением обо мне.

Развернулась и пошла прочь.

– Эй, да не злись ты! – Джейк оказался прямо за моей спиной: схватил меня за руку и повернул к себе лицом. – Я серьезно! Я пытаюсь разобраться, в чем дело, и ни черта не понимаю!

Под сведенными над переносицей бровями глаза Джейка сверкали черным.

– Я его люблю. Не за красоту, не за богатство! – Я выплюнула последнее слово Джейку в лицо. – По мне, так лучше бы обойтись и без того, и без другого. Тогда пропасть между нами не казалась бы такой глубокой. Потому что он самый заботливый, любящий, замечательный и порядочный человек из всех, кого я знаю. Конечно же, я люблю его. Что тут непонятного?

– Все непонятно!

– Джейкоб, тогда будь любезен, объясни мне кое-что. – Я не стала скрывать сарказм. – А за что же можно любить? Раз уж, по-твоему, я люблю не за то.

– Лучше всего найти того, кто принадлежит к твоему виду. Обычно это срабатывает.

– Офигительный совет! Стало быть, мне остается только Майк Ньютон.

Джейкоб дернулся и закусил губу. Я видела, что мои слова его задели, однако слишком разозлилась, чтобы почувствовать себя виноватой. Он отпустил меня и отвернулся; скрестив руки на груди, уставился на океан.

– Я обычный человек, – едва слышно пробормотал он.

– Но не такой обычный, как Майк, – безжалостно наступала я. – Или ты все еще думаешь, что именно это важнее всего?

– Это разные вещи. – Джейк не отрывал взгляда от свинцово-серых волн. – От меня ничего не зависело.

Я недоверчиво хохотнула.

– А ты думаешь, от Эдварда что-то зависело? Он понятия не имел, что с ним происходит – как и ты.

Джейкоб мелко тряс головой.

– Знаешь, ты ужасно самодоволен и всегда уверен в своей правоте – несмотря на то, что ты сам оборотень.

– Это разные вещи, – повторил Джейк, хмуро уставившись на меня.

– В чем же разница? Ты мог бы с чуточку большим пониманием относится к Калленам. Ведь ты и не представляешь, какие они славные.

Джейкоб еще больше нахмурился.

– Их не должно быть вообще. Само их существование неестественно и противно природе.

Долгое время я смотрела на него. Джейк не сразу заметил мой взгляд.

– В чем дело?

– Кстати, о неестественном… – намекнула я.

– Белла, – сказал он каким-то другим голосом. Взрослым голосом. Голосом человека, старше меня – отца или учителя. – Я таким родился. Это часть меня, часть того, чем является моя семья и все наше племя. И это причина того, что мы до сих пор существуем. И кроме того, – Джейк поглядел на меня сверху вниз, и в его черных глазах я ничего не смогла прочитать, – я все еще человек.

Он взял мою руку и прижал к своей горящей лихорадочным жаром груди. Сквозь футболку я чувствовала под ладонью ровное биение сердца.

– Нормальные люди не гоняют на мотоциклах так, как ты.

Джейк слегка улыбнулся.

– Белла, нормальные люди убегают подальше от чудовищ. А я никогда и не говорил, что я нормальный человек. Я просто человек.

На Джейка невозможно дуться. Я убрала руку с его груди, и улыбнулась.

– Ладно, на мой взгляд, ты очень даже похож на человека. Сейчас.

– Я чувствую себя человеком. – Джейк отчужденно смотрел мимо меня.

Его нижняя губа задрожала, и он ее прикусил.

– Джейк… – прошептала я, потянувшись к его руке.

Именно поэтому я сюда и приехала. Именно ради этого я согласна вынести все, что меня ждет по возвращении домой. Потому что под маской злости и сарказма Джейк прятал боль. Я видела это и не знала, как помочь. Но должна была попытаться. Джейку я обязана слишком многим. Он стал частью меня, и с этим уже ничего не поделать.

Глава пятая
Импринтинг

– Джейк, как у тебя дела? Чарли сказал, что плохо… К лучшему изменений нет?

Его теплая рука накрыла мою.

– Да не так уж все и плохо, – ответил он, не поднимая глаз.

Разглядывая разноцветные камешки под ногами, Джейк неторопливо пошел обратно к дереву-скамейке и потащил меня за собой. Я опять села на ствол, а Джейк, вместо того, чтобы сесть рядом, опустился на сырой каменистый берег. Наверное, не хочет, чтобы я видела его лицо. Хотя мою руку он так и не выпустил.

Я начала молоть чепуху, чтобы заполнить пустоту молчания:

– Сто лет у вас не была. Наверняка куча всякого-разного случилась. Как там Сэм и Эмили? А Эмбри? Как Квил…

Я запнулась, вспомнив, что про друга Джейка Квила лучше не спрашивать.

– Ох уж этот Квил, – вздохнул Джейк.

Значит, это все же произошло: Квил присоединился к стае.

– Жаль, – пробормотала я.

К моему удивлению, Джейкоб фыркнул:

– Не вздумай ему это сказать!

– Почему?

– Квилу жалость не нужна. Наоборот, он на седьмом небе от счастья.

Я ничего не поняла. Ведь все остальные волки очень огорчились, зная, что друг должен разделить их судьбу.

– Чего это он?

Джейк задрал голову и поглядел на меня. Улыбнулся и закатил глаза.

– Квил думает, что ничего лучшего с ним случиться не могло. Ведь ты наконец понимаешь, что с тобой происходит. Он ужасно рад вернуться к друзьям – и к тому же теперь он один из «избранных». – Джейк снова фыркнул. – Пожалуй, удивляться нечему. Вполне в духе Квила.

– Ему это нравится?

– Честно говоря, это нравится почти всем, – неохотно признался Джейк. – Есть ведь и преимущества: скорость, свобода, сила… чувство принадлежности к семье. Лишь мы с Сэмом очень переживали. Да и то Сэм

уже давно перестал. Только я нюни распускаю. – Джейкоб рассмеялся.

У меня появился миллион вопросов:

– А почему вы с Сэмом не похожи на остальных? И что вообще с Сэмом произошло? В чем там дело? – Вопросы сыпались один за другим, не давая возможности вставить ответ, и Джейк опять засмеялся.

– Это длинная история.

– Я уже рассказала тебе одну длинную историю. Кроме того, домой я не тороплюсь, – ответила я и поморщилась при мысли о том, что мне за это будет.

Джейкоб моментально поднял на меня глаза, почувствовав двойной смысл моих слов.

– Он разозлится?

– Да, – призналась я. – Он терпеть не может, когда я делаю что-то… небезопасное.

– Вроде прогулок с оборотнем.

– Вот именно.

Джейкоб пожал плечами.

– Тогда не возвращайся. Я лягу спать на диване.

– Гениальная идея, – проворчала я. – В таком случае он непременно пойдет меня искать.

Джейк напрягся, потом кисло улыбнулся:

– В самом деле пойдет?

– Если подумает, что со мной что-то стряслось, то скорее всего пойдет.

– Моя идея с каждой секундой нравится мне все больше.

– Ради бога, Джейк! Меня это уже достало.

– Что именно?

– То, что вы оба готовы убить друг друга! – пожаловалась я. – Вы меня с ума сводите. Неужели нельзя вести себя как цивилизованные люди?

– Он действительно готов меня убить? – хмуро ухмыльнулся Джейк, не обратив внимания на мой гнев.

– Не настолько, насколько ты готов его убить! – Я поняла, что ору во весь голос. – По крайней мере, он ведет себя, как взрослый человек. Знает, что, причиняя боль тебе, он причиняет боль мне – и поэтому никогда не станет этого делать. А тебе на это, похоже, наплевать!

– Ну да, конечно, – пробормотал Джейк. – Он и мухи не обидит.

– Тьфу ты!

Я вырвала руку из ладони Джейка и оттолкнула его голову. Подтянула колени к груди, крепко обхватила их руками и, кипя от ярости, уставилась на горизонт.

Несколько минут Джейк молчал. Потом поднялся с земли, сел рядом со мной и обнял меня одной рукой за плечи. Я стряхнула его руку.

– Извини, – тихо сказал он. – Я постараюсь вести себя прилично.

Я промолчала.

– Так хочешь узнать про Сэма? – спросил он.

Я пожала плечами.

– Странная история. То, что случилось с Сэмом… я даже не уверен, сумею ли объяснить, что к чему.

Хотя я и злилась на Джейка, его слова раздразнили мое любопытство.

– Я слушаю, – сухо сказала я.

Краем глаза я заметила расплывающуюся на лице Джейка улыбку.

– Сэму пришлось куда хуже, чем остальным. Потому что он оказался первым, рядом с ним никого не было. Дедушка Сэма умер еще до его рождения, а отца он так и не увидел. Никто не мог распознать симптомы. Когда это случилось впервые – первый раз, когда он превратился, – Сэм подумал, что сошел с ума. Ему понадобилось две недели, чтобы взять себя в руки и превратиться обратно. Это было еще до твоего приезда в Форкс. Мать Сэма и Ли Клируотер обратились в полицию и к лесникам, чтобы организовать поиски. Думали, несчастный случай или еще что-то…

– Ли Клируотер? – удивилась я.

Ли была дочерью Гарри, и при звуке ее имени на меня нахлынула волна жалости. Гарри Клируотер, давний друг Чарли, прошлой весной умер от инфаркта.

Голос Джейка изменился.

– Да. Они с Сэмом дружили со школы. Стали встречаться, когда Ли было лет четырнадцать. И когда Сэм исчез, она чуть с ума не сошла.

– Но Сэм и Эмили…

– Об этом я потом расскажу: это тоже часть истории. – Джейк медленно вдохнул и резко выдохнул.

Пожалуй, глупо было думать, что до Эмили Сэм никогда никого не любил. Большинство людей влюбляются много раз в жизни. Просто я видела Сэма с Эмили и не могла представить его с кем-то еще. Сэм так на нее смотрел… очень похоже на то, как иногда смотрит Эдвард – на меня.

– Сэм вернулся, – продолжал Джейкоб. – Но ни с кем не хотел говорить о том, что с ним случилось. Пошли слухи: в основном болтали, что он связался с дурной компанией. Как-то Сэм столкнулся с дедушкой Квила, старым Квилом Атеарой, который зашел проведать миссис Улейс. Сэм пожал ему руку, и старый Квил чуть копыта не откинул. – Джейк засмеялся.

– Почему?

Джейкоб положил ладонь мне на щеку и повернул лицом к себе – он склонился вперед, и его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от моего. Ладонь у него горела, словно Джейка лихорадило.

– Понятно, – пробормотала я. Какая у Джейка горячая ладонь и как близко его лицо… Мне стало неловко. – У Сэма была температура.

Джейкоб снова засмеялся.

– Рука горела, будто он держал ее на плите.

Джейк был так близко, что я ощущала тепло его дыхания. Я спокойно подняла руку и убрала его ладонь с лица, хотя и переплела наши пальцы, чтобы он не обиделся. Джейк с улыбкой отклонился назад, ничуть не обманутый моим напускным равнодушием.

– В общем, мистер Атеара пошел прямиком к другим старейшинам, – продолжал Джейк. – Только они еще знали и помнили. Мистер Атеара, Билли и Гарри даже видели, как их дедушки превращались. После рассказа старого Квила они тайно встретились с Сэмом и объяснили ему, в чем дело. Когда Сэм понял, ему стало легче: теперь он был не один. Старейшины знали, что не только на него повлияло возвращение Калленов. – Это имя Джейк произносил с невольной горечью. – Но в то время все остальные еще должны были подрасти. Так что Сэм ждал, пока мы к нему присоединимся…

– Каллены об этом и понятия не имели, – прошептала я. – Они не думали, что здесь до сих пор есть оборотни. Не знали, что, приехав сюда, заставят тебя измениться.

– Какая разница – знали или не знали? Ведь это все равно произошло.

– Ты, похоже, злопамятный.

– А, по-твоему, я должен все прощать, как ты? Не всем же быть святыми и мучениками.

– Джейкоб, пора тебе повзрослеть!

– Если бы я мог, – пробормотал он.

Я уставилась на Джейкоба, пытаясь вникнуть в смысл его слов.

– Что ты сказал?

Джейк хихикнул.

– Так, одна из тех странностей, о которых я говорил.

– Ты… не можешь… повзрослеть? – в недоумении спросила я. – То есть как? Ты не… не стареешь? Это что, шутка?

– Уж какие тут могут быть шутки.

Мое лицо запылало. Глаза наполнились слезами – от злости. Зубы клацнули, и челюсти сжались.

– Белла? Да что я такого сказал?

Я снова вскочила на ноги, сжимая кулаки и дрожа всем телом.

– Ты. Не. Стареешь, – прорычала я сквозь зубы.

Джейк мягко потянул меня за руку, заставляя сесть на место.

– Никто из нас не стареет. Что с тобой?

– Я что, единственная на свете, кто станет старой? Я старею каждый день, черт бы их всех побрал!

Я уже кричала, размахивая руками. Маленькая часть меня понимала, что я устроила истерику вполне в стиле Чарли, однако эту здравомыслящую частичку почти целиком затмила огромная часть, напрочь не способная мыслить здраво.

– Да пропади оно все пропадом! Что за дурацкий мир? Где справедливость?

– Белла, успокойся.

– Заткнись, Джейк! Молчи!

– Ты действительно сейчас топнула ногой? Я думал, девчонки так только в кино делают.

Я зарычала, но на Джейка это не произвело никакого впечатления.

– Все не так плохо, как ты думаешь. Садись, я тебе объясню.

– Я постою.

– Ладно, как хочешь. Послушай, на самом деле я постарею – когда-нибудь.

– То есть как?

Он похлопал по стволу. Секунду я испепеляла Джейка взглядом, потом все же села: моя ярость погасла так же неожиданно, как и вспыхнула, и я успокоилась достаточно, чтобы понять: я веду себя глупо.

– Когда мы сможем держать себя в руках достаточно долго, чтобы перестать… Когда мы на длительное время перестаем превращаться, то снова начинаем стареть. Это нелегко. – Он покачал головой, внезапно засомневавшись. – Думаю, нам еще не скоро удастся научиться так владеть собой. Даже Сэм пока не может. К тому же присутствие целой банды вампиров прямо у нас под носом все только усложняет. Мы не можем перестать превращаться, пока племени нужна защита. Но у тебя вовсе нет причин устраивать из-за этого истерику, потому что я уже старше тебя – по крайней мере, физически.

– Что ты имеешь в виду?

– Белла, посмотри на меня. Разве я похож на шестнадцатилетнего подростка?

Я оглядела с головы до ног его мощное тело, стараясь быть

объективной:

– Пожалуй, не похож.

– Вовсе не похож. Потому что когда запускается ген оборотня, мы за несколько месяцев полностью вырастаем. Вымахиваем так, что дальше некуда. – Он поморщился. – Физически мне лет двадцать пять или около того. Так что не стоит вопить, что ты старше меня – лет семь у тебя еще есть в запасе.

«Двадцать пять или около того». В голове не укладывается. Но я помнила, как Джейк внезапно вырос: у меня на глазах вытянулся и оброс мышцами. Помнила, как он каждый день выглядел немного по-другому… Я потрясла головой, чувствуя легкое головокружение.

– Ну так что, ты будешь слушать про Сэма – или будешь орать на меня из-за вещей, которые я не в силах изменить?

Я вздохнула.

– Извини. Для меня возраст – вопрос щекотливый. Задел за живое.

Взгляд Джейка посуровел: казалось, парень тщательно подбирает слова.

Поскольку мне не хотелось обсуждать и правда щекотливые вопросы – вроде моих планов на будущее или договоров, которые могут быть нарушены, если осуществятся эти планы, – я подтолкнула разговор в нужном направлении:

– Значит, когда Сэм понял, что происходит, когда Билли, Гарри и мистер Атеара объяснили, в чем дело, ему стало гораздо легче. И еще ты сказал, что в этом есть и хорошие стороны… – Я запнулась. – Почему Сэм так ненавидит Калленов? Почему хочет, чтобы я тоже их ненавидела?

– А вот это самая странная странность.

– Меня удивить трудно.

– Уж это точно, – ухмыльнулся Джейк. – В общем, ты права. Когда Сэм узнал, что происходит, ему полегчало. В основном его жизнь… ну, прежней она уже не была, но дела пошли на лад. – Лицо у Джейка стало напряженным, будто он собирался сказать что-то неприятное. – Сэм ничего не мог рассказать Ли. Мы никому не должны об этом говорить без крайней необходимости. И кроме того, для Сэма стало небезопасно находиться рядом с ней. Он пошел на уловки, как это сделал я с тобой. Ли ужасно злилась, что Сэм не говорит ей, где бывает, куда уходит по ночам и почему всегда такой усталый. Но они пытались сохранить отношения, потому что очень любили друг друга.

– А потом она узнала, в чем дело? И поэтому они расстались?

Джейк покачал головой.

– Нет. Просто однажды из резервации Мака к Ли приехала ее сестра Эмили Янг.

– Эмили – сестра Ли? – удивилась я.

– Троюродная сестра. Правда, они очень близки и в детстве были, можно сказать, родными.

– Какой ужас… И Сэм… – Я замолчала, качая головой.

– Не торопись его осуждать. Ты знаешь, что такое «импринтинг»?

– Импринтинг? – повторила я незнакомое слово. – Нет, не знаю. А что это?

– Одна из тех странностей, с которыми мы должны мириться. Это происходит не со всеми. Вообще-то, это не правило, а редкое исключение. К тому времени Сэм уже наслушался всяких историй, которые мы привыкли считать легендами. Об импринтинге он слышал, хотя никогда не думал…

– Так что это за штука? – поинтересовалась я.

Джейк перевел взгляд на океан.

– Сэм в самом деле любил Ли Клируотер. Однако после его встречи с Эмили это уже не имело значения. Иногда… мы не знаем точно почему… именно так мы находим подругу. – Джейк глянул на меня и зарделся. – То есть свою вторую половинку.

– Как «так»? Любовь с первого взгляда, что ли? – насмешливо фыркнула я.

Джейкоб не улыбнулся, темные глаза пристально следили за моим лицом.

– Эта штука посильнее любви с первого взгляда. Больше, чем любовь.

– Извини, – пробормотала я. – Ведь ты не шутишь, верно?

– Верно.

– Сильнее, чем любовь с первого взгляда? – В моем голосе все еще слышалось сомнение, и Джейк не мог его не заметить.

– Мне трудно объяснить… Да и неважно на самом деле. – Он пожал плечами. – Ты хотела знать, что случилось с Сэмом, почему он терпеть не может вампиров… Они вынудили его измениться, заставили возненавидеть себя. Он их не выносит, потому что разбил сердце Ли и не сдержал данных ей обещаний. Каждый день он видит ее обвиняющий взгляд и знает, что она права.

Джейк внезапно замолк, словно сказал что-то, чего говорить не следовало.

– А как отреагировала Эмили? Если она была в таких близких отношениях с сестрой…

Сэм и Эмили выглядели идеальной парой: как две половинки одного целого. И все же… как Эмили могла смириться с тем, что раньше Сэм принадлежал другой? Принадлежал девушке, которая была ей почти родной сестрой?

– Сначала Эмили очень злилась. Но трудно сопротивляться такой преданности и обожанию. – Джейкоб вздохнул. – К тому же Сэм мог ей все рассказать. Когда ты находишь свою вторую половинку, то больше не связан правилами. Ты знаешь, откуда у Эмили шрамы на лице?

– Да. – В Форксе говорили, что на Эмили напал медведь, но я-то знала правду.

«На оборотней положиться нельзя, – как-то сказал Эдвард. – Люди, находящиеся рядом с ними, могут пострадать».

– Как ни странно, именно таким образом они и помирились. Сэм пришел в ужас от того, что натворил, его тошнило от самого себя, он ненавидел себя за то, что сделал… И бросился бы под автобус, если бы это хоть как-то помогло Эмили. Он не мог прийти в себя… И тут почему-то получилось так, что Эмили стала его утешать, а потом…

Джейкоб замолчал, и я поняла, что потом произошло нечто слишком личное, чтобы об этом рассказывать.

– Бедная Эмили, – прошептала я. – Бедняга Сэм. Бедняжка Ли…

– Да уж, Ли не повезло больше всех, – согласился Джейк. – Она храбрится. Будет подружкой невесты на свадьбе.

Я смотрела в сторону, на неровные скалы на южной оконечности залива, выступающие из океана как обломанные пальцы, и пыталась переварить услышанное. Я чувствовала взгляд Джейка на своем лице: он ждал моего ответа.

– А с тобой это случилось? – наконец спросила я, глядя в сторону. – Ну, любовь с первого взгляда?

– Нет, – резко ответил он. – Это случилось только с Сэмом и Джаредом.

Я хмыкнула, стараясь выказать лишь вежливый интерес. На самом деле у меня камень с души упал, и я задумалась почему. Хорошо, что Джейк не заявил, будто наши отношения – это какая-то мистическая связь, штучки оборотней. В наших отношениях и без того черт ногу сломит. Хватит с меня сверхъестественных явлений.

Джейк тоже молчал, и в этом молчании чувствовалась неловкость. И мне вовсе не хотелось услышать, о чем он думает.

– А с Джаредом что произошло? – спросила я, чтобы нарушить молчание.

– Ничего страшного. Это оказалась девчонка, с которой он целый год просидел рядом в школе и на которую никогда не обращал внимания. А потом, после превращения, вдруг заметил и уже больше не сводил глаз. Ким на седьмом небе от счастья. Она была влюблена в него по уши и в дневнике уже везде писала его фамилию после своего имени. – Джейк ехидно засмеялся.

Я нахмурилась.

– Тебе Джаред рассказал?.. Ему не следовало такое говорить.

Джейкоб закусил губу.

– Да, зря я смеюсь… Хотя это все же ужасно смешно. Джаред ничего нам не говорил. Я ведь тебе уже рассказывал об этом, помнишь?

– А что, когда вы обращаетесь в волков, вы слышите мысли друг друга?

– Верно. Так же, как и твой кровосос. – Джейк насупился.

– Эдвард, – поправила я.

– Ну да, конечно. Именно так я узнал, что чувствует Сэм. Это вовсе не означает, что он сам рассказал бы нам… Честно говоря, мы все не в восторге. – В его голосе вдруг прозвучала горечь. – Никакой личной жизни, никаких секретов. Все, чего ты стыдишься, выложено на всеобщее обозрение.

– И правда кошмар, – прошептала я.

– Вообще-то, иногда это помогает, если нам нужно действовать вместе, – неохотно признался он. – Раз в сто лет, когда какой-нибудь кровосос пересекает нашу границу. С Лораном мы повеселились. И если бы в прошлую субботу у нас под ногами не мешались Каллены… эх! – простонал Джейк. – Мы могли бы ее поймать!

Он со злостью сжал руки в кулаки.

Я вздрогнула. Как бы я ни беспокоилась, что Джаспер или Эмметт пострадают, это беспокойство не шло ни в какое сравнение с паникой, которую у меня вызывала мысль о Джейкобе, нападающем на Викторию. Если на свете есть нечто, не поддающееся уничтожению, так это Эмметт и Джаспер. А Джейкоб все еще теплый и все еще человек. Он смертен. Я представила, как Джейкоб идет на Викторию, как ее блестящие волосы развеваются вокруг лица, странно похожего на кошачье… и меня затрясло.

Джейкоб посмотрел как-то странно.

– Разве с тобой не то же самое? Ведь он все время у тебя в голове.

– Вовсе нет. Эдвард не в состоянии заглянуть в мою голову. Хотя и хотел бы.

На лице Джейка отразилось замешательство.

– Он не может меня слышать, – объяснила я, и по старой привычке в моем голосе прозвучало самодовольство. – Для него я единственная, кого он не может услышать. Мы не знаем почему.

– Странно, – произнес Джейкоб.

– Да уж. – Самодовольство испарилось. – Скорее всего, у меня с мозгами что-то не в порядке.

– Я давно подозревал, что мозги у тебя набекрень, – усмехнулся Джейкоб.

– Спасибо за комплимент.

Солнце вдруг прорвалось из-за пелены облаков – я не ожидала такого сюрприза и прикрыла глаза, защищая их от блеска воды. Все вокруг изменило цвет: волны из серых стали синими, деревья из блекло-зеленых ярко-изумрудными, а разноцветные камешки заблестели, как самоцветы.

Мы прищурились, привыкая к свету. Тишину нарушали только рев прибоя, эхом отдававшийся со всех сторон закрытой бухты, мягкое шуршанье гальки под набегающими волнами и крики чаек высоко в небе. Как хорошо!

Джейкоб придвинулся ближе, прислонившись к моей руке. Он был такой теплый. Через минуту я уже сняла куртку. Джейк одобрительно хмыкнул и прислонился щекой к моей макушке. Солнце пригревало – хотя от Джейкоба жар шел сильнее, – и я лениво прикидывала, сколько времени мне понадобится, чтобы сгореть.

Я повернула правую руку к солнцу и рассеянно наблюдала, как свет слегка отблескивает на шраме, оставшемся от укуса Джеймса.

– О чем ты думаешь? – пробормотал Джейк.

– О солнце.

– Приятные мысли.

– А ты о чем? – спросила я.

Джейк усмехнулся.

– Вспоминаю идиотский фильм, на который ты меня потащила. И как Майк Ньютон обрыгал все вокруг.

Я тоже засмеялась. В тот вечер столько всего изменилось… Вспоминая его теперь, я испытывала не страх и не стресс, а желание улыбнуться. Это был последний вечер, который мы с Джейком провели вместе до того, как он узнал о своей сущности. Последнее человеческое воспоминание. И сейчас оно стало странно приятным.

– Я скучаю по тем временам, – сказал Джейкоб. – Все было так просто, так понятно… Я рад, что у меня хорошая память. – Он вздохнул.

Джейк почувствовал, как я внезапно напряглась: его слова мне кое-что

напомнили.

– Что с тобой?

– Кстати, о хорошей памяти… – Я отодвинулась от Джейка, чтобы видеть его лицо. Сейчас на нем отражалось недоумение. – Не скажешь, что ты сделал в понедельник утром? Ты думал о чем-то, что расстроило Эдварда.

«Расстроило» – это мягко сказано. Однако если я хочу получить ответ, не стоит начинать слишком жестко.

Недоумение на лице Джейка рассеялось, и он рассмеялся:

– Я просто подумал о тебе. Ему это не очень-то понравилось, а?

– Обо мне? И что ты подумал обо мне?

На этот раз Джейкоб засмеялся не так весело.

– Вспомнил, как ты выглядела, когда тебя нашел Сэм. Знаешь, Сэм не может отделаться от этого воспоминания. А потом вспомнил, как ты впервые ко мне приехала. Ты даже не представляешь, в каком ужасном состоянии тогда была. Понадобились долгие недели, чтобы ты вновь стала похожа на человека. А как ты обхватывала себя руками, словно боялась, что рассыплешься на части… – Джейк поморщился и покачал головой. – Мне нелегко вспоминать твои переживания, но я был ни при чем. И подумал, что ему-то придется еще хуже.

Я врезала Джейку по плечу. Рука заболела.

– Джейкоб Блэк, не вздумай повторить это еще раз! Обещай, что больше никогда так не сделаешь!

– Вот еще! Давненько я так не веселился!

– Джейк, помоги мне…

– Белла, да успокойся. Ну когда я его снова увижу? Можешь не переживать.

Я встала и пошла прочь. Джейк схватил меня за руку. Я попыталась вырваться.

– Джейкоб, мне пора.

– Нет, подожди, – попросил он, крепче сжимая мою руку. – Извини. И… ладно, я больше не буду. Обещаю.

Я вздохнула.

– Спасибо, Джейк.

– Тогда пойдем ко мне, – настойчиво предложил он.

– Вообще-то, мне и правда пора ехать. Меня ждет Анжела Вебер, да и Элис волнуется. Не хотелось бы слишком сильно ее расстраивать.

– Ты ведь только что приехала!

– Мне тоже так кажется, – согласилась я и поглядела на солнце: каким-

то образом оно уже стояло прямо над головой.

Время пролетело удивительно быстро.

Джейк насупился.

– Когда я снова тебя увижу? – обиженно спросил он.

– Когда Эдвард опять уедет, – пообещала я, не подумав.

– Уедет? – Джейк закатил глаза. – Так это называется, да? То, что он делает. Тошнит меня от этих пиявок.

– Если ты не можешь вести себя прилично, то я вообще больше не приеду! – пригрозила я, вырывая руку.

Джейк не отпускал.

– Ладно, не злись, – ухмыльнулся он. – Рефлексы сработали.

– Если ты хочешь, чтобы я опять приехала, давай кое о чем договоримся.

Джейк молча ждал продолжения.

– Видишь ли, для меня все равно, кто вампир, а кто оборотень. Ты Джейкоб, он Эдвард, а я Белла. Остальное неважно.

Он слегка прищурился.

– Но ведь я все равно оборотень, – неохотно сказал Джейк. И с отвращением добавил: – А он остается вампиром.

– А я Дева! – заорала я, не выдержав.

Джейк с любопытством изучая выражение моего лица. Наконец он пожал плечами:

– Если ты так хочешь…

– Да. Хочу.

– Ладно. Просто Белла и Джейкоб. И никаких дурацких Дев.

Джейк улыбнулся знакомой улыбкой, по которой я так соскучилась. На моем лице расплылась ответная улыбка.

– Джейк, я очень по тебе скучала, – вырвалось у меня.

– Я тоже. – Его улыбка стала еще шире. Джейк смотрел на меня ясным, счастливым взглядом, в котором не осталось горькой злобы. – Больше, чем ты можешь себе представить. Ты скоро вернешься?

– Как только смогу, – пообещала я.

Глава шестая
Швейцария

Я ехала домой, не обращая внимания на мокро поблескивающую под солнцем дорогу. Думала о той лавине информации, которую на меня обрушил Джейкоб, и пыталась как-то в ней разобраться. Несмотря на перенапряжение мозгов, на душе полегчало. Я увидела улыбку Джейка и вытащила на свет божий все секреты… проблемы от этого не исчезли, но хотя бы уменьшились. Правильно сделала, что съездила повидать Джейка: я ему нужна. И судя по всему, думала я, прищуриваясь против солнца, никакой опасности и в помине не было.

Он появился из ниоткуда. Еще минуту назад в зеркале заднего вида на залитом солнцем шоссе было пусто. И вдруг на моем хвосте повис серебристый «вольво».

– Вот черт! – простонала я.

Подумала, не остановиться ли, но у меня не хватит духу прямо сейчас с ним встретиться. Я-то рассчитывала, что будет время подготовиться… да и Чарли будет рядом и смягчит удар. По крайней мере, при Чарли он не станет на меня орать.

«Вольво» следовал за мной всего в нескольких дюймах позади. Я не сводила глаз с дороги.

Трусишка до мозга костей, я поехала прямиком к Анжеле, ни разу не встретившись со взглядом, который прожигал дыру в моем зеркале заднего вида.

«Вольво» ехал за мной, пока я не затормозила возле дома Веберов. Он не остановился, а я не подняла глаз. Не хотела видеть выражение его лица. Как только «вольво» исчез из виду, я бегом помчалась по короткой подъездной дорожке к дверям.

Не успела я постучать, как Бен уже открыл дверь, будто стоял в прихожей.

– Привет, Белла! – удивленно воскликнул он.

– Привет, Бен! А Анжела дома?

Вдруг она забыла о наших планах? Я поморщилась от мысли, что придется ехать домой пораньше.

– Конечно, – ответил Бен, и тут же на лестнице появилась моя подруга:

– Белла!

Бен заглянул мне через плечо: мы оба услышали приближающуюся машину. Звук меня не испугал: этот мотор затарахтел и замолк с громким выстрелом из выхлопной трубы. Ничего похожего на мурчание «вольво». Должно быть, тот самый гость, которого дожидался Бен.

– Остин приехал, – сказал Бен, когда к нему подошла Анжела.

С улицы послышался автомобильный гудок.

– Пока! Я уже по тебе скучаю! – заявил Бен, обнимая Анжелу за шею и поворачивая ее лицо, чтобы смачно поцеловать.

Через секунду Остин опять загудел.

– Пока, Анжи! Я тебя люблю! – закричал Бен и вылетел мимо меня за дверь.

Слегка покрасневшая Анжела пришла в себя и махала вслед, пока Бен и Остин не скрылись из виду. Потом повернулась ко мне с унылой улыбкой на лице.

– Белла, спасибо, что согласилась помочь. От всей души спасибо. Ты спасла меня не только от неизлечимой травмы пальцев, но и от двухчасового просмотра бессмысленного, ужасно переведенного боевика. – Она облегченно вздохнула.

– Рада, что удалось тебя выручить. – Я немного успокоилась.

У Веберов все так обыденно. Простые человеческие драмы Анжелы странно меня успокоили. Хорошо хоть где-то люди живут нормальной жизнью.

Я поднялась за подругой наверх в ее комнату. По дороге Анжела отпинывала в сторону разбросанные игрушки. В доме царила необычная тишина.

– А где твои?

– Родители повезли близнецов в Порт-Анжелес на день рождения. Мне даже не верится, что ты и правда согласилась мне помочь. Бен притворился, что у него рука болит. – Анжела скривилась.

– Да ладно, ерунда, – ответила я и тут вошла в комнату Анжелы и увидела стопки конвертов. – Ничего себе!

Анжела повернулась ко мне с извиняющимся видом. Теперь понятно, почему она откладывала это до последнего и почему Бен нашел предлог увильнуть.

– Я думала, ты преувеличиваешь, – призналась я.

– Если бы. Ну что, не передумаешь?

– Ладно, давай уж, чего там. У меня целый день свободен.

Анжела поделила стопку пополам и положила адресную книжку матери на стол между нами. Какое-то время мы сосредоточенно работали, и

в комнате слышалось только тихое шуршание ручек по бумаге.

– А чем сегодня занят Эдвард? – поинтересовалась Анжела через несколько минут.

Моя ручка с силой врезалась в конверт, который я надписывала.

– Эмметт приехал домой на выходные. Вроде бы они собирались пойти в поход.

– Ты говоришь так, будто не уверена, что они пойдут.

Я пожала плечами.

– Тебе повезло, что у Эдварда есть братья, с которыми он может ходить в походы. Не знаю, что бы я делала, если бы не Остин. С ним Бен может заниматься всеми этими мальчишескими штучками.

– Да уж, меня на природу как-то не тянет. И мне за ними в жизни не угнаться.

Анжела засмеялась.

– Я тоже предпочитаю сидеть дома.

На минуту она сосредоточилась на своей стопке конвертов. Я написала еще четыре адреса. С Анжелой никогда не возникает надобности заполнить молчание бессмысленной болтовней. Как и Чарли, она не считает паузы неловкими.

Однако, подобно Чарли, Анжела иногда слишком наблюдательна.

– У тебя все в порядке? – тихо спросила она. – Ты как будто нервничаешь.

Я смущенно улыбнулась.

– Что, так заметно?

– Да вообще-то не очень.

Скорее всего, Анжела врет, чтобы меня не расстраивать.

– Можешь не говорить, если не хочешь, – успокоила она. – А если тебе нужно выговориться, то я слушаю.

Я собиралась сказать: «Спасибо, не стоит». В конце концов, у меня слишком много секретов, которые я должна хранить. И я не могу обсуждать свои проблемы с обычными людьми: это будет нарушением правил.

И в то же время мне внезапно и необъяснимо захотелось именно этого: поговорить с обычной подружкой, пожаловаться на жизнь, как любой нормальный подросток. Эх, мне бы такие простые проблемы! К тому же хорошо бы пообщаться с кем-то, не имеющим отношения к этой заварушке между вампирами и оборотнями, чтобы взглянуть на вещи со стороны – непредвзято.

– Не буду лезть не в свое дело, – пообещала Анжела, с улыбкой склоняясь над конвертом.

– Да нет, – ответила я. – Ты права. Я и правда нервничаю. Это… из-за Эдварда.

– Что-то случилось?

С Анжелой легко разговаривать. Когда она задает такой вопрос, я уверена, что это не из нездорового любопытства и не в поисках сплетен, как сделала бы Джессика. Анжеле не безразлично, что я расстроена.

– Он на меня злится.

– Он? На тебя? Не может быть! – сказала она. – За что злится-то?

Я вздохнула:

– Помнишь Джейкоба Блэка?

– А!

– Да.

– Он ревнует, – сказала Анжела.

– Нет, не ревнует…

Мне следовало бы заткнуться. Такие вещи объяснить невозможно. Но мне все равно хотелось продолжать разговор. Я и не думала, что так соскучилась по нормальному человеческому общению.

– Эдвард думает, что Джейк… ну, типа плохо на меня влияет. Вроде как… опасен для меня. Ты ведь знаешь, как сильно я вляпалась несколько месяцев назад… Вообще-то это все такие глупости!

К моему удивлению, Анжела покачала головой.

– Ты чего? – спросила я.

– Белла, я видела, как на тебя смотрел Джейкоб Блэк. Могу поспорить, что на самом деле Эдвард ревнует.

– С Джейком у меня не такие отношения.

– У тебя-то, может, и не такие, а вот у Джейка…

Я нахмурилась.

– Джейк знает, как я к нему отношусь. Я ему все сказала.

– Белла, Эдвард всего лишь человек. И будет относиться к этому как любой другой парень на его месте.

Я поморщилась. На это сказать мне было нечего.

Анжела похлопала меня по руке.

– Ничего, пройдет со временем.

– Надеюсь. У Джейка сейчас трудный период. Я ему нужна.

– Ведь вы с Джейкобом в довольно близких отношениях?

– Как брат и сестра, – согласилась я.

– А Эдварду он не нравится… Нелегко это, наверное. Интересно, как бы Бен на такое отреагировал? – задумалась она.

Я слегка улыбнулась:

– Как и любой другой парень на его месте.

Анжела ухмыльнулась:

– Скорее всего!

Потом она сменила тему. Анжела не из тех, кто лезет в душу, и, похоже, почувствовала, что я не стану – не могу – продолжать разговор.

– Я вчера получила распределение в общежитие. Конечно же, мне досталось самое дальнее от колледжа!

– А Бен уже знает, где будет жить?

– В самом ближнем. Вечно ему во всем везет. А ты как? Уже решила, где будешь учиться?

Я уставилась на свои корявые закорючки на конверте. На секунду меня отвлекла мысль о том, что Анжела и Бен поступили в университет Вашингтона. Через несколько месяцев они уедут в Сиэтл. Станет ли там безопасно к этому времени? Переедут ли новорожденные вампиры в какой-нибудь другой город? И где-то в другом месте, словно в фильме ужасов, горожане будут содрогаться, читая заголовки газет.

И не по моей ли вине появятся эти заголовки?

Я попыталась стряхнуть с себя наваждение и слегка помедлила с ответом:

– Наверное, поеду на Аляску. Там есть университет в Джуно.

– На Аляску? – удивилась Анжела. – Правда? Ну то есть, это здорово. Просто я думала, что ты поедешь… ну, в более теплое место.

Я рассмеялась, все еще не сводя глаз с конверта.

– Да уж. Форкс радикально изменил мои взгляды на жизнь.

– А как же Эдвард?

У меня екнуло сердце, но я все же посмотрела на Анжелу и улыбнулась:

– Эдварда холода на Аляске тоже не пугают.

Анжела улыбнулась:

– Ну еще бы! – И вздохнула: – Это так далеко. Вряд ли ты сможешь часто приезжать домой. Но хоть писать-то мне будешь?

Я приуныла. Может, не стоило сейчас так сближаться с Анжелой? И все же не будет ли еще печальнее, если я упущу эти последние шансы? Я стряхнула с себя грустные мысли и ответила шуткой:

– Если буду в состоянии печатать после этого! – Я кивнула на стопку надписанных конвертов.

Мы засмеялись, и стало легко болтать о предметах и специальностях, пока мы дописывали остальные адреса: мне надо было всего лишь не думать об этом. В любом случае, на сегодняшний день у меня есть заботы

поважнее.

Я даже помогла Анжеле наклеить марки на конверты: уходить было страшно.

– Как рука? – спросила Анжела.

Я сжала и разжала пальцы.

– Думаю, что снова смогу ею пользоваться – когда-нибудь.

Внизу хлопнула дверь, и мы обе подняли глаза.

– Анжи? – послышался голос Бена.

Я попыталась улыбнуться, но губы дрожали.

– Ну что ж, пожалуй, мне пора.

– Оставайся, если хочешь. Хотя, скорее всего, Бен собирается рассказать мне весь фильм – во всех подробностях.

– Да нет, пора, а то Чарли будет волноваться.

– Спасибо за помощь.

– Вообще-то, мне понравилось. Надо нам как-нибудь устроить что-то вроде этого. Собраться на девичник.

– Непременно!

В дверь спальни постучали.

– Бен, заходи, – разрешила Анжела.

Я встала и потянулась.

– Белла! Ты осталась в живых! – мимоходом бросил мне Бен и сел на мое место рядом с Анжелой. Потом внимательно посмотрел на плоды наших трудов. – Молодцы! Жалко, что все уже сделано, а то я бы… – Он замолк и внезапно перешел к оживленному рассказу: – Анжи, ты пропустила все на свете! Такой классный фильм! Там последняя драка, все так срежиссировано, просто с ума сойти! И там один такой парень, ну в общем, это надо видеть!

Анжела бросила на меня многозначительный взгляд.

– Увидимся в школе! – нервно хихикнула я.

– Пока, – вздохнула Анжела.

К пикапу я шла, настороженно оглядываясь, но улица была пустынна. Всю дорогу домой я беспокойно проверяла все зеркала, но серебристый «вольво» нигде не показывался.

Перед домом его тоже не было, хотя это ничего не значило.

– Белла, ты? – позвал Чарли, когда я открыла дверь.

– Привет, па!

Чарли я нашла перед телевизором в гостиной.

– Ну, как дела?

– Хорошо, – отозвалась я.

Не имеет смысла что-то скрывать от Чарли: все равно Билли скоро все расскажет. Кроме того, новости его обрадуют.

– С работы меня отпустили, так что я съездила в Ла-Пуш.

На его лице не отразилось должного удивления: Билли уже все рассказал.

– Как дела у Джейкоба? – с притворным равнодушием поинтересовался Чарли.

– Хорошо, – ответила я тем же тоном.

– А к Веберам ты ездила?

– Ага. Надписали все конверты.

– Молодцы! – Чарли широко улыбнулся. Странно, что он так внимательно меня слушает: ведь по телевизору идет игра. – Я рад, что ты сегодня провела время с друзьями.

– Я тоже рада.

Я поплелась на кухню в поисках какого-нибудь занятия. К сожалению, Чарли уже вымыл посуду после обеда. Несколько минут я стояла на кухне, не сводя глаз с яркого пятна солнечного света на полу. Оттягивать до бесконечности невозможно.

– Пойду позанимаюсь, – мрачно объявила я и пошла наверх.

– Потом поговорим! – крикнул мне вслед Чарли.

«Если выживу», – подумала я.

Я аккуратно прикрыла дверь спальни и только потом повернулась.

Конечно же, он был там: стоял у стены напротив меня, в тени возле открытого окна – с каменным лицом и в напряженной позе. И молча сверлил меня взглядом.

Я сжалась, ожидая лавины, но ничего не случилось. Он просто молча не сводил с меня глаз – может, слишком разозлился, чтобы разговаривать?

– Привет, – наконец выдавила я.

Его лицо казалось вырезанным из камня. Я досчитала до ста, но он так и не шелохнулся.

– Ну… в общем, я жива-здорова, – начала я.

Из его груди вырвалось рычание, но выражение лица не изменилось.

– Ничего страшного не произошло, – пожала я плечами.

Он пошевелился: закрыл глаза и зажал переносицу правой рукой.

– Белла, – прошептал он, – ты хоть понимаешь, что я чуть было не перешел границу? Чуть не нарушил договор, чтобы пойти за тобой? Ты знаешь, к чему это могло привести?

Я поперхнулась, и он открыл глаза – холодные и темные, как ночь.

– Ты бы не сделал этого! – Слова прозвучали чересчур громко. Я

старалась не повышать голос, чтобы не услышал Чарли, но мне хотелось кричать: – Эдвард, они воспользуются любым предлогом, чтобы начать драку. Они будут вне себя от радости. Ты не должен нарушать правила!

– Может, не только им охота подраться.

– Хватит! – оборвала я. – Вы заключили договор – вот и придерживайтесь его!

– Если он тебя обидит…

– Перестань! – рявкнула я. – Об этом можешь не переживать. Джейкоб неопасен.

– Белла! Ты не в состоянии судить, кто опасен, а кто нет.

– Я знаю, что за Джейка переживать не надо. Ни мне, ни тебе.

Эдвард заскрипел зубами. Руки сжались в кулаки. Он по-прежнему стоял возле стены, и мне ужасно не нравилось такое расстояние между нами.

Я глубоко вдохнула и шагнула к Эдварду. Он не пошевелился, когда я обхватила его руками. Теплый вечерний свет проникал в окно, и от этого кожа Эдварда казалась особенно холодной. И весь он был словно ледышка – замерзший и неподвижный.

– Прости, что заставила тебя так волноваться, – пробормотала я.

Он вздохнул и немного расслабился. Положил руки мне на талию.

– «Волноваться» – это мягко сказано, – проворчал он. – Сегодняшний день тянулся бесконечно долго.

– Тебе не полагалось об этом знать, – напомнила я. – Я не рассчитывала, что ты так рано вернешься с охоты.

Я посмотрела ему в глаза и наткнулась на его напряженный взгляд. И только тут заметила, что глаза у него слишком темные, с фиолетовыми кругами вокруг. Я неодобрительно нахмурилась.

– Когда Элис увидела, что ты исчезла, я вернулся, – объяснил Эдвард.

– Не надо было этого делать! Ведь теперь тебе снова придется уехать. – Я нахмурилась еще сильнее.

– Я могу подождать.

– Вот еще глупости! То есть, конечно, я знаю, что Элис не могла видеть меня с Джейкобом, но ты-то должен был знать…

– А я не знал! – оборвал меня он. – И не жди, что я разрешу…

– Что значит, не жди? Именно этого я и буду ждать!

– Это больше не повторится.

– Вот именно! Потому что в следующий раз ты не станешь так нервничать!

– Потому что следующего раза не будет! – заявил Эдвард.

– Но ведь я понимаю, что тебе нужно уезжать, хотя мне это и не нравится…

– Это разные вещи. Жизнью я не рискую.

– И я тоже!

– Оборотни опасны.

– А я так не думаю.

– Белла, я не намерен это обсуждать.

– И я тоже!

Его руки снова сжались в кулаки – я чувствовала их на спине.

– Ты действительно только о моей безопасности беспокоишься? – вдруг вылетело у меня.

– Что ты имеешь в виду? – недовольно спросил он.

– Ты не… – Теория Анжелы казалась все глупее. Я не знала, что сказать. – Ну, я имею в виду, ты ведь не станешь меня ревновать?

– Ревновать?

– Я серьезно!

– Ну еще бы, в этом нет ничего смешного.

Я подозрительно нахмурилась.

– Или… дело вообще не в этом? Может, дело в какой-нибудь глупости вроде «вампиры и оборотни – смертельные враги»? Или это просто избыток тестостерона?

Его глаза вспыхнули.

– Все дело только в тебе! И мне нужно одно: чтобы ты была в безопасности.

Черный огонь в его глазах не оставлял места сомнениям.

– Ладно, – вздохнула я. – Поверю тебе. Но я хочу, чтобы ты знал: я не играю в эти ваши дурацкие игры врагов и друзей. Я нейтральная страна – Швейцария. И отказываюсь участвовать в территориальных спорах мифических созданий. Джейкоб для меня член семьи. Ты… я бы не сказала, что ты любовь всей моей жизни, потому что надеюсь, что буду любить тебя гораздо дольше этого. Любовь моего существования. И мне все равно, кто из вас вампир, а кто оборотень. Если Анжела окажется ведьмой, то и она может присоединяться к теплой компании.

Эдвард молча смотрел на меня прищуренными глазами.

– Швейцария! – еще раз многозначительно повторила я.

Он нахмурился и вздохнул.

– Белла, – начал Эдвард и замолк, брезгливо сморщив нос.

– Ну что еще?

– Ты это… не обижайся, но от тебя несет псиной.

Эдвард криво ухмыльнулся, и я поняла, что мы помирились. Пока что.

Раз Эдвард пропустил эту охоту, то ему непременно нужно было поехать на следующую: в пятницу он уезжал с Джаспером, Эмметтом и Карлайлом в какой-то заповедник в Северной Калифорнии, в котором развелось слишком много горных львов.

Мы так и не пришли к согласию относительно оборотней, но я позвонила Джейку без зазрения совести – когда подвернулась такая возможность: Эдвард отгонял «вольво» домой, прежде чем вернуться в мою спальню через окно. Джейку я сказала, что приеду в субботу. И это вовсе не было нечестным поступком. Эдвард прекрасно знал мои чувства. И если он снова сломает мой пикап, то Джейк может за мной заехать: Форкс – территория нейтральная, как и Швейцария – как и я сама.

Поэтому поначалу я ничего не заподозрила, когда в четверг после работы в «вольво» меня ждала Элис, а не Эдвард. Дверца пассажирского сиденья была открыта, и незнакомая музыка сотрясала машину звуками баса.

– Привет, Элис! – завопила я, залезая в машину и пытаясь перекричать завывания певца. – А где твой брат?

Элис подпевала, беря на октаву выше и сплетая сложную гармонию между голосом и музыкой. Она кивнула мне, пропустив мой вопрос мимо ушей и целиком сосредоточившись на мелодии.

Я захлопнула дверцу и зажала уши руками. Элис усмехнулась и убавила звук до фонового. А потом одновременно нажала на газ и на кнопку, закрывающую все дверцы на замок.

– Что происходит? – Меня начали одолевать подозрения. – Где Эдвард?

Элис пожала плечами:

– Они уехали пораньше.

– Ясно.

Я попыталась справиться с нелепым разочарованием. Если он уехал пораньше, то и приедет тоже пораньше.

– Все мальчишки уехали, и мы можем устроить девичник на всю ночь! – объявила Элис звенящим голосом.

– Девичник на всю ночь? – повторила я.

Мои подозрения явно не безосновательны!

– Разве ты не рада? – мурлыкнула Элис.

Я молча встретила ее сияющий взгляд.

– Ты меня похитила, верно?

Элис засмеялась и кивнула.

– До субботы. Эсми договорилась с Чарли: ты переночуешь две ночи у меня, а завтра я отвезу тебя в школу и заберу после школы.

Я стиснула зубы и отвернулась к окну.

– Извини, – сказала Элис без тени сожаления в голосе. – Он мне заплатил сполна.

– Чем? – прошипела я.

– Купил мне «порше». Точно такой же, какой я угнала в Италии. – Она восхищенно вздохнула. – Мне нельзя ездить на нем по Форксу, но если хочешь, давай посмотрим, сколько времени займет поездка до Лос-Анджелеса. Могу поспорить, что привезу тебя домой еще до полуночи.

– Без меня, – со вздохом ответила я, еле сдерживая дрожь.

Мы мчались (всегда быстрее положенного) по извилистой подъездной дорожке. Элис остановилась возле гаража, и я бросила взгляд на машины: там, между «джипом» Эмметта и красным кабриолетом Розали, стоял сверкающий желтый «порше».

Элис ловко выскочила из «вольво», подошла к своему подарку и провела рукой по капоту.

– Красавчик, верно?

– Не слишком ли Эдвард расщедрился? – недоверчиво проворчала я. – Он подарил тебе такое лишь за то, чтобы подержать меня пару дней под стражей?

Элис скорчила гримасу.

Через секунду меня осенило, и я задохнулась от ужаса:

– Это за все те разы, когда Эдварда не будет рядом?

Она кивнула.

Я захлопнула дверцу и сердито затопала к дому. Вовсе не раскаивающаяся Элис пританцовывала рядом.

– Элис, тебе не кажется, что это чуточку выходит за рамки? Может, даже чуточку похоже на психоз?

– Нет, не кажется. – Она шмыгнула носом. – Сдается мне, ты не представляешь, насколько может быть опасен молодой оборотень. Особенно если я не в состоянии его видеть. Эдвард не может быть уверен, что ты в безопасности. Тебе не следует поступать так легкомысленно.

– Ну да, а провести ночку с вампирами – это самое безопасное занятие на свете, – ядовито ответила я.

Элис засмеялась.

– Я сделаю тебе педикюр и все остальное, – пообещала она.

Все было не так уж плохо – если не обращать внимания на то, что меня там держали насильно. Эсми привезла итальянские блюда – пальчики

оближешь! – из самого Порт-Анджелеса, а Элис приготовила мои любимые фильмы. Даже Розали тихонько сидела с нами. Элис и правда настояла на том, чтобы сделать мне педикюр. Кажется, у нее был приготовлен целый список всего: наверное, насмотрелась дурацких сериалов.

– Как поздно ты собираешься ложиться спать? – поинтересовалась Элис, когда мои ногти заблестели кроваво-красным цветом.

Мое настроение ничуть ее не смущало.

– Допоздна я сидеть не собираюсь. Мне завтра в школу.

Элис надулась.

– И вообще, где именно я буду спать? – Я смерила взглядом диван: коротковат. – Неужели ты не могла просто присмотреть за мной у меня дома?

– Тогда какой же это был бы девичник? – отчаянно потрясла головой Элис. – Спать ты будешь в комнате Эдварда.

Я вздохнула. Его черный кожаный диван был и впрямь длиннее этого. Вообще-то, золотистый ковер в его комнате, пожалуй, достаточно толст, чтобы устроиться прямо на нем.

– Можно мне, по крайней мере, поехать домой за вещами?

Элис ухмыльнулась.

– Они уже здесь.

– А по телефону я могу позвонить?

– Чарли знает, где ты.

– Я вовсе не Чарли собиралась звонить. – Я нахмурилась. – Похоже, мне придется отменить кое-какие планы.

Элис хмыкнула.

– Насчет этого я не уверена.

– Элис! – громко заскулила я. – Да ладно тебе!

– Ну хорошо, – ответила она, выскакивая из комнаты.

Через секунду Элис вернулась, держа в руке сотовый телефон.

– Он не запретил этого напрямую… – пробормотала она себе под нос, передавая мне мобильник.

Я набрала номер Джейка, надеясь, что сегодня вечером он не бегает по лесу с друзьями. Мне повезло – Джейк сам взял трубку:

– Алло?

– Привет, Джейк! Это я.

Мгновение Элис наблюдала за мной бесстрастным взглядом, потом повернулась и села рядом с Розали и Эсми на диван.

– Привет, Белла, – ответил Джейкоб и вдруг насторожился. – Что случилось?

– Ничего хорошего. Оказывается, я все же не смогу приехать в субботу.

Джейк помолчал.

– Чертов кровосос! – наконец пробормотал он. – Я думал, он уезжает. Неужели тебе нельзя заняться своими делами, когда его нет? Или он тебя в гробу запирает?

Я засмеялась.

– Не вижу ничего смешного.

– Я смеюсь, потому что ты почти угадал, – объяснила я. – Но в любом случае, в субботу он будет здесь, так что это не имеет значения.

– Значит, он будет охотиться в Форксе? – язвительно спросил Джейк.

– Нет. – Я не стала реагировать на его издевку: я и сама злилась почти так же сильно, как Джейк. – Он уехал раньше.

– Вот как. Ну тогда приезжай сейчас! – воскликнул Джейк. – Еще не поздно. Или я заеду за тобой.

– Не могу. И я не дома, – призналась я. – Меня вроде как взяли в плен.

Джейкоб замолчал, обдумывая сообщение, а потом зарычал:

– Мы придем и освободим тебя, – бесстрастно пообещал он, невольно перейдя на «мы».

По спине пробежал холодок, но я ответила шутливым тоном:

– Соблазнительное предложение. Меня здесь пытали – Элис накрасила мне ногти на ногах.

– Я не шучу.

– Расслабься. Они просто стараются обеспечить мою безопасность.

Джейк опять зарычал.

– Я понимаю, что это глупо, но ведь они от всей души.

– Души! – фыркнул он.

– Извини, что не удастся встретиться в субботу. Мне пора ложиться спать, но я скоро тебе позвоню.

– Уверена, что они тебе позволят? – ядовито поинтересовался он.

– Не совсем, – вздохнула я. – Спокойной ночи, Джейк.

– Пока.

Элис внезапно оказалась рядом со мной, но я уже набирала новый номер.

– Вряд ли он взял телефон с собой, – сказала она, увидев, кому я звоню.

– Я оставлю сообщение.

После четырех гудков включился автоответчик: приветствия не было.

– Ну я тебе задам, – медленно произнесла я, делая ударение на каждом слове. – Я тебе такое устрою! По сравнению с тем, что тебя ждет дома,

злые медведи гризли покажутся белыми и пушистыми.

Я рывком захлопнула телефон и положила его в протянутую руку Элис:

– Теперь все.

– А мне нравится держать тебя в плену, – ухмыльнулась Элис.

– Я иду спать! – заявила я и двинулась к лестнице.

Элис пошла следом.

– Элис, – вздохнула я, – не бойся, не убегу. Если бы мне это пришло в голову, ты бы узнала, а если бы я попробовала, ты бы меня поймала.

– Я просто покажу, где твои вещи, – с невинным видом заявила она.

Комната Эдварда была в самом конце коридора на третьем этаже – не заблудишься, даже если плохо знаешь огромный дом. Однако включив свет, я замерла в недоумении: неужели ошиблась дверью?

Элис захихикала.

Я быстро поняла, что дверью не ошиблась: комната та же самая, просто в ней переставили мебель. Диван отодвинули к стене, а музыкальный центр приткнули к полкам с СД, чтобы освободить место для гигантской кровати в центре комнаты.

Южная стена, целиком из стекла, отражала всю комнату, словно в зеркале, придавая ей еще более нелепый вид.

Все было подобрано в тон: покрывало цвета темного золота, чуть светлее стен; металлическая черная рама кровати прихотливо изогнута в узоры. Металлические розы вились вокруг высоких шестов, переплетаясь над головой. Моя аккуратно сложенная пижама лежала на кровати рядом с туалетными принадлежностями.

– Что за черт? – выдавила я, заикаясь.

– Неужели ты думала, что он заставил бы тебя спать на диване?

Я пробормотала нечто неразборчивое, решительно подошла к кровати и схватила свои вещи.

– Не буду тебя смущать своим присутствием, – засмеялась Элис. – Увидимся утром.

Я почистила зубы, переоделась в пижаму, схватила пуховую подушку с гигантской постели и перетащила золотистое покрывало на диван. Конечно же, я вела себя очень глупо, но мне наплевать. Дарить «порше» в качестве взятки и покупать огромную двуспальную кровать в дом, где никто не спит, – это уже слишком! Я выключила свет и свернулась на диване. Интересно, смогу ли я уснуть в таком взвинченном состоянии?

В темноте стеклянная стена перестала быть зеркалом, увеличивающим размер комнаты вдвое. За окном лунный свет горел на облаках. Когда глаза

привыкли к темноте, я увидела рассеянное сияние на верхушках деревьев и отсветы на поверхности реки. Я смотрела на серебристый свет и ждала, когда веки начнут закрываться.

В дверь легонько постучали.

– Элис, ну что еще? – прошипела я, тут же ощетинившись: представляю, как она развеселится, увидев, где я сплю!

– Это я, – тихо сказала Розали, приоткрыв дверь, чтобы лунный свет упал на ее идеальные черты. – Можно войти?

Глава седьмая
Несчастливый конец

Розали нерешительно помедлила в дверях.

– Конечно, – ответила я. От удивления мой голос прозвучал на октаву выше. – Заходи.

Я села, сдвинувшись на краешек дивана, чтобы освободить место. Сердце екнуло, когда единственный не жаловавший меня член семейства Калленов молча сел рядом со мной. Я попыталась сообразить, зачем Розали пришла ко мне, но ничего путного в голову не приходило.

– Ничего, если мы немного поболтаем? – спросила Розали. – Ведь я тебя не разбудила?

Она перевела взгляд на незаправленную кровать и обратно на диван.

– Нет, я не спала. Давай поболтаем, почему бы нет.

Интересно, слышит ли Розали нотки тревоги в моем голосе? Для меня они звучат вполне отчетливо.

Розали рассмеялась – словно колокольчики зазвенели.

– Он так редко оставляет тебя одну, – сказала она. – Я подумала, что мне не стоит упускать подобный шанс.

Что же Розали хотела сказать такого, чего не могла говорить при Эдварде? Мои руки нервно теребили краешек одеяла.

– Пожалуйста, не подумай, что я лезу не в свое дело. – Голос Розали звучал мягко и почти умоляюще. Она сложила руки на коленях и говорила, не поднимая взгляда. – Я наверняка сильно тебя обидела в прошлом, и мне не хотелось бы сделать это снова.

– Не переживай, Розали. Я не обидчивая. О чем ты хотела поговорить?

Она снова засмеялась – на этот раз почему-то смущенно.

– Хотела рассказать, почему я думаю, что тебе лучше остаться человеком – почему на твоем месте я бы осталась человеком.

Розали улыбнулась, позабавленная моим ошеломленным видом, а потом вздохнула.

– Эдвард никогда не говорил тебе, как это получилось? – спросила она, показывая на свое прекрасное бессмертное тело.

Я медленно кивнула и посерьезнела.

– Он сказал, это было похоже на то, что случилось со мной в Порт-Анджелесе, только тебя спасти оказалось некому. – Меня передернуло от

воспоминаний.

– И это все, что он тебе рассказал?

– Да, – недоуменно подтвердила я. – А разве было что-то еще?

Розали посмотрела на меня и улыбнулась – горькой, но все равно прекрасной улыбкой.

– Это далеко не все, что было.

Она отвернулась к окну, и я молча ждала продолжения. Кажется, Розали пыталась взять себя в руки.

– Белла, хочешь знать, что со мной произошло? У этой истории несчастливый конец, но ведь все наши истории такие. Если бы они заканчивались счастливо, то мы бы уже давно лежали в гробу.

Я кивнула, хотя меня испугала горечь в ее голосе.

– Белла, я жила в мире, очень непохожем на твой. В то время, в тысяча девятьсот тридцать третьем, мир людей был гораздо проще. Мне исполнилось восемнадцать, и я была красавица. И ни в чем не знала недостатка.

Розали смотрела в окно, на серебристые облака, и ее мысли витали где-то далеко.

– Я родилась во вполне зажиточной семье. Отец работал в банке – теперь я понимаю, что он этим очень гордился. Считал свою обеспеченность наградой за талант и упорный труд, не признавая, что ему просто повезло. Тогда я все это принимала как должное. У нас дома Великая депрессия казалась не более чем досадными слухами. Конечно, я видела бедняков, тех, кому не повезло. Но отец считал, что они сами навлекли на себя все несчастья, и я ему верила. Мать занималась домом и детьми – кроме меня было еще два младших брата, но именно во мне она души не чаяла. В то время я не понимала – лишь смутно чувствовала, что родители недовольны жизнью, хотя имели больше многих. Но им было мало. Они хотели выбиться в люди, так сказать, подняться по социальной лестнице. И моя красота пришлась очень кстати: они видели в ней то, чего не видела я. В отличие от родителей я на жизнь не жаловалась и обожала себя такой, какая была. Мне нравилось, что лет с двенадцати, куда бы я ни пошла, мужчины всегда провожали меня взглядом. Подружки завистливо вздыхали, прикасаясь к моим волосам. Мать мной гордилась, а отец любил покупать мне нарядные платья. Я знала, чего хочу от жизни, и ничто не мешало мне получить желаемое. Я хотела, чтобы меня любили и мной восхищались. Хотела роскошную, изысканную свадьбу, где все жители города будут смотреть, как отец ведет меня к алтарю, и ахать, восторгаясь моей неземной красотой. Белла, я жить не могла без обожания. Глупая,

недалекая и самодовольная девчонка! – Розали улыбнулась, позабавленная собственной оценкой.

– Под влиянием родителей я мечтала и о материальных радостях жизни: о большом богатом доме, который будет убирать прислуга, и о современной кухне, где кто-то будет готовить для меня. Говорю же, очень недалекая девчонка. Молоденькая и совсем глупая. И я не видела никаких причин, почему бы мне не получить желаемое. Некоторые желания были более осмысленны. Особенно одно. Мою лучшую подругу звали Вера. Она рано вышла замуж, всего в семнадцать лет, причем за человека, который бы ни за что не понравился моим родителям в качестве жениха – за столяра. А через год у Веры родился сын – прелестный малыш с ямочками на щеках и черными завитками волос. Первый раз в жизни я действительно кому-то позавидовала.

Розали как-то странно посмотрела на меня.

– Тогда были другие времена. В твоем возрасте я уже чувствовала себя готовой ко взрослой жизни. Мне хотелось завести собственного малыша. Хотелось иметь дом и мужа, который будет целовать меня, возвращаясь с работы, – все, как у Веры. Только мой дом будет не таким, как у нее…

Невероятно трудно вообразить себе мир, в котором выросла Розали! Для меня ее рассказ звучал скорее как сказка, чем как реальная история. С некоторым удивлением я осознала, что мир Розали очень похож на тот мир, который знал Эдвард, когда был человеком. Мир, в котором он вырос. Розали на мгновение замолчала, и я задумалась: а если мой мир кажется Эдварду таким же странным, каким выглядит для меня мир Розали?

Розали вздохнула и продолжила рассказ – ностальгии в ее голосе не осталось.

– В Рочестере всем заправляла одна семья, и фамилию они носили весьма подходящую – Кинг. Банк, где работал мой отец, принадлежал Ройсу Кингу – как и почти половина всех остальных доходных предприятий в городе. И именно в банке меня впервые увидел его сын, Ройс Кинг Второй. – Губы Розали искривились, и она произнесла это имя сквозь зубы. – Он собирался вступить во владение банком и начал приходить в различные отделы. Через два дня мать очень удачно забыла дать отцу обед с собой и велела мне отнести его. Я помню, что удивилась, когда мать заставила меня надеть прозрачную белую блузку и уложить волосы – всего лишь для того, чтобы сбегать в банк. – Розали невесело рассмеялась.

– Я не обратила особого внимания на Ройса: на меня глазели все. Однако в тот вечер кто-то впервые прислал мне букет роз. Каждый вечер,

пока Ройс ухаживал за мной, он посылал мне розы. В моей комнате их скоро стало некуда ставить. Дошло до того, что когда я выходила из дома, от меня пахло розами. Ройс был к тому же красавчик: волосы светлее моих и бледно-голубые глаза. Он сказал, что мои глаза похожи на фиалки, и с тех пор вместе с розами стали приносить фиалки. Мои родители, мягко говоря, не возражали: они получили именно то, что хотели. И мне казалось, что Ройс – это именно то, чего я хотела. Сказочный принц, который сделает меня принцессой. Исполнит все мои мечты – да и как же иначе? Мы обручились, хотя знали друг друга всего пару месяцев. Мы не так уж много времени проводили вместе. Ройс говорил, что у него много работы, а когда мы бывали вместе, то он обожал, чтобы все на нас смотрели. Мне это тоже нравилось. Было много вечеринок, танцев и нарядных платьев. Для человека по фамилии Кинг любая дверь открывалась настежь; его все принимали с распростертыми объятиями. Свадьбу откладывать не стали. Затевалось роскошное торжество – все так, как я и хотела. Я была безумно счастлива. Приходя в Вере, я больше ей не завидовала, а жалела, мечтая о собственных светловолосых малышах, играющих на огромных лужайках поместья Кингов.

Розали внезапно замолчала и стиснула зубы. Это привело меня в чувство, и я поняла, что ужасная часть истории приближается. Как Розали и обещала, счастливого конца не будет. Может, поэтому в Розали гораздо больше горечи, чем в остальных: ведь она почти получила то, что хотела, прежде чем перестала быть человеком.

– В тот вечер я зашла в гости к Вере, – прошептала Розали. Лицо у нее было гладкое, как мрамор, и такое же твердое. – Ее маленький Генри был просто прелесть: все время улыбался, на щечках ямочки – он только научился сидеть. Когда я уходила, Вера проводила меня до дверей, держа сына на руках, а муж шел с ней рядом, обхватив за талию. Он поцеловал Веру в щеку, думая, что я не вижу. Мне этот поцелуй не понравился. Ройс целовал меня как-то по-другому… не так нежно… Я отмахнулась от этой мысли. Ройс – мой принц. И когда-нибудь я стану королевой.

В лунном свете плохо видно, однако мне показалось, что белоснежное лицо Розали побледнело еще больше.

– На улице стемнело, включили фонари. Я даже не думала, что уже так поздно. – Розали продолжала рассказывать едва слышным шепотом. – А еще холодно. Очень холодно для конца апреля. Свадьба должна была состояться через неделю, и по дороге домой я переживала за погоду – это я очень хорошо помню. Я помню все, что случилось в тот вечер, каждую мелочь. Я так цеплялась за эти воспоминания… в самом начале. Тогда я

больше ни о чем думать не могла. Вот и запомнила все это, хотя столько приятных воспоминаний совсем стерлись…

Она вздохнула и снова зашептала:

– Да, я за погоду переживала… хотела, чтобы свадьба состоялась непременно на улице. До дома оставалось всего несколько кварталов, когда я услышала их – несколько мужчин под сломанным фонарем слишком громко смеялись. Пьяные. Я пожалела, что не позвонила отцу и не попросила встретить меня: так близко от дома провожатый казался излишним. А потом он позвал меня по имени.

«Роза!» – закричал он, и остальные глупо захохотали.

Я и не заметила, что пьянчужки хорошо одеты: это был Ройс с дружками; все – сыновья богатых родителей.

«А вот и моя Розочка!» – закричал Ройс и засмеялся так же глупо, как и остальные. – «Ты опаздываешь. Мы замерзли, ты нас заставила слишком долго ждать».

Никогда раньше я не видела его пьяным. Время от времени, на вечеринках, он выпивал пару бокалов. Говорил, что не любит шампанского. Я не подозревала, что он предпочитал кое-что покрепче.

У него появился новый приятель, – друг какого-то друга приехал из Атланты.

«Ну что, Джон, говорил же я тебе! – завопил довольный Ройс, хватая меня за руку и притягивая к себе. – Разве она не лучше всех твоих персиков из Джорджии?»

Тот, кого он назвал Джоном, был загорелым и черноволосым. Он оглядел меня, словно кобылу на торгах.

«Трудно сказать, – протянул он с южным акцентом. – Все закрыто одеждой».

Они засмеялись, и Ройс смеялся вместе с ними.

Вдруг он рванул с меня жакет – который сам же мне и подарил. Медные пуговицы посыпались градом и разлетелись по мостовой.

«Роза, покажись-ка!» – Ройс снова засмеялся и сорвал с меня шляпку. Шпильки вырвали мне волосы с корнем, и я вскрикнула от боли. Кажется, парням понравилось – понравилось, как я кричу от боли…

Розали вдруг посмотрела на меня, словно только что вспомнила о моем присутствии. Мое лицо наверняка было таким же белым, как у нее – а то и зеленым.

– Не стану заставлять тебя выслушивать остальное, – тихо сказала она. – Они оставили меня на улице и ушли, все еще смеясь. Подумали, что я умерла. Дразнили Ройса, говорили, что ему придется поискать новую

невесту. Он засмеялся. Ответил, что сначала ему придется научиться терпению.

Я лежала на дороге и ждала смерти. Дрожала от холода и удивлялась, что замечаю это – ведь боль заслоняла все. Пошел снег, а я все не умирала. Я молила о смерти: чтобы она пришла и прекратила мои мучения, а смерть все медлила…

Меня нашел Карлайл. Почуял запах крови и решил выяснить в чем дело. Я помню, что немного злилась на его попытки привести меня в чувство. Мне никогда не нравился доктор Каллен, его жена и ее брат – Эдвард тогда притворялся братом Эсми. Я огорчалась, что они все красивее меня, особенно мужчины. Но Каллены нечасто бывали в обществе, поэтому я видела их всего пару раз.

Я подумала, что умерла, когда Карлайл поднял меня с земли и побежал – с такой скоростью, словно мы летели по воздуху. А боль все не уходила…

А потом я оказалась в ярко освещенной, теплой комнате. Сознание плыло, и я была рада, что боль притупляется. Вдруг что-то острое врезалось в тело: в горло, запястья, лодыжки. Я в панике закричала. Подумала, что Карлайл хотел меня помучить. Внутри разгорелся огонь, и я больше ни о чем не могла думать. Умоляла Карлайла убить меня. Когда Эсми и Эдвард пришли домой, их я тоже умоляла убить меня. Карлайл сидел рядом со мной. Держал за руку и извинялся, обещал, что боль пройдет. Он рассказал мне обо всем, и иногда я прислушивалась к его словам. Рассказал, кто он такой на самом деле и в кого превращаюсь я. Его словам я не поверила. Он извинялся каждый раз, когда я кричала.

Эдварду это все не понравилось. Помню, как они обсуждали меня. Иногда я переставала кричать: что толку? Кричи не кричи – легче не становится.

«Карлайл, о чем ты только думал? – говорил Эдвард. – Ведь это же Розали Хейл!»

Розали безупречно изобразила раздраженный голос Эдварда.

– Мне не понравилось, как он произнес мое имя – как-то неприязненно произнес.

«Не мог же я позволить ей умереть, – тихо ответил Карлайл. – Это было бы слишком – слишком ужасно, слишком большая потеря».

«Понимаю», – сказал Эдвард – как мне показалось, с презрением. Я разозлилась. Ведь тогда я еще не знала, что Эдвард мог заглянуть в голову Карлайла.

«Это было бы слишком ужасно. Я не мог ее оставить», – шепотом повторил Карлайл.

«Разумеется, не мог!» – согласилась Эсми.

«Люди умирают каждую минуту, – жестко напомнил ему Эдвард. – Тебе не кажется, что ее очень легко узнать? Кингам придется организовать тщательные поиски – хотя никто не заподозрит этого поганца», – прорычал он.

Я обрадовалась, когда поняла, что они знают о вине Ройса.

Тогда я еще не понимала, что все уже почти закончилось: ко мне возвращались силы, и именно поэтому я могла сосредоточиться на разговоре. Боль уходила из кончиков пальцев.

«Ну и что мы с ней будем делать?» – спросил Эдвард – как мне показалось, с отвращением.

Карлайл вздохнул: «А это уж пусть она сама решает – может быть, захочет пойти своей дорогой».

Хотя я не вполне поверила тому, что он мне рассказал, его слова привели меня в ужас. Моя жизнь окончена и обратного пути нет. И мысль об одиночестве была невыносима…

Боль, наконец, отступила, и они опять объяснили мне, кем я стала. В этот раз сомнений не оставалось. Я почувствовала жажду, кожа затвердела, а глаза покраснели.

Я была настолько самовлюбленная, что, впервые посмотрев на себя в зеркало, обрадовалась: настоящая красавица, несмотря на красные глаза, – со смехом сказала Розали. – Понадобилось время, чтобы я поняла, виной всему была моя внешность и красота – это проклятье. И тогда я захотела быть… ну, не уродиной, а просто обыкновенной девушкой – как Вера. Чтобы мне позволили выйти замуж за того, кто меня любит, и родить прелестных малышей. Ведь именно этого я всегда и хотела. Разве это так много?

Розали задумчиво молчала – может быть, опять забыла о моем присутствии? Но потом она улыбнулась с торжествующим видом:

– А ведь я почти так же чиста, как и Карлайл. Грехов на мне меньше, чем на Эсми. И в тысячу раз меньше, чем на Эдварде. Я никогда не пробовала человеческую кровь, – с гордостью заявила она.

Интересно, в каком это смысле «почти» так же чиста?

Розали верно истолковала мой озадаченный вид:

– Я убила пятерых, – удовлетворенно призналась она. – Трудно назвать их людьми. Но я действовала очень аккуратно, чтобы обойтись без кровопролития: знала, что не смогу устоять, а мне ни за что не хотелось пробовать их на вкус.

Ройса я оставила напоследок. Надеялась, он услышит о смерти своих

дружков и поймет, что я приду за ним. Надеялась, что страх сделает его конец еще ужаснее. По-моему, мне это удалось. Когда я его настигла, он прятался в комнате без окон за толстенной металлической дверью, охраняемой снаружи вооруженной стражей. Ой, на мне семь убийств, – поправилась она. – Про охранников-то я и забыла. На них ушло не больше секунды.

Я вела себя слишком театрально. Как ребенок, ей-богу. Надела свадебное платье, которое специально украла. Увидев меня, Ройс завопил. Той ночью он много кричал. Я очень правильно поступила, отложив визит к нему напоследок: мне было легче держать себя в руках и делать все медленно…

Внезапно замолчав, Розали виновато посмотрела на меня.

– Извини. Ведь я тебя напугала, да?

– Нет, ничего, – соврала я.

– Я слишком увлеклась.

– Ерунда, все в порядке.

– Странно, что Эдвард не рассказал тебе всю историю целиком.

– Он не любит говорить о других: считает, что выдает их секреты, поскольку слышит гораздо больше, чем ему хотят рассказать.

Она улыбнулась и покачала головой.

– Пожалуй, я слишком плохо о нем думала. Ведь он вполне приличный парень, верно?

– Лично я всегда так считала.

– Оно и видно. – Розали вздохнула. – Белла, я ведь и к тебе была несправедлива. Эдвард не говорил тебе почему? Или решил, что это слишком личное?

– Он сказал, это потому, что я человек. Сказал, что тебе тяжелее, когда кто-то посторонний знает вашу тайну…

Мелодичный смех Розали прервал меня на полуслове.

– Вот теперь я действительно чувствую себя виноватой. Эдвард относится ко мне гораздо лучше, чем я того заслуживаю. – Смеющаяся Розали выглядела дружелюбнее, словно сняла маску, которую всегда надевала в моем присутствии. – Ох, и врунишка же он!

– Эдвард мне соврал? – насторожилась я.

– Ну, не то чтобы соврал, но утаил часть правды. То, что он сказал тебе, правда, причем сейчас даже правдивее, чем раньше. Хотя в то время… – Розали запнулась и нервно хихикнула. – Стыдно признаться. Видишь ли, поначалу я ревновала, потому что ему нужна была ты, а не я.

От этих слов по спине пробежал холодок страха. В серебристом

лунном свете Розали выглядела просто красавицей. Куда уж мне до нее!

– Но ведь ты любишь Эмметта… – пробормотала я.

Розали помотала головой.

– Да нет, в этом смысле Эдвард меня никогда не интересовал. Эдварда я люблю как брата, но с первого же момента нашего знакомства он меня раздражал. Видишь ли… я так привыкла, что все обращают на меня внимание. А Эдварда я нисколько не интересовала. Вначале меня это злило и обижало. Но он никогда никем не интересовался, так что вскоре я успокоилась. Даже когда мы встретились с семейством Тани в Денали – а там одни девчонки! – Эдвард ни на кого не положил глаз. А потом он встретил тебя. – Розали посмотрела на меня недоумевающим взглядом.

Я слушала вполуха, думая об Эдварде, Тане и всех ее девчонках, и невольно стиснула зубы.

– Белла, я вовсе не хочу сказать, что ты некрасивая, – сказала Розали, неверно истолковав мое выражение лица. – Я просто имела в виду, что Эдвард считает тебя более привлекательной. А я так тщеславна, что меня это задело.

– Но ты сказала «поначалу». А теперь… то есть сейчас тебя это больше не задевает? Ты ведь не хуже меня знаешь, что ты самая красивая на свете.

Я засмеялась: ведь это же абсолютно очевидно! Странно, что Розали требуются подтверждения.

Розали улыбнулась:

– Спасибо, Белла. Нет, меня это больше не задевает. Эдвард всегда был немного странный.

– Но ты же меня все равно не любишь, – прошептала я.

Ее улыбка погасла:

– Извини.

Мы помолчали, но похоже, Розали не собиралась ничего добавить.

– Может, скажешь почему? Я что-то не так сделала?..

А если Розали злится на меня за то, что я подвергаю опасности ее семью – и Эмметта? Раз за разом. Сначала Джеймс, а теперь Виктория…

– Нет, ничего такого ты не сделала, – пробормотала она. – Пока еще не сделала.

Я в недоумении уставилась на нее.

– Белла, ну как ты не понимаешь? – В голосе Розали вдруг зазвучало больше страсти, чем тогда, когда она рассказывала свою историю с несчастливым концом. – У тебя уже есть все! У тебя впереди целая жизнь – все, чего я хотела бы. А ты собираешься от этого отказаться. Неужели ты не

видишь, что я бы отдала все на свете, чтобы поменяться с тобой местами? У тебя есть выбор, которого не было у меня, а ты выбираешь не то, что надо!

Я растерялась.

Розали посмотрела на меня долгим взглядом, и потихоньку огонь в ее глазах погас. Она внезапно смешалась.

– Ну вот, а я была так уверена, что мне удастся сохранить спокойствие. – Розали покачала головой. – Просто сейчас это сложнее, чем тогда, когда мною двигало только тщеславие.

Она замолчала, не сводя глаз с луны. Я не сразу решилась прервать молчание.

– Ты бы лучше относилась ко мне, если бы я решила остаться человеком?

Розали посмотрела на меня, слегка улыбаясь.

– Может быть.

– Но ведь у тебя все же получился достаточно счастливый конец, – напомнила я. – Ты нашла Эмметта.

– Я получила половину. – Она усмехнулась. – Ты ведь знаешь, я спасла Эмметта из лап медведя, который его чуть не задрал, и принесла домой, к Карлайлу. А как ты думаешь, почему я не дала медведю съесть Эмметта?

Я пожала плечами.

– У него такие темные кудри… и на щеках ямочки, их было видно даже на искаженном от боли лице… странное выражение невинности, неуместное для взрослого мужчины… Он напомнил мне маленького Генри, сына Веры. Я не хотела, чтобы он умер – не хотела этого так сильно, что эгоистично попросила Карлайла изменить Эмметта для меня, хотя и ненавижу такую жизнь. Мне повезло больше, чем я того заслуживала. Именно о таком мужчине я бы и попросила, если бы знала, о чем просить. Эмметт как раз тот, кто мне нужен. И, как ни странно, я ему тоже нужна. Здесь все получилось лучше, чем я могла бы надеяться. Но у нас никогда не будет прибавления в семействе. Я никогда не буду сидеть на крылечке рядом с поседевшим Эмметтом в окружении наших внуков.

Ее улыбка потеплела.

– Тебе это странно слышать, правда? В некоторых отношениях ты человек более зрелый, чем я была в свои восемнадцать. А вот кое в чем другом… есть многое, о чем ты вряд ли серьезно задумывалась. Ты слишком молода, чтобы знать, чего захочешь через десять или пятнадцать лет. И слишком молода, чтобы отказаться от всего этого, не подумав как следует. Белла, с такими серьезными решениями не стоит торопиться.

Розали потрепала меня по голове, однако этот жест не показался мне снисходительным.

Я вздохнула.

– Просто поразмысли над этим немного. Если это произойдет, назад ничего не вернешь. Для Эсми детей заменили мы… А Элис ничего не помнит о своей человеческой жизни, поэтому не может по ней тосковать… А вот ты будешь помнить. Ты слишком от многого отказываешься.

«И еще больше получаю взамен», – подумала я, но вслух ничего не сказала.

– Спасибо, Розали. Мне приятно, что я лучше понимаю… лучше знаю тебя.

– Извини, что я так ужасно вела себя с тобой. – Розали ухмыльнулась. – Постараюсь исправиться.

Я тоже ухмыльнулась.

Друзьями мы пока не стали, но я уверена, что Розали не всегда будет относиться ко мне с неприязнью.

– Ладно, теперь спи. – Сдерживая улыбку, Розали бросила взгляд на кровать. – Я знаю, ты злишься за свой домашний арест, но не ругай Эдварда слишком сильно, когда он вернется. Эдвард ужасно боится оставлять тебя одну, потому что очень любит – ты даже не представляешь как. – Розали встала и молча скользнула к дверям, словно привидение. – Спокойной ночи, Белла, – прошептала она, закрывая за собой дверь.

– Спокойной ночи, Розали, – пробормотала я, опоздав на секунду.

После такого разговора я долго не могла уснуть.

А когда все-таки уснула, мне приснился кошмар. Я ползла по темным, холодным камням мостовой на незнакомой улице, оставляя за собой кровавый след. Сверху сыпал снежок. Призрачный ангел в длинной белой одежде неприязненно наблюдал за мной.

На следующее утро Элис отвезла меня в школу. По дороге я мрачно смотрела в окно, чувствуя себя невыспавшейся, что только усиливало раздражение, вызванное насильственным лишением свободы.

– Сегодня вечером мы съездим в парк или еще куда-нибудь, – пообещала Элис. – Здорово будет, правда?

– Лучше запри меня в подвале, – предложила я. – Какой смысл сластить пилюлю?

Элис нахмурилась.

– Эдвард заберет «порше» обратно. Я не справилась с заданием: предполагалось, что ты весело проведешь время.

– Ты не виновата, – пробормотала я. Надо же, виноватой себя

чувствовала я! – Увидимся за обедом.

Я потащилась на английский. Без Эдварда день наверняка будет невыносим. Первый урок я просидела насупившись, прекрасно понимая, что веду себя глупо.

Когда зазвенел звонок, я неохотно встала. Майк уже стоял возле двери, придерживая ее для меня.

– В эти выходные Эдварда не будет? – дружелюбно спросил он, когда мы вышли под моросящий дождик.

– Не будет.

– Может, сходим куда-нибудь сегодня вечером?

Неужели Майк до сих пор на что-то надеется?

– Не могу. Я ночую у подружки, – проворчала я.

Майк бросил на меня странный взгляд, пытаясь понять мое настроение.

– У какой…

На стоянке позади нас раздался громкий рев. Все в изумлении уставились на рычащий черный мотоцикл, который, взвизгнув шинами, затормозил возле тротуара. Мотор продолжал рычать.

Джейкоб торопливо помахал мне рукой.

– Белла, бегом! – закричал он, перекрикивая рев мотора.

О чем это он? Я остановилась. Потом быстро глянула на Майка. В моем распоряжении всего лишь несколько секунд.

На что готова пойти Элис, чтобы задержать меня при свидетелях?

– Скажи, что я заболела и ушла домой, ладно? – попросила я Майка внезапно зазвеневшим голосом.

– Ладно, – пробормотал он.

Я торопливо чмокнула его в щеку.

– Спасибо, Майк! С меня причитается! – крикнула я уже на бегу.

Ухмыляющийся Джейкоб рванул стартер. Я запрыгнула на заднее сиденье, крепко обхватив Джейка руками за пояс.

Краем глаза я заметила Элис: она застыла возле столовой, с горящими от ярости глазами и оскаленными зубами.

Я бросила на нее умоляющий взгляд.

– Держись! – крикнул Джейк.

Я прижалась лицом к его спине, и мы полетели по шоссе. Я знала, что он сбавит скорость, когда мы пересечем границу территории квилетов. Еще немного. Лишь бы Элис не бросилась за мной вдогонку и лишь бы Чарли не увидел нас ненароком…

Сразу стало ясно, что мы въехали в безопасную зону: мотоцикл пошел

медленнее, а Джейкоб выпрямился и захохотал во все горло. Я открыла глаза.

– Прорвались! – закричал он. – Неплохой побег из тюрьмы я тебе устроил, а?

– Гениальная идея, – согласилась я.

– Я вспомнил, как ты говорила, что ясновидящая пиявка не может предсказать мои действия. Хорошо, что тебе это в голову не пришло, а то бы она не пустила тебя в школу.

– Именно поэтому я об этом даже и не думала.

Джейкоб торжествующе захохотал.

– Чем займемся сегодня?

– Неважно! – засмеялась я в ответ. Главное – я на свободе!

Глава восьмая
Злость

В конце концов мы опять оказались на пляже и бесцельно побрели вдоль берега. Джейкоб все еще очень гордился своей изобретательностью.

– Как ты думаешь, они пойдут тебя искать? – с надеждой поинтересовался он.

– Нет, – уверенно заявила я. – Но сегодня вечером мне здорово влетит.

Джейк подобрал камешек и швырнул его в воду.

– Тогда не возвращайся, – предложил он.

– Чарли этому очень обрадуется, – хмыкнула я.

– Думаю, возражать он не станет.

Я промолчала. Скорее всего, Джейк прав. Я скрипнула зубами: ужасно несправедливо, что Чарли так явно предпочитает моих квилетских друзей. Интересно, что бы он сказал, если бы узнал, что на самом деле мне приходится выбирать между вампирами и оборотнями?

– Ну, какие тут у вас стряслись чрезвычайные происшествия? – без всякой задней мысли поинтересовалась я.

Джейкоб встал как вкопанный и ошеломленно уставился на меня сверху вниз.

– Ты чего? – не поняла я. – Это же шутка.

– Шутка, говоришь… – Джейкоб отвел взгляд.

Я ждала, пока мы пойдем дальше, но Джейк, похоже, задумался.

– У вас действительно что-то стряслось? – спросила я.

Джейкоб хмыкнул.

– Я уже и забыл, каково это, когда никто не знает, что у тебя в голове. Здесь все известно всем.

Несколько минут мы молча шли по пляжу.

– Так что случилось? – не выдержала я. – Что именно в твоей голове стало известно всем?

Он помолчал, словно решая, что можно мне рассказать.

– С Квилом случился импринтинг, – со вздохом сообщил Джейкоб. – Это уже третий случай. Все остальные забеспокоились: может, это происходит чаще, чем говорится в легендах. – Он молча уставился мне прямо в глаза, сосредоточенно нахмурившись.

– Что ты на меня так смотришь? – смущенно спросила я.

Джейк вздохнул.

– Так, ничего.

И снова пошел по пляжу. Естественным жестом, словно даже не замечая этого, он взял меня за руку. Мы молча шли по усыпанному галькой берегу.

Интересно, как мы смотримся, идя по пляжу рука об руку – наверняка как влюбленная парочка. Может, не стоит этого делать? Но ведь с Джейком мы всегда так ходили… Чего уж теперь возмущаться.

– А почему импринтинг Квила вызвал такое волнение? – спросила я, не дождавшись продолжения истории. – Потому что он самый молодой среди вас?

– Да нет, причем здесь это.

– Тогда что?

– Так, еще одна штучка из легенд… Когда мы наконец перестанем удивляться тому, что все легенды – чистая правда? – пробормотал он себе под нос.

– Ты мне расскажешь, в чем дело? Или я должна сама догадаться?

– Сама ты в жизни не догадаешься. Ты ведь знаешь, что Квил у нас совсем недавно. Поэтому он нечасто бывал у Эмили.

– Неужели он тоже на Эмили… – ахнула я.

– Да нет! Говорю же, ты сама ни за что не сообразишь. К Эмили приезжали в гости две племянницы… и Квил познакомился с Клэр.

Джейкоб замолчал. Я на минутку задумалась.

– Эмили не хочет, чтобы ее племянница дружила с оборотнем? Это уже просто ханжество с ее стороны, – сказала я.

Хотя именно Эмили могла бы к этому так отнестись. Я снова вспомнила длинные шрамы, изуродовавшие ее лицо и протянувшиеся вниз по правой руке. Всего один раз Сэм не сдержался, когда Эмили оказалась слишком близко. Один-единственный раз… Я видела, с какой болью Сэм смотрел на то, что натворил. Можно понять Эмили, которая хочет защитить свою племянницу.

– Да хватит тебе гадать! Дело вовсе не в этом. Эмили совсем не против оборотня, просто, ну, рановато еще.

– В каком смысле «рановато»?

Джейкоб пристально посмотрел на меня прищуренными глазами.

– Только не торопись с выводами, ладно?

Я настороженно кивнула.

– Клэр всего два года, – сказал Джейкоб.

Пошел дождь. В лицо ударили капли, и я несколько раз моргнула.

Джейкоб молча ждал. Он, как обычно, был без куртки. Дождь оставлял темные пятна на его черной футболке и капал на растрепанную шевелюру. Джейк наблюдал за мной с непроницаемым выражением лица.

– Квил… влюбился… в двухлетнюю девочку? – наконец выдавила я.

– Такое случается, – пожал плечами Джейк. Наклонился, поднял еще один камешек и швырнул его в залив. – Так говорят легенды.

– Но она же совсем ребенок!

Джейкоб посмотрел на меня с мрачным удивлением.

– А Квил не стареет, – напомнил он мне язвительным тоном. – Ему всего лишь придется потерпеть пару десятков лет.

– Даже не знаю, что сказать…

Я изо всех сил пыталась не судить слишком строго, но, честно говоря, это известие привело меня в ужас. До сих пор к оборотням у меня не было никаких претензий – после того, как я убедилась, что напрасно подозревала их в убийствах.

– Ты его осуждаешь, – сказал Джейкоб. – По лицу видно.

– Извини, – пробормотала я. – Просто в голове не укладывается…

– Все совсем не так, как ты думаешь. – Джейкоб заступился за друга с неожиданным пылом. – Я видел, каково это – его глазами. Ничего романтического в этом нет – во всяком случае сейчас. – Джейкоб втянул в себя воздух, пытаясь подобрать слова. – Это очень трудно объяснить. Любовь с первого взгляда здесь ни при чем. Это больше похоже на… силу тяготения. Когда ты видишь ее, вдруг оказывается, что тебя притягивает не земля, а она. И в мире нет ничего важнее нее. И для нее ты сделаешь все на свете, станешь кем угодно… Станешь тем, кто ей нужен: защитником, любовником, другом, братом.

Квил будет самым заботливым старшим братом на свете и присмотрит за малышкой лучше некуда. А когда она подрастет и ей понадобится друг, то Квил станет самым понимающим, надежным и верным другом. А потом она повзрослеет, и они будут счастливы, как Эмили и Сэм. – Когда Джейкоб произнес имя Сэма, в его голосе внезапно прорезалась странная горечь.

– А разве Клэр не имеет права выбора?

– Конечно, имеет. Но почему бы ей не выбрать Квила? Он станет ее второй половинкой. Словно был создан именно для нее.

Мы молча шли по пляжу. Я остановилась и бросила камешек в океан. Он упал на берегу, не долетев до воды несколько метров. Джейкоб рассмеялся.

– Не всем же быть такими силачами, как некоторые, – пробормотала я.

Он вздохнул.

– А как ты думаешь, когда это случится с тобой? – тихо спросила я.

– Никогда, – без колебаний ответил он.

– Но ведь это же не зависит от твоего желания, верно?

Джейкоб не ответил. Мы оба невольно замедлили шаг.

– Вообще-то, не зависит, – наконец признался он. – Однако нужно сначала заметить ее – ту, которая предназначена для тебя.

– И ты думаешь, что если до сих пор ее не заметил, то никогда и не встретишь? – недоверчиво спросила я. – Джейкоб, да ты почти ничего не видел в жизни – я и то больше повидала.

– Это верно, – тихо ответил он. И пристально посмотрел на меня. – Белла, я никогда не посмотрю ни на кого другого. Только на тебя. Даже когда я закрываю глаза и пытаюсь представить себе что-то еще, то вижу только тебя. Спроси у Квила и Эмбри. Их это сводит с ума.

Я опустила взгляд.

Мы остановились. Тишину нарушал лишь грохот прибоя, в котором терялся шелест дождя.

– Наверное, мне лучше вернуться домой, – прошептала я.

– Нет! – воскликнул он, удивленный таким выводом.

Я посмотрела на Джейка: в его глазах теперь горела тревога.

– Ведь у тебя же есть целый день! Кровопийца еще не вернулся.

Я бросила на него свирепый взгляд.

– Я никого не хотел обидеть, – быстро добавил Джейкоб.

– Да, у меня есть целый день, но Джейк…

Он поднял руки.

– Прости, – извинился он. – Я больше не буду. Я буду просто Джейком.

Я вздохнула.

– Но если ты при этом думаешь…

– Не волнуйся за меня. – Он натянуто улыбнулся. – Я знаю, что делаю. Скажи мне, если я тебя огорчаю.

– Не знаю…

– Ну же, Белла! Давай пойдем домой и возьмем мотоциклы. На них надо кататься, чтобы они не ржавели.

– Боюсь, что мне нельзя.

– А кто запрещает? Чарли? Или крово… или он?

– Оба.

Джейкоб усмехнулся – моей любимой улыбкой, и внезапно стал тем самым Джейком, по которому я больше всего скучала: теплым и сияющим.

Я не удержалась от ответной улыбки.

Дождь превратился в мелкую морось.

– Я никому не скажу, – пообещал Джейкоб.

– Не считая всех твоих друзей.

Он помотал головой и с серьезным видом поднял правую руку, как для присяги:

– Обещаю не думать об этом.

Я засмеялась.

– Если я расшибусь, совру, что поскользнулась.

– Как скажешь.

Мы гоняли на мотоциклах по проселкам вокруг Ла-Пуш, пока дороги не раскисли от дождя и пока Джейкоб не заявил, что упадет в обморок, если не перекусит. Когда мы вернулись в дом, Билли дружелюбно поздоровался со мной, словно в моем внезапном появлении не было ничего удивительного. Мы умяли приготовленные Джейком бутерброды и пошли в гараж, где я помогла чистить мотоциклы. В гараже я не бывала много месяцев – с того времени, как вернулся Эдвард, – но чувствовала себя так, будто ушла оттуда только вчера.

– Здорово! – заметила я, когда Джейкоб вытащил из пакета две банки теплой «колы». – Я скучала по гаражу.

Джейкоб улыбнулся, обводя взглядом листы пластика, скрепленные над нашими головами.

– Немудрено! Здесь ты можешь испытать все великолепие Тадж-Махала, и при этом не надо тащиться в Индию.

– За Тадж-Махал в штате Вашингтон! – Я подняла свою банку.

Джейкоб поднял свою, и мы чокнулись.

– А помнишь прошлый день Святого Валентина? – спросил он. – По-моему, именно тогда ты была здесь в последний раз. А потом… началось черт знает что.

Я засмеялась.

– Конечно, помню! Я заплатила пожизненным рабством за коробку шоколадных сердечек! Такое не забывается.

Джейкоб тоже засмеялся.

– Вот именно! Рабством. Придется мне придумать для тебя что-нибудь этакое. – Он вздохнул. – Кажется, это было вечность назад. В другой жизни. Более счастливой.

С этим я не могла согласиться. Для меня счастливой жизнь стала сейчас. И все же странно, что в моем мрачном прошлом оказалось столько всего, по чему я скучаю. Я не сводила глаз с темного леса за дверью. Дождь припустил сильнее, но в маленьком гараже было тепло: от Джейкоба шел жар, как от печки.

Его пальцы погладили мою руку.

– Все так изменилось.

– Да уж. – Я похлопала по заднему колесу своего мотоцикла. – Когда-то Чарли неплохо ко мне относился. Надеюсь, Билли не проговорится про сегодняшнее. – Я закусила губу.

– Никогда. В отличие от Чарли он не обращает внимания на такие мелочи. Кстати, я ведь так и не извинился за эту глупость с мотоциклами. Прости, пожалуйста, что я заложил тебя Чарли. Лучше бы я этого не делал.

– Уж это точно!

– Честное слово, мне очень жаль.

Джейкоб с надеждой посмотрел на меня; его мокрые черные волосы спутались и торчали во все стороны.

– Да ладно. Прощаю.

– Спасибо, Белла!

Мы, улыбаясь, посмотрели друг на друга, и вдруг лицо Джейка потемнело.

– Знаешь, в тот день, когда я привез тебе мотоцикл… я хотел кое-что спросить, – медленно сказал он. – И в то же время… не хотел.

Я замерла – это реакция на стресс, которой я научилась у Эдварда.

– Ты сказала это просто из вредности, потому что злилась на меня, или действительно так думаешь? – прошептал он.

– Что именно? – прошептала я в ответ, хотя и поняла, что он имел в виду.

Джейк нахмурился.

– Сама знаешь. Когда ты сказала, что это не мое дело, если он… если он тебя укусит. – От последних слов лицо Джейкоба скривилось.

– Джейк… – Горло перехватило, и я замолчала.

Он закрыл глаза и глубоко вдохнул:

– Ты сказала это всерьез?

Джейкоб едва заметно дрожал, не открывая глаз.

– Да, – прошептала я.

Он медленно и глубоко вдохнул:

– Именно так я и подумал.

Я уставилась на него в ожидании, когда он откроет глаза.

– А ты знаешь, что это будет означать? – внезапно спросил он. – Ведь ты понимаешь, правда? Понимаешь, что случится, если они нарушат договор?

– Мы сначала уедем, – тихо сказала я.

Глаза Джейкоба широко распахнулись – темные от боли и гнева.

– Белла, договор не имеет географических границ. Наши прапрадеды согласились на перемирие по одной-единственной причине – Каллены поклялись, что они не такие, как все вампиры, и людям не угрожают. Пообещали, что больше никого никогда не убьют и не превратят в вампира. А если они нарушат свое слово, то договор теряет силу, и они ничем не отличаются от других вампиров. Как только это будет установлено наверняка, то когда мы их найдем…

– Джейк, но разве вы сами уже не нарушили договор? – прервала я его, цепляясь за соломинку. – Разве в договоре не сказано, что вы не станете рассказывать людям о вампирах? А ты мне рассказал! Значит, договор в любом случае недействителен!

Джейкобу это напоминание не понравилось. Боль в его глазах сменилась враждебностью.

– Да, я нарушил договор – до того, как поверил в его реальность. И я уверен, что они об этом знают. – Он хмуро уставился на мой лоб, избегая моего пристыженного взгляда. – Только это ни в коем случае не дает им права тоже нарушить договор. Никаких «нарушение за нарушение» быть не может. Если им не нравится то, что я сделал, то у них есть лишь один выход – точно такой же, какой будет у нас, когда они нарушат договор: атаковать. Начать войну.

Из уст Джейка это прозвучало как неизбежность. Я вздрогнула.

– Джейк, но ведь есть и другие варианты.

Он скрипнул зубами.

– Других вариантов нет.

После такого заявления наступила тишина, но мне казалось, что вокруг все грохотало.

– Джейкоб, неужели ты меня никогда не простишь? – прошептала я.

И тут же пожалела о своих словах: мне не хотелось услышать его ответ.

– Ты больше уже не будешь Беллой, – сказал он. – Моего друга не станет. Прощать будет некого.

– Значит, не простишь, – прошептала я.

Долгое мгновение мы смотрели друг на друга.

– Джейк, значит, мы больше не увидимся?

Он заморгал, и возбуждение на его лице сменилось удивлением.

– Почему? У нас еще есть несколько лет. Разве мы не можем быть друзьями, пока есть время?

– Несколько лет? Какое там! – Я покачала головой и невесело засмеялась. – Скорее уж, несколько недель.

Такой реакции я не ожидала.

Джейкоб внезапно вскочил на ноги, и банка в его руке звонко лопнула. Кола брызнула на все вокруг, включая меня – словно из шланга полили.

– Джейк! – укоризненно вскрикнула я и замолчала, увидев, как он всем телом дрожит от ярости.

Джейкоб уставился на меня диким взглядом, из его груди вырвалось рычание.

Я боялась пошевелиться.

Джейка продолжало трясти – все сильнее и сильнее. Очертания его тела стали расплываться…

Потом он стиснул зубы, и рычание прекратилось. Изо всех сил зажмурился, сосредотачиваясь; дрожание замедлилось – только руки все еще тряслись.

– Несколько недель, – без всякого выражения повторил Джейкоб.

Я промолчала.

Джейк открыл глаза – ярости в них не осталось.

– Через несколько недель он собирается превратить тебя в паршивую пиявку! – прошипел Джейкоб сквозь зубы.

Слишком ошеломленная, чтобы обидеться, я молча кивнула.

Темная кожа Джейка позеленела.

– Джейк, ну а как еще? – прошептала я, прерывая молчание. – Ведь ему всего лишь семнадцать. А я с каждым днем все ближе к девятнадцати. Кроме того, какой смысл ждать? Мне нужен только он. Так что же еще я могу поделать?

Вопрос я задала риторический.

Слова Джейкоба прозвучали как удар хлыста:

– Все, что угодно. Кроме этого. Лучше бы ты умерла. Меня бы это больше устроило.

Я отшатнулась, словно он меня ударил. Лучше бы ударил – было бы не так больно!

От острой боли во мне вспыхнула злость:

– Может быть, тебе повезет! – хмуро сказала я. – Может, по дороге домой меня собьет грузовик.

Схватила свой мотоцикл и выволокла его под дождь. Джейкоб не пошевелился, когда я проходила мимо. Выбравшись на узкую, раскисшую от дождя тропинку, я села на мотоцикл и рванула стартер. Из-под заднего колеса в направлении гаража вылетел фонтан грязи – надеюсь, Джейку досталось!

Я мчалась по мокрому шоссе к дому Калленов. По дороге промокла

насквозь, а ветер, казалось, приморaживал дождь прямо к коже – не проехала я и полпути, как зубы у меня стучали вовсю.

В штате Вашингтон на мотоцикле далеко не уедешь. Продам его к чертовой бабушке при первом же удобном случае!

Я затащила мотоцикл в громадный гараж Калленов – и ничуть не удивилась, увидев там поджидавшую меня Элис. Она сидела на капоте «порше» и поглаживала его блестящий желтый бок.

– Мне так и не удалось на нем прокатиться, – вздохнула она.

– Извини, – выдавила я сквозь клацающие зубы.

– Пожалуй, тебе не помешает горячий душ, – небрежно заметила она, легко спрыгивая на землю.

– Это точно!

Элис надула губы, внимательно вглядываясь мне в лицо.

– Ты не хочешь рассказать мне, в чем дело?

– Нет.

Она кивнула, но в глазах горело любопытство.

– В заповедник не хочешь съездить?

– Да ну его. А домой мне можно?

Элис поморщилась.

– Ладно, я останусь, если тебе от этого будет легче, – сказала я.

– Спасибо, – облегченно вздохнула она.

В эту ночь спать я легла рано – и опять на диване.

Когда я проснулась, было еще темно. Спросонок голова соображала плохо, но я знала, что до утра еще далеко. Глаза сами собой закрылись, я потянулась и перекатилась на живот. И вдруг поняла, что после такого переката мне следовало бы оказаться на полу. Да и лежать очень уж удобно.

Я перевернулась обратно на спину, пытаясь что-нибудь рассмотреть. Было темнее, чем вчера: луна не могла пробиться сквозь толстый слой облаков.

– Извини, – пробормотал Эдвард так тихо, что его голос казался частью темноты. – Не хотел тебя разбудить.

Я напряглась, ожидая вспышки ярости – в себе или в нем, но темнота оставалась тихой и спокойной. Помимо аромата дыхания Эдварда в воздухе почти физически чувствовалась сладость встречи: пустота разлуки имела привкус горечи, который я замечала только тогда, когда он исчезал.

В пространстве между нами не ощущалось напряжения – тишина была мирной, как безоблачная ночь, без намека на грозу, а не как затишье перед бурей.

И неважно, что мне следовало разозлиться на Эдварда. И вообще на

всех. Я потянулась к нему, нашла в темноте его руки и прильнула поближе. Эдвард обнял меня, прижимая к груди. Я провела губами по его шее, подбородку и наконец нашла губы.

Эдвард мягко поцеловал меня и засмеялся.

– А я-то приготовился к такой встрече, от которой не поздоровилось бы и медведю гризли! И что же я получил на самом деле? Пожалуй, мне стоит почаще доводить тебя до белого каления.

– Погоди минутку, и тогда я выдам тебе по полной программе! – поддразнила я и снова чмокнула его.

– Я буду ждать сколько понадобится, – прошептал он, не отнимая губ и запустив пальцы мне в волосы.

Мое дыхание стало прерывистым.

– Может быть, утром, – ответила я.

– Как скажешь.

– Добро пожаловать домой, – сказала я, когда холодные губы Эдварда прижались к моей шее. – Я рада, что ты вернулся.

– Очень хорошо.

Я согласно хмыкнула и покрепче обхватила его.

Эдвард взял меня за локоть, медленно провел ладонью вниз по руке, по ребрам, до талии, вниз по бедру, задержался на колене и обхватил меня за икру. И вдруг поднял мою ногу вверх, забросив ее себе на пояс.

Я перестала дышать. Обычно он не позволял себе ничего подобного. Несмотря на ледяной холод его рук, меня бросило в жар. Губы Эдварда шевельнулись у основания моей шеи.

– Не хотелось бы вызвать преждевременную вспышку ярости, – прошептал он, – но может быть, ты мне объяснишь, чем именно тебе не понравилась кровать?

Не успела я ответить – и даже вдуматься в его слова не успела! – как он перекатился в сторону, и я оказалась сверху. Зажал мое лицо в ладонях, повернув его вверх так, чтобы дотянуться губами до шеи. Я задышала ужасно громко, но мне было все равно.

– Так что насчет кровати? – повторил он. – По-моему, замечательная кровать!

– Только ненужная, – с трудом выдавила я.

Эдвард повернул мое лицо вниз, и наши губы встретились. Он снова перекатился, в этот раз медленно, и навис надо мной сверху, старательно держась на весу, чтобы не придавить меня, но я все же чувствовала холодный мрамор его тела. Сердце заколотилось так сильно, что я с трудом расслышала, как Эдвард тихо засмеялся.

– А вот это вопрос спорный! – не согласился он. – На диване мы бы так не покувыркались.

Он осторожно провел по моим губам ледяным языком.

Голова у меня закружилась: дыхание стало слишком частым и неглубоким.

– Ты что, передумал? – задыхаясь, спросила я.

Возможно, Эдвард решил отменить свои правила осторожного поведения. Может быть, эта кровать означала гораздо больше, чем я поначалу подумала. В ожидании его ответа сердце бешено колотилось в груди.

Эдвард вздохнул и скатился с меня. Теперь мы снова лежали рядом.

– Белла, не говори глупостей, – ответил он с явным неодобрением в голосе: наверняка понял, что я имела в виду. – Я всего лишь хотел показать преимущества кровати, которая тебе так не понравилась. Так далеко мы заходить не будем, даже и не мечтай.

– Слишком поздно, – пробормотала я. Потом добавила: – И на самом деле кровать мне понравилась.

– Вот и хорошо, – ответил он с улыбкой и поцеловал меня в лоб.

– Только я все равно думаю, что она ни к чему, – продолжала я. – Если мы не будем заходить слишком далеко, то зачем нам кровать?

Эдвард снова вздохнул.

– Белла, я тебе уже сто раз говорил, что это опасно.

– Я люблю опасности, – не унималась я.

– Это я знаю, – ответил Эдвард, и я поняла, что он наверняка видел мотоцикл в гараже.

– Я скажу тебе, в чем состоит настоящая опасность, – быстро вставила я, прежде чем он успел сменить тему. – Настоящая опасность в том, что однажды я не выдержу и вспыхну синим пламенем, а виноват в этом будешь только ты.

Эдвард начал отталкивать меня в сторону.

– Ты чего? – запротестовала я, прижимаясь к нему покрепче.

– Профилактика самовозгорания. Если для тебя это слишком…

– Ничего не слишком! – заявила я.

Он позволил мне снова прильнуть к нему.

– Извини, я не хотел ввести тебя в заблуждение, – сказал он. – Не хотел тебя огорчать. Очень нехорошо с моей стороны.

– Вообще-то, это было очень даже хорошо.

Эдвард глубоко вздохнул.

– Ты не устала? Тебе надо выспаться.

– Нет, не устала. Я вовсе не возражаю, если ты еще разок введешь меня в заблуждение.

– Пожалуй, этого делать не стоит. Не ты одна склонна слишком далеко заходить в мечтах.

– Похоже, только я одна, – проворчала я.

Он рассмеялся.

– Белла, ты понятия не имеешь, каково мне! И твоя настойчивость ничуть не помогает держать себя в руках.

– А вот за это я извиняться не стану.

– А мне позволено извиниться?

– За что?

– Ты ведь на меня разозлилась, помнишь?

– А, ты про это…

– Прости. Я был неправ. Гораздо легче видеть вещи в истинном свете, когда тебе ничего не грозит, потому что ты здесь. – Он сжал меня покрепче в объятиях. – Я немножко схожу с ума, когда пытаюсь уйти от тебя. Пожалуй, я больше не стану уезжать так далеко. Оно того не стоит.

Я улыбнулась.

– Разве ты не нашел горных львов?

– Вообще-то, нашел. Но все равно добыча не стоила таких переживаний. Честно говоря, я хочу извиниться за то, что Элис держала тебя в плену. Это была глупая затея.

– Ужасно глупая!

– Я больше не буду.

– Ладно, – с легкостью согласилась я: Эдвард был давно прощен. – Зато мне понравилась идея с ночевкой… – Я прильнула к нему и прижалась губами к впадинке над ключицей. – Лично тебе позволяется держать меня в плену сколько угодно.

– Не исключено, что я воспользуюсь этим разрешением, – вздохнул он.

– Так что, теперь моя очередь?

– Твоя очередь на что? – не понял Эдвард.

– Чтобы просить прощения.

– За что ты хочешь просить прощения?

– А разве ты на меня не злишься? – в недоумении спросила я.

– Нет.

Ответ прозвучал так, что сомнений в его искренности не оставалось.

– Разве ты не поговорил с Элис, когда вернулся?

– Поговорил, а что?

– А ты не заберешь у нее «порше»?

– Конечно, нет! Ведь это же подарок.

Хотела бы я видеть выражение его лица. Голос у него прозвучал обиженно.

– Рассказать, чем я занималась? – спросила я.

Очень странно, что Эдвард не проявляет никакой озабоченности.

Я почувствовала, как он пожал плечами.

– Мне всегда интересно все, чем ты занимаешься, но тебе не обязательно говорить об этом, если не хочешь.

– Но я же ездила в Ла-Пуш.

– Я знаю.

– И прогуляла школу.

– Я тоже.

Я уставилась в темноту – туда, откуда доносился голос Эдварда, – и провела пальцами по его лицу, пытаясь угадать настроение.

– С чего это ты стал таким терпимым? – спросила я.

Эдвард вздохнул.

– Я решил, что ты права. Раньше дело было скорее в… моих предрассудках по отношению к оборотням. Я постараюсь быть более благоразумным и доверять твоим суждениям. Если ты считаешь, что это безопасно, то я тебе верю.

– Ничего себе!

– Ну и… важнее всего то… что я не собираюсь позволить этому встать между нами.

Я положила голову ему на грудь и, блаженствуя, закрыла глаза.

– Так что, – небрежно пробормотал он, – когда ты снова собираешься в Ла-Пуш?

Я промолчала. Его вопрос напомнил мне слова Джейкоба, и горло вдруг перехватило.

Эдвард неверно истолковал внезапное напряжение моего тела.

– Нужно же мне подготовить собственные планы, – быстро объяснил он. – Я не хочу, чтобы ты торопилась вернуться домой только потому, что я сижу здесь и жду тебя.

– Нет, – ответила я каким-то чужим голосом. – Я не собираюсь туда ехать.

– Эй, тебе не нужно идти на такие жертвы ради меня.

– По-моему, мне там больше не рады, – прошептала я.

– Чью-то кошку задавила? – шутливо поинтересовался Эдвард.

Я знала, что он не захочет вытягивать из меня правду клещами, но в его голосе сквозило явное любопытство.

– Нет. – Я вздохнула и торопливо пробормотала: – Я думала, Джейкоб поймет… и не ожидала, что его это удивит.

Эдвард терпеливо ждал, пока я решусь продолжить.

– Он не предполагал, что… это случится так скоро.

– Понятно, – тихо ответил Эдвард.

– Он сказал, что лучше бы я умерла. – На последнем слове мой голос дрогнул.

На мгновение Эдвард замер, словно пытался справиться с чем-то.

Потом нежно, но сильно прижал меня к груди.

– Извини ради бога.

– Я думала, ты обрадуешься, – прошептала я.

– Обрадуюсь чему-то, что тебя огорчает? – пробормотал он, зарывшись лицом мне в волосы. – Никогда.

Я вздохнула и расслабилась, вжимаясь в его каменное тело. Оно снова стало неподвижным и напряженным.

– Что случилось? – спросила я.

– Ничего.

– Расскажи!

Он помедлил.

– Тебя это может разозлить.

– Все равно расскажи.

Эдвард вздохнул.

– Я мог бы убить его за такие слова. Так бы голову и оторвал.

Я неуверенно рассмеялась.

– Пожалуй, это здорово, что ты так хорошо умеешь держать себя в руках.

– Могу и отпустить, – задумчиво произнес он.

– Если ты хочешь дать себе волю, то уж лучше в чем-то другом. – Я потянулась к лицу Эдварда, пытаясь поцеловать.

Он напрягся, удерживая меня. И вздохнул.

– Ну почему именно я всегда должен за все отвечать?

Я ухмыльнулась.

– Не всегда. Давай я буду – на несколько минут… или часов.

– Спокойной ночи, Белла.

– Погоди-ка, я еще кое-что хотела спросить.

– О чем?

– Вчера я разговаривала с Розали…

Эдвард снова напрягся.

– Знаю. Она думала об этом, когда я пришел. Похоже, Розали дала тебе

обильную пищу для размышлений.

В его голосе звучала тревога, и я поняла, что Эдвард решил, будто я хочу обсудить причины остаться человеком, которые привела Розали. Но на самом деле меня интересовало нечто гораздо более важное.

– Розали немного рассказала мне о… том времени, когда ваша семья жила в Денали.

Такого начала Эдвард не ожидал и ненадолго замолк.

– И что?

– Она говорила что-то о молоденьких вампиршах – и о тебе.

Эдвард молчал, я тоже.

– Не волнуйся, – сказала я, когда молчание стало неловким. – Розали рассказала, что ты… никем не заинтересовался. Но мне просто любопытно, а не заинтересовался ли кто-то из них тобой?

Эдвард не ответил.

– Кто именно? – спросила я старательно безразличным тоном. – Или их было несколько?

Молчание. Жаль, что я не вижу его лицо: тогда можно было бы попробовать догадаться, что это молчание означает.

– Элис мне расскажет, – заявила я. – Вот пойду и спрошу у нее прямо сейчас.

Руки Эдварда напряглись: я не могла двинуться с места.

– Уже поздно, – ответил он.

В его голосе зазвучали какие-то новые нотки: отчасти испуганные и, пожалуй, слегка смущенные.

– Кроме того, по-моему Элис нет дома.

– Все так плохо? На самом деле очень плохо?

Сердце в панике заколотилось, когда я представила себе умопомрачительную бессмертную соперницу, о которой даже не подозревала.

– Белла, успокойся. – Эдвард чмокнул меня в кончик носа. – Не говори глупостей.

– Глупостей? Тогда почему ты молчишь?

– Потому что сказать нечего. Ты делаешь из мухи слона.

– Кто именно? – не унималась я.

Эдвард вздохнул.

– Таня проявила некоторый интерес. Я дал ей понять – очень вежливо, как и подобает джентльмену, – что не разделяю этого интереса. Вот и все.

Я постаралась унять дрожь в голосе.

– Скажи, а как эта Таня выглядит?

– Так же, как и все мы: белая кожа, золотистые глаза, – слишком быстро отозвался он.

– И конечно же неописуемая красавица.

Я почувствовала, как Эдвард пожал плечами.

– Для глаз человека, пожалуй, да, – равнодушно сказал он. – А знаешь что?

– Что? – Я надулась.

Эдвард приложил губы к моему уху; от его холодного дыхания стало щекотно.

– Я предпочитаю брюнеток.

– Ага, так значит, она блондинка.

– Платиновая – совсем не мой тип.

Я задумалась, пытаясь сосредоточиться, пока Эдвард медленно водил губами по моей коже вдоль щеки, вниз по шее и обратно. Он прошелся по кругу три раза, прежде чем я заговорила:

– Ну тогда ладно, – решила я.

– Гм, – прошептал он, не отнимая губ от моей щеки. – Ты такая хорошенькая, когда ревнуешь. Удивительно приятное зрелище.

Я хмуро глянула в темноту.

– Уже поздно, – повторил Эдвард тихим, убаюкивающим голосом, мягким, как шелк. – Спи, моя хорошая. Пусть тебе снятся счастливые сны. Ты единственная, кто запал мне в сердце. И оно всегда будет принадлежать только тебе. Спи, моя единственная.

Эдвард начал мурлыкать колыбельную, и я знала, что рано или поздно все равно не выдержу, поэтому закрыла глаза и прильнула к нему.

Глава девятая
Мишень

Утром, как и полагалось, Элис отвезла меня домой. Эдвард должен был вскоре появиться, вернувшись из своего «похода». Все эти уловки меня утомляли. Вот уж об этой части своей человеческой жизни я жалеть не стану!

Чарли услышал, как хлопнула дверца машины, и выглянул в окно. Помахал Элис и открыл мне дверь.

– Хорошо провели время? – спросил Чарли.

– Замечательно! Получился такой… девичник.

Я принесла свои вещи, бросила их на пол возле лестницы и побрела на кухню, чтобы перекусить.

– Тебе звонили! – крикнул Чарли мне вслед.

Раскрытый блокнот для телефонных сообщений лежал на самом видном месте – на кухонном столе, прислоненный к кастрюле.

«Звонил Джейкоб, – написал Чарли. – Сказал, что был неправ и просит прощения. Просил, чтобы ты позвонила. Будь умницей и пожалей его. Похоже, он очень расстроен».

Я поморщилась: с каких это пор Чарли не просто записывает сообщение, а еще и указания дает – в письменном виде?

Джейкоб может расстраиваться сколько влезет. Не стану я с ним разговаривать. Насколько мне известно, с того света не очень-то позвонишь. Если Джейкоб предпочитает, чтобы я умерла, пусть привыкает к моему молчанию.

Аппетит пропал, и я пошла разбирать вещи.

– Разве ты не собираешься позвонить Джейку? – спросил Чарли.

Он стоял, прислонившись к стене гостиной, и смотрел, как я собираю вещи.

– Нет.

Я пошла наверх.

– Белла, ты ведешь себя не очень хорошо, – сказал он. – Умение прощать – дар божий.

– Не лезь не в свое дело, – пробормотала я себе под нос, чтобы Чарли не услышал.

Пора было устраивать стирку, поэтому, почистив зубы, я бросила свою

одежду в корзину для грязного белья и решила поменять постельное белье на кровати Чарли. Оставила его простыни на лестничной площадке и пошла за своими.

Возле кровати я застыла, склонив голову набок.

Где моя подушка? Я осмотрела комнату. Подушки нет. И комната выглядит странно – будто в ней прибирались. Ведь серый свитер вроде бы висел на спинке кровати? И я могла поклясться, что за креслом-качалкой должна была валяться пара грязных носков, а на ручке – висеть красная блузка, которую я примеряла пару дней назад, но в школу надевать не стала: слишком нарядная… Я снова осмотрелась. Корзина для грязного белья должна бы быть набита доверху, но почему-то почти пуста.

Может, Чарли постирал? Хотя от него, пожалуй, дождешься…

– Па, ты случайно не начинал стирку? – крикнула я из дверей своей комнаты.

– Вообще-то, нет, – виновато крикнул он в ответ. – Начать?

– Нет, я сама. Ты ничего не искал в моей комнате?

– Нет, а что такое?

– Да не могу найти… рубашку.

– Я туда не заходил.

Да ведь это Элис приезжала за моей пижамой! Я не заметила, что она и подушку забрала: ведь я же не спала на кровати. И похоже, Элис успела по ходу прибраться. Я покраснела за свою неряшливость.

Красная кофточка еще совсем чистая, так что я решила вытащить ее из корзины.

Кофточка должна быть где-то сверху – где же она? Я перерыла всю кучу, но так и не нашла ее. Наверное, у меня начинается паранойя, однако мне показалось, что еще чего-то не хватает – причем не одной вещи, а нескольких. Белья в корзине набралось едва на половину закладки.

Я торопливо сняла с кровати простыни, захватила по пути постельное белье Чарли и пошла стирать. В стиральной машинке было пусто. Сушку для одежды я тоже проверила, надеялась найти там выстиранное белье – благодаря усилиям Элис. Пусто. Я в недоумении нахмурилась.

– Нашла что искала? – крикнул Чарли.

– Пока нет.

Я вернулась к себе в комнату и заглянула под кровать. Пусто, если не считать клочьев пыли и паутины. Перерыла весь шкаф: может, я положила красную кофточку на место да и забыла об этом?

Услышав звонок в дверь, я перестала копаться в шкафу: наверняка это Эдвард.

– Кто-то пришел, – сообщил мне с дивана Чарли, когда я пролетела мимо.

– Я сама открою!

Улыбаясь до ушей, я распахнула дверь.

Золотистые глаза Эдварда были широко распахнуты, ноздри раздуты, зубы оскалены.

– Эдвард… ты чего? – ошеломленно спросила я, увидев его лицо.

Он прижал палец к моим губам.

– Дай мне пару секунд, – прошептал он. – Не двигайся.

И он… исчез. Эдвард двигался так быстро, что Чарли его даже не заметил.

Не успела я прийти в себя и досчитать до двух, как Эдвард вернулся. Обхватил меня за талию и торопливо потянул на кухню, бросая тревожные взгляды вокруг и прижимая к себе, словно собирался прикрыть мое тело своим. Я глянула на расположившегося на диване Чарли, но он старательно не замечал нас.

– Здесь кто-то был, – прошептал мне на ухо Эдвард, притащив меня в дальний угол кухни.

Говорил он тихо и напряженно, я едва расслышала его слова за грохотом стиральной машинки.

– Клянусь, что ни один оборотень… – начала я.

– Это не они, – оборвал меня Эдвард, качая головой. – Это был один из нас.

Судя по его тону, он не имел в виду своих родственников.

Кровь отхлынула от моего лица.

– Виктория? – с трудом выдавила я.

– Этот запах мне незнаком.

– Кто-то из Вольтури?

– Возможно.

– Когда?

– Приходили недавно, рано утром, когда Чарли спал. И кто бы это ни был, Чарли он не тронул, значит, приходил с другой целью.

– Искал меня.

Эдвард промолчал и замер, как статуя.

– Чего это вы тут друг на друга шипите? – подозрительно спросил Чарли, появляясь из-за угла с пустой чашкой для поп-корна.

Я позеленела. Пока Чарли спал, в дом заходил вампир и искал меня. Паника захлестнула с головой, и горло перехватило. Не в силах ответить, я в ужасе уставилась на Чарли.

Выражение его лица вдруг изменилось – он усмехнулся.

– Если вы тут отношения выясняете… ну, не буду вам мешать.

Все еще усмехаясь, он поставил чашку в раковину и ретировался.

– Пошли, – тихо приказал Эдвард.

– Но как же Чарли! – От страха грудь сдавило, и я едва могла дышать.

Эдвард на секунду задумался, потом выхватил телефон.

– Эмметт, – пробормотал он в трубку и заговорил так быстро, что я ничего не поняла.

Через полминуты разговор был окончен, и Эдвард потянул меня к двери.

– Эмметт и Джаспер уже едут, – прошептал он, чувствуя мое сопротивление. – Они пройдутся по лесу. С Чарли все будет в порядке.

Тогда я перестала сопротивляться, просто была не в состоянии мыслить здраво. Чарли встретил мой испуганный взгляд самодовольной улыбкой, тут же сменившейся недоумением. Эдвард вытащил меня за дверь, прежде чем Чарли успел сказать хоть слово.

– Куда мы едем? – Даже в машине я продолжала говорить шепотом.

– Поговорить с Элис, – ответил Эдвард нормальным, хотя и невеселым голосом.

– Ты думаешь, она могла что-то увидеть?

Эдвард, прищурив глаза, пристально смотрел на дорогу.

– Может быть.

Предупрежденные звонком Эдварда, его родственники нас уже ждали: когда мы вошли в комнату, они молча стояли, застыв, словно статуи.

– Что там произошло? – с ходу спросил Эдвард.

Я неприятно поразилась, увидев, что он сжал руки в кулаки и злобно уставился на Элис.

Элис стояла, плотно скрестив руки на груди, только губы шевельнулись в ответ:

– Не знаю. Я ничего не видела.

– Как это может быть? – прошипел он.

– Эдвард! – негромко упрекнула я: мне не понравилось, как он разговаривал с Элис.

– Это ведь не математика, – примирительно вставил Карлайл.

– Элис, он проник в ее комнату! И мог остаться там – поджидая Беллу.

– Такое я бы не пропустила.

Эдвард всплеснул руками.

– Да неужели? Ты уверена?

– Ты уже дал мне задание следить за действиями Вольтури, за

возвращением Виктории и за каждым шагом Беллы, – холодно отозвалась Элис. – Хочешь еще что-нибудь добавить? Может, мне теперь не спускать глаз с Чарли? Или с комнаты Беллы? Со всего дома или даже со всей улицы? Эдвард, если я взвалю на себя слишком много, то ничего толком не смогу увидеть.

– Похоже, именно так и есть, – отрезал Эдвард.

– Белле ничего не угрожало. Нечего было видеть.

– Если ты присматриваешь за Италией, то как же не увидела…

– Не думаю, что это были они, – не согласилась Элис. – Такое я бы заметила.

– А кто еще оставил бы Чарли в живых?

Меня передернуло.

– Не знаю, – ответила Элис.

– Толку от тебя…

– Эдвард, перестань, – прошептала я.

Он повернулся ко мне – все еще красный от злости и скрипя зубами. Хмуро уставился на меня и внезапно выдохнул. Перестал щуриться и разжал челюсти.

– Белла, ты права. Извини. – Он посмотрел на Элис. – Прости, Элис. Мне не следовало вымещать свою злость на тебе. Это непростительно.

– Я все понимаю, – успокоила его Элис. – Мне и самой неприятно, что так получилось.

– Ладно, давайте поразмыслим логически. Какие могут быть варианты?

Все моментально оживились. Элис расслабилась, откинувшись на спинку кресла. Карлайл медленно подошел к ней – его мысли витали где-то далеко. Эсми, поджав ноги, присела на диван напротив Элис. И только Розали не двинулась с места: стояла, повернувшись к нам спиной и глядя сквозь стеклянную стену.

Эдвард подтянул меня к дивану, и я села рядом с Эсми. Она приобняла меня, а Эдвард крепко стиснул мою ладонь обеими руками.

– Виктория? – спросил Карлайл.

Эдвард покачал головой.

– Нет. Запах незнакомый. Мог быть один из Вольтури – кто-то, кого я не знаю.

Элис помотала головой.

– Аро пока никого не посылал за Беллой. Такое я бы непременно увидела: я этого жду.

Эдвард поднял голову.

– Ты ждешь, когда он отдаст официальный приказ.

– А ты думаешь, кто-то действует по собственной инициативе? Зачем?

– Кай мог на это пойти, – предположил Эдвард, и его лицо снова окаменело.

– Или Джейн… – добавила Элис. – У них обоих есть возможность послать кого-то, неизвестного нам.

– Не только возможность, но и причины, – нахмурился Эдвард.

– Как-то здесь концы с концами не сходятся, – сказала Эсми. – Кем бы ни был тот неизвестный, если он собирался дождаться Беллы, то Элис бы его увидела. А он – или она – не собирался причинить никакого вреда Белле. Да и Чарли тоже.

При упоминании имени отца я вздрогнула.

– Белла, деточка, все будет хорошо, – пробормотала Эсми, поглаживая меня по голове.

– Тогда зачем он туда пришел? – спросил Карлайл.

– Проверить, остаюсь ли я человеком? – предположила я.

– Возможно, – согласился Карлайл.

Розали выдохнула так громко, что я ее услышала. Она перестала стоять как статуя и выжидательно повернулась к кухне. А вот Эдвард вдруг огорчился.

Из кухни в комнату ворвался Эмметт, а за ним Джаспер.

– Давно ушел, не один час назад, – разочарованно провозгласил Эмметт. – След вел на восток, потом на юг и исчез на проселочной дороге. Его ждала машина.

– Не везет так не везет, – пробормотал Эдвард. – Если бы он пошел на запад… тогда бы эти собаки могли сослужить нам службу.

Я вздрогнула, и Эсми погладила меня по плечу.

Джаспер посмотрел на Карлайла.

– Нам он незнаком. Попробуйте вы. – Он протянул что-то зеленое и смятое – оказалось, это сломанная веточка папоротника. Карлайл взял ее и понюхал. – Может, вы узнаете.

– Нет, – ответил Карлайл. – Не знаю. Никогда не встречал.

– А что, если мы ошибаемся? Может, это просто совпадение… – начала Эсми и запнулась, увидев недоумение на лицах остальных. – Не в том смысле совпадение, что чужак случайно выбрал именно дом Беллы, а в том, что, возможно, кто-то всего лишь полюбопытствовал. Ведь она насквозь пропахла нами. Вдруг он заинтересовался причиной, по которой Белла нас так привлекает?

– Тогда почему бы чужаку попросту не прийти к нам

полюбопытствовать? – сказал Эмметт.

– Ты бы пришел, – отозвалась Эсми, тепло улыбнувшись. – Все остальные не всегда действуют так решительно. У нас большая семья – чужак мог испугаться. Но ведь Чарли он вреда не причинил. Совсем необязательно, что это был враг.

Всего лишь полюбопытствовал. Как сначала заинтересовались Джеймс и Виктория? При мысли о Виктории я задрожала, хотя Каллены сошлись на том, что приходила не она. По крайней мере, не в этот раз. Она будет придерживаться своей тактики. А ко мне приходил кто-то другой – чужак.

До меня стало доходить, что вампиров на свете гораздо больше, чем мне казалось. Как часто обычный человек, сам того не подозревая, сталкивается с одним из них? Сколько смертей, приписываемых преступлениям и несчастным случаям, в действительности дело рук голодных вампиров? На сколько перенаселен этот новый мир, к которому я решила присоединиться?

От скрытого в тумане будущего по спине побежали мурашки.

Каллены задумались над словами Эсми. Судя по виду Эдварда, он с этой теорией был не согласен, а вот Карлайл очень хотел в нее поверить.

Элис поджала губы.

– Я так не думаю. Уж слишком подходящий был выбран момент… Этот гость сделал все возможное, чтобы избежать встречи. Будто он или она знали, что я увижу это…

– Возможно, у него были другие причины, чтобы не попадаться на глаза, – напомнила Эсми.

– А не все ли равно, кто именно это был? – спросила я. – Достаточно того, что кто-то меня искал… разве не так? Нам не стоит ждать до самого выпускного.

– Нет, Белла, – тут же отозвался Эдвард. – Дела не настолько плохи. Если бы ты действительно оказалась в опасности, мы бы об этом узнали.

– Подумай о Чарли, – напомнил Карлайл. – Подумай, как ему будет больно, если ты вдруг исчезнешь.

– Как раз о Чарли я и думаю! Именно за него и беспокоюсь! А если бы вчера ночью незваный гость решил немного подкрепиться? Пока я рядом с Чарли, он тоже на мушке. Если с ним что-то случится, виновата буду я!

– Ну что ты, Белла, девочка моя, – сказала Эсми, погладив меня по голове. – С Чарли ничего не случится. Нам просто нужно быть поосторожнее.

– Поосторожнее? – повторила я, не веря своим ушам.

– Белла, все будет хорошо, – пообещала Элис.

Эдвард стиснул мою руку.

Вглядевшись в их прекрасные лица, я поняла, что любые доводы бесполезны.

Домой мы ехали в молчании. Я злилась. Вопреки здравому смыслу, ничто человеческое мне до сих пор не чуждо.

– Ты не останешься одна ни на секунду, – пообещал Эдвард по дороге. – С тобой всегда будет кто-то из нас. Эмметт, Элис, Джаспер…

Я вздохнула.

– Ну что за бред! Им это так наскучит, что они сами меня прикончат, лишь бы развеяться.

Эдвард бросил на меня хмурый взгляд.

– Ужасно смешно! Просто обхохочешься.

Когда мы приехали, Чарли был в прекрасном расположении духа. Он заметил сгустившееся между нами напряжение и неверно его истолковал. Самодовольно ухмыляясь, он наблюдал, как я наскоро собираю на стол. Эдвард извинился и ненадолго исчез: надо полагать, пошел на разведку. Однако Чарли дождался его возвращения и только потом сообщил:

– Джейкоб снова звонил.

Не моргнув глазом, я поставила перед ним тарелку.

– В самом деле?

– Белла, не будь такой мелочной, – нахмурился Чарли. – Похоже, Джейкоб очень расстроен.

– Он тебе платит за услуги посредника или ты работаешь на добровольных началах?

Чарли ворчал что-то невнятное, пока жевание не заглушило неразборчивые укоры.

Сам того не понимая, он задел меня за живое.

Моя жизнь сейчас очень похожа на игру в кости: а что, если в следующий раз выпадут две единицы? Вдруг со мной и правда стрясется какое-нибудь несчастье? В таком случае оставлять Джейкоба с чувством вины за свои слова – это гораздо хуже, чем просто мелочность.

Однако мне не хотелось разговаривать с Джейком при Чарли: пришлось бы следить за каждым словом, чтобы не дай бог чего не ляпнуть. Тут я остро позавидовала отношениям Джейкоба и Билли: как же легко жить с человеком, от которого у тебя нет секретов.

Придется подождать до утра. Скорее всего, эту ночь я переживу благополучно, а Джейку не помешает помучиться еще часиков двенадцать. Ему это даже на пользу пойдет.

Когда время «официального» визита Эдварда подошло к концу, я задумалась, кто же стоит под проливным дождем, охраняя меня и Чарли? Было очень жаль Элис или любого другого Каллена, но в то же время это успокаивало. Честно говоря, приятно знать, что я не одна. Да и Эдвард вернулся в рекордный срок.

Он снова усыпил меня колыбельной, и я спокойно, без всяких кошмаров, спала всю ночь, даже во сне зная, что Эдвард рядом.

Утром, еще до того, как я проснулась, Чарли уехал на рыбалку со своим помощником Марком. Я решила воспользоваться отсутствием родительской опеки и проявить великодушие.

– Хочу сказать Джейку, что он прощен, – предупредила я Эдварда после завтрака.

– Я так и знал, что ты его простишь, – спокойно улыбнулся Эдвард. – Дуться не в твоем характере.

Про себя я порадовалась: похоже, Эдвард перестал относиться к оборотням с недоверием.

На часы я посмотрела только тогда, когда уже набрала номер: немного рановато для звонков. Как бы не разбудить Билли или Джейка! Но трубку сняли на первом же гудке – значит, кто-то находился совсем рядом с телефоном.

– Алло? – отозвался тусклый голос.

– Джейкоб?

– Белла! – воскликнул он. – Белла, прости меня, пожалуйста! – Джейк второпях глотал слова. – Честное слово, я не имел в виду того, что сказал. Ну ляпнул сдуру. Разозлился просто, хотя это не оправдание. В жизни не говорил ничего более глупого, прости, пожалуйста. Не злись, ладно? Я тебя умоляю. Готов отдать себя в пожизненное рабство, лишь бы ты меня простила.

– Я не злюсь. Ты прощен.

– Спасибо! – горячо выдохнул он. – Сам не могу поверить, что я такой идиот.

– Да ладно тебе, мне не привыкать.

Он с облегчением расхохотался во все горло.

– Приезжай ко мне, – взмолился он. – Хочу загладить свою вину.

Я нахмурилась.

– И каким же образом?

– Да каким хочешь. Можно со скалы прыгнуть, – предложил он и снова засмеялся.

– Гениальная идея, ничего не скажешь!

– Я прослежу за твоей безопасностью, – пообещал он. – Неважно, чем именно ты хочешь заняться.

Я бросила взгляд на Эдварда: вид у него бесстрастный, но пока все же рановато на такое соглашаться.

– Прямо сейчас не могу.

– А, он не очень-то мной доволен, да? – Вопреки обыкновению, в голосе Джейкоба звучало смущение, а не горечь.

– Да нет, дело не в этом. Просто… ну, есть кое-что похуже, чем капризный оборотень подросткового возраста… – Я пыталась говорить шутливо, однако Джейка провести не удалось.

– Что случилось? – спросил он.

– Да как тебе сказать…

Эдвард протянул руку к трубке. Я внимательно всмотрелась в его лицо и решила, что выглядит он достаточно спокойно.

– Белла? – позвал Джейкоб.

Эдвард вздохнул, протягивая руку ближе к трубке.

– Ты не против поговорить с Эдвардом? – нерешительно спросила я. – Он хочет взять трубку.

Ответом было долгое молчание.

– Ладно, – наконец согласился Джейкоб. – Здесь явно происходит нечто занятное.

Я передала трубку Эдварду, надеясь, что он заметил предупреждение в моем взгляде.

– Привет, Джейкоб, – с безукоризненной вежливостью произнес Эдвард.

Тишина. Я закусила губу, пытаясь угадать, что мог ответить Джейкоб.

– Здесь кто-то был. Запах мне незнаком, – объяснил Эдвард. – Твоя стая ни на кого не натыкалась?

Новая пауза, в течение которой Эдвард кивал, ничуть не удивляясь словам Джейка.

– Джейкоб, проблема в том, что я ни за что не выпущу Беллу из виду, пока мы с этим не разберемся. Ничего личного…

Джейкоб снова прервал Эдварда: из трубки раздался невнятный голос – слов я не расслышала, но говорил он с еще большей настойчивостью.

– Возможно, ты прав… – начал Эдвард, но Джейкоб снова заспорил.

По крайней мере, ни один из них не злился.

– Интересное предложение. Мы согласны это обсудить. Конечно, если Сэм согласится.

Голос Джейка стал тише. Пытаясь прочитать выражение лица Эдварда, я принялась грызть ноготь.

– Спасибо, – ответил Эдвард.

И тут Джейкоб сказал что-то, от чего на лице Эдварда промелькнуло удивление.

– Вообще-то, я собирался пойти один, – ответил Эдвард на неожиданный вопрос. – А за ней присмотрят остальные.

Джейкоб снова повысил голос – кажется, старался в чем-то убедить Эдварда.

– Я постараюсь обойтись без предубеждений, – пообещал Эдвард. – Насколько это в моих силах.

В этот раз пауза длилась недолго.

– Неплохая идея. Когда?.. Нет, нормально. Я все равно хотел лично пройти по следу. Через десять минут… Конечно. – Эдвард протянул мне трубку. – Тебя.

В полном недоумении я взяла телефон.

– О чем это вы тут разговаривали? – спросила я Джейка обиженным тоном.

Детский сад, разумеется, но я обиделась, что мне ничего не сказали.

– О договоре, я думаю. Слушай, ты можешь сделать мне одолжение? Постарайся убедить своего кровососа, что самое безопасное место для тебя, особенно когда его самого нет рядом, – это резервация. Мы справимся с чем угодно.

– Именно на это ты и пытался его подбить?

– Да. Вполне логичный выход. Да и Чарли, пожалуй, тоже лучше к нам приехать. Пусть остается здесь как можно дольше.

– Попроси Билли поговорить с ним, – согласилась я. Мне ужасно не нравилось, что Чарли вместе со мной оказался на мушке. – Что еще?

– Просто хотим немного изменить границы, чтобы мы могли поймать того, кто подойдет слишком близко к Форксу. Я не уверен, что Сэм на это пойдет, но пока его нет, я присмотрю, чтобы все было в порядке.

– И как ты собираешься за этим присмотреть?

– Очень просто: если увидишь волка, бегающего вокруг дома, не надо в него стрелять.

– Мне бы и в голову не пришло! Но тебе все же не стоит… идти на риск.

Джейкоб фыркнул.

– Вот еще глупости! Я не маленький, не надо за меня переживать.

Я вздохнула.

– А еще я попытался уговорить его разрешить тебе приезжать ко мне в гости. Он настроен против поездок, так что не обращай внимания на все эти его разговоры о безопасности – это все ерунда. Он не хуже меня знает, что здесь тебе ничего не грозит.

– Я буду иметь это в виду.

– До скорого, – сказал Джейкоб.

– Ты собираешься приехать?

– Ага. Возьму след твоего гостя, чтобы выследить его, когда он вернется.

– Джейк, мне очень не нравится эта идея насчет выследить…

– Белла! Да ладно тебе! – прервал он меня со смехом и повесил трубку.

Глава десятая
Запах

Ну что за детский сад? Неужели Эдвард обязательно должен уйти, чтобы Джейкоб мог сюда приехать? Давно пора забыть о таких глупостях!

– Белла, я вовсе не чувствую к нему никакой личной неприязни. Но для нас обоих так будет проще, – сказал Эдвард, выходя за дверь. – Я буду рядом. Ты в полной безопасности.

– Об этом я и не переживаю!

Он улыбнулся – и вдруг с лукавым видом притянул меня к себе, зарывшись лицом в мои волосы. Эдвард выдохнул, и я почувствовала, как его прохладное дыхание обволакивает каждую прядь; по шее побежали мурашки.

– Я скоро вернусь, – пообещал он и рассмеялся, словно я выдала удачную шутку.

– Что смешного?

Но Эдвард только ухмыльнулся и, не говоря ни слова, длинными прыжками помчался к лесу.

Я с ворчанием вернулась на кухню и взялась за уборку. Однако не успела я наполнить раковину водой, как раздался звонок в дверь. Трудно привыкнуть к тому, как быстро может передвигаться Джейкоб без машины. И насколько все остальные двигаются быстрее меня…

– Джейк, заходи! – крикнула я.

Сосредоточившись на укладывании стопки тарелок в мыльную воду, я забыла, что теперь Джейкоб бесшумен, как привидение. Когда за моей спиной раздался его голос, я невольно подпрыгнула.

– Разве можно оставлять дверь незапертой?.. Ох, извини!

Дернувшись от испуга, я плеснула на себя мыльной водой.

– Тех, кого может остановить запертая дверь, мне бояться нечего, – ответила я, вытирая полотенцем мокрое пятно на блузке.

– Логично, – согласился Джейкоб.

Я повернулась и критически посмотрела на него.

– Джейкоб, ну неужели так трудно ходить одетым?

Он снова был без рубашки, в одних старых джинсах, еще и коротко обрезанных. Похоже, Джейкоб так гордится своими недавно приобретенными мускулами, что терпеть не может скрывать их под

одеждой. Честно говоря, мускулы были лучше некуда – вот только мне как-то не приходило в голову, что Джейк может быть тщеславен.

– Конечно, ты больше никогда не мерзнешь, но все же…

Джейкоб провел рукой по мокрым, спадающим на глаза волосам.

– Так проще, – объяснил он.

– Что проще?

Он снисходительно улыбнулся.

– Достаточно и того, что я шорты с собой таскаю, не хватало еще весь гардероб носить. Я же не вьючная лошадь!

Я нахмурилась.

– О чем это ты?

Джейкоб посмотрел на меня так, словно я не понимала очевидных вещей.

– Когда я превращаюсь, моя одежда не может исчезать и появляться вновь – мне приходится таскать ее с собой. Уж прости, что я стараюсь не носить слишком много всего.

– Об этом я как-то не подумала, – покраснев, пробормотала я.

Джейкоб засмеялся и показал на черный кожаный шнурок, обмотанный вокруг левой икры. Я только сейчас заметила, что Джейкоб не только раздет, но и разут.

– Это не просто дань моде: носить джинсы в зубах не очень-то приятно.

Что тут скажешь?

Он усмехнулся.

– Ничего, что я почти раздет?

– Все нормально.

Джейкоб снова засмеялся, и я повернулась к нему спиной, сосредоточившись на посуде. Надеюсь, он понял, что мой румянец вызван не его вопросом, а смущением за собственную глупость.

– Пожалуй, мне пора заняться делом. – Джейкоб вздохнул. – Не хотелось бы дать ему повод обвинить меня в том, что я не выполняю свои обязательства.

– Джейкоб, ты вовсе не обязан…

Он оборвал меня взмахом руки.

– Я сам напросился. Так где сильнее всего пахнет чужаком?

– Наверное, в моей спальне.

Джейк прищурился: ему это понравилось не больше, чем Эдварду.

– Погоди минутку, – сказал он.

Я методично отмывала щеткой тарелку, и в тишине слышалось только

шуршание пластиковых щетинок по керамике. Как я ни прислушивалась, со второго этажа не раздалось ни звука: ни скрипа половиц, ни щелчка дверного замка. Сообразив, что слишком долго полирую одну и ту же тарелку, я постаралась сосредоточиться на том, что делаю.

– Уф! – выдохнул Джейкоб совсем рядом, и я снова вздрогнула.

– Джейк! Прекрати!

– Извини. – Джейкоб взял полотенце и вытер новую лужицу. – Я заглажу свою вину. Ты моешь, а я буду вытирать.

– Ладно, – согласилась я, передавая ему тарелку.

– Взять след оказалось совсем нетрудно. Кстати, ну и запашок у тебя в комнате!

– Я куплю освежитель воздуха.

Джейкоб засмеялся.

Я мыла посуду, а Джейк ее вытирал – так мы и работали несколько минут в полном, но дружелюбном молчании.

– Можно кое-что спросить?

Я передала ему очередную тарелку.

– Смотря что ты хочешь узнать.

– Я вовсе не прикалываюсь, мне правда интересно, – заверил Джейк.

– Ладно. Спрашивай.

Он помедлил.

– А как это… ну… дружить с парнем-вампиром?

– Лучше не бывает!

– Я серьезно. Тебя это не смущает? В дрожь никогда не бросает?

– Нет.

Джейкоб молча взял чашку из моих рук. Я глянула на его лицо: он нахмурился и выпятил нижнюю губу.

– Еще вопросы? – спросила я.

Он сморщил нос.

– Ну… просто интересно… ты… ты с ним целуешься?

Я засмеялась.

– Конечно!

Джейка передернуло.

– На вкус и цвет… – пробормотала я.

– А клыки тебя не пугают?

Я стукнула Джейка по руке, забрызгав его мыльной водой.

– Джейкоб, заткнись! Ты прекрасно знаешь, что у него нет клыков!

– Так уж и нет, – пробормотал Джейк.

Я стиснула зубы и принялась оттирать кухонный нож с большей силой,

чем требовалось.

– А можно еще вопрос? – тихо спросил Джейкоб, когда я передала ему нож.

– Можно, – резко ответила я.

Он молча покрутил нож под струей воды. Потом еле слышно прошептал:

– Ты сказала «несколько недель»… А когда именно?.. – договорить он не сумел.

– После выпускного, – прошептала я в ответ, настороженно вглядываясь в лицо Джейка: а вдруг опять вспылит?

– Так скоро! – выдохнул он, закрывая глаза.

Не спросил, а простонал. Мускулы его рук напряглись, плечи окаменели.

– Ой! – вскрикнул Джейкоб.

От неожиданности я подпрыгнула.

Правую руку он стиснул в кулак – и зажал в нем нож. Джейкоб раскрыл пальцы, и нож с грохотом упал на кухонный стол. Поперек ладони шел длинный, глубокий порез. Кровь лилась по пальцам и капала на пол.

– Ох! Вот черт! – воскликнул Джейкоб.

Голова у меня закружилась, а желудок подскочил к горлу. Я вцепилась в стол, сделала глубокий вдох ртом и взяла себя в руки: надо помочь Джейкобу.

– Ох, Джейк! Угораздило же тебя! На, обмотай полотенцем.

Я протянула кухонное полотенце и попыталась взять Джейка за руку. Он отшатнулся.

– Ничего страшного, Белла, ерунда.

Комната стала слегка расплываться перед глазами.

Я снова глубоко вдохнула.

– Ерунда?! Да ты чуть не до кости порезался!

Он не обратил внимания на предложенное полотенце. Просто подставил ладонь под струю воды из крана. Вода покраснела. Голова у меня опять закружилась.

– Белла! – позвал Джейкоб.

Я отвела взгляд от пореза и посмотрела Джейку в лицо: он хмурился, но выглядел спокойно.

– Что?

– У тебя такой вид, будто ты вот-вот упадешь в обморок. Еще немного, и ты откусишь себе нижнюю губу. Перестань. Успокойся. Дыши глубже. Со мной все в порядке.

Я втянула воздух ртом и перестала кусать губу:

– Не храбрись.

Джейкоб усмехнулся.

– Поехали, – сказала я. – Тебе нужно в больницу.

Я решила, что в состоянии вести машину. По крайней мере, комната больше не кружилась перед глазами.

– Не надо. – Джейк закрыл кран.

Взял у меня полотенце и замотал в него ладонь.

– Подожди! Дай мне посмотреть.

Я покрепче ухватилась за стол, чтобы удержаться на ногах, если вдруг опять закружится голова.

– Ты никак получила диплом врача и ничего мне об этом не сказала?

– Дай мне посмотреть на рану, и я решу, стоит ли закатывать истерику по поводу поездки в больницу.

– Не надо истерик! – в притворном ужасе скривился Джейкоб.

– Покажи руку или истерика гарантирована!

– Ладно.

Он размотал повязку. Когда я протянула руку за полотенцем, он положил на нее свою.

Несколько секунд я ничего не могла понять. Даже перевернула руку Джейка тыльной стороной вверх, хотя была уверена, что порезал он именно ладонь. Наконец я осознала, что ярко-розовая, вдавленная полоса – это все, что осталось от раны, и повернула его руку обратно ладонью вверх.

– Но… ты же… истекал кровью!

Джейкоб посмотрел мне в глаза.

– На мне все заживает моментально.

– С этим трудно спорить, – почти беззвучно ответила я.

Я же своими глазами видела длинный, глубокий порез, из которого текла кровь. От ее соленого запаха я чуть сознание не потеряла. Такой порез явно требовал швов. Должен был бы пройти не один день, прежде чем он покрылся бы корочкой, и еще много недель, чтобы стал блестящим розовым шрамом, который уже сейчас красовался на ладони Джейкоба.

Джейк ухмыльнулся и ударил себя в грудь.

– Я же оборотень! Забыла?

Он посмотрел мне в глаза бесконечно долгим взглядом.

– Так и есть, – наконец ответила я.

Джейкоб рассмеялся.

– Ведь я же говорил тебе об этом! И ты видела шрам у Пола.

Я потрясла головой, пытаясь привести мысли в порядок.

– Одно дело слышать, а другое – увидеть своими глазами.

Я присела и вытащила из шкафчика под раковиной чистящее средство с хлоркой. Налила немного на тряпку и принялась оттирать пол. Резкий запах хлорки прочистил мозги, окончательно избавив от остатков головокружения.

– Давай я уберу, – предложил Джейкоб.

– Я сама. Ты лучше брось полотенце в стирку.

Убедившись, что от пола не пахнет ничем, кроме хлорки, я промыла хлоркой и раковину. Потом вылила колпачок средства в стиральную машинку и включила ее. Джейкоб неодобрительно следил за моими действиями.

– У тебя что, навязчивый невроз? – спросил он, когда я закончила прибираться.

Хм. Не исключено. Но в этот раз у меня, по крайней мере, есть оправдание.

– Видишь ли, мы здесь слишком чувствительны к запаху крови. Надеюсь, ты понимаешь.

Джейкоб скривился.

– Зачем усложнять жизнь Эдварду? – сказала я. – Ему и так несладко.

– Ну да, ну да. Разумеется!

Я вытащила пробку, и грязная вода втянулась в слив раковины.

– Белла, можно задать тебе вопрос?

Я вздохнула.

– А каково это, когда твой лучший друг – оборотень?

Вопрос застал меня врасплох. Я рассмеялась.

– Разве тебе не страшно? – не унимался Джейкоб, не давая мне ответить.

– Нет. Если оборотень ведет себя прилично, то лучшего друга и не придумаешь, – пояснила я.

Джейкоб ухмыльнулся, блеснув зубами.

– Спасибо, Белла! – Он схватил меня за руку и стиснул в медвежьих объятиях.

Не успела я отреагировать, как он опустил руки и отступил назад.

– Фу! – поморщился Джейк. – От твоих волос несет хуже, чем от твоей комнаты!

– Извини, – пробормотала я.

И внезапно поняла, почему засмеялся Эдвард, когда подышал на меня.

– Одна из многих проблем, возникающих от общения с вампирами, – пожал плечами Джейк. – От тебя начинает плохо пахнуть. Впрочем, это не

самая большая проблема.

Я хмуро глянула на него.

– Только тебе не нравится мой запах.

Он ухмыльнулся.

– Ладно, Белла, пока!

– Ты уходишь?

– Он ждет, пока я уйду. Я слышу его на улице.

– Вот как.

– Я выйду через заднюю дверь, – Джейк помедлил. – Погоди-ка, а ты не сможешь приехать в Ла-Пуш сегодня вечером? Мы устраиваем посиделки у костра. Эмили придет, и ты сможешь познакомиться с Ким… Кстати, Квилу тоже не терпится тебя увидеть. Ему очень не нравится, что ты узнала обо всем раньше него.

Я усмехнулась. Представляю, как разозлился Квил: человеческая подружка Джейка общалась с оборотнями, когда он о них и понятия не имел!

– Не знаю, Джейк. Видишь ли, сейчас ситуация несколько напряженная…

– Да ладно тебе, неужели ты думаешь, что кто-то сможет справиться с… с нами?

В конце фразы он запнулся. Интересно, ему так же сложно произнести вслух слово «оборотень», как мне трудно сказать «вампир»?

В больших черных глазах Джейкоба светилась мольба.

– Я спрошу, – неуверенно ответила я.

Джейкоб хмыкнул.

– Он что, еще и твой опекун? На прошлой неделе я видел в новостях передачу о влюбленных девочках-подростках, над которыми издевались их возлюбленные…

– Хватит! – отрезала я и толкнула Джейка. – Оборотням пора выметаться!

Он ухмыльнулся.

– Пока, Белла. Не забудь сначала попросить разрешения.

Джейкоб выскочил за дверь прежде, чем я успела чем-нибудь в него запустить.

Через несколько секунд в кухню медленно вошел Эдвард. Капли дождя, словно бриллианты, блестели в мокрых бронзовых кудрях. В глазах настороженность.

– Вы что, подрались? – спросил он.

– Эдвард! – воскликнула я, бросаясь в его объятия.

– Привет! – засмеялся он, обнимая меня. – Пытаешься отвлечь мое внимание? У тебя здорово получается.

– Нет, с Джейкобом я не дралась. Так, поругались немножко. А с чего ты взял?

– Просто подумал, с чего это ты всадила в него нож. Хотя, признаться, я не возражаю. – Эдвард мотнул головой в сторону ножа на кухонном столе.

– Вот черт! А я-то думала, что все убрала.

Я оторвалась от Эдварда, подскочила к столу и, бросив нож в раковину, залила его хлоркой.

– Я его пальцем не тронула. Он сам забыл про ножик в руках, – объяснила я на ходу.

Эдвард фыркнул.

– Все оказалось гораздо скучнее, чем я ожидал!

– Не хулигань.

Эдвард вытащил из кармана куртки большой конверт и бросил его на стол.

– Я тебе почту принес.

– Что-нибудь стоящее?

– По-моему, да.

Его интонации заставили меня подозрительно прищуриться. В чем тут дело?

Эдвард свернул конверт пополам. Я расправила его, удивленная плотностью дорогой бумаги, и прочитала обратный адрес.

– Дартмут? Это что, шутка?

– Думаю, это извещение о том, что тебя приняли в колледж. Мне пришел точно такой же конверт.

– Черт побери, Эдвард, что ты сделал?

– Всего лишь отослал твое заявление.

– Может, на уровень студентки Дартмута я не тяну, но все же не такая дура, чтобы в это поверить.

– А вот Дартмут думает, что ты на их уровень тянешь.

Я вдохнула и медленно досчитала до десяти.

– Очень мило с их стороны, – наконец ответила я. – Однако, вне зависимости от того, что они думают, остается еще проблема с оплатой за обучение. У меня таких денег нет, а тебе я не позволю выбрасывать на ветер сумму, за которую можно купить еще один «порше» – и все только для того, чтобы сделать вид, будто я буду учиться в Дартмуте.

– Еще один «порше» мне без надобности. И не надо делать вид, – пробормотал он. – За один год в колледже ничего страшного с тобой не

случится. Может, тебе даже понравится. Подумай об этом, Белла. Представь себе, как будут счастливы Чарли и Рене…

Прежде чем мне удалось заглушить его бархатный голос, он успел нарисовать в моей голове яркую картинку: конечно же, Чарли прямо-таки лопнет от гордости, и ни один житель Форкса не избежит последствий этого взрыва; а Рене просто с ума сойдет от радости, хотя и будет клясться, что ничуть не удивлена…

Я попыталась выкинуть эту картинку из головы.

– Эдвард, я не знаю, доживу ли до выпускного, не говоря уже о том, чтобы пережить лето или осень.

Он вновь обнял меня.

– Никто тебя и пальцем тронуть не посмеет. Тебе незачем торопиться.

Я вздохнула.

– Завтра же переведу на Аляску все, что лежит на моем счете в банке. Этого будет достаточно в качестве алиби. Аляска так далеко, что Чарли не станет ждать меня в гости раньше, чем к Рождеству. А к тому времени я придумаю какой-нибудь предлог. Знаешь, все эти секреты и уловки так утомительны, – поддразнила я.

Лицо Эдварда застыло.

– Потом будет легче. Через несколько десятков лет все, кого ты знаешь, умрут. И никаких проблем не останется.

Я вздрогнула.

– Извини, это прозвучало слишком жестко.

Я невидящими глазами смотрела на большой белый конверт.

– Но ведь это правда.

– Если я смогу разобраться с тем, что сейчас происходит, ты согласишься хотя бы подумать об отсрочке?

– Нет.

– Ох, и упрямая же ты!

– Это точно.

Стиральная машинка споткнулась и затихла.

– Дурацкая жестянка! – пробормотала я, отрываясь от Эдварда.

Положила обратно в центр одинокое кухонное полотенце, которое разбалансировало бак, и снова включила машинку.

– Кстати, хорошо, что вспомнила, – сказала я. – Ты не мог бы спросить Элис, что она сделала с моими шмотками, когда прибиралась у меня в комнате? Я ничего не могу найти.

Эдвард в недоумении уставился на меня.

– Элис убрала твою комнату?

– Похоже на то. Когда пришла забрать мою пижаму, подушку и все прочее, чтобы держать меня в плену. – Я бросила на Эдварда хмурый взгляд. – Элис взяла все, что валялось в комнате: рубашки, носки и прочее, и я понятия не имею, куда она их дела.

Недоумение на лице Эдварда вдруг сменилось напряжением.

– Когда ты заметила пропажу вещей?

– Когда вернулась домой после девичника. А что?

– Не думаю, что Элис могла взять вещи вроде одежды или подушки. Взяли то, что ты носила… к чему прикасалась… на чем спала?

– Да. Эдвард, в чем дело?

Он окаменел.

– Взяли вещи с твоим запахом.

Я поперхнулась.

Молча мы смотрели друг другу в глаза.

– Мой незваный гость, – пробормотала я.

– Он собирал следы… доказательства. Чтобы подтвердить, что нашел тебя?

– Зачем? – прошептала я.

– Не знаю, Белла. Но клянусь, что узнаю. Во что бы то ни стало.

– Не сомневаюсь, – сказала я, кладя голову ему на грудь.

И почувствовала, как в кармане Эдварда завибрировал телефон.

Эдвард вытащил мобильник и глянул на номер.

– Именно он мне сейчас и нужен, – пробормотал он. – Карлайл, я… – Эдвард замолк и несколько минут напряженно слушал. – Хорошо, я проверю. Послушай…

Он объяснил, что у меня пропали вещи, однако судя по тому, что мне удалось услышать, Карлайл ничего путного предложить не мог.

– Может быть, я поеду… – Эдвард перевел взгляд на меня и замолк. – А может быть, нет. Только не отпускай Эмметта одного, ты же знаешь, какой он бывает. По крайней мере, попроси Элис присмотреть. Мы займемся этим позже.

Эдвард захлопнул мобильник.

– Где газета? – спросил он.

– Не знаю, а что?

– Надо посмотреть кое-что. Или Чарли ее уже выбросил?

– Кто его знает…

Эдвард исчез. И тут же вернулся – со свежими каплями дождя в волосах и газетой в руке. Развернул газету на столе и быстро просмотрел заголовки. Затем склонился поближе, сосредоточившись на том, что читал,

и водя пальцем по особенно интересным абзацам.

– Карлайл прав… да… очень небрежно. Совсем зеленые и спятившие? Или жить надоело? – пробормотал он себе под нос.

Я глянула через его плечо.

В «Сиэтл таймс» красовался заголовок *«Эпидемия убийств продолжается – у полиции подозреваемых нет»*.

Статья была очень похожа на ту, которая расстроила Чарли несколько недель назад: возрастающий уровень насилия в городе скоро сделает Сиэтл лидером в национальном списке опасных для жизни мест. Правда, это была уже другая статья – число убийств значительно возросло.

– Дела идут все хуже, – пробормотала я.

Эдвард нахмурился.

– Это уже вообще черт знает что. Один-единственный новорожденный вампир не мог такого натворить. Что происходит? Они словно в жизни не слышали про Вольтури. Впрочем, это не исключено. Правила им никто не объяснил… в таком случае, кто же их создает?

– Сами Вольтури? – повторила я и вздрогнула.

– Нет, Вольтури как раз уничтожают таких бессмертных, которые могут выдать нас с головой. Несколько лет назад Вольтури навели порядок в Атланте, а ведь там до подобного безобразия не дошло. Они скоро вмешаются, очень скоро, если нам не удастся как-то разрядить ситуацию. Мне бы очень не хотелось, чтобы они появились в Сиэтле сейчас. Это слишком близко к Форксу, и они могут решить заглянуть к тебе.

Я снова вздрогнула.

– Что же нам делать?

– Пока что мы слишком мало знаем. Возможно, если поговорить с этими молодыми, объяснить им правила, все обойдется мирным путем. – Эдвард нахмурился, словно не верил, что это возможно. – Подождем, пока Элис разберется в том, что происходит… Не стоит вмешиваться без крайней на то необходимости. В конце концов, это не наше дело. И хорошо, что у нас есть Джаспер, – добавил Эдвард, точно разговаривая сам с собой. – Если придется вести переговоры с молодняком, он нам очень пригодится.

– Джаспер? Почему?

Эдвард мрачно улыбнулся.

– Джаспер вроде как специалист по молодым вампирам.

– В каком это смысле «специалист»?

– Сама у него спросишь: это длинная история.

– Черт знает что творится! – пробормотала я.

– Это точно. Такое впечатление, что все сразу со всех сторон на нас навалилось. – Эдвард вздохнул. – Тебе не приходит иногда в голову, что твоя жизнь была бы гораздо проще, если бы ты не влюбилась в меня?

– Возможно. Только что это была бы за жизнь?

– Для меня, – тихо поправил он. – А теперь, – продолжил Эдвард с лукавой усмешкой, – ты, наверное, хочешь у меня что-то спросить?

Я непонимающе уставилась на него.

– Разве?

– Ну, а может, и нет. – Он ухмыльнулся. – Мне показалось, что ты обещала спросить моего разрешения пойти сегодня на вечеринку к оборотням.

– Опять подслушивал?

– Немножко, в самом конце.

– Ладно, я все равно не собиралась тебя спрашивать. Решила, что тебе и так есть о чем волноваться.

Эдвард взял меня за подбородок и поднял мое лицо вверх, чтобы заглянуть в глаза.

– А ты хотела бы пойти?

– Не очень. Не переживай об этом.

– Белла, ты не обязана спрашивать мое разрешение. Я не твой отец – и слава богу! Хотя тебе, пожалуй, стоило бы спросить Чарли.

– Ты ведь знаешь, что Чарли скажет да.

– Вообще-то ты права, я и правда лучше многих знаю, что скажет Чарли.

Я молча смотрела на Эдварда. Чего же он хочет? Нет, в Ла-Пуш ехать нельзя, хотя и очень хочется: там я совсем потеряю голову. Вокруг такое творится, а я собираюсь на вечеринку с громадными мальчишками-волками. Вот идиотка! Но ведь так хочется поехать… Забыть ненадолго о смертельной угрозе и стать менее здравомыслящей и более безрассудной Беллой и беззаботно хохотать с Джейком. Пусть всего лишь на несколько часов – неважно.

– Белла, – сказал Эдвард. – Я обещал быть более благоразумным и доверять твоим суждениям. Я не шутил. Если ты чувствуешь себя в безопасности рядом с оборотнями, то и мне волноваться не о чем.

– Ничего себе! – повторила я то, что сказала вчера ночью.

– И к тому же Джейкоб прав, по крайней мере, в одном – стая оборотней вполне в состоянии один вечер присмотреть даже за таким невезучим человеком, как ты.

– Ты уверен?

– Конечно. Только…

Я приготовилась к худшему.

– Надеюсь, ты согласишься принять некоторые меры предосторожности? Во-первых, позволишь мне довезти тебя до границы. И еще возьмешь с собой мобильник, чтобы я знал, когда тебя забрать?

– Ну что же… очень разумные меры предосторожности.

– Прекрасно.

Эдвард улыбнулся, и я не заметила ни тени тревоги в его похожих на самоцветы глазах.

Как и следовало ожидать, Чарли охотно разрешил мне поехать в Ла-Пуш на вечеринку у костра. Джейкоб прямо-таки повизгивал от удовольствия, когда я позвонила ему, чтобы сообщить об этом. Он вполне согласился с мерами предосторожности Эдварда и пообещал встретить нас в шесть часов на границе.

Немного поразмыслив, я решила не продавать свой мотоцикл: отвезу его обратно в Ла-Пуш, где ему самое место, а когда он мне больше не понадобится… Ну тогда буду настаивать, чтобы Джейк что-то с этого получил. Пусть продаст его или подарит другу. Мне все равно.

Сегодняшний вечер показался мне подходящей возможностью вернуть мотоцикл в гараж Джейкоба. В последнее время настроение у меня было ниже плинтуса, и каждый день мог стать последним. Нет времени откладывать дела на потом, даже если эти дела не самые важные.

Эдвард лишь кивнул, когда я объяснила ему, что собираюсь сделать. Правда, в его глазах мне почудился проблеск тревоги: похоже, Эдвард не больше Чарли одобряет мои поездки на мотоцикле.

Я поехала следом за ним к гаражу Калленов, где оставила мотоцикл. Только поставив на место пикап и выйдя из него, я поняла, что в этот раз тревога могла быть вызвана не только заботой о моей безопасности.

Рядом с моим древним мотоциклом возвышался еще один… назвать его мотоциклом язык не поворачивался: он слишком отличался от моего внезапно одряхлевшего железного коня.

Большой, гладкий, серебристый – даже неподвижно стоящий на месте он, казалось, летел с огромной скоростью.

– Это что за зверь?

– Так, ничего, – пробормотал Эдвард.

– Ничего себе «ничего»!

– Ну, я же не знал, простишь ли ты своего друга или он тебя, и если нет, то не вздумается ли тебе снова погонять на мотоцикле, – небрежно

ответил Эдвард как ни в чем не бывало. – Похоже, тебе это нравится. Я подумал, что могу кататься с тобой, если захочешь. – Он пожал плечами.

Я во все глаза уставилась на великолепный механизм. Рядом с ним мой мотоцикл выглядел сломанным детским велосипедом. С внезапно налетевшей грустью я поняла, что скорее всего и сама выгляжу точно так же рядом с Эдвардом.

– Мне же за тобой не угнаться, – прошептала я.

Эдвард взял меня за подбородок и повернул к себе лицом, чтобы посмотреть в глаза. Одним пальцем он попытался приподнять уголок моего рта.

– Белла, я буду ехать рядом с тобой.

– Вряд ли тебе это очень понравится.

– Еще как понравится, если мы будем вместе.

Я прикусила губу и представила себе эту картинку.

– Эдвард, а если тебе покажется, что я еду слишком быстро или теряю управление, что ты сделаешь?

Он заколебался, нащупывая верный ответ. Я знала правду: Эдвард найдет способ спасти меня прежде, чем я врежусь куда-нибудь.

Потом он улыбнулся – вроде бы искренне, хотя глаза чуть сузились.

– Так вот чем ты занимаешься с Джейкобом. Теперь понятно.

– Ну, просто я не так сильно его задерживаю. То есть я, наверное, могу попытаться…

Я с сомнением уставилась на серебристый мотоцикл.

– Не волнуйся, – ответил Эдвард и рассмеялся. – Я заметил, что Джаспер с него глаз не сводит. Пора бы ему освоить новое средство передвижения. В конце концов, ведь у Элис теперь есть «порше».

– Эдвард, я…

Он закрыл мне рот поцелуем.

– Я же сказал, не волнуйся. Но есть кое-что, о чем я хотел бы тебя попросить.

– Все, что угодно, – не задумываясь пообещала я.

Он отпустил меня, перегнулся через гигантский мотоцикл и вытащил что-то спрятанное за ним.

Эдвард держал в руках два предмета: нечто черное и непонятное, а также легко узнаваемую вещь красного цвета.

– Пожалуйста? – попросил он и улыбнулся, мгновенно разбив мое сопротивление.

Я взяла красный шлем и взвесила его в руках.

– У меня будет ужасно глупый вид.

– Нет, у тебя будет очень умный вид – достаточно умный, чтобы избежать травмы. – Эдвард перебросил черную штуковину через плечо и обнял меня. – Прямо сейчас я держу в руках то, без чего не могу жить. Ты должна об этом позаботиться.

– Ладно. А это что за штука? – подозрительно спросила я.

Эдвард засмеялся и развернул черную штуковину – она оказалась какой-то курткой с толстой подкладкой.

– Это мотоциклетная куртка. Говорят, при падении с мотоцикла можно здорово ободрать шкурку, хотя мне-то откуда знать?

Эдвард протянул мне куртку. Я глубоко вздохнула, откинула волосы назад, напялила шлем и натянула куртку. Эдвард, едва заметно улыбаясь, застегнул молнию и отступил на шаг.

Я почувствовала себя неповоротливой, как корова.

– Скажи честно, у меня очень страшный вид?

Эдвард сделал еще один шаг назад и надул губы.

– Неужели все так плохо? – пробормотала я.

– Нет, нет! Вообще-то… – он замялся, подбирая слово. – Ты выглядишь… привлекательно.

Я расхохоталась.

– Скажешь тоже!

– Нет, правда, очень привлекательно.

– Ты так говоришь только для того, чтобы я это не снимала, – заявила я. – Хотя ладно. Ты прав: так благоразумнее.

Эдвард обнял меня и прижал к себе.

– Глупая! Пожалуй, это часть твоей привлекательности. Хотя, надо признаться, у шлема есть свои недостатки.

Эдвард стянул шлем, чтобы поцеловать меня.

Чуть позже, когда Эдвард вез меня в Ла-Пуш, мне пришло в голову, что ситуация выглядит странно знакомой. Подумав, я поняла почему.

– Знаешь, что мне это напоминает? – спросила я. – Очень похоже на то, как Рене отвозила меня на лето к Чарли, когда я была маленькая. Я чувствую себя семилетним ребенком.

Эдвард засмеялся.

Я не стала говорить этого вслух, однако самая большая разница между этими двумя ситуациями была в том, что Чарли и Рене лучше относились друг к другу, чем Эдвард и Джейкоб.

На полпути к Ла-Пуш мы повернули и увидели Джейкоба: он стоял, привалившись к красному «фольксвагену», который сам собрал из

металлолома. Когда я помахала ему, бесстрастное выражение на лице Джейкоба сменилось улыбкой.

Эдвард остановил «вольво», не доезжая до Джейка ярдов тридцать.

– Позвони мне, когда соберешься домой, – сказал он. – Я заеду за тобой.

– Я не буду засиживаться допоздна, – пообещала я.

Эдвард вытащил из багажника мой мотоцикл, а также шлем и куртку – невероятно, как ему удалось все туда запихать! Впрочем, это не так уж трудно сделать, если хватает силенок таскать целые машины, не говоря уже о крошечных мотоциклах.

Джейкоб наблюдал за нами, не пытаясь подойти ближе. Улыбаться он перестал, и я ничего не могла прочитать в его черных глазах.

Я взяла шлем под мышку и бросила куртку на сиденье.

– Все взяла? – спросил Эдвард.

– Все.

Он вздохнул и наклонился ко мне. Я подставила губы для прощального чмока, но Эдвард захватил меня врасплох: крепко сжал в объятиях и впился поцелуем так, что я чуть не задохнулась.

Он тихо засмеялся и выпустил меня.

– Пока, – сказал Эдвард. – Мне правда очень нравится куртка.

Отворачиваясь, я заметила в его глазах отблеск чего-то, что мне видеть не полагалось. Не знаю, что именно это было. Может, тревога. На секунду мне показалось, что Эдвард испугался. Но скорее всего, я, как обычно, делала из мухи слона.

Толкая мотоцикл к невидимой границе между вампирами и оборотнями, я спиной чувствовала на себе взгляд Эдварда.

– Это еще что? – настороженно спросил Джейкоб, с непроницаемым лицом рассматривая мотоцикл.

– Решила отвезти его на место, – объяснила я.

Джейкоб на секунду задумался, а потом широко улыбнулся.

Я узнала, что нахожусь на территории оборотней, потому что Джейкоб оттолкнулся от машины и быстро пошел мне навстречу, покрыв разделяющее нас расстояние тремя огромными шагами. Взял мотоцикл, поставил на подпорку и стиснул меня в медвежьих объятиях.

Я услышал, как зарычал мотор «вольво», и стала вырываться.

– Джейк, ну хватит уже! – задыхаясь, выдавила я.

Он засмеялся и поставил меня на ноги. Я повернулась, чтобы помахать Эдварду на прощание, но серебристая машина уже исчезала за поворотом дороги.

– Прелестно, – заметила я, не скрывая яд в голосе.

Глаза Джейка раскрылись в невинном изумлении.

– Что?

– Он и так пошел нам навстречу. Зачем же нарываться на неприятности?

Он снова засмеялся – на этот раз еще громче. Явно решил, что я сказала нечто очень смешное. Что тут могло быть смешного? Джейкоб обошел машину и открыл передо мной дверцу.

– Белла, – все еще посмеиваясь, сказал он, закрывая дверцу. – Нельзя нарваться на то, что уже и так есть.

Глава одиннадцатая
Легенды

– Ты будешь эту сосиску? – спросил Пол у Джейкоба, не сводя глаз с последнего остатка от пиршества оборотней.

Джейкоб отклонился назад, упираясь в мои коленки. Он держал в руках насаженную на кусок проволоки сосиску: языки пламени лизали ее потрескавшуюся кожицу. Джейк вздохнул и погладил себя по животу, который каким-то непонятным образом оставался плоским, несмотря на бесчисленное количество поглощенных сосисок: после десятой я потеряла счет. И не говоря уже об огромном пакете чипсов и двухлитровой бутылке имбирного пива.

– Похоже, я так объелся, что скоро лопну, – произнес Джейкоб. – Но, пожалуй, еще одну можно запихать. Правда, с трудом, – грустно вздохнул он.

Пол съел не меньше, чем Джейкоб. И все же он нахмурился и стиснул руки в кулаки.

– Да ладно! – засмеялся Джейк. – Шутка! Держи.

Он бросил импровизированный вертел через костер, и Пол ловко поймал его за противоположный конец.

Если я буду проводить все свое время в обществе исключительно ловких людей, то заработаю комплекс неполноценности!

– Ты настоящий друг! – сказал Пол мгновенно позабыв вспышку злости.

Костер потрескивал, догорая. Искры вдруг взлетели ярким оранжевым заревом в черное небо. Надо же, а солнце-то село. Интересно, который час? Я совсем потеряла счет времени.

Вечеринка с квилетскими друзьями оказалась гораздо приятнее, чем я ожидала.

Когда мы с Джейком заносили мотоцикл в гараж – Джейк сокрушенно признал, что ему самому следовало подумать о шлеме для меня, – я заволновалась: как мне теперь показаться на вечеринке оборотней? Не сочтут ли меня предательницей? Не разозлятся ли на Джейка? Не испорчу ли я вечеринку?

Однако когда Джейкоб привел меня на обычное место встречи – на вершину скалы, – огонь уже пылал ярче закрытого облаками солнца, и все

было легко и просто.

– Привет, подружка вампиров! – крикнул Эмбри.

Квил протянул мне пятерню и чмокнул в щеку. Когда я села на прохладный камень рядом с Сэмом и Эмили, Эмили сжала мою руку.

Если не считать шутливых требований – в основном со стороны Пола – сидеть с подветренной стороны, чтобы не воняло вампирами, меня здесь приняли как свою.

Оказалось, что пришла не только молодежь. Все уселись в кружок, и на почетном месте стояло инвалидное кресло Билли. Рядом, на раскладном стуле сидел дряхлый седой Старый Квил – дедушка Квила. С другой стороны – Сью Клируотер, вдова Гарри, друга Чарли. Двое ее детей, Ли и Сет, уселись прямо на земле, как и все остальные. Я удивилась, что все трое теперь посвящены в тайну. Судя по тому, как Билли и Старый Квил обращались к Сью, она заняла место мужа в совете старейшин. Неужели в результате ее дети автоматически становились членами самого тайного общества в Ла-Пуш?

Бедная Ли, каково ей сидеть прямо напротив Сэма и Эмили? На ее красивом лице не отражалось никаких эмоций, но она не сводила глаз с пламени костра. Глядя на прекрасные черты Ли, я не могла не сравнивать их с обезображенным лицом ее сестры. Интересно, что думает Ли о шрамах теперь, когда знает правду? Не кажется ли ей это справедливым возмездием?

Маленький Сет Клируотер стал совсем большим. Его широкая, счастливая улыбка и длинные, неуклюжие конечности подростка очень напоминали мне юного Джейкоба. От этого сходства я улыбнулась, а потом вздохнула. Неужели Сет обречен так же сильно измениться, как и все его друзья? Может, именно поэтому его родным разрешено здесь присутствовать?

На скале собралась вся стая: Сэм и Эмили, Пол, Эмбри, Квил, Джаред и Ким – девушка, которую он полюбил.

Сначала Ким показалась мне обычной девочкой, немного застенчивой и не очень красивой. На широком лице сильно выдавались скулы, а маленькие глаза не могли их уравновесить. Нос и рот были слишком большими. Прямые черные волосы тонкими прядями развевались на ветру, который, похоже, никогда не утихал на вершине скалы.

Но это было только первое впечатление. Понаблюдав несколько часов за Джаредом, который не сводил глаз с Ким, я уже не считала ее дурнушкой.

Как Джаред на нее смотрел! Словно слепой, впервые увидевший

солнце. Или коллекционер, обнаруживший неизвестное полотно да Винчи. Как мать, вглядывающаяся в лицо своего новорожденного малыша.

Его восхищенный взгляд заставил меня увидеть в Ким то, чего я не заметила вначале: в свете костра ее кожа отливала темным шелком, губы складывались в идеальное сердечко, белоснежные зубы блестели, а когда она смотрела вниз, длинные ресницы задевали щеки.

Под восхищенным взглядом Джареда Ким иногда заливалась краской и смущенно опускала глаза, но ей с трудом удавалось не смотреть на него хотя бы несколько секунд.

Наблюдая за ними, я лучше поняла то, что Джейкоб рассказывал мне об импринтинге: «трудно сопротивляться такой преданности и обожанию».

Ким задремала в объятиях Джареда. Ей наверняка очень тепло рядом с ним.

– Уже поздно, – тихо сказала я Джейкобу.

– Не торопись, – прошептал он, хотя как минимум половина присутствующих обладала достаточно тонким слухом, чтобы нас услышать. – Самое интересное еще не началось.

– И что же будет дальше? Ты проглотишь корову целиком?

Джейкоб фыркнул.

– Нет, с едой уже все. Мы ведь собрались не за тем, чтобы слопать недельный запас продуктов. Мы пришли на заседание совета. Квил здесь впервые, и еще не слышал наши истории. То есть слышал, конечно, но сейчас он знает, это правда. И потому будет слушать внимательно. Ким, Сет и Ли тоже новички.

– Что за истории?

Джейкоб сел рядом со мной, опираясь на низкий каменный выступ. Положил руку мне на плечи и тихо зашептал в ухо.

– Те истории, которые мы всегда считали легендами, – сказал он. – Истории о том, как мы появились. И первая история о воинах-призраках.

Шепот Джейкоба словно стал предисловием – атмосфера вокруг затухающего костра резко изменилась. Пол и Эмбри выпрямились. Джаред подтолкнул Ким и мягко заставил ее сесть прямо.

Эмили приготовила тетрадку и ручку – точно студентка в начале важной лекции. Сидевший рядом с ней Сэм слегка повернулся в ту же сторону, куда смотрел Старый Квил – я и внезапно поняла, что старейшин не трое, а четверо.

Ли Клируотер, не снимая бесстрастной маски с красивого лица, закрыла глаза – не от усталости, а чтобы лучше сосредоточиться. Ее брат нетерпеливо склонился вперед, ближе к старейшинам.

Костер потрескивал. В ночное небо вырвалась еще одна вспышка пламени.

Билли откашлялся и без дальнейших предисловий принялся рассказывать историю звучным, глубоким голосом. Слова следовали точно одно за другим, будто заученные наизусть, но в них все же чувствовался едва заметный ритм. Словно стихи, декламируемые поэтом.

– С самого начала квилеты были малочисленным племенем, – сказал Билли. – Нас и сейчас немного, но мы не исчезли. Потому что в нашей крови есть магия. Не всегда эта магия превращала нас в оборотней. Сначала мы были воинами-призраками.

Никогда раньше я не слышала, какой у Билли Блэка величественный голос, хотя сейчас поняла, что в нем всегда звучала властность.

Эмили лихорадочно водила ручкой по бумаге, пытаясь поспеть за рассказчиком.

– Вначале наше племя поселилось в этой бухте, где мы стали искусными корабелами и рыбаками. Но нас было мало, а бухта изобиловала рыбой. Другие племена положили глаз на нашу землю, а у нас не хватало воинов для защиты. Пришло более сильное племя, и мы сели в лодки, чтобы спастись. Кахелеха был не первым воином-призраком, но мы не помним тех, кто был до него. Не помним, кто впервые открыл этот дар и как его использовали раньше. В нашей истории первым вождем-призраком стал Кахелеха. В трудные времена он использовал магию, чтобы защитить наши земли. Он и его воины покинули лодки – не телом, а духом. Женщины присматривали за телами мужчин и за лодками, а воины вернулись в бухту. Они не могли физически прикоснуться к своим врагам, однако могли кое-что другое: направить ураганные ветры на лагерь противников; заставить ветер завывать, пугая врагов. Говорят, что звери могли видеть воинов-призраков, понимали и слушались их.

Кахелеха и его армия воинов-призраков напали на захватчиков. У вражеского племени с далекого севера были огромные ездовые собаки с густой шерстью. Воины-призраки натравили собак на их хозяев, а потом наслали летучих мышей из пещер в скалах. Воющий ветер помогал собакам сбить с толку людей. Собаки и летучие мыши победили. Выжившие захватчики разбежались, прозвав бухту проклятым местом. Воины-призраки отпустили собак на волю, и те одичали. Квилеты вернулись в свои тела – и к своим женам – с победой. Соседние племена, хоу и мака, заключили с квилетами договор, предпочитая держаться подальше от нашей магии. Мы жили в мире с соседями, а когда нападали враги, воины-призраки отбивали атаку. Прошло много лет. И тогда

появился последний великий вождь-призрак Таха Аки. Он прославился своей мудростью и миролюбием. И его люди на жизнь не жаловались.

И только один человек по имени Утлапа был недоволен.

Вокруг костра зашипели. Я не успела заметить, кто начал первым. Билли не обратил на это внимания и продолжал рассказ:

– Утлапа, один из самых сильных воинов-призраков вождя Таха Аки, руки имел загребущие. Хотел, чтобы мы с помощью магии расширили территорию, поработили племена хоу и мака и основали империю. Когда воины-призраки покидали свои тела, то слышали все мысли друг друга. Таха Аки увидел, о чем мечтает Утлапа, и разозлился на него. Приказал уйти из племени и никогда больше не покидать свое тело. Как ни силен был Утлапа, воины вождя превосходили его числом, и ему пришлось подчиниться. Взбешенный изгнанник поселился в лесу неподалеку, поджидая удобный момент для мести вождю. Даже в мирные времена вождь-призрак сохранял бдительность. Он часто уходил в священное место в горах. Оставлял там свое тело и бродил по лесам и вдоль берега, проверяя, нет ли опасности. Однажды, когда Таха Аки собрался обойти свои земли дозором, Утлапа пошел за ним. Сначала он просто хотел убить вождя, но у этого плана имелись недостатки: воины-призраки наверняка захотят уничтожить убийцу, а он не успеет скрыться. Утлапа прятался среди камней, наблюдая, как вождь собирается покинуть тело, и тут ему пришел в голову новый план. Таха Аки оставил тело в тайном убежище и улетел вместе с ветром, чтобы охранять покой своего племени. Утлапа дождался, пока вождь удалился достаточно далеко. Таха Аки мгновенно почувствовал присутствие Утлапы в мире духов и понял, что тот собирается сделать. Он помчался обратно в тайное убежище, но даже самые быстрые ветра опоздали. Когда вождь вернулся, его тело исчезло. Утлапа оставил свое тело, заранее перекрыв эту лазейку: руками тела Таха Аки Утлапа перерезал себе горло. Таха Аки последовал за своим телом к подножию горы. Он кричал на Утлапу, но тот обращал на это не больше внимания, чем на ветер. В отчаянии смотрел Таха Аки, как Утлапа занял место вождя квилетов. Несколько недель Утлапа ничего не делал, чтобы убедиться, что все принимают его за Таха Аки. Потом начались перемены: прежде всего Утлапа запретил воинам-призракам покидать свои тела. Он заявил, что ему было видение опасности, хотя на самом деле просто боялся: знал, что Таха Аки ждет шанса рассказать, что произошло. Входить в мир духов Утлапа тоже не решался: Таха Аки быстро вернул бы себе свое тело. Поэтому мечтать о покорении соседей воинами-призраками не приходилось, и Утлапа удовольствовался своим положением вождя. Он

стал обузой для племени: искал для себя привилегий, которыми не пользовался Таха Аки; отказывался работать вместе с воинами; вопреки обычаям, взял еще одну молодую жену, а потом и третью, хотя жена Таха Аки была жива. Таха Аки наблюдал за происходящим в бессильной ярости.

В конце концов Таха Аки попытался убить свое тело, чтобы спасти племя от Утлапы. Он привел с гор огромного волка, но Утлапа спрятался за воинами. Когда волк убил юношу, защищавшего ложного вождя, Таха Аки не помнил себя от горя. И приказал волку убираться.

Все истории сходятся в том, что нелегко быть воином-призраком. Освобождение духа от тела не столько радует, сколько пугает. Поэтому магия использовалась только в случае необходимости. Одинокие дозоры вождя были тяжелым бременем и добровольной жертвой. Без тела дух чувствует себя потерянным, это непривычно и очень пугает. Таха Аки так долго оставался без тела, что ему было очень плохо. Он чувствовал, что обречен: застрял в мучительной пустоте и никогда не сможет совершить последний переход в землю, где ждут его предки. Дух Таха Аки скитался по лесу, изнемогая в агонии, а следом шел громадный волк – очень большой и красивый. Таха Аки вдруг позавидовал глупому зверю: по крайней мере, у него есть тело, есть жизнь. Жить в облике зверя все же лучше, чем оставаться бесплотным духом. И тогда Таха Аки пришла в голову мысль, которая изменила нас всех. Он попросил волка поделиться телом. Зверь согласился. Таха Аки с облегчением и благодарностью вошел в его тело: пусть и не человеческое, но все-таки тело, и в нем гораздо лучше, чем в пустоте мира духов. Человек и волк в едином теле вернулись в деревню квилетов. Люди в страхе бросились бежать, призывая на помощь воинов. Воины примчались с копьями, а Утлапа, конечно же, спрятался в безопасном месте. Таха Аки не стал нападать на своих воинов. Он медленно отступал, говоря с ними взглядом и пытаясь провыть песни своего племени. Воины поняли, что имеют дело не с обычным волком – зверем управлял чей-то дух. Один из старых воинов по имени Ют решил ослушаться приказа ложного вождя и попытаться поговорить с волком.

Как только Ют перешел в мир духов, Таха Аки оставил тело волка – зверь послушно ждал его возвращения, – чтобы поговорить с воином. Ют мгновенно понял, в чем дело, и приветствовал возвращение вождя.

В это время пришел Утлапа, чтобы посмотреть, убит ли волк. Увидев безжизненно лежавшее на земле тело Юта, окруженное защитным кольцом воинов, Утлапа понял, что происходит. Он выхватил нож и поспешил убить Юта, пока тот не вернулся в свое тело.

– Предатель! – закричал он, и воины растерялись.

Ведь вождь запретил переходить в мир духов и имел полное право покарать нарушителя.

Ют моментально вернулся в свое тело, но Утлапа уже приставил ему нож к горлу и зажал рот рукой. Тело Таха Аки было сильнее старого Юта. Тот не успел и слова вымолвить, чтобы предупредить остальных, как Утлапа навсегда заставил его замолчать. Таха Аки смотрел, как дух Юта ускользнул в землю предков, куда навеки запрещен доступ самому Таха Аки. В нем вспыхнул неистовый гнев, какого он не испытывал никогда в жизни. Таха Аки вернулся в тело волка, собираясь растерзать Утлапу, но в это мгновение случилось чудо из чудес. Гнев Таха Аки был гневом человеческим. Любовь к своему племени и ненависть к его поработителю не могли вместиться в тело волка. Волк задрожал – и на глазах изумленных воинов и Утлапы превратился в человека. Этот человек был не похож на тело Таха Аки: он был воплощением духа Таха Аки и выглядел гораздо величественнее. Воины тут же его узнали, ведь они летали вместе с духом вождя. Утлапа попытался бежать, но новое тело Таха Аки обладало силой волка. Он поймал вора и уничтожил его дух прежде, чем тот успел убежать из украденного тела. Когда люди поняли, что произошло, то возрадовались. Таха Аки быстро вернул все на свои места, снова стал работать вместе с воинами и отправил юных жен обратно к родителям. И только запрет на путешествия в мире духов вождь решил не отменять. Он знал, что теперь, когда зародилась идея похищения жизни, это стало слишком опасно. С тех пор Таха Аки был одновременно и волком, и человеком. Его называли Великий волк Таха Аки или Человек-призрак Таха Аки. Он оставался вождем племени долгие годы, потому что не старел. Когда угрожала опасность, он снова превращался в волка, чтобы драться или испугать врагов. Племя жило в мире. У Таха Аки родилось много сыновей, и некоторые из них обнаружили, что, став мужчинами, тоже могут превращаться в волков. И все волки выглядели по-разному, потому что отражали дух человека.

– Так вот почему Сэм черный! – с ухмылкой пробормотал Квил себе под нос. – Черное сердце, черный мех.

Я так заслушалась, что вздрогнула, возвращаясь в настоящее. И меня тут же ошеломило новое открытие: сидевшие вокруг меня люди – прапраправнуки великого Таха Аки – неважно, в каком именно поколении.

Костер вспыхнул заревом искр, которые дрожали и танцевали в воздухе, складываясь в почти осмысленные формы.

– А ты сам почему шоколадный? – прошептал Сэм в ответ. – Хочешь сказать, что сладкий?

Билли пропустил эти поддразнивания мимо ушей.

– Некоторые сыновья стали воинами Таха Аки и оставались всегда молодыми. Остальные, те, кому не нравилось превращаться, отказались войти в стаю волков-людей. Они постарели, и племя обнаружило, что когда люди-волки отказываются от своего волчьего духа, то стареют точно так же, как обычные люди. Таха Аки прожил три человеческие жизни. Он женился в третий раз, после того как первые две жены умерли. И в третьей жене нашел свою истинную половинку. Хотя он и любил первых жен, в этот раз все было совсем иначе. Таха Аки решил отказаться от своего волчьего духа, чтобы умереть вместе с женой. Вот так к нам пришла магия, но это еще не конец истории…

Билли посмотрел на Старого Квила, который шевельнулся на стуле, распрямив слабые плечи. Глотнул воды из бутылки и вытер лоб. Эмили, не останавливаясь, водила ручкой по бумаге.

– Это была история воинов-призраков, – начал Старый Квил тонким голоском. – А теперь я расскажу о жертве третьей жены.

Через много лет после того, как Таха Аки отказался от духа волка и стал совсем старым, на севере, в племени мака началось что-то неладное. Несколько молодых женщин пропали, и племя обвинило своих соседей-волков, которых боялось и которым не доверяло. Люди-волки по-прежнему могли читать мысли друг друга, когда становились волками – точно так же, как делали их предки воины-призраки. Они знали, что их вины в исчезновении женщин нет. Таха Аки попытался успокоить вождя мака, но тот слишком боялся. Таха Аки не хотел ввязываться в войну: он уже не мог вести за собой воинов в битву. Тогда вождь приказал своему старшему сыну Таха Уи найти истинного виновника, пока не разразилась война. Таха Уи повел пять волков стаи в горы на поиски пропавших женщин из племени мака. И они нашли то, что никогда раньше не встречали – странный сладковатый запах в лесу обжигал их ноздри до боли.

Я прижалась ближе к Джейкобу и заметила, как уголок его рта дрогнул в ухмылке. Джейк покрепче обнял меня за плечи.

– Они не знали, кто мог бы оставить такой след, но все равно пошли по нему, – продолжал Старый Квил.

Его дрожащий голос не отличался величественностью интонаций Билли, зато в нем была странная напряженность. Слова полились быстрее, и мое сердце забилось чаще.

– Они нашли слабый след человека и человеческую кровь. И поняли, что напали на след врага. Они зашли так далеко на север, что Таха Уи отправил половину стаи, самых молодых, обратно, чтобы сообщить Таха

Аки о происходящем. Таха Уи и два его брата не вернулись. Младшие братья пошли на поиски старших, но ничего не нашли. Таха Аки скорбел о своих сыновьях. Хотел отомстить за их смерть, но он был слишком стар. Таха Аки в траурных одеждах пошел к вождю мака и рассказал обо всем. Вождь мака поверил его горю, и племена перестали враждовать.

Через год две девушки мака исчезли из своих домов в одну и ту же ночь. Мака тут же позвали волков-квилетов, которые обнаружили тот же самый сладковатый запах по всей деревне мака. Волки снова вышли на охоту.

Вернулся только один – Яха Ута, старший сын третьей жены Таха Аки и самый младший в стае. Он принес с собой то, что до сих пор не видел ни один квилет – твердые куски странного холодного трупа. Все, в чьих жилах текла кровь Таха Аки, даже те, кто никогда не превращался в волка, почувствовали обжигающий запах мертвеца. Это был враг племени мака. Яха Ута рассказал что произошло: он с братьями нашел существо, которое выглядело как человек, но оказалось тверже гранита, а с ним были две девушки из племени мака. Одна, уже мертвая, лежала на земле. Другую существо держало в руках, впившись ей в горло. Возможно, она была еще жива, когда квилеты увидели это ужасное зрелище, но, заметив их приближение, существо быстро сломало ей шею и бросило безжизненное тело на землю. Его белые губы были покрыты кровью, а глаза горели красным огнем. Яха Ута описал невероятную силу и скорость существа. Один из братьев недооценил эту силу и поплатился жизнью – эта тварь разорвала его на части. Яха Ута и второй брат стали осторожнее. Они вместе напали с двух сторон, загоняя существо в угол. Это потребовало от них полной отдачи сил и максимальной скорости – никогда раньше им не приходилось такое испытывать. Тварь оказалась твердой как камень и холодной как лед. Только зубы волков-квилетов могли ее прокусить. Волки принялись отрывать кусочки в пылу схватки, но существо быстро сообразило, в чем дело, и стало уклоняться от нападений волков. Оно схватило брата Яха Ута. Тогда Яха Ута выбрал момент и вцепился противнику в глотку. Волк оторвал твари голову, но ее руки продолжали калечить брата.

Яха Ута разорвал существо на мелкие клочки в отчаянной попытке спасти брата. Он опоздал, но в конце концов тварь была уничтожена. По крайней мере, так они думали. Яха Ута положил вонючие куски трупа перед старейшинами. Оторванная кисть лежала рядом с куском твердой как гранит руки – они соприкоснулись, когда старейшины ткнули их палками, и кисть потянулась к руке, пытаясь воссоединиться. Старейшины в ужасе

бросили останки в костер. Огромное облако мерзкого, удушливого дыма расплылось в воздухе. Когда остался только пепел, его разделили на маленькие кучки и развеяли как можно дальше друг от друга: в океане, в лесу, в пещерах. Таха Аки повесил на шею мешочек с пеплом, чтобы получить предупреждение, если тварь попытается воскреснуть.

Старый Квил замолк и посмотрел на Билли. Билли потянул за кожаный ремешок на шее – на нем висел почерневший от времени мешочек. Несколько человек ахнули – кажется, и я тоже.

– Существо назвали Холодным или Кровопийцей. Все боялись, что он был не один. А у племени остался единственный защитник-волк – молодой Яха Ута. Долго ждать не пришлось. У существа нашлась подруга, еще одна кровопийца, которая решила отомстить квилетам. Говорят, квилеты в жизни не видели никого прекраснее Холодной женщины. Она вошла в деревню утром и выглядела как богиня рассвета: в кои-то веки светило солнце, отражаясь от ее белой кожи и освещая золотистые волосы, ниспадавшие до колен. Она была сказочно прекрасна, на бледном лице горели черные глаза. Некоторые упали на колени, преклоняясь перед ней. Она спросила что-то высоким пронзительным голосом на языке, которого никто не понимал. Люди растерялись, не зная, что ей ответить. Среди них был только один из тех, в ком текла кровь Таха Аки – маленький мальчик. Он прижался к матери и закричал, что этот запах режет ему нос. Один из старейшин услышал мальчика и понял, кто пришел. Он крикнул, приказывая людям бежать. Женщина убила его первым. Двадцать человек видели, как пришла Холодная женщина. Выжили всего двое – и то потому, что ее отвлекла кровь и она остановилась, чтобы утолить жажду. Уцелевшие свидетели прибежали к Таха Аки, который заседал на совете вместе с другими старейшинами, своими сыновьями и третьей женой.

Яха Ута тут же превратился в волка и в одиночку пошел на кровопийцу. Таха Аки, его третья жена и сыновья, а также другие старейшины последовали за ним. Сначала они не могли найти существо, хотя повсюду виднелись следы атаки: изуродованные тела, некоторые обескровленные, лежали на земле, указывая, где она прошла. Услышав крики, они поспешили к бухте.

Несколько квилетов попытались скрыться на лодках. Холодная женщина поплыла за ними, как акула, и, пользуясь своей невероятной силой, отломала нос лодки. Когда лодка пошла ко дну, женщина поймала беглецов и убила их. Увидев огромного волка на берегу, она забыла про барахтающихся квилетов и поплыла с невероятной скоростью. Вышла на берег, мокрая и сияющая красотой, и встала перед Яха Ута. Указала на него

белым пальцем и спросила что-то непонятное. Яха Ута ждал. Они дрались почти на равных: женщина была слабее своего друга, но Яха Ута оказался с ней один на один и никто не отвлекал ее внимания на себя. Когда Яха Ута проиграл, Таха Аки возмущенно закричал. Неуклюже прыгнул вперед и превратился в старого волка с поседевшей мордой: в теле, хотя и старом, жил дух великого вождя-призрака, и ярость придала ему сил. Схватка возобновилась. На глазах третьей жены Таха Аки погиб ее сын. Теперь сражался муж, и не было никакой надежды на его победу. Она слышала рассказы очевидцев о кровопролитии и знала историю первой победы Яха Ута, когда отвлекающий маневр брата спас его.

Третья жена выхватила кинжал у одного из стоявших рядом сыновей: все они были еще мальчиками, и, если погибнет их отец, они тоже умрут. Она бросилась на Холодную женщину с кинжалом. Та улыбнулась, едва обратив внимание на слабую человеческую женщину с ножом, который не мог даже поцарапать твердое как камень тело – кровопийца собиралась нанести Таха Аки смертельный удар. И тогда третья жена сделала нечто совершенно неожиданное: упала на колени у ног Холодной женщины и воткнула кинжал в собственное сердце. Кровь хлынула, потекла по пальцам третьей жены и брызнула на Холодную женщину. Та не смогла устоять перед соблазном свежей крови, вытекающей из теплого тела. Инстинкты заставили ее повернуться к умирающей женщине и на секунду забыть обо всем, кроме собственной жажды. И тогда Таха Аки вцепился ей в глотку. Это был еще не конец схватки, но теперь к Таха Аки пришла подмога. Увидев, как умерла их мать, двое сыновей пришли в такую ярость, что, несмотря на слишком юный возраст, превратились в волков. Вместе с отцом они прикончили кровопийцу. Таха Аки не пришел обратно к своему племени. Никогда не превратился обратно в человека. Целый день он пролежал возле тела третьей жены, рычанием встречая всякого, кто пытался к ней прикоснуться, а потом ушел в лес и больше не вернулся. С тех пор Холодные появлялись редко. Сыновья Таха Аки охраняли племя, пока не подросли их собственные сыновья. Тогда племени вполне хватало двух-трех защитников. Время от времени в наши земли забредал кровопийца, не ожидая наткнуться здесь на оборотней. Иногда волк умирал, но стая никогда не несла таких огромных потерь, как в первой битве. Волки научились сражаться с Холодными и передавали это знание от волка к волку, от духа к духу, от отца к сыну. Время шло, и потомки Таха Аки перестали превращаться в волков, когда достигали зрелости. Лишь изредка, если поблизости появлялся Холодный, волки возвращались. Кровопийцы всегда приходили по одному или по двое, и стая оставалась

маленькой. Однажды появилась целая банда, и ваши прадеды приготовились с ними сражаться. Но вожак чужаков уважительно разговаривал с Эфраимом Блэком и обещал не причинять зла квилетам. Его странно желтые глаза подтверждали, что это не обычные кровопийцы. Волков было слишком мало: Холодные могли бы и не предлагать заключение мира, они бы все равно победили. Эфраим согласился. И чужаки выполняли свои обязательства, хотя их присутствие привлекало других. Кроме того, большое количество Холодных увеличило число волков в стае, – сказал Старый Квил – и мне показалось, что на мгновение его черные глаза, почти утонувшие в морщинах, задержались на мне. – Такого племя еще не видело со времен Таха Аки. – Он вздохнул. – Так сыновья нашего племени снова несут это бремя и приносят жертву, которую когда-то приносили их отцы.

За этими словами последовало долгое молчание. Живые потомки героев легенд смотрели друг на друга с печалью в глазах. Все, кроме одного.

– Тоже мне бремя, – тихо фыркнул Квил. – По-моему, это здорово! – Он слегка оттопырил нижнюю губу.

Напротив него, по другую сторону затухающего костра, Сет Клируотер согласно кивнул – в его широко распахнутых глазах светилось восхищение братством защитников племени.

Билли крякнул, и волшебство растаяло на угольях костра. Внезапно мы вновь оказались сидящими в кругу друзей. Джаред бросил камешек в Квила, тот подскочил, и все засмеялись. Начались приглушенные разговоры, насмешливые и обыденные.

Ли Клируотер по-прежнему не открывала глаз. Мне показалось, что на ее щеке блеснула слезинка, но через секунду пропала.

Мы с Джейкобом не проронили ни слова. Он неподвижно сидел рядом со мной, ровно и глубоко дыша: похоже, задремал.

Мои мысли бродили за тысячу лет отсюда. Я думала не про Яха Ута и других волков, и не про прекрасную Холодную женщину – вот ее-то я как раз очень легко могла себе представить. Нет, я думала о человеке, не имевшем ни малейшего отношения к магии: пыталась вообразить, как выглядела женщина без имени, которая спасла целое племя – третья жена Таха Аки.

Всего лишь обычная женщина, не наделенная никакими особыми талантами и силами. Слабее и медлительнее любого из чудовищ древней легенды. Но именно она стала ключом и решением проблемы. Она спасла мужа, сыновей и все племя.

Жалко, что ее имя забылось…

Кто-то потряс меня за плечо.

– Белла! – сказал Джейкоб мне прямо в ухо. – Мы приехали.

Я моргнула, сбитая с толку: костер вдруг исчез. Уставилась во внезапно наступившую темноту, соображая, где мы находимся, и не сразу поняла, что мы больше не на скале: я осталась наедине с Джейкобом. Он по-прежнему обнимал меня за плечи, но мы сидели не на земле.

И как это я попала в машину Джейка?

– Вот черт! – ахнула я, догадавшись, что заснула. – Который час? И где этот дурацкий мобильник? – Я лихорадочно похлопала себя по карманам и ничего не нашла.

– Успокойся. Еще даже не полночь. И я уже позвонил ему вместо тебя – он ждет вон там.

– Полночь? – повторила я, все еще ничего не соображая.

Посмотрела в темноту, и сердце забилось чаще: в тридцати ярдах виднелся силуэт «вольво». Я протянула руку к дверце.

– Держи, – сказал Джейкоб, передавая мне что-то маленькое – мобильник!

– Ты позвонил Эдварду вместо меня?

Глаза уже достаточно привыкли к темноте, и я различила сияющую улыбку на лице Джейкоба.

– Я решил, что если буду паинькой, то мы будем видеться чаще.

– Спасибо, Джейк. – Его поступок тронул меня. – Правда, спасибо тебе большое. Особенно за приглашение на вечеринку. Это… – Ну что тут скажешь? – В общем, было очень здорово.

– А ты уснула и не видела, как я проглотил корову целиком! – засмеялся Джейкоб. – Да нет, я рад, что тебе понравилось. Мне… было приятно. Быть там с тобой.

В темноте какая-то бледная фигура промелькнула на фоне черных деревьев. Эдвард места себе не находит?

– Похоже, ему не терпится, – сказал Джейкоб, заметив, что я отвлеклась. – Иди уж. Только возвращайся поскорее, ладно?

– Конечно, Джейк, – пообещала я, открывая дверцу.

Повеяло холодом, и я задрожала.

– Спокойной ночи, Белла. Спи спокойно – я буду тебя охранять.

Я уже почти вылезла из машины, но тут помедлила.

– Джейк, не надо. Отдохни, ничего со мной не случится.

– Конечно, конечно, – снисходительно согласился он.

– Пока, Джейк. Спасибо.

– Пока, Белла, – прошептал он, когда я помчалась в темноту.

Эдвард поймал меня на границе.

– Белла! – с облегчением сказал он и крепко обнял меня.

– Привет! Извини, я задержалась. Уснула и…

– Я знаю. Джейкоб рассказал. – Эдвард двинулся к машине, и я поплелась рядом. – Ты устала? Я могу понести тебя на руках.

– Нет, все нормально.

– Давай-ка отвезем тебя домой и положим в постель. Как вечеринка?

– Здорово! Жалко, что тебе нельзя было прийти. Это не объяснишь словами. Отец Джейка рассказывал старые легенды, и это… это было настоящее волшебство.

– Ты мне непременно обо всем расскажешь. Только выспишься сначала.

– Я не смогу рассказать как следует, – ответила я и зевнула во весь рот.

Эдвард хмыкнул. Открыл дверцу, посадил меня на сиденье и застегнул ремень безопасности.

Вспыхнули яркие огни фар и скользнули по нам. Я помахал Джейкобу, но не знаю, видел ли он меня.

Чарли отнесся к моему позднему появлению гораздо спокойнее, чем я ожидала: Джейкоб и ему позвонил. Добравшись до своей комнаты, я вместо того, чтобы завалиться в постель, выглянула в открытое окно, ожидая возвращения Эдварда. Ночь неожиданно оказалась почти по-зимнему холодной. На скалах, где постоянно дует ветер, я этого как-то не замечала: скорее всего благодаря близости Джейка, а вовсе не из-за костра.

Пошел дождь, и ледяные капли упали мне на лицо.

В темноте можно было разглядеть разве что треугольные силуэты елок, которые сгибал и тряс ветер. Но я все равно напрягала зрение, выискивая другие формы. Что-то проскользнуло, как привидение, в черноте ночи… Может, это был огромный волк… Я слишком плохо видела в темноте.

Потом что-то зашевелилось рядом со мной: Эдвард проскользнул в открытое окно. Его руки были холоднее дождя.

– Джейкоб тоже там? – Я задрожала, когда Эдвард притянул меня к себе.

– Да… бродит поблизости. А Эсми пошла домой.

Я вздохнула.

– Такая холодина. И сырость. Глупо сейчас торчать на улице. – Меня опять пробрала дрожь.

Эдвард рассмеялся.

– Белла, это только для тебя холодно.

В моем сне той ночью тоже было холодно – может быть, потому, что я спала в объятиях Эдварда. Мне снилось, что я мокну под дождем на улице, ветер развевает волосы, мешая смотреть. Я стою на каменистом полумесяце Первого пляжа, пытаясь разглядеть мелькающие на берегу силуэты, едва заметные в темноте. Сначала я не могла разобрать ничего, кроме белого и темного пятен, бросающихся навстречу друг другу и расходящихся в стороны. Внезапно луна засияла сквозь просвет в облаках, и картина стала четко различимой.

Розали, с мокрыми золотистыми волосами, спадающимися ниже колен, набрасывалась на огромного волка с серебристой от седины мордой, в котором я почему-то узнала Билли Блэка.

Я бросилась бежать, но двигалась с раздражающей медлительностью, как всегда бывает во сне. Тогда я попыталась закричать, остановить их, но мне не удавалось произнести ни звука. Я замахала руками в надежде привлечь их внимание. Что-то блеснуло, и я вдруг поняла, что в правой руке зажато длинное, острое лезвие – древнее, сделанное из серебра и покрытое сухой коркой почерневшей крови.

Я отшатнулась от ножа и открыла глаза – вокруг тишина и темнота моей спальни. Прежде всего я поняла, что не одна, и прижалась лицом к груди Эдварда, зная, что сладкий запах его кожи – лучшее средство от любых кошмаров.

– Я тебя разбудил? – прошептал Эдвард.

Зашуршала бумага, зашелестели страницы и что-то легкое со стуком упало на деревянный пол.

– Нет, – пробормотала я, с удовольствием ощущая, как его руки обхватили меня покрепче. – Просто дурной сон приснился.

– Расскажешь?

Я помотала головой.

– Слишком устала. Может, утром, если не забуду.

Его тело затряслось от беззвучного смеха.

– Ладно, утром, – согласился он.

– Что ты читаешь? – сонно спросила я.

– «Грозовой перевал».

Я нахмурилась.

– Тебе же, вроде, не нравилась эта книга.

– Она лежала на видном месте, – пробормотал он. Его мягкий голос убаюкивал. – Кроме того, чем больше времени я с тобой провожу, тем

лучше понимаю человеческие чувства. Оказывается, Хитклифу можно посочувствовать, что раньше мне бы и в голову не пришло.

Я вздохнула.

Эдвард сказал что-то еще, что-то тихое и невнятное, но я уже спала.

Рассвет оказался серым и застывшим. Эдвард спросил про мой сон, но я уже толком ничего не помнила. Вспоминалось только, что было холодно, и я очень обрадовалась, когда, проснувшись, обнаружила рядом Эдварда. Он поцеловал меня – долгим поцелуем, от которого сердце заколотилось, – и ушел домой, чтобы переодеться и взять машину.

Я быстро оделась: особо выбирать не из чего. Неважно, кто именно стащил мои шмотки из корзины для грязного белья, важно, что одежды почти не осталось. Если бы ситуация не была такой пугающей, то я бы порядком разозлилась.

Уже собираясь пойти вниз, чтобы позавтракать, я заметила «Грозовой перевал». Потрепанная книжка лежала на полу – там, куда ее уронил Эдвард, – послушно раскрытая на той странице, которую он читал.

Я с любопытством подняла ее, пытаясь припомнить, что говорил Эдвард. Что-то о сочувствии – и не кому-нибудь, а Хитклифу. Быть того не может – вот уж это мне наверняка приснилось!

Четыре слова на странице зацепили взгляд, и я наклонилась, чтобы внимательнее прочесть абзац. Это оказались слова Хитклифа, и я хорошо их знала:

«В этом видно различие между его любовью и моей: будь я на его месте, а он на моем, я, хоть сжигай меня самая лютая ненависть, никогда бы я не поднял на него руку. Ты смотришь недоверчиво? Да, никогда! Никогда не изгнал бы я его из ее общества, пока ей хочется быть близ него. В тот час, когда он стал бы ей безразличен, я вырвал бы сердце из его груди и пил бы его кровь! Но до тех пор – если не веришь, ты не знаешь меня – до тех пор я дал бы разрезать себя на куски, но не тронул бы волоска на его голове!».

Мое внимание привлекли слова «пил бы его кровь».

Я вздрогнула.

Да уж, мне наверняка приснилось, что Эдвард хорошо отозвался о Хитклифе. И вряд ли он читал именно эту страницу. Книга могла упасть и раскрыться на любом месте.

Глава двенадцатая
Время

– Мне было видение… – зловещим тоном начала Элис.

Эдвард ткнул ее локтем в ребра, но она ловко уклонилась.

– Ладно, – проворчала Элис. – Хотя я в самом деле предвидела, что тебя будет легче уговорить, если сказать заранее.

Мы шли к машине после уроков, и я понятия не имела, о чем говорила Элис.

– И что бы это значило?

– Только без истерик.

– Вот теперь я и вправду испугалась.

– В общем, у тебя… то есть у нас… будет вечеринка по поводу окончания школы. Бояться абсолютно нечего. Но я предвидела, что ты устроишь истерику, если я преподнесу это в качестве сюрприза… – Элис ловко упорхнула в сторону, не позволив Эдварду взъерошить ей волосы. – И Эдвард заявил, что я должна тебе все рассказать. Честное слово, ничего сверхъестественного не планируется!

Я тяжело вздохнула.

– Спорить бессмысленно.

– Совершенно бессмысленно.

– Ладно, Элис, я приду. И мне будет глубоко противна каждая проведенная там минута. Честное слово.

– Вот и умница! Кстати, мне очень нравится твой подарок. Ты здорово постаралась.

– Элис, я ничего тебе на дарила!

– Знаю. Но ведь подаришь?

Я лихорадочно пыталась припомнить, что именно собиралась подарить Элис по поводу окончания школы – что именно она могла увидеть.

– С ума сойти! – пробормотал Эдвард. – И как только такая козявка может так сильно действовать людям на нервы?

– Врожденные способности! – засмеялась Элис.

– А ты не могла подождать несколько недель, прежде чем выкладывать все это? – капризно спросила я. – Теперь я только дольше буду нервничать.

Элис нахмурилась.

– Белла, – с усмешкой произнесла она, – ты хоть в календарь заглядываешь?

– Конечно! Сегодня понедельник.

– Разумеется, понедельник! Сегодня уже четвертое!

Она схватила меня за локоть, развернула в сторону и показала на большой желтый плакат на дверях спортзала: жирными черными буквами там была написана дата выпускного. Ровно через неделю.

– Четвертое? Июня? В самом деле?

Они промолчали. Элис только грустно покачала головой, изображая разочарование.

– Не может быть! Так быстро?

Я попыталась отсчитать дни назад. Ого, как время-то пролетело!

Земля ушла из-под ног. Долгие недели мучительных переживаний… я так беспокоилась о времени, что не заметила, как мое время вышло. Некогда размышлять и строить планы. Времени нет.

А я оказалась не готова.

Как мне это сделать? Как попрощаться с Чарли и Рене… с Джейком… со своей человеческой сущностью?

Я точно знала, чего хочу, но внезапно исполнение моих желаний стало меня пугать.

Теоретически, мне не терпелось поменять смертность на бессмертие. Ведь именно так я могу быть вместе с Эдвардом навсегда. А кроме того, на меня охотятся известные и неизвестные враги. Не могу же я сидеть, сложа руки, беззащитной и аппетитной приманкой, и ждать, пока кто-нибудь до меня доберется?

Теоретически все вполне логично.

А практически… я понятия не имела, каково перестать быть человеком. Будущее превратилось в огромную черную бездну, о которой я ничего не знаю – и не узнаю, пока не прыгну в нее.

Сегодняшнее число – простейший факт, настолько очевидный, что я, должно быть, бессознательно старалась о нем не вспоминать. И выпускной, который я так нетерпеливо ждала, вдруг превратился в дату расстрела.

Я смутно осознавала окружающее: как Эдвард открыл передо мной дверцу машины, как Элис без умолку болтала на заднем сиденье, как дождь хлестал по ветровому стеклу. Эдвард, кажется, заметил, что мои мысли бродят где-то далеко и не пытался меня отвлечь от них. А может, и пытался, но я даже не заметила этого.

В конце концов мы приехали ко мне домой, Эдвард посадил меня на диван и сам сел рядом. Я уставилась в окно, в серую дымку дождя. Куда

исчезла моя решимость? Почему я вдруг запаниковала? Ведь я знала, что срок приближается. Почему же я испугалась, когда он наступил?

Не знаю, как долго Эдвард молча ждал, не мешая мне смотреть в окно. Темнота уже сгущалась, когда он все-таки не выдержал. Обхватил мое лицо холодными ладонями и поглядел в глаза.

– Может, все же расскажешь, о чем думаешь? Пока я с ума не сошел.

Что ему сказать? Что струсила? Я постаралась найти слова.

– У тебя губы побелели. Ну же, говори.

Я шумно выдохнула. Интересно, как долго я сидела, затаив дыхание?

– Сегодняшнее число стало для меня неожиданностью, – прошептала я. – Вот и все.

Эдвард ждал. На лице беспокойство и недоверие.

Я попыталась объяснить:

– Не знаю толком, что мне делать… как сказать Чарли… что сказать… как… – Я не могла продолжить.

– Так это не из-за вечеринки?

Я нахмурилась.

– Нет. Но спасибо, что ты про нее напомнил.

Эдвард внимательно вглядывался мне в лицо. Шум дождя стал громче.

– Ты не готова, – прошептал он.

– Готова! – не задумываясь соврала я по привычке.

Эдвард не поверил. И тогда я сказала правду:

– Должна быть готова.

– Ты никому ничего не должна.

В моем взгляде наверняка заметен был страх, когда я перечислила вслух причины:

– Виктория, Джейн, Кай, кто бы ни приходил ко мне в комнату…

– Вот именно поэтому следует подождать.

– Эдвард, это глупо!

Он крепче сжал мое лицо ладонями и медленно заговорил:

– Белла, ни у кого из нас не было выбора. Ты же видела, к чему это привело… особенно для Розали. Мы все отчаянно пытались смириться с тем, над чем были не властны. Я не позволю, чтобы это случилось с тобой. У тебя будет выбор.

– Свой выбор я уже сделала.

– Ты не должна решаться только потому, что над тобой нависла смертельная опасность. Мы разберемся со всеми проблемами, и я о тебе позабочусь, – клятвенно пообещал Эдвард. – Когда мы с этим справимся и ничто не будет тебе угрожать, ты сможешь принять решение и

присоединиться ко мне, если все еще захочешь. Только не из страха. Я не позволю тебя принуждать.

– Карлайл обещал, – пробормотала я, вредничая по привычке. – После выпускного.

– Не раньше, чем ты будешь готова, – уверенно заявил Эдвард. – И уж наверняка не тогда, когда ты чувствуешь себя в опасности.

Я промолчала. Сил не было спорить. Сейчас моя решимость куда-то испарилась.

– Ну вот. – Эдвард поцеловал меня в лоб. – И волноваться не о чем.

Я неуверенно рассмеялась.

– Разве что о неотвратимости судьбы.

– Доверься мне.

– Я тебе верю.

Он все еще не сводил глаз с моего лица в ожидании, когда я успокоюсь.

– Можно кое-что у тебя спросить?

– Все, что угодно.

Я не решилась. Прикусила губу и задала не тот вопрос, который хотела:

– Что я собираюсь подарить Элис по поводу окончания школы?

Эдвард хихикнул.

– Похоже, ты хочешь подарить нам обоим билеты на концерт…

– Точно! – с облегчением воскликнула я. – В Такоме будет концерт. На прошлой неделе я видела в газете объявление и подумала, что вам понравится, ведь ты сказал, что диск был хороший.

– Прекрасная идея. Спасибо.

– Надеюсь, билеты еще остались.

– Достаточно того, что ты об этом подумала. Важнее всего мысль – уж я-то знаю!

Я вздохнула.

– Ты хотела спросить что-то еще, – сказал Эдвард.

Я нахмурилась.

– Какой ты догадливый!

– Мне часто приходится читать твои мысли по выражению лица. Спрашивай.

Закрыв глаза, я спрятала лицо у него на груди.

– Ты не хочешь, чтобы я стала вампиром.

– Не хочу, – тихо ответил Эдвард и замолчал, ожидая продолжения. – Ведь это же не вопрос, – напомнил он тут же.

– Ну… я беспокоюсь о том… почему тебе это не нравится.

– Беспокоишься? – с удивлением повторил он.

– Может, скажешь, почему? Все, как есть, не щадя мои чувства.

Эдвард колебался.

– Если я отвечу на твой вопрос, ты объяснишь мне, почему задала его?

Я кивнула, все еще пряча лицо у него на груди.

– Белла, ты могла бы добиться гораздо большего. Я знаю, ты веришь, что у меня есть душа, а вот я в этом не очень уверен и не хотел бы рисковать твоей душой… – Он медленно покачал головой. – Для меня позволить тебе стать тем, кто я есть, чтобы никогда с тобой не расставаться – это эгоистично. Я хочу этого больше всего на свете – для себя. А для тебя я хочу гораздо большего. И поддаться на твои уговоры кажется мне преступлением. Это стало бы самым эгоистичным поступком в моей жизни – даже если она будет длиться вечно.

Если бы я мог стать человеком ради тебя, то сделал бы это, невзирая на цену.

Я молчала, вдумываясь в услышанное.

Так значит, Эдвард считает такой поступок эгоистичным.

По моему лицу медленно расползалась улыбка.

– Значит, дело не в том, что ты боишься… боишься, что я меньше буду тебе нравится, когда перестану быть мягкой и теплой и мой запах изменится? Ты правда останешься со мной, что бы из меня ни получилось?

– Ты переживала, что перестанешь мне нравится? – удивился Эдвард и рассмеялся. – Белла, для человека с достаточно развитой интуицией ты бываешь иногда очень недогадливой!

Я знала, что Эдвард сочтет это глупостью, но все же на душе полегчало. Если я нужна ему несмотря ни на что, то все остальное неважно… как-нибудь прорвемся. «Эгоистичный» внезапно показалось замечательным словом.

– По-моему, ты не понимаешь, насколько проще мне станет, – сказал Эдвард, все еще посмеиваясь. – Не надо будет все время сдерживаться, чтобы не убить тебя. Но конечно же, кое-чего мне будет не хватать. Например, вот этого…

Он посмотрел мне в глаза, погладил по щеке, и я вспыхнула. Эдвард ласково засмеялся.

– А еще стука твоего сердца, – уже серьезнее продолжал он, хотя и с улыбкой. – Это самый важный звук в мире. Я так отчетливо его различаю, что могу услышать за несколько миль, честное слово. Но это все ерунда. Вот это, – сказал он, обхватывая мое лицо ладонями. – Ты. Вот что мне

нужно. Ты всегда будешь моей Беллой, просто менее хрупкой.

Я вздохнула и довольно зажмурилась – как приятно!

– А теперь ты ответишь на мой вопрос? Все, как есть, не щадя мои чувства? – спросил он.

– Конечно, – сказала я, удивленно открывая глаза.

Что он хочет узнать?

– Ты не хочешь стать моей женой, – медленно выговорил он.

Мое сердце замерло, а потом бешено забилось. На шее выступил холодный пот, и руки заледенели.

Эдвард ждал, наблюдая за мной и словно прислушиваясь.

– Это не вопрос, – наконец прошептала я.

Он опустил глаза, и тени от длинных ресниц упали на щеки. Взял мою ледяную ладонь. Заговорил, перебирая мои пальцы:

– Меня беспокоит твое отношение.

У меня в горле застрял комок.

– Это тоже не вопрос, – прошептала я.

– Пожалуйста, Белла!

– Правду? – почти беззвучно прошептала я.

– Конечно. Какой бы она ни была.

– Ты будешь смеяться.

Эдвард удивился.

– Смеяться? Вряд ли.

– Вот увидишь! – пробормотала я и вздохнула. От смущения бледность на лице внезапно сменилась ярким румянцем. – Ладно, так и быть! Тебе это наверняка покажется глупостью, но… просто… мне так… стыдно! – призналась я и снова спрятала лицо у него на груди.

Эдвард помолчал.

– Не понимаю, о чем ты.

Я откинула голову и сердито посмотрела на него. От смущения я совсем потеряла голову и перешла в атаку.

– Эдвард, я не из тех девчонок! Не из тех, кто выходит замуж, едва закончив школу, словно какая-нибудь деревенская простушка, залетевшая от дружка! Ты знаешь, что подумают люди? Понимаешь, какой век на дворе? Никто не женится в восемнадцать лет! По крайней мере, умные, ответственные и зрелые люди так не поступают! И я не собиралась быть такой девчонкой! Я не такая… – Запал кончился, и я замолчала.

Эдвард размышлял над моими словами с бесстрастным лицом.

– И все? – спросил он.

Я моргнула.

– А разве этого мало?

– Дело не в том, что тебе… бессмертие нужнее меня?

И тогда, хотя и утверждала, что смеяться будет он, я истерически расхохоталась.

– Эдвард! – выдавила я между приступами смеха. – А я-то… я-то всегда… думала… что ты… гораздо умнее меня!

Эдвард обнял меня, и тоже засмеялся.

– Зачем мне бессмертие без тебя? – сказала я, с трудом выговаривая слова. – Без тебя мне и жизнь не мила.

– Рад это слышать!

– И все же… это ничего не меняет.

– Все равно приятно знать, в чем дело. И я понимаю твои чувства, честное слово. Мне бы очень хотелось, чтобы ты попыталась понять мои.

Я уже пришла в себя. Кивнула и постаралась не хмуриться.

Золотистые глаза Эдварда смотрели на меня гипнотическим взглядом.

– Видишь ли, Белла, я как раз из тех самых парней. В моем мире я был уже взрослым. Любви я не искал: мне слишком хотелось стать солдатом, и я мечтал только о военной славе, которую так красочно расписывали вербовщики. Но если бы я нашел… – Эдвард помедлил, склонив голову набок. – Я хочу сказать, что если бы просто нашел кого-то, то это было бы совсем не то. Но если бы я нашел тебя, то точно знал бы, как поступить. Я был тем самым парнем: найдя ту, которую искал, я опустился бы на колено и предложил руку и сердце. Навеки – хотя это выражение имело бы несколько другой смысл.

Я уставилась на него во все глаза.

– Белла, вдохни, – сказал Эдвард, улыбаясь.

Я вдохнула.

– Теперь ты понимаешь меня – хотя бы чуть-чуть?

И я поняла. Увидела себя в платье до пола с кружевным воротником, волосы уложены в высокую прическу. Эдвард – настоящий красавец в светлом костюме и с букетом полевых цветов – сидит рядом со мной на террасе.

Я потрясла головой и сглотнула. Точно сцена из романа!

– Эдвард, – промолвила я дрожащим голосом, избегая прямого ответа на вопрос. – Понимаешь, для меня «навеки» и «замужество» никак не связаны друг с другом. А поскольку на дворе теперь совсем другой век, давай, так сказать, идти в ногу со временем.

– А с другой стороны, – возразил он, – понятие времени для тебя скоро совсем потеряет смысл. Так почему же традиции какой-то местной

культуры должны влиять на твое решение?

Я поджала губы.

– Потому что в чужой монастырь…

Эдвард засмеялся.

– Белла, тебе вовсе не обязательно принимать решение именно сегодня. Но ты ведь не станешь спорить, что хорошо бы понять точку зрения обеих сторон?

– Значит, твое условие?..

– Все еще в силе. Белла, я понимаю твои чувства, но если ты хочешь, чтобы я сам изменил тебя…

– Пам-тарам-пам-пам, – промычала я себе под нос.

Только вместо свадебного марша получился похоронный.

Время летело слишком быстро.

Ночь прошла без сновидений, наступило утро – выпускной не за горами. Нужно подготовиться к экзаменам, но за оставшиеся несколько дней я не успею пролистать и половины учебников.

Когда я спустилась к завтраку, Чарли уже ушел. Он оставил газету на столе, и я вспомнила, что надо бы кое-что купить. Только бы рекламу концерта еще не сняли: мне нужен был номер телефона для дурацких билетов. Теперь, когда это перестало быть сюрпризом, билеты уже не казались хорошим подарком. Хотя пытаться устроить сюрприз для Элис – затея в любом случае глупая.

Перелистывая газету, я наткнулась на жирный заголовок. Похолодела от страха и стала читать статью:

> Убийца держит Сиэтл в страхе
>
> Прошло меньше десяти лет с тех пор, как в Сиэтле орудовал самый кровавый убийца в истории США. Гари Риджвей, маньяк Грин-Ривер, был осужден за убийство сорока восьми женщин.
>
> А теперь Сиэтл ошеломлен новостью, что в городе может скрываться еще более жуткое чудовище.
>
> Полиция не приписывает происходящие в последнее время многочисленные убийства и исчезновения людей действиям серийного убийцы. По крайней мере, пока не приписывает. Полиции не хочется верить, что подобная бойня может быть делом рук одного-единственного преступника. В таком случае убийца – если это в самом деле один и тот же человек – несет ответственность за смерть и исчезновение тридцати девяти

человек только за последние три месяца (напомним, Риджвей совершил сорок восемь убийств за двадцать один год). Если во всех убийствах действительно виновен один преступник, то он станет самым кровавым серийным убийцей за всю историю Америки.

Полиция склоняется к версии, что в преступлениях замешана целая банда. В пользу этого свидетельствует само количество жертв, а также то, что между ними нет никакого сходства.

Жертвы маньяков обычно имеют общие черты: возраст, пол, национальность или какое-то сочетание этих трех признаков. В этом же случае жертвы сильно различаются: например, пятнадцатилетняя отличница Аманда Рид и почтальон на пенсии Омар Дженкс шестидесяти семи лет. Соотношение полов примерно одинаково: на восемнадцать женщин приходится двадцать один мужчина. Национальности жертв весьма различны: белые, афроамериканцы, латиноамериканцы и азиаты.

Выбор жертв представляется случайным, а мотив преступления – убийство ради убийства.

Так есть ли хоть какие-то основания предполагать, что виновен серийный убийца?

Способы совершения преступлений слишком похожи, чтобы считать убийства не связанными друг с другом. Трупы, которые удалось обнаружить, сожжены дотла: личность пришлось устанавливать по зубам. Похоже, что при сожжении использовалось какое-то горючее вещество – бензин или алкоголь. Однако никаких следов подобных веществ не найдено. Все тела и не пытались прятать.

Еще более тошнотворная подробность: на большинстве жертв обнаружены следы жестокого насилия – сломанные кости, порой превращенные чуть ли не в труху. Патологоанатомы считают, что это произошло при жизни, хотя, учитывая состояние вещественных доказательств, трудно сказать наверняка.

Еще одно сходство, наводящее на мысль о серийных убийствах, – отсутствие вещественных доказательств, не считая самих тел – ни единого отпечатка пальцев, ни следа шин, ни постороннего волоска. И никто не видел ничего подозрительного.

А между тем ни один из пострадавших не был легкой жертвой – среди них нет ни убежавших из дома подростков, ни бездомных, которые так часто пропадают и которых так редко

ищут. Жертвы исчезали из собственных домов, из квартиры на четвертом этаже, из спортивного клуба и со свадебного вечера. Пожалуй, самым удивительным стало исчезновение тридцатилетнего боксера-любителя Роберта Уолша: он вошел в зал кинотеатра вместе с подругой, а через несколько минут после начала фильма женщина обнаружила, что ее спутник пропал. Его тело нашли только через три часа, когда пожарные приехали тушить горящий мусорный бак в двадцати милях от кинотеатра.

Во всех убийствах есть еще одна общая черта – все они произошли ночью.

А самое ужасное в том, что количество убийств резко увеличилось: в первый месяц произошло шесть преступлений, во второй – одиннадцать, а только за последние десять дней зарегистрировано уже двадцать два! И полиция ни на шаг не приблизилась к разгадке с тех пор, как было обнаружено первое сожженное тело.

Улики противоречивы, вещественные доказательства ужасны. Кто виноват: жестокая банда или маньяк-убийца? Или что-то еще, что полиции даже в голову не приходит?

Единственный вывод, который можно сделать наверняка: по Сиэтлу бродит нечто чудовищное.

Последнее предложение я прочитала трижды: руки дрожали.

– Белла?

Хотя я и знала, что Эдвард неподалеку, его тихий голос вырвал меня из задумчивости, и от неожиданности я подскочила.

Хмурый Эдвард стоял, привалившись к косяку. Но увидев мое лицо, бросился ко мне и взял за руку.

– Я тебя напугал? Извини. Я стучал…

– Нет-нет, не напугал. Ты вот это видел? – Я показала на газету.

Лоб Эдварда прорезала складка.

– Сегодняшние новости я еще не видел. Но знаю, что дела идут все хуже. Придется нам что-то предпринять… и поскорее.

Мне это решительно не понравилось: я не люблю, когда Каллены рискуют, а те люди – или нелюди – в Сиэтле приводили меня в ужас. Правда, возможное появление Вольтури было бы не менее ужасно.

– А что говорит Элис?

– В том-то и загвоздка. – Эдвард нахмурился еще сильнее. – Она ничего не видит… хотя мы уже не раз хотели разобраться с этими

убийствами. Элис начинает терять уверенность в себе. Чувствует, что слишком многое упускает и здесь что-то не так. Может быть, ее способности исчезают.

– Такое может случиться? – удивленно спросила я.

– Кто его знает? Это никто никогда не исследовал… хотя лично я сомневаюсь. Подобные способности обычно усиливаются со временем. Посмотри на Аро и Джейн.

– Тогда в чем дело?

– Я думаю, это замкнутый круг: мы ждем, пока Элис увидит что-то, чтобы начать действовать, а она ничего не видит, потому что мы не начнем действовать, пока она не увидит. Поэтому она нас и не может увидеть. Возможно, придется действовать вслепую.

Я вздрогнула.

– Нет, только не это!

– Ты очень хочешь пойти сегодня в школу? До экзаменов всего пара дней и ничего нового нам не расскажут.

– Один день вполне можно обойтись без школы. А что мы будем делать?

– Хочу поговорить с Джаспером.

Опять Джаспер. Странно. Джаспер всегда оставался немного в стороне: принимая участие, но не выдвигаясь на первый план. Я думала, он остается с Калленами только из-за Элис. Мне кажется, он пошел бы за ней на край света, однако образ жизни Калленов его не очень устраивал. Он следовал ему не так убежденно, как остальные, и, наверное, именно поэтому сталкивался с большими трудностями.

В любом случае, я никогда не видела, чтобы Эдвард полагался на Джаспера. Интересно, что Эдвард имел в виду, когда сказал, что Джаспер – настоящий специалист. О прошлом Джаспера я знала только, что он пришел откуда-то с юга, а потом его нашла Элис. Эдвард почему-то всегда уклонялся от вопросов о своем недавно обретенном брате. А мне самой никогда не хватало смелости спросить Джаспера напрямую: высокий, светловолосый вампир выглядел как недовольная чем-то кинозвезда.

В доме Калленов мы обнаружили, что Карлайл, Эсми и Джаспер напряженно уставились в телевизор и смотрят новости, хотя звук приглушен настолько, что я ничего не могла разобрать. Элис уселась на верхней ступеньке величественной лестницы, с несчастным видом обхватив голову руками. Когда мы вошли, Эмметт приковылял с кухни – спокойный, как всегда: его ничем не проймешь.

– Привет, Эдвард. Белла, ты уроки прогуливаешь? – ухмыльнулся он

мне.

– Мы оба прогуливаем, – напомнил ему Эдвард.

Эмметт засмеялся.

– Оба-то оба, но Белла первый раз заканчивает школу. Как бы не пропустила что-нибудь интересное.

Эдвард ничего не ответил на замечание любимого брата и бросил Карлайлу газету.

– Вы знаете, что теперь они подозревают серийного убийцу? – спросил он.

Карлайл вздохнул.

– По телевизору два специалиста все утро обсуждают эту версию.

– Мы должны положить этому конец.

– А давайте поедем прямо сейчас! – вдруг предложил Эмметт. – Я со скуки подыхаю.

С верхней ступеньки лестницы раздалось шипение.

– Она такая пессимистка, – пробормотал Эмметт себе под нос.

Эдвард с ним согласился:

– Когда-нибудь нам все равно придется поехать в Сиэтл.

Розали появилась на верхней площадке лестницы и стала медленно спускаться. Ее лицо не выражало никаких эмоций.

Карлайл покачал головой.

– Не нравится это мне. Раньше мы ничем подобным не занимались. Это не наше дело. Мы же не Вольтури.

– Я не хочу, чтобы здесь появились Вольтури, – сказал Эдвард. – Поэтому нам нужно поторопиться.

– Все эти невинные люди в Сиэтле, – пробормотала Эсми. – Нельзя позволить им умирать такой смертью.

– Я знаю, – вздохнул Карлайл.

– А! – воскликнул Эдвард и повернулся к Джасперу. – Такое мне в голову не пришло. Понятно. Ты прав, должно быть, так и есть. Ну тогда совсем другое дело.

Не одна я уставилась на него в полном недоумении, но, пожалуй, только в моем взгляде не было раздражения.

– Объясни остальным, – сказал Эдвард Джасперу. – Но с какой же целью? – Эдвард принялся задумчиво ходить из угла в угол, не поднимая глаз.

Я и не заметила, как Элис оказалась рядом со мной.

– Что он несет? – спросила она Джаспера. – О чем ты думал?

Похоже, Джаспер не очень уютно почувствовал себя, оказавшись в

центре внимания. Он нерешительно разглядывал всех по очереди – все подошли поближе, чтобы послушать, что он скажет, – а потом его взгляд задержался на мне.

– Ты растеряна, – сказал он, и его низкий голос прозвучал очень тихо.

Это не было вопросом: Джаспер знал, что я чувствую и что чувствуют все остальные.

– Мы все растеряны, – проворчал Эмметт.

– Можно позволить себе не торопиться, – ответил ему Джаспер. – Белла тоже должна это понять, ведь теперь она член семьи.

Его слова меня удивили. Я очень мало общалась с Джаспером, особенно после того, как он чуть не убил меня на моем дне рождения, и не подозревала, что он так ко мне относится.

– Белла, что ты знаешь обо мне? – спросил Джаспер.

Эмметт с театральным вздохом плюхнулся на диван, всем своим видом изображая нетерпение.

– Почти ничего, – призналась я.

Джаспер посмотрел на Эдварда. Тот поднял глаза.

– Нет, – ответил Эдвард на мысленный вопрос Джаспера. – Думаю, ты понимаешь, почему я не рассказал Белле твою историю. Но мне кажется, что теперь пора это сделать.

Джаспер задумчиво кивнул и принялся заворачивать рукав своего светло-желтого свитера.

Я наблюдала за Джаспером с любопытством и недоумением, пытаясь сообразить, что он делает. Джаспер поднес запястье к стоявшему рядом торшеру, прямо под свет лампочки, и провел пальцем по выпуклому полумесяцу на бледной коже.

Я не сразу поняла, почему отметина выглядит так знакомо.

– Ой! – выдохнула я, когда до меня наконец дошло. – Джаспер, у меня точно такой же шрам!

Я протянула руку: серебристый полумесяц сильнее выделялся на моей желтоватой коже, чем на его алебастровой.

Джаспер слабо улыбнулся.

– Белла, у меня много таких шрамов.

Он с бесстрастным видом закатал рукав повыше. Сначала я ничего не могла разобрать: кожу Джаспера испещряли узоры. Полукруги, белые на белом, были едва заметны и то лишь потому, что под ярким светом лампы отбрасывали слабые тени. А потом я разглядела, что узор составлен из полумесяцев – точно таких же, как у него на запястье… точно таких же, как шрам на моей собственной руке.

Я перевела взгляд на свой единственный маленький шрамик – и вспомнила, как он у меня появился: на моей коже навсегда остался отпечаток зубов Джеймса.

И тут я ахнула и посмотрела на Джаспера:

– Так что же с тобой случилось?

Глава тринадцатая
Новорожденные

– То же самое, что и с тобой, – тихо ответил Джаспер. – Но не один раз, а тысячу. – Он засмеялся немного грустным смехом и провел пальцами по руке. – Только наш яд оставляет отметину.

– Как же так? – в ужасе выдохнула я.

Вопрос прозвучал не очень вежливо, но я не могла отвести взгляд от его обезображенной кожи.

– Мое прошлое… не совсем такое, как у моих названых братьев и сестер. Для меня все началось по-другому, – жестко закончил он.

Я смотрела на него с раскрытым ртом. Какой ужас!

– Белла, – сказал Джаспер, – понимаешь, в нашем мире есть такие места, где бессмертные живут не века, а недели.

Остальные уже слышали все это. Карлайл и Эмметт снова уставились в телевизор. Элис молча села у ног Эсми. И только Эдвард внимательно слушал вместе со мной: я чувствовала на себе его изучающий взгляд.

– Попробуй взглянуть на мир с другой точки зрения. Представь себе, как он выглядит для обладающих властью, жадных… ненасытных.

Видишь ли, в мире есть места, более привлекательные для нас – места, где мы можем меньше сдерживаться, оставаясь незаметными. Представь себе, например, карту Западного полушария. Поставь маленькую красную точку, чтобы обозначить каждого человека. Чем больше красных точек, тем легче нам – ну, тем, кто ведет такой образ жизни – кормиться, не привлекая внимания.

От картинки, сложившейся в голове, я вздрогнула – не говоря уже о слове «кормиться». Однако Джаспер не боялся меня испугать, не пытался оградить меня от всего, как это делал Эдвард. Джаспер просто продолжал рассказывать.

– Банды вампиров на Юге не очень-то беспокоятся о сохранении тайны. Только Вольтури могут их приструнить – больше они никого не боятся. Если бы не Вольтури, то всех нас давно бы уже обнаружили.

Я нахмурилась: Джаспер произносил имя Вольтури с уважением и чуть ли не с благодарностью. Мысль, что Вольтури в каком-то смысле делают доброе дело, не укладывалась у меня в голове.

– По сравнению с Югом, Север более цивилизован. Большинство из

нас бродят с места на место, причем не только ночью, но и днем, общаясь с ничего не подозревающими людьми – для нас очень важна анонимность.

На Юге все по-другому. Бессмертные выходят исключительно по ночам. Днем они разрабатывают планы или пытаются предвосхитить действия противника: на Юге идет война, которая не прекращалась ни на мгновение вот уже много столетий. Вампиры там едва замечают присутствие людей: люди для них, что пасущиеся поблизости коровы для солдат – бесплатный корм. И только из-за Вольтури вампиры прячутся от стада.

– А за что же они воюют? – спросила я.

Джаспер улыбнулся.

– Помнишь карту с красными точками?

Он ждал моего ответа, и я кивнула.

– Они воюют за то, чтобы захватить самые красные места. Однажды кому-то пришло в голову, что если бы он был единственным вампиром, скажем, в Мехико, то мог бы кормиться каждую ночь и даже два-три раза за ночь, и никто бы ничего не заметил. И тогда он задумал избавиться от конкурентов. Другим пришла в голову точно такая же идея. И кое-кто придумал более действенные способы добиться своего. Однако самую действенную тактику разработал довольно молодой вампир по имени Бенито. О нем впервые услышали, когда он пришел откуда-то с севера от Далласа и уничтожил две небольшие группы вампиров возле Хьюстона. Две ночи спустя Бенито напал на гораздо более сильный клан, которому принадлежал Монтеррей в Северной Мексике. И снова победил.

– Как ему это удалось? – спросила я с настороженным любопытством.

– Бенито создал армию новорожденных вампиров. Ему первому пришла в голову эта идея, и сначала никто не мог с ним справиться. Совсем молодые вампиры – вспыльчивые, дикие и почти неуправляемые. С одним новорожденным можно как-то сладить, научить его сдерживаться, но группа из десяти—пятнадцати молодых – это настоящий кошмар. Они набрасываются друг на друга так же легко, как и на врагов, на которых их натравливают. Бенито должен был создавать все новых вампиров, потому что они дрались между собой, а кроме того, проигравшим противникам все же удалось уничтожить больше половины его войска. Хотя молодые вампиры очень опасны, их все-таки можно победить – если знать как. Они невероятно сильны физически, примерно первый год или около того. Если они дерутся в полную силу, то могут легко раздавить вампира постарше. Но они рабы своих инстинктов, и потому их действия предсказуемы. Драться они обычно не умеют и берут силой и злостью. А в случае с

Бенито еще и числом. Когда вампиры в Южной Мексике поняли, что их ждет, то нашли один-единственный способ противостоять Бенито – сделать армии собственных вампиров. И тогда начался настоящий ад – в прямом смысле этого слова. У нас, бессмертных, тоже есть своя история, и эта война навсегда останется в памяти. Разумеется, в то время людям, жившим в Мексике, тоже пришлось не сладко.

Меня передернуло.

– Когда трупы стали наваливать горами – в человеческой истории резкое уменьшение количества населения свалили на эпидемии, – Вольтури наконец приняли меры. Все их охранники приехали сюда и выследили каждого новорожденного на юге Северной Америки. Бенито окопался в Пуэбла, лихорадочно увеличивая свою армию, чтобы захватить лакомый кусок – Мехико. Вольтури начали с него, а потом перешли к остальным. Всех, у кого находили новорожденных, убивали на месте, а поскольку каждый пытался защититься от Бенито, Мексику на время очистили от вампиров. Я однажды разговаривал с очевидцем, который издалека наблюдал за тем, что случилось, когда Вольтури пришли в Кулиакан.

Джаспера передернуло. Я впервые видела его испуганным, чуть ли не дрожащим от страха.

– Хорошо уже то, что безумная жажда завоеваний не вышла за пределы Юга. Остальной мир не потерял рассудок. Мы обязаны Вольтури нашим нынешним образом жизни. Однако после возвращения Вольтури в Италию выжившие вампиры, не теряя времени, стали расхватывать территорию на Юге. Вскоре снова начались раздоры. Недовольных хватало: вендетты следовали одна за другой. Идея создания армий новорожденных вампиров уже распространилась, и некоторые не смогли устоять. Но и вмешательства Вольтури не забыли, так что в этот раз действовали осторожнее. Новорожденных тщательно отбирали среди людей и лучше готовили. Их использовали скрытно, и люди большей частью ничего не замечали. Создатели армий не давали Вольтури повода вернуться. Войны возобновились, хотя и с меньшим размахом. Время от времени кто-нибудь заходил слишком далеко, в газетах появлялись статьи с разнообразными домыслами, и тогда Вольтури возвращались и зачищали город. Но при этом не трогали остальных, более осторожных.

Джаспер уставился в пространство.

– Так вот как тебя превратили, – прошептала я, когда до меня дошло.

– Да, – подтвердил он. – Когда я был человеком, я жил в Хьюстоне, штат Техас. В тысяча восемьсот шестьдесят первом году мне почти исполнилось семнадцать, и я вступил в армию Конфедерации.

Вербовщикам я соврал: сказал, что мне уже двадцать. Я был рослым парнем, и мне удалось их провести. Моя армейская карьера оказалась недолгой, но весьма многообещающей. Я всегда… нравился людям, и они прислушивались ко мне. Отец говорил, что у меня есть обаяние. Теперь я, конечно, понимаю, что дело не просто в обаянии. Как бы то ни было, я быстро продвигался по службе, обгоняя более старших и опытных. В то время армия Конфедерации еще только образовывалась, и это давало определенные возможности. К моменту первой битвы при Гальвестоне – вообще-то это была всего лишь стычка – я стал самым молодым майором в Техасе, даже если не учитывать мой настоящий возраст. Когда подошли минометные корабли северян, я руководил эвакуацией женщин и детей из города. Понадобился целый день на подготовку, а потом я поехал вместе с первой колонной штатских, чтобы проводить их в Хьюстон. Эту ночь я помню очень отчетливо. В город мы пришли уже после заката. Я убедился, что всех прибывших разместили в безопасном месте, взял свежую лошадь и помчался обратно в Гальвестон: отдыхать было некогда.

Едва отъехав от города, я заметил трех женщин. Они шли пешком, и я решил, что это отставшие беженцы. Я спешился, собираясь предложить им помощь. А когда рассмотрел в свете луны их лица онемел от изумления: никого прекраснее я в жизни не видел. Помнится, я удивился, заметив, какая белая у них кожа. Даже черноволосая девчушка с явно мексиканскими чертами лица в свете луны казалась фарфоровой. Все они выглядели очень молодо – девушки, а не взрослые женщины. Я знал, что они не могли отстать от нашей колонны: таких красавиц я бы запомнил.

«Да он дар речи потерял», – сказала самая высокая.

Ее нежный голосок прозвучал как колокольчики на ветру. Волосы у нее были светлые, а кожа белоснежная.

У второй волосы были еще светлее, а кожа такая же белая. И ангельское личико. Прикрыв глаза, она склонилась ко мне и глубоко втянула в себя воздух.

«Ммм, – вздохнула она. – Какая прелесть!»

Самая маленькая, брюнетка, взяла девушку за руку и быстро заговорила. Голосок у нее был слишком тихий и мелодичный, чтобы звучать резко, но, похоже, она именно этого добивалась.

«Нетти, сосредоточься», – сказала она.

Я всегда хорошо чувствовал, как люди относятся друг к другу, и сразу понял, что каким-то образом брюнетка командует двумя блондинками. Если бы речь шла об армии, то я бы сказал, что брюнетка была выше рангом.

«Кажется, он вполне подходит: молодой, сильный, офицер… – Брюнетка замолчала, и я безуспешно попытался заговорить. – А кроме того, есть еще что-то… Чувствуете? – спросила она остальных. – Он… притягательный».

«Да уж!» – быстро согласилась Нетти, снова наклоняясь ко мне.

«Терпение! – предупредила ее брюнетка. – Этот мне еще пригодится».

Нетти нахмурилась: похоже, разозлилась.

«Мария, лучше ты сама, – сказала высокая блондинка. – Если он тебе нужен. Я их убиваю в два раза чаще, чем оставляю».

«Хорошо, я сама, – согласилась Мария. – Этот мне очень нравится. Уведи Нетти, ладно? Я должна сосредоточиться и не могу все время оглядываться через плечо, ожидая нападения».

У меня волосы встали дыбом, хотя я не понял ни слова из сказанного прелестными созданиями. Интуиция подсказывала, что я в опасности, что ангелочек вполне серьезно говорила об убийстве, но рассудок возобладал: меня научили защищать женщин, а не бояться их.

«Пойдем поохотимся», – с готовностью согласилась Нетти и взяла высокую девушку за руку.

Грациозно повернувшись, они помчались к городу – так быстро, что, казалось, полетели по воздуху, а их белые платья развевались позади, как крылья. Я изумленно моргнул, и девушки исчезли из виду.

Я повернулся к Марии – она с любопытством наблюдала за мной.

До этого момента я считал все сверхъестественное – всякие привидения и прочие глупости – полной чепухой. И вдруг почувствовал неуверенность.

«Как тебя зовут, солдат?» – спросила Мария.

«Майор Джаспер Уитлок, мэм», – заикаясь, выдавил я, не в силах нагрубить женщине, даже если она оказалась привидением.

«Джаспер, я искренне надеюсь, что ты выживешь, – сказала она нежным голоском. – Ты мне нравишься».

Она сделала шаг вперед и наклонила голову, словно собираясь поцеловать меня. Я замер, хотя все во мне вопило, что надо бежать.

Джаспер задумчиво замолчал.

– Через несколько дней, – наконец сказал он, и я не поняла, то ли кусок рассказа был вырезан для моего же блага, то ли Джаспер отреагировал на напряженное состояние Эдварда, – началась моя новая жизнь.

Девушек звали Мария, Нетти и Люси. Вместе они собрались недавно: все трое выжили в проигранных сражениях, и Мария подобрала двух других – так было удобнее. Мария хотела отомстить и получить свои

владения обратно. А остальные… им не терпелось увеличить свои стада, скажем так. Девушки создавали армию и делали это осторожнее, чем обычно. Идея принадлежала Марии. Ей нужно было превосходящее противника войско, поэтому она тщательно отбирала людей с особыми способностями. А потом натаскивала их лучше, чем все остальные. Мария научила нас сражаться и становиться невидимыми для людей. Когда мы делали успехи, нас вознаграждали…

Он замолчал, снова пропуская часть рассказа.

– Правда, Мария торопилась. Она знала, что огромная сила новорожденных вампиров начинает убывать примерно через год, и хотела приступить к делу, пока мы еще не потеряли форму.

В группе Марии я стал шестым. За две недели она добавила еще четверых – только мужчин, ведь Марии требовались солдаты. Но мужчин труднее удержать от драки. Мои первые схватки были с соратниками. Я оказался быстрее остальных и дрался лучше. Мария была мной довольна, хотя ей и приходилось заменять тех, кого я уничтожил. Меня часто вознаграждали, и от этого я становился сильнее.

Мария хорошо разбиралась в людях. Она решила назначить меня командиром над остальными – то есть повысить в ранге. Командовал я неплохо: количество убитых в драках значительно уменьшилось, и число солдат возросло примерно до двадцати.

Для тех осторожных времен мы собрали довольно большую армию. Моя способность управлять чувствами, которую я тогда еще не осознавал, оказалась очень полезна. Вскоре мы работали вместе так, как новорожденным вампирам еще никогда не удавалось. Даже Мария, Нетти и Люси лучше ладили.

Мария ко мне привязалась – стала от меня зависеть. А я, в некотором смысле, готов был целовать землю, по которой она ходила. Другой жизни я и представить себе не мог. Мария объяснила нам, как обстоят дела, и мы поверили.

Она попросила меня сообщить ей, когда я и мои братья будут готовы сражаться, а мне не терпелось показать себя. В конце концов я набрал войско из двадцати трех вампиров – молодых, невероятно сильных, организованных и обученных, как ни одна другая армия. Мария не помнила себя от радости.

Мы незаметно подошли к Монтеррею, где Мария жила раньше, и она спустила нас на своих врагов: парочка вампиров постарше командовала всего девятью новорожденными. Мы справились с ними гораздо легче, чем ожидала Мария, потеряв всего четверых – неслыханно маленькие потери!

И мы были хорошо натасканы: никто ничего не заметил – город перешел в наши руки, а люди этого даже не поняли.

Успех сделал Марию жадной. Вскоре она положила глаз на другие города. В тот первый год ее территория расширилась и покрыла большую часть Техаса и Северной Мексики. Потом с юга пришли соперники и попытались отобрать эти владения.

Джаспер провел двумя пальцами по едва заметному узору из шрамов.

– Схватки были жестокие. Многие вампиры забеспокоились, что вернутся Вольтури. Я оказался единственным из двадцати трех, кто пережил первые восемнадцать месяцев. Мы выигрывали и проигрывали попеременно. В конце концов Нетти и Люси напали на Марию – но эту схватку мы выиграли.

Нам с Марией удавалось удерживать Монтеррей. Война немного затихла, хотя боевые действия продолжались. О завоевании новых территорий уже не думали, основными причинами схваток стали месть и раздоры. Многие потеряли своих возлюбленных, а у нас такое не прощают…

Мы с Марией всегда держали десяток новорожденных наготове. Для нас они очень мало значили – всего лишь пешки, которые легко заменить новыми. Когда они переставали быть полезными, мы от них избавлялись. Годы шли, а моя жизнь оставалась все такой же, полной жестокости и насилия. Мне все это давно опротивело, но…

Через несколько десятков лет я подружился с новорожденным вампиром, по имени Питер, который, вопреки всему, выжил в первые три года. Питер мне нравился: он был… я бы сказал, утонченным. Не любил драться, хотя получалось у него неплохо.

Мы поручили ему новорожденных – как бы сделали его нянькой. Хлопот с ними было по горло.

А потом пришло время устроить новую чистку. Новорожденные начали терять силу, и их следовало заменить. Питер должен был мне в этом помогать. Мы отводили их в сторонку по одному… Такие ночи всегда тянулись очень долго. В этот раз Питер попытался убедить меня, что некоторые из новорожденных еще могут пригодиться, однако Мария приказала избавиться от всех, и я отказал ему.

Мы сделали почти половину работы, и я видел, что Питеру это далось нелегко. Я подумывал, не отослать ли мне его и самому все закончить. Когда я вызвал очередную жертву, Питер внезапно рассвирепел. Я приготовился к худшему: Питер умел драться, хотя куда ему до меня…

Шарлотта, наша следующая жертва, вампиром была чуть больше года.

Когда она вошла, настроение Питера резко изменилось, и это выдало его с головой. Он закричал, приказывая ей бежать, и сам помчался за ней. Я мог бы броситься за ними вслед, но не сделал этого. Мне… не хотелось убивать Питера. Мария рассвирепела…

Через пять лет Питер тайком навестил меня. И появился как раз вовремя.

Мария не могла понять, почему мне становится все хуже. Она сама никогда не испытывала депрессии, и эта разница между нами меня удивляла. Отношение Марии ко мне изменилось: я ощущал в ней то страх, то злобу – те же самые чувства, по которым заранее почуял измену Нетти и Люси. Я собирался с духом, чтобы уничтожить моего единственного союзника, смысл своего существования – и тут пришел Питер.

Он рассказал, что они с Шарлоттой начали новую жизнь, и описал возможности, которые мне и в голову не могли прийти. За пять лет они не разу не вступали в схватку, хотя и встречали на севере много других вампиров: все вполне мирно уживались друг с другом.

Питеру не пришлось долго меня уговаривать. Я созрел для того, чтобы уйти. На душе даже полегчало: не придется убивать Марию. Мы провели вместе столько же лет, сколько Карлайл прожил с Эсми, хотя между нами никогда не было такой сильной привязанности. Когда ты живешь ради схваток, ради крови, то отношения с другими остаются поверхностными и связи легко рвутся. Я ушел от нее без сожаления.

Несколько лет я путешествовал вместе с Питером и Шарлоттой, привыкая к новой, мирной жизни. Однако непонятная депрессия не проходила. Пока однажды Питер не обратил внимание на то, что мне всегда становится хуже после охоты.

Над этим стоило поразмыслить. За многие годы убийств и кровопролития во мне не осталось почти ничего человеческого, я превратился в жуткое чудовище. И в то же время каждый раз, когда я находил новую жертву, в памяти всплывали смутные воспоминания о прежней жизни. Наблюдая, как глаза людей изумленно распахиваются при виде моей красоты, вспоминал Марию и двух ее спутниц и как я сам смотрел на них в ту последнюю ночь, когда еще был Джаспером Уитлоком. Эти взятые взаймы воспоминания значили для меня гораздо больше, чем для остальных, потому что я чувствовал все, что ощущали мои жертвы и жил эмоциями людей, которых убивал.

Белла, ты ведь почувствовала на себе, как я могу управлять эмоциями окружающих, но понимаешь ли ты, как их эмоции действуют на меня? Каждый день я живу в окружении чужих чувств. Первое столетие моей

жизни прошло в мире кровавой мести. Я все время кого-то ненавидел. После расставания с Марией это немного сгладилось, но я не мог не ощущать ужас и трепет своей добычи.

Мне это стало действовать на нервы.

Депрессия все усиливалась, и я ушел от Питера и Шарлотты: хотя они и были цивилизованными вампирами, но все же не чувствовали того отвращения, которое появилось у меня. Они всего лишь устали сражаться. А мне надоели любые убийства – даже убийства людей.

И все же я не мог перестать охотиться. Что еще мне оставалось? Я попытался убивать реже, но так страдал от жажды, что в конце концов не выдерживал. После целого столетия легкой жизни самоконтроль оказался… делом нелегким. Он у меня до сих пор хромает.

Джаспер увлекся рассказом не меньше меня. И я удивилась, когда на его грустном лице расцвела улыбка.

– Я был в Филадельфии. Вышел на улицу днем, хотя еще не успел по-настоящему привыкнуть к этому. Началась гроза. Я знал, что под дождем оставаться нельзя, чтобы не привлекать внимания, и заскочил в ближайшую, наполовину пустую закусочную. Глаза у меня потемнели и никому бы не показались подозрительными, хотя на самом деле это означает, что я очень проголодался.

Она сидела там и, конечно же, ждала меня. – Джаспер усмехнулся. – Не успел я войти, как она спрыгнула с высокого стула у стойки и двинулась мне навстречу.

Я остолбенел: никак наброситься на меня хочет? Мое прошлое научило меня, что только это могло быть причиной такого поведения. А она улыбалась. И от нее исходили такие эмоции, каких я никогда раньше не ощущал.

«А я тебя заждалась», – сказала она.

Я вдруг обнаружила, что Элис стоит у меня за спиной.

– А ты склонил голову, как и подобает воспитанному джентльмену с Юга, и ответил: «Простите, мэм». – Элис засмеялась.

Джаспер улыбнулся, глядя на нее сверху вниз.

– Ты протянула руку, и я взял ее, не успев подумать о том, что делаю. Впервые за почти сто лет я почувствовал надежду. – Джаспер взял Элис за руку.

Элис усмехнулась.

– А у меня гора с плеч свалилась. Я боялась, что ты так и не появишься.

Они улыбались, не сводя глаз друг с друга, а потом Джаспер посмотрел на меня, и на его лице все еще отражалась нежность.

– Элис рассказала мне свои видения о Карлайле и семье Калленов. Я не мог поверить, что такое возможно, но Элис меня обнадежила. И мы отправились на поиски.

– И перепугали Калленов до полусмерти, – сказал Эдвард Джасперу с притворным укором и объяснил мне: – Мы с Эмметтом уехали на охоту. Вдруг появляется Джаспер, весь покрытый боевыми шрамами, и приводит с собой эту чудачку, – он шутливо пихнул Элис локтем, – которая называет их по имени, знает о них все на свете и с ходу интересуется, в какой комнате будет жить.

Элис и Джаспер рассмеялись в унисон – сопрано и бас.

– Я приезжаю домой, а все мои вещи в гараже! – добавил Эдвард.

Элис пожала плечами.

– Из твоей комнаты открывался самый лучший вид.

Теперь засмеялись все трое.

– Занятная история, – сказала я.

Три пары глаз уставились на меня как на сумасшедшую.

– Я имею в виду последнюю часть, – стала оправдываться я. – Счастливый конец с Элис.

– Да уж, если бы не Элис, все было бы совсем по-другому! – согласился Джаспер. – Рядом с ней я расцветаю.

Однако отвлечься от проблем нам удалось ненадолго.

– Армия, – прошептала Элис. – Почему же ты мне ничего не сказал?

Все остальные снова повернулись к Джасперу.

– Подумал, что неправильно истолковал ситуацию. Потому что не вижу мотива. Зачем бы кому-то создавать армию в Сиэтле? Здесь никогда не было войны и некому мстить. Завоевывать город тоже никакого смысла нет, ведь никто не предъявляет на него прав. Кочевники приходят и уходят, но никто за него не сражается. И защищать город не от кого. Но я видел подобное раньше, и ничем другим происходящее объяснить невозможно. В Сиэтле появилась армия новорожденных вампиров. Думаю, их меньше двух десятков. Хуже всего то, что они совсем ничему не обучены. Кто бы их ни создал, он просто предоставил им полную свободу. Дела будут идти все хуже, пока не вмешаются Вольтури. Честно говоря, я удивлен, что они до сих пор ничего не предприняли.

– Что же нам делать? – спросил Карлайл.

– Если хотим избежать вмешательства Вольтури, то надо уничтожить новорожденных – и лучше поскорее. – Лицо Джаспера окаменело. Теперь,

зная его историю, я понимала, как ему трудно в такой ситуации. – Я могу научить, как это сделать. В городе нам придется трудно: молодым начихать на конспирацию, а нам придется вести себя очень осторожно – и мириться с ограничениями, которых не будет у противника. Может, их удастся выманить за город.

– А может, нам не придется этого делать, – удрученно сказал Эдвард. – Никому не приходит в голову, что единственная угроза в округе, ради уничтожения которой нужно создать целую армию вампиров, это мы сами?

Джаспер прищурился. У Карлайла глаза стали круглыми от удивления.

– Семья Тани тоже неподалеку, – напомнила Эсми, не желая соглашаться с предположением Эдварда.

– Эсми, новорожденные устроили бойню не в Анкоридже. По-моему, нам следует рассмотреть возможность того, что удар будет направлен на нас.

– Они не собираются нападать на нас, – убежденно возразила Элис… и задумалась. – По крайней мере, они не знают, что нападут на нас. Пока не знают.

– Что ты имеешь в виду? – с напряженным любопытством спросил Эдвард. – Что тебе вспомнилось?

– Отдельные вспышки, – ответила Элис. – Когда я пытаюсь заглянуть в будущее, то не вижу цельной картины, ничего определенного. Только обрывки, из которых ничего толком не поймешь. Такое впечатление, что кто-то постоянно меняет планы, причем так быстро, что я не успеваю ничего рассмотреть…

– Они никак не могут решить, что делать? – недоверчиво спросил Джаспер.

– Не знаю…

– Нет, нерешительность здесь ни при чем, – прорычал Эдвард. – Они точно знают. Кому-то прекрасно известно, что ты не можешь ничего разглядеть, пока не принято окончательное решение. Кто-то прячется от нас. Использует прорехи в твоих видениях.

– Но кто может это знать? – прошептала Элис.

Взгляд Эдварда заледенел.

– Аро знает тебя не хуже, чем ты сама себя знаешь.

– Но я бы увидела, если бы они решили приехать…

– А может, они не хотят пачкать руки.

– Одолжение, – вставила Розали, впервые подав голос. – Кто-нибудь с Юга… кто уже нарушил правила и кого должны были уничтожить, но дали возможность искупить вину – достаточно всего лишь разобраться с

небольшой проблемой… Тогда понятно, почему Вольтури не спешат вмешиваться.

– Не может быть! – ошеломленно воскликнул Карлайл. – Вольтури вовсе незачем…

– Еще как есть зачем, – тихо возразил Эдвард. – Я удивлен, что это случилось так скоро, ведь другие мысли были сильнее. Аро мысленно уже видел меня и Элис рядом с собой. Знание настоящего и будущего одновременно – это почти всезнание. Аро опьянила эта идея. Мне казалось, он не откажется от своих планов так быстро: уж слишком соблазнительная мечта. А кроме того, он думал о тебе, Карлайл, о твоей семье, которая так быстро растет и становится сильнее. Аро завидует и боится: у тебя есть… нет, не больше того, что имеет он сам, но все же то, чего у него нет. Он старался не думать об этом, однако не мог спрятать все свои мысли. Аро хотел бы искоренить конкурентов: не считая самих Вольтури, мы самая большая семья, с которой они встретились…

Я в ужасе уставилась на Эдварда. Он никогда не говорил мне об этом, и кажется, я знаю почему – легко представить себе мечту Аро: Эдвард и Элис в черных, развевающихся одеждах идут рядом с Аро, а глаза у них холодные и налитые кровью…

Голос Карлайла развеял мой кошмар наяву:

– Вольтури слишком преданы своим целям. Сами они никогда не нарушат правил: это противоречило бы всему, ради чего они так старались.

– А они потом все подчистят. Двойное предательство, – мрачно заявил Эдвард. – И никаких проблем.

Джаспер покачал головой.

– Нет, Карлайл прав. Вольтури не станут нарушать правила. Кроме того, работа очень небрежная: тот, кто это сделал, понятия не имел, что делает. Могу поспорить, что действовал новичок. Мне не верится, что здесь замешаны Вольтури. Но они скоро вмешаются.

Все в отчаянии уставились друг на друга.

– Ну тогда пошли! – оглушительно рявкнул Эмметт. – Чего мы ждем?

Карлайл и Эдвард пристально посмотрели друг на друга. Эдвард кивнул.

– Джаспер, ты должен научить нас, – наконец произнес Карлайл. – Как их уничтожить.

Он говорил решительно, но в его глазах я заметила боль: Карлайл терпеть не мог насилия.

Меня что-то смутно беспокоило, и я никак не могла понять, что именно. Несмотря на оцепенение и смертельный ужас, я чувствовала, что

упускаю из виду нечто важное – нечто такое, что поможет разобраться в происходящем. И тогда все станет ясно.

– Нам понадобится помощь, – сказал Джаспер. – Может, семья Тани согласится?.. Пять взрослых вампиров существенно изменят ситуацию. А Кэйт и Элиейзер будут незаменимы в качестве союзников. С их помощью мы почти без труда справимся с новорожденными.

– Давайте спросим, – ответил Карлайл.

Джаспер протянул ему сотовый телефон.

– Нельзя терять время.

Я никогда не видела рассудительного и спокойного Карлайла таким потрясенным. Он взял телефон и отошел к окну. Набрал номер, прижал телефон к уху и уперся другой рукой в стекло, с расстроенным видом уставившись в утреннюю дымку.

Эдвард взял меня за руку и потянул к белому двухместному диванчику. Я села рядом с Эдвардом, не сводя с него глаз, а он, не отрываясь, смотрел на Карлайла.

Карлайл заговорил быстро и тихо – ничего не разберешь. Я расслышала, как он поздоровался с Таней, а потом с пулеметной скоростью принялся описывать ситуацию, и я почти ничего не поняла, кроме того, что вампиры на Аляске были в курсе событий, происходящих в Сиэтле.

Голос Карлайла вдруг изменился.

– А! – удивленно вскрикнул он. – Мы и понятия не имели, что… Ирина так к этому относится.

Эдвард застонал и закрыл глаза.

– Черт побери! Провалился бы этот Лоран в адское пекло – там ему самое место!

– Лоран? – прошептала я, чувствуя, как кровь отливает от лица.

Эдвард не ответил, поглощенный мыслями Карлайла.

Я никогда не забуду мимолетную встречу с Лораном в начале весны. В памяти все еще живо каждое слово, которое он сказал до того, как появился Джейкоб вместе со стаей.

«Именно она послала меня сюда…»

Виктория. Сначала она использовала Лорана: послала его, чтобы выяснить, хорошо ли меня охраняют. Однако волки помешали ему вернуться назад с докладом.

И хотя Лоран продолжал поддерживать отношения с Викторией после смерти Джеймса, он завязал и новые знакомства: отправился на Аляску к Тане – к той самой платиновой блондинке, семья которой была для Калленов ближайшими друзьями, можно сказать, родственниками. Лоран

прожил у них почти год перед смертью.

Карлайл продолжал говорить: убедительно и настойчиво, но не просительно. Потом решительность перевесила.

– Об этом и речи быть не может, – отрезал Карлайл. – Мы заключили договор. Они его соблюдают, и мы тоже нарушать не станем. Очень жаль услышать от вас такое… Конечно. Мы сами сделаем все, что в наших силах.

Не ожидая ответа, Карлайл отключил телефон и замер, не отрывая взгляда от тумана за окном.

– В чем дело? – тихо поинтересовался Эммет у Эдварда.

– Ирина и Лоран завязали гораздо более тесные отношения, чем мы думали. Она в обиде на волков за то, что они убили Лорана, чтобы спасти Беллу, и хочет… – Эдвард замолчал и посмотрел на меня.

– Продолжай, – как можно спокойнее сказала я.

Он прищурился.

– Ирина хочет отомстить. Уничтожить стаю. Они согласны нам помочь, если мы позволим им это сделать.

– Нет! – ахнула я.

– Не волнуйся, – ответил он бесцветным голосом. – Карлайл никогда на такое не согласится. – Он помедлил. – И я тоже не соглашусь. Лоран сам виноват, – почти прорычал Эдвард. – Мы в долгу у волков.

– Плохо дело, – ответил Джаспер. – Силы слишком равны. На нашей стороне умение, а на их – число. Мы победим, но какой ценой? – Он бросил взгляд на Элис и отвел глаза.

Когда до меня дошло, что имел в виду Джаспер, я едва не закричала.

Мы победим – и проиграем. Кто-то не доживет до победы.

Я огляделась: Джаспер, Элис, Эмметт, Рози, Эсми, Карлайл… и Эдвард. Моя семья.

Глава четырнадцатая
Признание

– Ты шутишь! – сказала я в среду после обеда. – Да это же чистое сумасшествие!

– Называй как хочешь, – ответила Элис. – Но вечеринка все равно состоится.

Я вытаращилась на нее так, что того и гляди глаза выпадут и шмякнутся на поднос с обедом.

– Белла, да ладно тебе! Нет причин отменять праздник. К тому же приглашения уже отправлены.

– Но… ты… я… сумасшедший дом! – заикаясь, выпалила я.

– Ты ведь уже купила мне подарок, – напомнила Элис. – Тебе больше ничего не нужно делать – приходи и развлекайся.

Я попыталась взять себя в руки.

– Какие могут быть вечеринки, когда тут такое творится?

– А что такого творится? Всего лишь выпускной! Когда ж и развлекаться, как не сейчас?

– Элис!

Она вздохнула и постаралась вести себя серьезнее.

– Нам нужно кое-что сделать, и на это понадобится время. А пока мы сидим и ждем, ничто не мешает отметить такое приятное событие. Белла, у тебя не будет второго шанса вести нормальную человеческую жизнь – выпускной бывает только однажды.

Эдвард, не проронивший ни слова во время нашего спора, бросил на Элис предостерегающий взгляд. Она показала брату язык. И правильно сделала: ее тихий голос тонул в шуме разговоров в столовой. Да и все равно никто бы не понял, что Элис имела в виду.

– А что нам сначала нужно сделать? – спросила я, не давая увести разговор в сторону.

– Джаспер считает, что нужна подмога, – негромко ответил Эдвард. – Семья Тани – не единственный вариант. Карлайл пытается найти кое-каких старых друзей, а Джаспер ищет Питера и Шарлотту. Он подумывает обратиться к Марии… но никому не хотелось бы связываться с южанами.

Элис слегка вздрогнула.

– Скорее всего, долго уговаривать никого не понадобиться, –

продолжал Эдвард. – Кому охота, чтобы сюда приехали итальянцы?

– Эти… друзья… они же не… вегетарианцы, верно? – возразила я, употребив шутливое прозвище, которым называли себя Каллены.

– Нет, – ответил Эдвард с заминкой.

– Они приедут сюда? В Форкс?

– Они друзья, – успокоила меня Элис. – Все будет в порядке. Не волнуйся. А кроме того, Джаспер должен провести несколько занятий по уничтожению новорожденных…

От этих слов Эдвард оживился и блеснул мимолетной улыбкой. Мне вдруг показалось, что желудок набит тонкими, острыми льдинками.

– Когда вы поедете? – убитым голосом спросила я.

Мне было невыносимо думать, что кто-то не вернется назад. А если это будет Эмметт? Он такой храбрый и легкомысленный, что никогда не думает об осторожности. Или Эсми? Такая милая и заботливая, как настоящая мать – совершенно невозможно представить ее в драке. Или Элис? Крохотная, внешне совсем беззащитная Элис. Или…

– Через неделю, – небрежно бросил Эдвард. – Недели нам должно хватить.

Льдинки в животе кольнули сильнее. Меня затошнило.

– Что-то ты позеленела, – заметила Элис.

Эдвард обнял меня и прижал к себе.

– Белла, все будет хорошо. Обещаю.

«Ну еще бы, – подумала я. – Обещать легко. Ведь не он будет сидеть как на иголках и ждать, вернется ли домой смысл его жизни».

И тут меня осенило. Может, мне не придется сидеть и ждать. Неделя – это вполне достаточно.

– Вам нужна помощь, – с расстановкой сказала я.

– Нужна. – Элис склонила голову, уловив изменение в моей интонации.

Я посмотрела ей в глаза и едва слышно произнесла:

– Я готова помочь.

Эдвард вдруг весь напрягся. Прижал меня крепче и выдохнул – словно прошипел.

Однако ответила мне Элис – сохраняя полное спокойствие:

– От такой помощи толку никакого.

– Почему? – не отступала я. В моем голосе зазвенели нотки отчаяния. – Восемь лучше, чем семь. И времени вполне достаточно.

– Белла, чтобы натренировать тебя, времени не хватит, – невозмутимо возразила Элис. – Помнишь, что Джаспер говорил про молодых? В драке ты будешь только под ногами мешаться. Не сумеешь управлять своими

инстинктами и станешь легкой добычей. А Эдвард пострадает, потому что бросится тебя защищать. – Она скрестила руки на груди, довольная непробиваемой логикой своих аргументов.

Я поняла, что Элис права. Внезапно блеснувшая надежда погасла, и я разочарованно ссутулилась. Эдвард расслабился.

– Это вовсе не потому, что ты боишься, – прошептал он мне на ухо.

– А! – Элис на мгновение отключилась от происходящего. И недовольно нахмурилась. – Терпеть не могу, когда люди отклоняют приглашение в последний момент. Ну что же, теперь число гостей уменьшается до шестидесяти пяти…

– Шестьдесят пять! – Я удивленно уставилась на Элис.

У меня и друзей-то столько не наберется! Даже не уверена, что вообще знакома с таким количеством народа.

– Кто не придет? – поинтересовался Эдвард, пропустив мое восклицание мимо ушей.

– Рене.

– Почему? – ахнула я.

– Она хотела сделать тебе сюрприз, но что-то стряслось. Дома тебя ждет сообщение на автоответчике.

На секунду я почувствовала облегчение. Что бы там ни стряслось у мамы – это только к лучшему. Если бы она приехала в Форкс сейчас… Даже думать об этом не хочу, а то череп расколется.

Когда я вернулась домой, на автоответчике мигал огонек. Меня снова захлестнуло облегчение: мама рассказала, что Фил сломал на тренировке бедренную кость, и теперь за ним нужно ухаживать и никак нельзя оставлять одного. Мама все продолжала извиняться, когда время вышло и сообщение прервалось.

– Ну что же, хоть один, – вздохнула я.

– Один кто? – спросил Эдвард.

– Хоть один человек, за которого можно не беспокоиться, что его убьют в эти выходные.

Эдвард посмотрел на меня, как на неразумного ребенка.

– Почему бы вам с Элис не отнестись к этому серьезно? Ведь это не шутки! – заявила я.

Он улыбнулся.

– Уверенность в себе.

– Чудненько! – проворчала я.

Сняла трубку и набрала номер Рене. Я знала, что разговор предстоит

долгий, однако лично мне много говорить не придется.

Я слушала и, когда мне удавалось вставить слово, уверяла Рене, что не расстроена, не обижаюсь и не злюсь. И пусть она лучше думает лишь о том, чтобы Фил побыстрее поправился. Я передала ему пожелания наискорейшего выздоровления, пообещала позвонить и рассказать во всех подробностях, как прошел выпускной вечер. В конце концов мне пришлось сослаться на неотложную подготовку к экзаменам, чтобы прекратить разговор.

Эдвард проявил бесконечное терпение. Он вежливо ждал окончания беседы, теребя мои локоны и улыбаясь каждый раз, когда я поднимала на него взгляд. Наверное, с моей стороны это было очень легкомысленно, ведь хватало гораздо более важных вещей, о которых мне следовало подумать, но улыбка Эдварда по-прежнему заставляла меня забыть все на свете. Я смотрела на него, и все остальное напрочь вылетало из головы, я забывала о проблемах Фила, извинениях Рене и враждебных армиях вампиров. Ведь я всего лишь человек!

Повесив трубку, я тут же встала на цыпочки и потянулась к губам Эдварда. Он обхватил меня за талию и посадил на кухонный стол, чтобы мне не приходилось тянуться так высоко. Еще лучше! Я крепко обняла его и изо всех сил прижалась к холодной груди.

Он отстранился – как всегда, слишком быстро.

На моем лице появилась обиженная гримаса. Эдвард засмеялся, выпутываясь из моих рук и ног. Привалился к столу рядом со мной и слегка приобнял меня.

– Ты явно думаешь, что я способен полностью управлять собой всегда и во всем, но на самом деле это не так.

– Если бы! – вздохнула я.

Он тоже вздохнул.

– Завтра после школы, – начал Эдвард, решив сменить тему, – я ухожу на охоту вместе с Карлайлом, Эсми и Розали. Всего на несколько часов: мы поохотимся поблизости. Элис, Джаспер и Эмметт позаботятся о твоей безопасности.

Я недовольно заворчала. Завтра начинались выпускные экзамены, и после обеда мы будем свободны. Мне предстояло сдать математику и историю – единственные два предмета, с которыми могли возникнуть проблемы. Придется целый день провести без Эдварда, к тому же заняться будет нечем – разве что сидеть и нервничать.

– Терпеть не могу, когда со мной нянчатся.

– Это временно, – пообещал он.

– Джаспер будет умирать от скуки. А Эмметт станет надо мной издеваться.

– Они оба будут вести себя образцово-показательно.

– Ну да, конечно, – проворчала я.

И тут мне пришло в голову, что есть еще один вариант, когда няньки не потребуются.

– Знаешь… я ведь не была в Ла-Пуш с той самой вечеринки у костра.

Я внимательно вглядывалась в Эдварда, чтобы не упустить малейшего изменения в выражении лица. Он едва заметно прищурился.

– Там я буду в безопасности, – напомнила я.

Он задумался.

– Пожалуй, ты права.

Лицо Эдварда оставалось спокойным – даже слишком. Я уже собиралась спросить, не лучше ли мне остаться, но подумала о насмешках Эмметта и решила сменить тему:

– Разве тебе уже хочется пить?

Я погладила едва заметные тени под глазами Эдварда. Его зрачки все еще сохраняли золотистый цвет.

– Не очень, – неохотно ответил Эдвард.

Я удивилась и стала ждать объяснений.

– Мы хотим набраться сил, – все так же неохотно сказал он. – По дороге в Сиэтл скорее всего снова поохотимся – на крупную дичь.

– Вы станете сильнее?

Эдвард пристально вглядывался в мое лицо, но на нем не было ничего, кроме любопытства.

– Да, – наконец ответил он. – Больше всего сил дает кровь человеческая, хотя разница не так уж велика. Джаспер подумывает о том, чтобы обойти правила – ему это неприятно, но он человек практический, – однако ничего подобного не предлагает. Знает, что ответит Карлайл.

– А помогло бы? – тихо спросила я.

– Какая разница? Это идет вразрез с нашими убеждениями.

Я нахмурилась. Если что-то может увеличить шансы на победу… и тут я вздрогнула, осознав, что готова согласиться на убийство человека ради того, чтобы защитить Эдварда. Такая мысль привела меня в ужас, однако из головы не выходила.

Эдвард снова перевел разговор на другую тему:

– Именно поэтому они такие сильные. Новорожденные полны человеческой крови – своей собственной. Она постепенно изменяется и дает им силу. Как и говорил Джаспер, их тела потихоньку расходуют

собственную кровь, и примерно через год сила идет на убыль.

– А насколько сильной стану я?

Он ухмыльнулся.

– Сильнее меня.

– И сильнее Эмметта?

Ухмылка стала еще шире.

– Да. Сделай мне одолжение и померяйся с ним силами. Ему это пойдет на пользу.

Я засмеялась: скажет тоже!

Потом вздохнула и спрыгнула со стола на пол: откладывать дальше некуда. Надо идти зубрить, причем изо всех сил. К счастью, мне помогает Эдвард, а учитель из него прекрасный: он знает все на свете. Сложнее будет сосредоточиться во время экзамена – запросто отвлекусь и накатаю по истории сочинение на тему «Войны вампиров в южных штатах».

Я выбрала минутку, чтобы позвонить Джейкобу. Эдвард казался таким же спокойным, как и во время моего разговора с Рене: он снова теребил мои локоны.

Хотя я позвонила среди дня, Джейкоба мой звонок разбудил. Но ворчливые интонации тут же исчезли, когда я спросила, можно ли мне приехать завтра в гости. В школе квилетов уже начались летние каникулы, так что Джейкоб просил меня приехать как можно раньше. Я обрадовалась, что никому не придется со мной нянчиться – провести день с Джейкобом не так унизительно.

Правда, мое чувство собственного достоинства все же пострадало: Эдвард настоял на том, чтобы отвезти меня до границы – словно ребенка, которого передают из рук в руки разведенные родители.

– Как экзамены? – спросил Эдвард по дороге в Ла-Пуш.

– С историей проблем не было, а вот насчет математики не знаю. Скорее всего, экзамен я завалила.

Эдвард засмеялся.

– Наверняка ты все сдала. Но если хочешь, я подкуплю мистера Варнера, чтобы он поставил тебе пятерку.

– Э… спасибо, конечно, но лучше не надо.

Он опять засмеялся – и внезапно замолчал. Мы проехали последний поворот и увидели красный автомобиль Джейкоба. Эдвард сосредоточенно нахмурился. Остановил машину и вздохнул.

– Что случилось? – спросила я, открывая дверцу.

Эдвард покачал головой.

– Ничего.

Прищуренными глазами он смотрел сквозь ветровое стекло на машину Джейкоба – этот взгляд мне был уже знаком.

– Ты что, прислушиваешься к Джейкобу? – укорила я.

– Трудно не слушать того, кто орет во все горло.

– А что он кричит? – прошептала я.

– Я уверен, что он сам тебе скажет, – сухо ответил Эдвард.

Я бы выжала из него ответ, но Джейкоб два раза нажал на гудок.

– Весьма невежливо с его стороны, – прорычал Эдвард.

– Такой уж он есть, – вздохнула я и выскочила из машины, пока Джейкоб не натворил чего-нибудь еще.

Я помахала Эдварду, прежде чем сесть в машину Джейка. Издали мне показалось, что Эдвард сильно расстроился из-за этих гудков… или из-за того, о чем думал Джейкоб. Однако зрение у меня слабовато, и я часто вижу не то, что есть.

Мне хотелось, чтобы Эдвард подошел ко мне. Чтобы они оба вышли из своих машин и пожали друг другу руки как друзья – чтобы они были Эдвардом и Джейкобом, а не вампиром и оборотнем. Точно я снова зажала в руках упрямые магниты, пытаясь удержать их вместе и отменить законы природы…

Я вздохнула и села в машину Джейкоба.

– Привет! – весело сказал Джейкоб, хотя голос прозвучал устало.

По дороге в Ла-Пуш Джейк вел машину немного быстрее, чем вожу я, но медленнее, чем Эдвард. Я пристально вглядывалась в Джейка.

Он изменился: заболел, что ли? Веки тяжело падали на глаза, лицо осунулось. Растрепанные волосы торчали во все стороны.

– Джейк, с тобой все в порядке?

– Просто устал, – ответил он сквозь зевок. Справившись с приступом зевоты, Джейкоб спросил: – Чем хочешь заняться сегодня?

На секунду я молча уставилась на него.

– Давай пока просто посидим у тебя. – Похоже, на большее Джейка все равно не хватит. – На мотоциклах можно потом покататься.

– Ладно, – согласился он и снова зевнул.

Дома никого не было, странно: я привыкла, что Билли всегда дома, словно сам стал его частью.

– А где твой отец?

– Пошел к Клируотерам. С тех пор как умер Гарри, он часто там бывает: Сью чувствует себя одиноко.

Джейкоб уселся на старом маленьком диванчике и прижался к краю,

освобождая место для меня.

– А, очень мило с его стороны. Бедная Сью.

– М-да… у нее проблемы… с детьми, – неохотно признался Джейкоб.

– Конечно, Сет и Ли наверняка расстроены смертью отца…

– Угу, – рассеянно согласился он.

Взял пульт и принялся бездумно переключать каналы. Потом зевнул.

– Джейк, да что с тобой? Ты как зомби!

– Вчера я спал всего два часа, а позавчера – четыре, – ответил он. Медленно потянулся так, что хрустнули суставы. Джейк положил левую руку на спинку дивана и откинул голову к стене. – Прямо с ног валюсь от усталости.

– А почему ты так мало спишь? – спросила я.

Он скривился.

– Никак не договорюсь с Сэмом. Он не доверяет твоим кровососам. Я две недели несу двойные вахты, и меня до сих пор никто пальцем не тронул, но Сэм никак не хочет в это поверить. Так что пока заменить меня некому.

– Двойные вахты? Потому что ты меня охраняешь? Джейк, какие глупости! Тебе нужно спать. Ничего со мной не случится.

– Не переживай, все нормально. – Его взгляд внезапно прояснился. – А вы еще не выяснили, кто побывал в твоей комнате? Есть какие-нибудь новости?

Второй вопрос я оставила без внимания.

– Нет, мы пока ничего не узнали об этом… посетителе.

– Тогда я буду тебя охранять, – сказал Джейк, и его глаза закрылись.

– Джейк… – запричитала я.

– Эй, я же обещал навсегда стать твоим рабом, помнишь? Я у тебя в пожизненном рабстве.

– Мне не нужен раб!

Джейкоб так и не открыл глаз.

– А кто тебе нужен?

– Мне нужен мой друг Джейкоб – причем не в таком полумертвом виде, до которого он довел себя дурацкой попыткой…

– Послушай, давай взглянем на ситуацию с другой точки зрения. Я надеюсь, что мне удастся выследить вампира, которого разрешается убить.

Я промолчала. Джейкоб взглянул на меня:

– Белла, я пошутил.

Я не сводила глаз с экрана телевизора.

– Кстати, какие у тебя планы на следующую неделю? Ты ведь

заканчиваешь школу! Весьма знаменательное событие в жизни.

Голос Джейка прозвучал безжизненно, а лицо, на котором и так уже одни глаза остались, совсем осунулось. Сейчас дело было не в усталости: для Джейкоба мой выпускной все еще означал нечто ужасное, хотя теперь мне придется пока отказаться от своих планов.

– Ничего особенного я не планирую, – осторожно ответила я, надеясь, что Джейкоб поймет намек и не надо будет вдаваться в подробности.

Во-первых, на данный момент он явно не в состоянии вести серьезные разговоры. А во-вторых, наверняка он неверно истолкует мои сомнения.

– Вообще-то, будет вечеринка. Для меня. – Я недовольно фыркнула. – Элис обожает вечеринки и пригласила весь город. Это будет настоящий кошмар!

Джейкоб открыл глаза, и его лицо оживила улыбка.

– А меня не пригласили. Я обижусь! – поддразнил он.

– Можешь считать, что приглашен. Вечеринка моя, могу приглашать, кого мне вздумается.

– Спасибо, – съязвил он, и его глаза снова закрылись.

– Мне бы очень хотелось, чтобы ты пришел, – сказала я без тени надежды. – С тобой было бы гораздо веселее. Для меня.

– Ну да, конечно, – пробормотал он. – Это было бы… очень здраво… – Он затих.

А через несколько секунд захрапел.

Бедный Джейкоб! Я вгляделась в его сонное лицо, и оно мне понравилось: во сне исчезли все следы горечи и настороженности, и внезапно Джейк стал тем самым мальчишкой, с которым я дружила до того, как началась вся эта ерунда с оборотнями. Он выглядел гораздо моложе – как тот самый Джейкоб, которого я знала.

Я устроилась поудобнее на диване, решив подождать, пока Джейкоб выспится. Пощелкала по каналам, но смотреть было нечего. В конце концов остановилась на передаче по кулинарии, точно зная, что лично я никогда не стану так возиться с ужином для Чарли.

Джейкоб храпел все громче. Я прибавила звук.

Меня охватило странное спокойствие, даже сонливость. Этот дом казался мне безопаснее моего собственного, наверное, потому, что здесь никто никогда за мной не охотился. Я свернулась на диване и подумывала вздремнуть. Может, я бы и заснула, но храп Джейкоба мне мешал. Тогда я просто позволила мыслям бродить, где вздумается.

Экзамены закончились, и большинство из них были проще простого – за исключением математики. Но математика уже сдана – или завалена,

однако, так или иначе, школу я закончила. И сама не могла понять, какие чувства у меня это вызывает: в данном случае я не могла смотреть на вещи объективно, потому что окончание школы связано с окончанием моей человеческой жизни.

Интересно, как долго Эдвард собирается использовать отговорку «это не потому, что ты боишься». Раньше или позже мне придется настоять на своем.

Рассуждая логически, разумнее всего попросить Карлайла изменить меня, как только я получу аттестат. В Форксе становится так же опасно, как в зоне военных действий. Форкс уже стал зоной военных действий! Не говоря уже о… ух, какой отличный предлог не появляться на вечеринке! Я улыбнулась, подумав, что для превращения в вампира не придумать причины глупее. Глупо, да… но соблазнительно.

Однако Эдвард прав: я пока не готова.

И мне не хочется вести себя разумно. Я хочу, чтобы это сделал Эдвард. Ничем не обоснованное желание, да. Можно не сомневаться, что через пару секунд после укуса, когда яд начнет жечь мои вены, мне будет совершенно безразлично, кто именно меня укусил. Так что какая разница?

И все же, это казалось мне очень важным, хотя я никак не могла сформулировать причину. Пусть именно Эдвард сделает этот выбор: настолько сильно захочет быть со мной, что не просто позволит мне изменится, а сам пойдет на это. Мне хотелось, чтобы прикосновение его губ стало бы последним, что я запомню – детский сад, да, но все же… И еще одна, совсем глупая причина, в которой я никогда не призналась бы вслух – пусть именно его яд отравит мое тело. Тогда я буду принадлежать Эдварду вполне физически ощутимым способом.

Но я знала, что Эдвард будет упорно держаться за свое условие: сначала свадьба. Ведь он же явно хочет отложить мое превращение, и пока его уловка срабатывает.

Я попыталась представить, как скажу родителям, что решила этим летом выйти замуж. Как скажу об этом Анжеле, Бену и Майку. Да у меня язык не повернется! Я слов не смогу найти! Уж проще признаться, что я превращусь в вампира. И, по крайней мере, моя мама – если посвятить ее во все подробности – скорее согласится на мое превращение в вампира, чем на замужество. Я поморщилась, представив себе ужас на лице Рене.

И вдруг, всего на мгновение, мне снова привиделось, как мы с Эдвардом, одетые по моде другого века, сидим на террасе. В том мире никто бы не удивился, увидев у меня на пальце обручальное кольцо. В том мире жизнь была гораздо проще – и любовь тоже. Один плюс один

равнялось двум…

Джейкоб всхрапнул и завалился на бок. Его рука упала со спинки дивана, и я оказалась прижатой к телу Джейка.

Ох, ничего себе, какой же он тяжелый! И горячий. Уже через несколько секунд я обливалась потом.

Я попыталась осторожно выскользнуть из-под его руки, но мне пришлось слегка оттолкнуть его: когда рука упала с меня, Джейк мгновенно открыл глаза. Вскочил на ноги и встревоженно огляделся.

– Что? Что случилось? – в недоумении спросил он.

– Джейк, это я. Извини, что разбудила.

Он повернулся ко мне и растерянно моргнул.

– Белла? Ты?

– Доброе утро, засоня.

– Ох, черт! Я уснул? Извини. И долго я спал?

– За это время по телеку уже целый банкет приготовили.

Джейк плюхнулся обратно на диван.

– Ой, извини, пожалуйста.

Я потрепала его по голове, пытаясь пригладить лохматую шевелюру.

– Да ладно. Хорошо, что ты немного выспался.

Он зевнул и потянулся.

– В последнее время толку от меня никакого. Неудивительно, что Билли перестал бывать дома: со мной со скуки помрешь.

– Все в порядке, – успокоила я.

– Нет, давай пойдем на улицу. Мне надо прогуляться, а то опять вырублюсь.

– Джейк, поспал бы ты еще немного. Ничего со мной не сделается. Позвоню Эдварду, и он меня заберет. – Я похлопала по карманам – пусто. – Черт, придется с твоего телефона позвонить. Похоже, я забыла мобильник в машине. – Я начала подниматься с дивана.

– Нет! – Джейкоб схватил меня за руку. – Нет, останься. Ты и так почти ко мне не заходишь. А я, дурак, столько времени зря потерял!

Джейкоб стащил меня с дивана и вывел на улицу. В дверях ему пришлось наклонить голову, чтобы не удариться о косяк. Пока Джейкоб спал, заметно, не по сезону, похолодало – наверное, гроза собирается. Такие холода бывают в феврале, а не в мае!

По-зимнему холодный воздух привел Джейка в чувство. Пару минут он ходил туда-сюда перед домом, волоча меня за собой.

– Какой же я идиот! – пробормотал Джейкоб себе под нос.

– Джейк, что случилось? Ну подумаешь, уснул – с кем не бывает! –

пожала я плечами.

– Я хотел поговорить с тобой. Поговорил, называется!

– Еще не поздно.

Джейкоб на секунду задержал на мне взгляд и быстро отвернулся. Уж не покраснел ли? На его темной коже румянец заметить трудно.

Я вдруг вспомнила слова Эдварда: Джейкоб скажет мне то, что мысленно кричал Эдварду. Я прикусила губу.

– Знаешь, – сказал Джейкоб, – я собирался сделать это немного по-другому. – Он засмеялся, причем, похоже, над собой. И добавил: – Более гладко. Собирался постепенно подвести к этому, но… – Он посмотрел на облака, которые становились все темнее. – Времени не осталось.

Джейкоб снова неловко засмеялся. Мы продолжали медленно шагать возле дома.

– О чем ты? – спросила я.

Джейкоб глубоко вдохнул.

– Я хочу сказать тебе кое-что. И ты уже это знаешь… но мне кажется, я все равно должен произнести это вслух. Чтобы уже не было никаких недоразумений.

Я остановилась, и Джейкоб тоже замер. Я отстранилась от него и скрестила руки на груди. Внезапно мне стало абсолютно ясно, что я совсем не хочу знать, к чему он ведет.

Джейкоб свел брови, прикрывая глубоко посаженные, черные, как ночь, глаза, и впился в меня взглядом.

– Белла, я люблю тебя, – уверенно и отчетливо произнес Джейк. – Я тебя люблю. И хочу, чтобы ты выбрала меня, а не его. Я знаю, что ты относишься к этому по-другому, но хочу, чтобы ты знала правду и понимала, что у тебя есть выбор. Мне бы не хотелось недоразумений в таком вопросе.

Глава пятнадцатая
Пари

Я растерянно смотрела на него, не зная, что ответить.

Джейкоб вдруг усмехнулся.

– Вот и все, – сказал он.

– Джейк… – В горле словно комок застрял – огромного размера. Я попыталась прокашляться. – Я не могу… то есть я не… в общем, мне пора.

Я повернулась, но он схватил меня за плечи и развернул к себе.

– Нет, подожди. Белла, это я и сам знаю. Но скажи мне вот что. Всего один вопрос, ладно? Ты хочешь, чтобы я ушел и мы больше никогда не встречались? Только честно.

Мне с трудом удалось сосредоточиться на его вопросе, и я ответила не сразу.

– Нет, не хочу.

– Вот видишь! – снова усмехнулся Джейкоб.

– Но я хочу видеть тебя вовсе не по той же самой причине, по какой ты хочешь со мной встречаться! – возразила я.

– Тогда скажи мне, зачем ты хочешь меня видеть.

Я обдумала ответ.

– Потому что без тебя я скучаю. – Я тщательно подбирала слова: – Когда ты в хорошем настроении, то и мне тоже хорошо. Но, Джейкоб, то же самое я могу сказать и о Чарли. Ты для меня как брат. Я люблю тебя, но не как своего парня.

Джейкоб невозмутимо кивнул.

– И все-таки ты хочешь, чтобы я был рядом.

– Да, – вздохнула я.

Джейка ничем не прошибешь!

– Тогда я буду рядом.

– Ты что, мазохист? – проворчала я.

– А то! – Он провел кончиками пальцев по моей щеке.

Я шлепнула его по руке и убрала ее в сторону.

– Может, постараешься хотя бы вести себя прилично? – раздраженно спросила я.

– Не-а. Белла, тебе решать: или ты принимаешь меня как есть – вместе с моим неприличным поведением – или…

– Какой ты вредный! – Я раздраженно сверлила его взглядом.

– Сама такая.

От этого замечания я отрезвела и невольно отступила на шаг. Джейкоб прав: если бы я не была такой вредной – и жадной, – то сказала бы, что не хочу дружить с ним, и ушла. Неправильно пытаться сохранить дружбу, зная, что другу это во вред. Черт побери, что я тут вообще делаю? Ничего хорошего!

– Ты прав, – прошептала я.

Он засмеялся.

– Я тебя прощаю. Просто постарайся не очень злиться на меня. Потому что совсем недавно я решил, что не сдамся без боя. Не могу не ввязаться в безнадежную схватку.

– Джейкоб. – Я пристально смотрела в его черные глаза, стараясь донести серьезность своих слов. – Я люблю его, Джейкоб. Без него мне не жить.

– Меня ты тоже любишь, – напомнил он. Я начала спорить, но Джейк поднял руку. – Я знаю, не в этом смысле. Но ведь и на нем свет клином не сошелся. По крайней мере, сейчас. Может, когда-то ты не могла без него жить, однако он ушел. А теперь ему придется иметь дело с последствиями этого решения – ему придется иметь дело со мной.

Я потрясла головой.

– Ну что ты за человек!

Джейкоб внезапно посерьезнел. Взял меня за подбородок и сжал так крепко, что я не могла отвернуться от его горящего взгляда.

– Белла, пока бьется твое сердце, я буду бороться, – сказал Джейкоб. – Помни, что у тебя есть выбор.

– Нет у меня выбора! – Я безуспешно попыталась вырваться. – И мое сердце скоро перестанет биться. Время почти пришло.

Он прищурился.

– Тем более нужно бороться, – бороться сейчас, пока еще есть такая возможность, – прошептал он.

Джейкоб все держал меня за подбородок – слишком жестко, почти до боли сжимая его. И вдруг в его глазах вспыхнула решимость.

– Н… – начала было я, но опоздала.

Его губы впились в меня, заглушая мои протесты. Он целовал меня грубо, со злостью, зажав мою шею рукой и не давая мне вырваться. Я изо всех сил толкала его в грудь, но он этого даже не замечал. Несмотря на злость, губы Джейка мягко прижимались к моим – мне было так непривычно ощущать их тепло.

Я вцепилась ему в лицо, пытаясь оттолкнуть, и снова потерпела поражение. На этот раз Джейкоб заметил мое сопротивление – и пошел еще дальше: заставил мои губы раскрыться, и я почувствовала его жаркое дыхание.

Повинуясь инстинкту, я опустила руки и перестала сопротивляться. Открыла глаза и стояла, не шевелясь и ничего не чувствуя… просто ждала, когда он перестанет.

Сработало. Его злость испарилась, и он отстранился, заглядывая мне в лицо. Мягко прижался к моим губам раз… еще раз… и еще раз. Я притворилась статуей и замерла в ожидании.

Наконец Джейкоб отпустил меня и отодвинулся.

– Закончил? – спросила я ничего не выражающим голосом.

– Да, – вздохнул он.

Закрыл глаза, и его губы растянулись в улыбке.

Я прижала руку к себе и с размаху выбросила ее вперед, изо всех сил ударив Джейка в челюсть.

Послышался треск.

– Ой! Ой-ей-ей! – завопила я и запрыгала на месте, прижимая руку к груди.

Наверняка перелом.

Джейкоб изумленно вытаращился на меня.

– Ты чего?

– Чтоб тебя! Ты мне руку сломал!

– Белла, ты сама себе руку сломала. А теперь перестань плясать и дай мне посмотреть, в чем дело.

– Не трогай меня! Я еду домой сию секунду!

– Сейчас выведу машину, – спокойно сказал Джейкоб.

Он даже не почесал челюсть, как это делают в кино. Врезала, называется!

– Нет уж, спасибочки, – прошипела я. – Лучше я пешком пойду.

Я повернулась в сторону дороги – до границы всего несколько миль. Как только я отойду от Джейкоба, Элис меня тут же увидит. И пошлет кого-нибудь за мной.

– Давай я отвезу тебя, – настаивал Джейкоб.

Невероятно, но у него хватило наглости обнять меня за талию!

Я отшатнулась.

– Прекрасно! – прорычала я. – Отвези! Вот тогда я полюбуюсь, что Эдвард с тобой сделает! Надеюсь, он сломает тебе шею – ты, наглая, противная дворняжка!

Джейкоб усмехнулся. Подвел меня к дверце пассажира и помог влезть в машину. Садясь за руль, он уже насвистывал.

– Тебе что, совсем не больно? – спросила я, злая, как черт.

– Больно? Да если бы ты не начала вопить во всю глотку, я бы так и не понял, что ты пыталась меня ударить. Я, конечно, не каменный, но и об меня можно зубы обломать.

– Джейкоб Блэк, я тебя ненавижу!

– Прекрасно. Ненависть – очень страстное чувство.

– Я тебе покажу страстные чувства, – пробормотала я себе под нос. – Страсть до убийства доводит.

– Да ладно тебе, – безмятежно отозвался он, кажется, снова собираясь засвистеть. – Наверняка это было приятнее, чем целоваться с камнем.

– Никакого сравнения! – холодно заявила я.

Он надулся.

– Это все слова.

– Это правда!

На секунду он вроде бы обиделся, но потом ожил.

– Ты просто злишься. Вообще-то в таких делах опыта у меня никакого, но лично мне показалось, что было очень даже здорово.

Я застонала.

– Ты еще вспомнишь об этом сегодня – когда он решит, что ты уснула.

– Если я вспомню тебя сегодня, так разве что в кошмарном сне!

Джейкоб сбросил скорость так, что машина ползла со скоростью улитки, и с серьезным видом уставился на меня широко раскрытыми черными глазами.

– Белла, ты только подумай, как это могло бы быть, – горячо уговаривал он тихим голосом. – Для меня тебе не придется изменяться. Ты же знаешь, Чарли будет очень рад, если ты выберешь меня. Я могу защитить тебя не хуже, а то и лучше, чем твой вампир. И я могу сделать тебя счастливой. Могу дать тебе столько всего, чего не может дать он. Могу поспорить, он даже поцеловать тебя не может так, как я тебя поцеловал – побоится причинить тебе боль. Белла, я никогда в жизни не сделаю тебе больно.

Я показала ему сломанную руку.

Джейкоб вздохнул.

– Тут уж я не виноват. Надо было головой думать.

– Джейкоб, без него мне нет счастья.

– А ты пробовала? – возразил Джейк. – Когда он уехал, ты изо всех сил цеплялась за него. Ты могла бы быть счастлива, если бы захотела. Могла бы

быть счастлива со мной.

– Ни с кем, кроме него, мне счастья не будет, – настаивала я.

– Ты никогда не сможешь положиться на него так, как можешь положиться на меня. Он ушел от тебя один раз – уйдет и в другой.

– Не уйдет! – сквозь зубы сказала я. Воспоминания словно хлыстом ударили. И очень захотелось ударить Джейка. – Ты от меня один раз ушел, – холодно напомнила я ему, подумав о долгих неделях, когда он прятался от меня, и о словах, которые сказал мне в лесу возле дома…

– Нет! – горячо возразил Джейкоб. – Они велели мне ничего не говорить тебе, потому что для тебя было небезопасно находиться рядом со мной. Но я никогда, никогда не уходил от тебя! По ночам я бегал вокруг твоего дома – как и сейчас это делаю. Просто чтобы убедиться, что с тобой все в порядке.

Не хватало еще мне почувствовать себя виноватой!

– Отвези меня домой. Рука болит.

Джейкоб вздохнул и, прибавив скорость, стал смотреть на дорогу.

– Белла, подумай об этом.

– Нет! – упрямо ответила я.

– Ты подумаешь. Вечером. А я буду думать о тебе, пока ты думаешь обо мне.

– Ты мне только в кошмарах привидишься!

Он ухмыльнулся.

– А ты поцеловала меня в ответ.

Я ахнула, непроизвольно сжала руки в кулаки – и зашипела от боли.

– Что с тобой? – спросил он.

– Я тебя не целовала!

– А то я не знаю, о чем говорю!

– Не знаешь! Я не целовала тебя, а изо всех сил пыталась отпихнуть, идиот ты этакий!

Джейкоб хрипло рассмеялся.

– Трогательное заявление. Я бы сказал, ты чересчур стараешься оправдаться.

Я втянула в себя воздух. Спорить с Джейкобом бесполезно: что ему ни скажи, он все вывернет наизнанку. Я сосредоточилась на руке, пытаясь выпрямить пальцы и определить место перелома. Костяшки резануло болью. Я застонала.

– Мне, честное слово, жаль, что ты повредила руку, – почти искренне сказал Джейкоб. – В следующий раз, когда захочешь меня стукнуть, возьми лом или бейсбольную биту.

– Еще как возьму! – пробормотала я.

Я не замечала, куда мы едем, пока машина не оказалась возле моего дома.

– Зачем ты привез меня сюда?

Джейкоб растерянно посмотрел на меня.

– Ты же сказала, что хочешь поехать домой?

– Тьфу! Ты ведь не можешь отвезти меня к Эдварду? – Я заскрипела зубами от злости.

Лицо Джейкоба исказилось от боли: похоже, это замечание задело его сильнее, чем все остальное.

– Белла, это твой дом, – тихо сказал он.

– Да, а врачи здесь живут? – спросила я, поднимая покалеченную руку.

– Ох! – Джейкоб на минуту задумался. – Я отвезу тебя в больницу. Или Чарли отвезет.

– Не хочу я в больницу! Незачем мне туда ехать и сгорать со стыда.

Джейкоб остановил машину возле дома, но двигатель не глушил. Раздумывал о чем-то со странным выражением на лице. Полицейская машина Чарли стояла на подъездной дорожке.

Я вздохнула.

– Джейкоб, поезжай домой.

Неуклюже вылезла из машины и пошла к дому. За моей спиной двигатель замолчал – с раздражением, но без удивления, я увидела, что Джейкоб идет рядом.

– Что ты собираешься делать? – спросил он.

– Положить на руку лед, а потом позвонить Эдварду, чтобы он приехал и отвез к Карлайлу, который займется моим переломом. А потом, если ты все еще будешь здесь, я пойду за ломом.

Джейкоб промолчал. Открыл дверь и придержал ее для меня.

Мы молча прошли мимо гостиной, где лежал на диване Чарли.

– Привет, ребята! – сказал он и сел. – Джейк, рад тебя видеть!

– Привет, Чарли, – спокойно ответил Джейкоб и остановился.

Я молча прошла на кухню.

– Что с ней стряслось? – удивился Чарли.

– Кажется, руку сломала, – ответил Джейкоб.

Я подошла к холодильнику и вытащила из морозилки лоток для льда.

– Как это она умудрилась?

Я подумала, что Чарли, как отцу, следовало бы задать подобный вопрос более заботливым тоном.

Джейкоб засмеялся.

– Она меня ударила.

Чарли засмеялся в ответ, а я со злостью стукнула лоток об край раковины. Кубики вылетели, я схватила пригоршню льда здоровой рукой и замотала кухонным полотенцем.

– За что это она тебя?

– За то, что поцеловал, – без всякого смущения ответил Джейкоб.

– Молодец, парень! – поздравил его Чарли.

Я заскрипела зубами и подошла к телефону. Набрала номер мобильника Эдварда.

– Белла? – мгновенно ответил он – не просто с облегчением, но и с радостью. В трубке слышалось урчание мотора «вольво» – прекрасно, Эдвард уже в машине. – Ты забыла телефон… Извини, Джейкоб отвез тебя домой?

– Да, – проворчала я. – Ты можешь приехать и забрать меня?

– Уже еду, – мгновенно ответил он. – Что случилось?

– Я хочу, чтобы Карлайл посмотрел мою руку. Кажется, у меня перелом.

В гостиной стало тихо. Интересно, когда Джейкоб бросится наутек? Я мрачно ухмыльнулась, представляя себе, как ему неприятно.

– Что случилось? – напряженно спросил Эдвард.

– Я врезала Джейкобу, – призналась я.

– Прекрасно, – невесело ответил Эдвард. – Очень жаль, что ты повредила руку.

Я засмеялась, потому что в голосе Эдварда прозвучало такое же удовлетворение, с каким говорил Чарли.

– Лучше бы я его повредила! – разочарованно вздохнула я. – Ему это было как слону дробинка.

– Это я могу исправить, – предложил Эдвард.

– Я очень надеялась на твою помощь.

Эдвард помедлил.

– Странно, на тебя это не похоже, – насторожился он. – Что он сделал?

– Поцеловал меня, – зарычала я.

В трубке послышался рев заработавшего в полную силу мотора.

Тишину в гостиной нарушил голос Чарли.

– Джейк, может, тебе пора бы уйти, – предложил Чарли.

– Если не возражаете, я бы остался.

– Самоубийца, – пробормотал Чарли.

– Эта собака все еще там? – наконец спросил Эдвард.

– Да.

– Я за углом, – мрачно сказал он и отключился.

Улыбаясь, я повесила трубку и услышала шум подъезжающей машины. Эдвард резко нажал на тормоз, шины взвизгнули. Я пошла открыть ему дверь.

– Как рука? – спросил Чарли.

Вид у него был смущенный. Джейкоб, как ни в чем не бывало, развалился на диване.

Я приподняла ледяной компресс, чтобы показать Чарли руку.

– Распухла.

– Может, не стоило задираться к тем, кто гораздо больше тебя, – сказал Чарли.

– Может быть, – согласилась я и пошла к дверям.

Эдвард уже ждал на крыльце.

– Покажи-ка, – пробормотал он и бережно осмотрел мою руку.

Его ледяные пальцы приятно холодили кожу.

– Похоже, и правда перелом, – сказал Эдвард. – Я тобой горжусь. Здорово ты ему врезала.

– Изо всех сил. – Я вздохнула. – Но силенок явно не хватило.

Эдвард нежно поцеловал мне руку.

– У меня хватит, – пообещал он. И позвал по-прежнему ровным и негромким голосом: – Джейкоб!

– Ну-ну, потише! – отозвался Чарли.

Было слышно, как он тяжело поднялся с дивана.

Джейкоб оказался в коридоре первым, двигаясь почти бесшумно, но и Чарли не отстал. На лице Джейкоба была написана нетерпеливая готовность.

– Никаких драк, ясно? – Чарли смотрел только на Эдварда. – Могу сходить за значком шерифа, если это придаст моей просьбе большую официальность.

– В этом нет необходимости, – сдержанно ответил Эдвард.

– Па, почему бы тебе не арестовать меня? – предложила я. – Ведь я же ему врезала.

Чарли приподнял бровь.

– Джейк, ты хочешь предъявить обвинение?

– Нет. – Джейк ухмыльнулся, ничуть не раскаиваясь. – Я бы и еще раз не прочь.

Эдвард поморщился.

– Па, у тебя нигде не завалялась бейсбольная бита?

Чарли невозмутимо посмотрел на меня:

– Белла, хватит.

– Давай-ка мы покажем твою руку Карлайлу, пока тебя не упекли за решетку, – сказал Эдвард.

Обнял меня и потянул к двери.

– Ладно, – ответила я, прижимаясь к нему.

Теперь, когда Эдвард был рядом, я больше не злилась, и даже рука почти перестала болеть.

Мы шли к машине, когда позади послышался озабоченный шепот Чарли:

– Ты куда? С ума сошел!

– Чарли, я на минутку, – ответил Джейкоб. – Не волнуйтесь, я ненадолго.

Я оглянулась: Джейкоб шел следом; остановился и закрыл дверь прямо перед носом удивленного и настороженного Чарли.

Эдвард сначала не обратил на Джейкоба никакого внимания. Подвел меня к машине, помог сесть, закрыл дверцу – и только потом повернулся к стоящему на дорожке Джейкобу.

Я напряженно застыла, высунувшись из окна. Чарли выглядывал сквозь щелку между шторами. Джейкоб спокойно стоял, скрестив руки на груди, но челюсти у него были стиснуты.

Ласковый и миролюбивый тон Эдварда каким-то странным образом придал его словам еще более грозный оттенок:

– Сейчас я убивать тебя не стану, потому что это расстроит Беллу.

Я протестующе хмыкнула.

Эдвард, по-прежнему совершенно спокойный, слегка повернулся ко мне.

– Утром ты бы об этом пожалела, – с легкой улыбкой сказал он, погладив меня по щеке. И снова обернулся к Джейкобу: – Но если еще раз привезешь ее обратно в таком виде – и мне наплевать, кто в этом будет виноват: сама ли она поскользнется или метеор упадет с неба и стукнет ее прямо в лоб, – но если ты не вернешь мне Беллу в целости и сохранности, то сам будешь бегать на трех ногах. Понял, ты, шавка несчастная?

Джейкоб ухмыльнулся.

– Кто сказал, что я снова к нему поеду? – пробормотала я.

Эдвард продолжал, пропустив мое замечание мимо ушей.

– И если ты еще раз ее поцелуешь, то я сам тебе все зубы повыбиваю, – пообещал он бархатным голосом, в котором звучала смертельная угроза.

– А вдруг она сама захочет меня поцеловать? – высокомерно процедил

Джейкоб.

Я фыркнула.

– Если Белла сама захочет, тогда у меня возражений не будет. – Эдвард безмятежно пожал плечами. – Тебе стоит подождать, пока она это скажет, не действуй наугад – но вообще-то дело твое и зубы твои.

Джейкоб ухмыльнулся.

– Даже и не думай, – проворчала я.

– Он еще как подумал, – пробормотал Эдвард.

– Ну, если ты уже переворошил мои мозги, то не пора ли отвезти Беллу к врачу? – раздраженно сказал Джейкоб.

– И еще одно напоследок, – медленно проговорил Эдвард. – Я тоже буду за нее драться. Не забывай об этом. Я ничего не принимаю как данное и буду драться в два раза яростнее, чем ты.

– Прекрасно, – прорычал Джейкоб. – Какое удовольствие положить на лопатки того, кто поддается?

– Она моя. – Тихий голос Эдварда внезапно стал мрачным и не таким сдержанным. – И я не сказал, что буду драться честно.

– А я тоже этого не обещал.

– Удачи!

Джейкоб кивнул:

– Пусть победит достойнейший.

– Вот именно… щенок.

Джейкоб поморщился, но тут же взял себя в руки и улыбнулся мне. Я бросила на него убийственный взгляд.

– Надеюсь, тебе станет лучше. Мне очень жаль, что ты сломала руку.

Я отвернулась от него, как обиженный ребенок, и не поднимала глаз, пока Эдвард не обошел машину и не сел на место водителя, так что не знаю, пошел ли Джейкоб обратно в дом или стоял и смотрел на меня.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Эдвард, когда мы отъехали от дома.

– Злая как черт.

Он фыркнул от смеха.

– Вообще-то я про руку спросил.

Я пожала плечами.

– Бывало и хуже.

– Это точно, – пробормотал он и нахмурился.

Эдвард объехал вокруг дома, чтобы поставить машину в гараж. В гараже были Эмметт и Розали – ее безупречные ноги, узнаваемые даже в джинсах, торчали из-под огромного «джипа» Эмметта. Сам Эмметт сидел

рядом, засунув одну руку под днище «джипа» – я не сразу поняла, что он заменяет домкрат.

Эмметт с любопытством наблюдал, как Эдвард помогает мне выбраться из машины. Его взгляд остановился на моей прижатой к груди руке.

– Белла, ты никак споткнулась? – ухмыльнулся Эмметт.

Я свирепо глянула на него.

– Нет. Дала по морде оборотню.

Эмметт моргнул и расхохотался во все горло.

Когда мы с Эдвардом проходили мимо, из-под «джипа» раздался довольный голос Розали:

– Джаспер явно выиграет пари.

Эмметт мгновенно затих и внимательно посмотрел на меня.

– Какое такое пари? – спросила я, замедляя шаг.

– Пойдем-ка к Карлайлу, – сказал Эдвард и, посмотрев на Эмметта, едва заметно качнул головой.

– Какое еще пари? – не отставала я.

– Розали, огромное тебе спасибо, – пробормотал Эдвард, крепче обнимая меня за талию и подталкивая к дому.

– Эдвард… – заворчала я.

– Детские глупости, – пожал он плечами. – Эмметт и Джаспер любят азартные игры.

– Эмметт мне все расскажет. – Я попыталась повернуться, но Эдвард держал меня железной хваткой.

– Они поспорили на то, сколько раз ты… не сможешь удержаться в течение первого года, – вздохнул он.

Я скривилась, поняв, что он имел в виду, и пытаясь скрыть подступивший ужас.

– Они поспорили на то, сколько людей я убью?

– Да, – неохотно признался он. – Розали думает, что твоя несдержанность увеличивает шансы на победу Джаспера.

– Значит, Джаспер думает, что много.

– Джаспер будет чувствовать себя гораздо лучше, если тебе придется нелегко: он устал быть самым слабым звеном.

– Понятно. Конечно. Пожалуй, я могу добавить парочку убийств, если Джасперу от этого полегчает. Почему бы нет? – Я несла полную чушь, а перед глазами стояли заголовки газет и списки имен…

Эдвард стиснул меня в объятиях.

– Не надо думать об этом сейчас. Вообще-то, если хочешь, можешь

никогда не переживать об этом.

Я застонала, и Эдвард, думая, что разболелась моя рука, потащил меня к дому.

Рука действительно оказалась сломана – правда, это была всего лишь небольшая трещина на костяшке, ничего страшного. Накладывать гипс я не хотела, и Карлайл сказал, что шины будет достаточно, если носить ее, не снимая. Я пообещала.

Эдвард заметил, что пока Карлайл накладывал шину, я была явно не в себе. Он несколько раз спросил, не больно ли мне, но я уверила, что с рукой все в порядке. У меня и так уже голова кругом, и я просто не в состоянии еще и об этом беспокоиться.

С тех пор как Джаспер рассказал о своем прошлом, его истории о новорожденных вампирах не давали мне покоя. А услышав о заключенном между Эмметтом и Джаспером пари, я вообще ни о чем другом и думать не могла. Интересно, на что именно они поспорили? Какая ставка может соблазнить тех, у кого и так все есть?

Я всегда знала, что буду другой, и надеялась, что стану сильной, как и обещал Эдвард. Сильной, быстрой, а самое главное, красивой. Такой, чтобы рядом с Эдвардом я чувствовала себя на равных.

О прочих качествах, которые у меня появятся, я старалась не думать. Необузданность. Кровожадность. А вдруг я не смогу удержаться от убийства людей, – совершенно посторонних людей, которые ничего плохого мне не сделали. Людей, подобных тем, кого убили в Сиэтле, – людей, у которых были родные, друзья и целая жизнь впереди. А я стану чудовищем, которое лишит их всего этого.

Честно говоря, такие мысли меня не пугали: я доверяла Эдварду и была абсолютно уверена, что он не позволит мне сделать что-то, о чем придется пожалеть в будущем. Знала, что он увезет меня в Антарктиду охотиться на пингвинов, если его об этом попросить. А я сделаю все, чтобы не стать чудовищем. Буду хорошим вампиром.

Я бы захихикала, если бы меня не одолели новые тревоги.

Если я стану кошмарным созданием вроде ужасных новорожденных, о которых рассказывал Джаспер, то останусь ли собой? Если моим единственным желанием будет убийство, что станется с моими нынешними желаниями?

Эдвард так настойчиво требует, чтобы я не пропустила ничего важного в человеческой жизни. Обычно я считала это глупостью. Ну без каких таких человеческих переживаний я не смогу обойтись? Пока Эдвард рядом, мне больше ничего не нужно.

Я всматривалась в его лицо, когда он наблюдал, как Карлайл накладывает мне шину. Больше всего на свете мне нужен Эдвард. А если это изменится? Могут ли мои чувства измениться?

Есть ли какое-то человеческое переживание, от которого я не хочу отказываться?

Глава шестнадцатая
Переломный момент

– Мне нечего надеть! – простонала я.

Я вытащила всю одежду, опустошив ящики и полки, и теперь смотрела на пустой шкаф в надежде, что там появится что-нибудь подходящее.

Юбка цвета хаки висела на спинке кресла и ждала, пока найдется что-то подходящее для нее. Что-то, в чем я буду выглядеть взрослой и красивой. Что-то, что надевают только в особых случаях. Ничего подходящего не нашлось.

Уже почти пора ехать, а я до сих пор в любимом и потрепанном спортивном костюме. И если мне не удастся найти что-то получше – а пока вариантов нет, – то придется в таком виде идти на выпускной.

Я в раздражении уставилась на разбросанную одежду.

Я точно знала, что хотела бы надеть – похищенную красную блузку. И это злило больше всего. Я стукнула по стене здоровой рукой.

– Глупый воришка, противный вампир! – прорычала я.

– И чем же я виновата? – спросила Элис.

Она безмятежно стояла возле открытого окна, словно была там все время.

– Тук-тук! – ухмыльнулась она.

– Неужели так трудно подождать, пока я открою дверь?

Элис бросила на кровать плоскую белую коробку.

– Да я так, проходила мимо. Подумала, что тебе может пригодиться кое-что из одежды.

Я посмотрела на большую коробку поверх моего никуда не годного гардероба и поморщилась.

– Ну же, признайся, – потребовала Элис. – Я твоя спасительница.

– Ты моя спасительница, – пробормотала я. – Спасибо.

– Прекрасно, хоть в чем-то я угадала. Ты не представляешь, как меня раздражает потеря моих способностей. Я чувствую себя совершенно бесполезной. Такой… обыкновенной. – Элис скривилась от ужасного слова.

– Не могу себе вообразить такой кошмар, – ответила я. – Обыкновенная? Фу!

Она засмеялась.

– По крайней мере, я искупила свою вину за то, что не заметила твоего противного воришку; остается всего лишь выяснить, чего я не вижу в Сиэтле.

И когда Элис произнесла это – сопоставив обе ситуации в одной фразе, – тогда до меня дошло. То, что много дней вызывало смутное беспокойство, та важная связь, которую никак не удавалось осознать, – все это вдруг сложилось в четкую картинку. Я в полном оцепенении уставилась на Элис.

– Разве ты не хочешь открыть коробку? – спросила она.

Я не двинулась с места, и Элис, вздохнув, сама сняла крышку. Вытащила что-то и развернула, но я даже не видела, что это такое.

– Прелесть, правда? Я выбрала голубой цвет, потому что Эдварду ты очень нравишься в голубом.

Я не слышала ни слова.

– Это та же самая, – прошептала я.

– Как это та же самая? – недовольно спросила Элис. – В твоем гардеробе нет ничего похожего. Елки-палки, да у тебя вообще всего одна юбка!

– Элис, черт с ней с одеждой, послушай меня!

– Тебе не нравится? – На лицо Элис набежала тень разочарования.

– Элис, разве ты не понимаешь? Это та же самая банда! Тот, кто влез ко мне и украл одежду, заодно с теми новорожденными вампирами в Сиэтле. Это одна шайка!

Обновка выскользнула из ее пальцев и упала обратно в коробку.

– Почему ты так думаешь? – спросила разом посерьезневшая Элис.

– Помнишь, что сказал Эдвард? Кто-то использует провалы в твоих видениях, чтобы ты не смогла увидеть новорожденных. А ты еще заметила, что момент был выбран очень удачно: вор тщательно избегал контакта, словно зная, что иначе ты его увидишь. Элис, я думаю, ты права: он знал. И тоже пользовался провалами в твоих видениях. А какова вероятность, что сразу двое так хорошо тебя знают? Да еще и действуют одновременно. Быть такого не может! Это тот же самый тип – тот, кто создал армию, украл и мой запах.

Элис не привыкла к неожиданностям. Она замерла и не двигалась так долго, что я начала считать про себя секунды. Элис не шевелилась целых две минуты. Потом ее взгляд снова остановился на мне.

– Ты права, – сказала она безжизненным голосом. – Конечно же, так и есть. И когда ты все так изложила…

– Эдвард ошибся, – прошептала я. – Это была проверка… они хотели

убедиться, что уловка сработает. Что воришка сможет войти и выйти незаметно, если не сделает ничего такого, за чем ты следишь. Например, не попытается меня убить… И он взял мои вещи вовсе не в качестве доказательства, что побывал здесь. Он украл мой запах… чтобы меня могли найти остальные.

Элис ошеломленно уставилась на меня. Я была права и знала, что Элис это тоже понимает.

– Только не это! – почти беззвучно выдохнула она.

Я больше уже не пыталась разобраться в собственных чувствах. Осознав, что кто-то создал армию вампиров, – армию, которая жестоко убила десятки людей в Сиэтле, – ради того, чтобы уничтожить именно меня, я облегченно вздохнула.

Отчасти потому, что наконец избавилась от раздражающего ощущения, что упускаю нечто важное.

Но главная причина была в другом.

– Ну что ж, – прошептала я. – Теперь всем можно расслабиться: никто вовсе не пытается сжить со свету семью Калленов.

– Напрасно ты думаешь, что это хоть что-то меняет, – ответила Элис сквозь зубы. – Если кто-то охотится за одной из нас, то ему придется уничтожить нас всех, чтобы добраться до нее.

– Спасибо, Элис. Но, по крайней мере, мы знаем, что им нужно. Уже прогресс.

– Может быть, – пробормотала Элис, принимаясь расхаживать из угла в угол.

В дверь забарабанили.

Я подскочила. Элис и ухом не повела.

– Ты уже готова? Мы опаздываем! – раздраженно напомнил Чарли.

Торжества он любит не больше меня: терпеть не может надевать нечто парадное.

– Почти готова. Подожди минутку, – хрипло ответила я.

Чарли на секунду замолк.

– Ты что, плачешь? – спросил он.

– Нет. Просто нервничаю. Не мешай.

Он забухал вниз по ступенькам.

– Мне пора, – прошептала Элис.

– Почему?

– Эдвард сейчас будет здесь. Если он об этом услышит…

– Иди, иди! – тут же заторопила ее я.

Если Эдвард узнает, то с ума сойдет. Конечно, надолго эту новость от

него не спрячешь, но выпускной не самый лучший момент, чтобы выходить из себя.

– Одевайся! – велела Элис и выскользнула за окно.

Я послушно оделась, ничего не соображая.

Пришлось отказаться от намерения уложить волосы: времени не оставалось, поэтому прическа у меня была такая же, как и в любой другой день. Посмотреться в зеркало я не удосужилась, так что даже не знала, как на мне выглядят подаренные Элис юбка и свитер. Да и какая разница? Я перекинула через руку уродливую желтую мантию выпускника и поспешила вниз.

– Прекрасно выглядишь, – сказал Чарли, скрывая раздражение. – Обновка?

– Угу, – пробормотала я, пытаясь собраться с мыслями. – Подарок Элис. Спасибо за комплимент.

Эдвард появился через несколько минут после ухода сестры – мне не хватило времени принять безмятежный вид. Но мы поехали на полицейской машине Чарли, и у Эдварда не было возможности изводить меня вопросами.

На прошлой неделе, узнав, что я собираюсь поехать на выпускной с Эдвардом, Чарли заупрямился. Его можно понять: в день окончания школы родителям полагаются определенные привилегии. Я не стала спорить с Чарли, и Эдвард жизнерадостно предложил поехать всем вместе. Карлайл и Эсми не возражали, так что Чарли, не сумев придумать убедительный предлог для отказа, скрипя зубами согласился. И теперь Эдвард ехал на заднем сиденье патрульной машины, отделенный от нас пластиковой перегородкой. Ситуация его явно забавляла – возможно, потому, что Чарли находил это забавным и каждый раз все шире ухмылялся, бросая взгляд на Эдварда в зеркале заднего вида. Скорее всего, Чарли рисовал в своем воображении такие сцены, за которые получил бы от меня по полной программе, если бы вздумал их озвучить.

– С тобой все в порядке? – прошептал Эдвард, помогая мне выйти из машины на стоянке возле школы.

– Нервы разыгрались, – сказала я – причем чистую правду.

– Ты замечательно выглядишь, – начал он, но Чарли, с грацией слона, протиснулся между нами и обнял меня за плечи.

– Ты рада? – спросил он.

– Не очень, – призналась я.

– Белла, это очень важный день. Ты заканчиваешь школу. Теперь перед тобой открыт весь мир. Колледж. Самостоятельная жизнь… Ты больше не

моя маленькая девочка. – На последних словах Чарли слегка поперхнулся.

– Папа! – простонала я. – Только не надо слез.

– Какие слезы? – проворчал он. – Лучше скажи мне, почему ты не рада.

– Не знаю. Наверное, до меня еще не дошло.

– Хорошо, что Элис устраивает вечеринку. Тебе не помешает повеселиться.

– Конечно. Именно вечеринки мне и не хватает.

Чарли рассмешила моя интонация, и он стиснул меня в объятиях. Эдвард задумчиво разглядывал облака.

Отцу пришлось оставить нас возле входа в спортзал и пойти к парадному входу вместе с остальными родителями.

В спортзале был сумасшедший дом: мисс Коуп из администрации и учитель математики мистер Варнер пытались расставить всех по алфавиту.

– Мистер Каллен, вам туда! – рявкнул мистер Варнер на Эдварда.

– Привет, Белла!

Я подняла взгляд и увидела Джессику Стэнли: она с улыбкой махала мне из задних рядов.

Эдвард чмокнул меня, вздохнул и пошел к остальным, чьи фамилии начинались на «К». Элис там не оказалось. Что это она? Собралась прогулять церемонию? Надо же как не вовремя меня осенило! Могла бы и подождать до окончания выпускного.

– Белла, сюда! – снова закричала Джессика.

Я пошла к ней. Интересно, с чего это она вдруг такая дружелюбная? Приблизившись, я заметила Анжелу, которая тоже с любопытством наблюдала за Джессикой.

Не успела я подойти, как Джесс принялась болтать.

– …так здорово. Ну то есть мы вроде бы только познакомились, а вот уже вместе школу заканчиваем, – тараторила она. – Нет, ты представляешь, школа закончилась! С ума сойти!

– Это точно, – пробормотала я.

– В голове не укладывается. А ты помнишь свой первый день здесь? Мы ведь с тобой с ходу стали лучшими подругами. Как только познакомились. Надо же! А теперь я уезжаю в Калифорнию, а ты едешь на Аляску, и я буду по тебе скучать. Пообещай, что мы будем хотя бы иногда встречаться! Я так рада этой вечеринке. Лучше не придумаешь! Мы ведь в последнее время едва виделись, а скоро совсем разъедемся…

Джессика все не унималась. Внезапный наплыв дружеских чувств наверняка был вызван ностальгией выпускного, а также благодарностью за

приглашение на вечеринку – хотя я тут была ни при чем. Натягивая мантию, я прислушивалась, насколько хватало сил. Здорово, что у нас с Джессикой все заканчивается на хорошей ноте.

Ведь это был конец – что бы там ни говорил Эрик, произносящий от имени выпускников речь, набитую обычными штампами о «начале жизни». Может быть, ко мне это относилось в большей степени, но так или иначе все мы сегодня оставляли что-то позади.

Все происходило слишком быстро – как будто нажали кнопку ускоренной перемотки. Разве мы должны шагать так быстро? А Эрик, нервничая, тараторил с пулеметной скоростью, проглатывая слова, – ничего не разберешь. Директор принялся вызывать выпускников одного за другим, почти без паузы между фамилиями – первые ряды сбились с ног, торопясь за ним поспеть. Бедная мисс Коуп неуклюже пыталась передать директору нужные аттестаты, чтобы не перепутать выпускников.

Внезапно появившаяся Элис, с выражением глубокой задумчивости на лице, грациозно прошествовала на сцену за своим аттестатом. Эдвард шел следом – растерянный, но не расстроенный. Только эти двое выглядели великолепно, несмотря на жуткие желтые мантии: Каллены выделялись из толпы неземной красотой. Удивительно, как кто-то мог принять их за обыкновенных людей? Ангелы с крыльями и то меньше бросались бы в глаза.

Мистер Грин назвал мою фамилию, и я встала в медленно продвигавшуюся очередь. В зале одобрительно завопили – Джейкоб и Чарли шумно выражали свою поддержку. Макушка Билли едва виднелась рядом с локтем Джейкоба. Мне удалось выдавить улыбку.

Мистер Грин закончил читать список выпускников и, смущенно улыбаясь, раздавал аттестаты.

– Поздравляю, мисс Стэнли, – пробормотал он, вручая аттестат Джессике.

– Поздравляю, мисс Свон. – Он сунул аттестат в мою здоровую руку.

– Спасибо, – промямлила я.

Вот и все.

Я встала рядом с Джессикой в толпе выпускников. Глаза у Джесс покраснели, и она все промакивала их рукавом мантии. Я не сразу сообразила, что Джессика плачет.

Мистер Грин сказал что-то, чего я не расслышала, и все вокруг завопили и заорали. В воздух взлетели желтые шапочки. Я с опозданием стянула свою и просто бросила ее на пол.

– Ох, Белла! – зарыдала Джессика во всеобщем гомоне. – Мне не

верится, что мы закончили школу.

– Мне тоже, – пробормотала я.

Джессика бросилась меня обнимать.

– Обещай, что не потеряешься.

Я в свою очередь обняла ее, неловко уклонившись от ответа:

– Джессика, я так рада, что мы познакомились. Это были чудесные два года.

– Замечательные! – согласилась она и шмыгнула носом. Потом выпустила меня из объятий. – Лорен! – завопила Джессика, махая руками и протискиваясь сквозь толпу в желтых мантиях.

Семьи стали собираться вместе, толпа сбивалась плотнее.

Я заметила Анжелу и Бена, но их окружали родственники. С поздравлениями придется подождать. Я огляделась в поисках Элис.

– Поздравляю, – прошептал мне на ухо Эдвард, обвивая руками мою талию.

Особой радости в его голосе я не услышала: он вовсе не хотел, чтобы я так быстро закончила школу.

– Спасибо…

– Похоже, ты все еще нервничаешь, – заметил он.

– Есть немного.

– А теперь-то о чем переживать? О вечеринке? Все будет не так ужасно, как ты ожидаешь.

– Скорее всего, ты прав.

– Кого ты ищешь?

Так, мне не удалось сохранить свои действия в тайне.

– Элис… Куда она пропала?

– Выскочила за дверь, как только получила аттестат.

В голосе Эдварда прозвучали незнакомые нотки. Я подняла глаза и увидела, как он растерянно смотрит на выход из спортзала.

– Беспокоишься об Элис? – внезапно выпалила я: в таких случаях свои действия следует обдумать дважды, но, как правило, у меня все получалось спонтанно.

– Эээ… – Он явно не желал отвечать.

– Кстати, о чем она думала? Чтобы спрятать от тебя свои мысли, я имею в виду.

Эдвард посмотрел на меня и подозрительно прищурился.

– Переводила «Боевой гимн Республики» на арабский. А потом на корейский язык жестов.

Я нервно захихикала.

– Да уж, это бы заставило ее поскрипеть мозгами!

– Ты знаешь, что она от меня прятала! – заявил Эдвард.

– Конечно, – я улыбнулась. – Ведь это моя идея.

Эдвард в недоумении молчал.

Я оглянулась. Чарли уже наверняка ищет меня в толпе.

– Зная Элис, я думаю, что она попытается скрыть это от тебя до окончания вечеринки, – торопливо прошептала я. – Но я бы предпочла эту вечеринку и вовсе отменить – только не сходи с ума, ладно? Всегда лучше знать как можно больше: это наверняка пойдет пользу.

– Ты о чем?

Я заметила макушку Чарли поверх моря голов. Он увидел меня и помахал.

– Только держи себя в руках, хорошо?

Эдвард кивнул, сжав губы.

Торопливым шепотом я изложила ему свои размышления.

– Мне кажется, ты не прав, когда говоришь, что на нас навалилось все со всех сторон сразу. По-моему, все идет с одной и той же стороны… и я думаю, направлено это на меня. Все события связаны друг с другом, иначе и быть не может. Один и тот же человек пользуется провалами в видениях Элис. Чужак в моей комнате был просто проверкой – они хотели убедиться, что можно обойти Элис. Один и тот же человек постоянно меняет планы, создает новорожденных и украл мою одежду – это части одного целого. Мой запах украли для молодых вампиров.

Эдвард так побледнел, что я с трудом договорила до конца:

– Зато теперь ты понимаешь, что за вами никто не охотится? Это же хорошо: Эсми, Элис, Карлайл – никто им не угрожает!

Эдвард в ужасе смотрел на меня. Как и Элис, он понял, что я права.

Я положила ладонь ему на щеку.

– Успокойся, – взмолилась я.

– Белла! – взревел Чарли, протискиваясь сквозь толпу. – Поздравляю, малышка!

Он все еще кричал, хотя теперь был совсем рядом. Обхватил меня, незаметно отодвинув Эдварда в сторонку.

– Спасибо, – пробормотала я, не сводя глаз с Эдварда.

Он все еще не пришел в себя: стоял, протянув ко мне руки, словно собрался сгрести меня в охапку и броситься наутек. Я и сама едва сдерживалась, чтобы не задать стрекача.

– Джейкобу и Билли пришлось уйти – ты ведь их видела?

Чарли слегка отстранился, по-прежнему держа меня за плечи. Он

стоял спиной к Эдварду, и меня это устраивало, поскольку Эдвард все еще не пришел в себя.

– Да, – уверила я отца, пытаясь сосредоточиться на разговоре. – И видела, и слышала.

– Они такие молодцы, что пришли, – сказал Чарли.

– Угу.

Так, Эдварду ничего говорить не стоило. Элис правильно сделала, что заморочила ему голову. Надо было дождаться, пока мы останемся где-нибудь наедине – или в окружении остальных Калленов. И чтобы поблизости не оказалось ничего хрупкого – вроде окон… машин… и здания школы.

Эдвард смотрел на меня с таким видом, что все мои страхи вернулись – причем с лихвой. Правда, теперь ужаса на его лице не было – только ясно различимая ярость.

– Ну что, куда пойдем поужинать? – спросил Чарли. – Выбирай все, что захочешь.

– Да я и сама приготовить могу.

– Вот еще глупости! Хочешь, пойдем в «Охотничий домик»? – бодро предложил Чарли.

Его любимый ресторан меня никогда особо не вдохновлял, но в данном случае, какая разница? Все равно кусок в горло не лезет.

– Конечно, давай пойдем, – ответила я.

Чарли улыбнулся еще шире – и вздохнул. Слегка повернул голову к Эдварду и, не глядя на него, спросил:

– Эдвард, ты с нами?

Я умоляюще уставилась на Эдварда. Он успел взять себя в руки до того, как Чарли повернулся к нему, удивленный отсутствием ответа.

– Нет, спасибо, – хмуро ответил Эдвард с каменным лицом.

– С родителями куда-нибудь собрался? – спросил Чарли с некоторым недовольством в голосе.

Эдвард всегда вел себя вежливее, чем Чарли того заслуживал, и внезапная враждебность обескураживала.

– Да. Прошу прощения… – Эдвард резко развернулся и ушел сквозь редеющую толпу.

Слишком расстроенный, чтобы поддерживать свое обычное олимпийское спокойствие, он двигался быстрее, чем следовало.

– Что я такого сказал? – виновато спросил Чарли.

– Ничего, не волнуйся, – успокоила я. – По-моему, дело вовсе не в тебе.

– Вы опять поцапались?

– Никто не цапался. Не вмешивайся, это мое дело.

– И мое тоже!

Я закатила глаза.

– Пойдем лучше поужинаем.

«Охотничий домик» был забит до отказа. На мой взгляд, цены здесь задирали неоправданно высоко, а интерьер отдавал дешевкой, но это было единственное в городе заведение, похожее на настоящий ресторан, поэтому в нем неизменно проходили все торжества.

Я тупо смотрела на унылое чучело лося, пока Чарли поедал отбивную и общался с родителями Тайлера Кроули, сидевшими позади нас. В зале стоял гул голосов: все только что пришли с выпускного и теперь болтали со знакомыми за соседними столиками.

Я сидела спиной к окну, сдерживая нестерпимое желание обернуться и поискать взгляд, который чувствовала на затылке. Но я знала, что ничего не увижу, хотя и была абсолютно уверена, что Эдвард ни на секунду не выпустит меня из виду – особенно теперь.

Ужин тянулся невыносимо долго. Чарли, занятый разговорами, ел слишком медленно. Я отщипывала кусочки котлеты, запихивая их в салфетку, пока Чарли смотрел в другую сторону. Казалось, прошла целая вечность, но когда я глянула на часы – а я делала это чаще, чем следовало, – стрелки едва сдвинулись с места.

Наконец Чарли получил сдачу и положил на стол чаевые. Я встала.

– Торопишься? – спросил он.

– Хочу помочь Элис с подготовкой, – ответила я.

– Ладно. – Чарли отвернулся от меня, чтобы попрощаться с остальными.

Я вышла на стоянку к его патрульной машине. Прислонилась к дверце пассажира, дожидаясь, пока Чарли оторвется от праздничного сборища. Уже стемнело: плотные облака закрывали небо – никак не разберешь, село солнце или еще нет. В тяжелом воздухе пахло близким дождем.

В тенях что-то мелькнуло.

Я охнула – и тут же вздохнула с облегчением: из сумрака появился Эдвард.

Молча прижал меня к груди, взял холодной рукой за подбородок и поднял, чтобы прижаться ко мне твердыми как камень губами. Челюсти у него были сжаты.

– Ты как? – спросила я, едва он меня выпустил.

– Так себе, – пробормотал он. – Но все же взял себя в руки. Извини,

что не сдержался.

– Сама виновата. Не надо было так сразу тебе говорить.

– Нет, надо, – возразил он. – Такие вещи я должен знать. И как я только сам не додумался!

– У тебя и так голова кругом.

– А у тебя нет?

Он внезапно снова впился в меня поцелуем, не давая возможности слова сказать. Через секунду Эдвард меня выпустил:

– Чарли идет.

– Я попрошу его отвезти меня к тебе.

– Я поеду за вами.

– Не надо, зачем? – попыталась возразить я, но Эдвард уже исчез.

– Белла? – Чарли стоял в дверях ресторана и щурился в темноту.

– Я здесь!

Чарли подошел к машине, ворча на ходу что-то о нетерпении.

– Ну, как ты себя чувствуешь? – спросил он, когда мы ехали по шоссе на север. – Сегодня такой знаменательный день.

– Нормально я себя чувствую, – соврала я.

Чарли рассмеялся, легко просекая мой обман.

– Из-за вечеринки нервничаешь?

– Да, – опять соврала я.

В этот раз он не заметил.

– Ты никогда не любила вечеринки.

– Интересно, в кого бы это я такой уродилась? – пробормотала я.

Чарли крякнул.

– Ты прекрасно выглядишь. Жаль, что я не догадался тебе что-нибудь купить. Извини.

– Па, ну что за глупости.

– Это не глупости. Мне кажется, что я далеко не всегда делаю для тебя все, что должен.

– Не смеши меня. Ты все делаешь замечательно. Ты лучший в мире папа. И я… – С Чарли нелегко говорить о чувствах, но я продолжала: – И я очень рада, что приехала пожить с тобой. Это была гениальная идея. Так что не волнуйся – у тебя просто приступ послевыпускного пессимизма.

Чарли фыркнул.

– Ну, может, и так. Но я все же думаю, что наделал кое-где ошибок. Ты на руку-то посмотри!

Я в недоумении уставилась на свои руки. На правой была шина, о которой я почти и не вспоминала: сломанная косточка больше не болела.

– Мне и в голову не могло прийти, что тебя нужно научить драться. Пожалуй, здесь я дал маху.

– Я думала, ты на стороне Джейкоба!

– Неважно, на чьей я стороне. Если кто-то целует тебя вопреки твоему желанию, ты должна уметь проявить свои чувства, оставшись в целости и сохранности. Ты ведь не спрятала большой палец в кулак, верно?

– Верно. Па, спасибо за заботу, но вряд ли уроки помогли бы. Джейкоб ужасно твердолобый.

Чарли засмеялся.

– Тогда врежь ему в следующий раз поддых.

– В следующий раз? – Я не верила своим ушам.

– Да ладно тебе на него злиться. Он парень еще совсем молодой.

– Глаза бы мои на него не смотрели!

– Все-таки он твой друг.

– Знаю, – вздохнула я. – Но не знаю, что мне теперь с этим делать.

Чарли задумчиво кивнул.

– Да уж. Не всегда можно сразу разобраться, как следует поступить. То, что для одного человека правильно, для другого будет неправильно. В общем… надеюсь, тебе повезет в этом разобраться.

– Спасибо, – сухо ответила я.

Чарли снова засмеялся, но потом нахмурился.

– Если вы на этой вечеринке слишком разойдетесь…

– Не волнуйся: с нами будут Карлайл и Эсми. Если хочешь ты тоже можешь прийти.

Чарли поморщился, вглядываясь в темноту за лобовым стеклом: вечеринки он обожал не больше меня.

– Так где тут сворачивать? – спросил он. – Им не помешало бы расчистить подъездную дорожку: в темноте ничего не найдешь.

– По-моему, сразу за следующим поворотом. – Я поджала губы. – Знаешь, ты прав: поворот легко пропустить. Элис сказала, что на приглашениях была нарисована карта, но гости все равно могут заблудиться. – Такая перспектива меня несколько утешила.

Впереди, как раз там, где был поворот к дому Калленов, бархатная темнота ночи горела тысячами огоньков: кто-то обмотал гирляндами деревья по обе стороны дороги – ни за что не пропустишь.

– Элис! – догадалась я.

– Ничего себе! – вырвалось у Чарли, когда мы свернули с шоссе.

Два дерева на въезде были не единственными маяками: через каждые двадцать футов новый сверкающий маяк указывал путь к большому дому. И

так всю дорогу – целых три мили.

– Ты уверен, что не хочешь зайти?

– Уверен, уверен. Хорошо вам повеселиться!

– Спасибо, папа.

Чарли смеялся про себя, наблюдая, как я вылезла из машины и захлопнула дверцу. Он уехал, все еще ухмыляясь. Я вздохнула и пошла вверх по ступенькам – навстречу страданиям.

Глава семнадцатая
Союзники

– Белла? – тихо позвал Эдвард за моей спиной.

Я обернулась: он легкими прыжками взлетел по ступенькам; волосы разметались от бега. Снова стиснул меня в объятиях и поцеловал.

От этого поцелуя мурашки побежали по коже: слишком напряженно и отчаянно Эдвард впился в меня губами – словно боялся, что наше время истекает.

Мне никак нельзя думать о таких вещах – особенно если я собираюсь вести себя по-человечески в следующие несколько часов. Я отстранилась.

– Давай сначала отвяжемся от этой дурацкой вечеринки, – пробормотала я, не поднимая глаз.

Он обхватил мое лицо ладонями, дожидаясь, пока я посмотрю на него.

– Я позабочусь, чтобы ни один волосок не упал с твоей головы.

Здоровой рукой я провела по его губам.

– О себе я не очень-то беспокоюсь.

– Почему-то меня это не удивляет, – пробормотал он. Глубоко вдохнул и слегка улыбнулся. – Готова к началу праздника?

Я застонала.

Эдвард открыл передо мной дверь, по-прежнему обнимая меня. Я замерла и покачала головой:

– С ума сойти!

Эдвард пожал плечами.

– Чего еще ждать от Элис?

Внутри дом Калленов превратился в ночной клуб – из тех, которые существуют только на экране телевизора.

– Эдвард! – крикнула Элис, стоявшая возле гигантского динамика. – Мне нужен твой совет. – Она махнула рукой на высоченную стопку дисков. – Что мы гостям поставим? Что-нибудь знакомое и привычное или… – Она махнула на другую стопку, – займемся их музыкальным образованием?

– Пусть будет привычное, – посоветовал Эдвард. – Не за уши же их тащить к образованию.

Она кивнула и принялась скидывать образовательные диски в коробку.

Элис переоделась в красные кожаные брюки и блестящий топик. В

пульсирующем красном и фиолетовом свете ее обнаженная кожа выглядела странно.

– Кажется, я оделась недостаточно празднично.

– Лучше быть не может! – заверил меня Эдвард.

– Сойдет! – поправила его Элис.

– Спасибо, – вздохнула я. – Как ты думаешь, гости действительно придут?

В моем голосе явственно прозвучала надежда. Элис скорчила рожу.

– Все придут, – ответил Эдвард. – Им ведь до смерти хочется поглядеть на загадочный дом Калленов изнутри.

– Прелестно! – застонала я.

Моей помощи не требовалось. Даже тогда, когда я смогу обходиться без сна и двигаться гораздо быстрее, до Элис мне будет далеко.

Эдвард ни на секунду не отпускал меня, таская за собой в поисках Джаспера и Карлайла, чтобы рассказать им о моем озарении. Я в ужасе слушала, как они обсуждали план атаки на армию в Сиэтле. Видно было, что Джасперу не нравится соотношение сил, но больше никого не удалось разыскать – не считая семьи Тани, которая не пожелала принять участие. Джаспер и не пытался скрыть тревогу, как это сделал бы Эдвард. Ему определенно не хотелось делать ставку при таком раскладе.

Я не смогу сидеть здесь и ждать, надеясь, что они вернутся домой. И не стану. Я с ума сойду!

В дверь позвонили.

Внезапно все встало на свои места. Напряжение на лице Карлайла сменилось искренней и теплой улыбкой. Элис прибавила громкость и затанцевала к дверям.

Мои друзья ввалились всей кучей: они слишком нервничали, чтобы приехать по одиночке. Сначала в дверях появилась Джессика, следом за ней – Майк. Тайлер, Коннор, Остин, Ли, Саманта… и даже Лорен – она вошла последней, с любопытством оглядываясь. Они все изнемогали от любопытства – и онемели, увидев огромную комнату, убранную в стиле шикарного ночного клуба. В комнате уже собрались все Каллены, готовые притвориться людьми. Сегодня мне казалось, что я сама притворяюсь точно так же, как и они.

Я подошла к Джесс и Майку, надеясь, что дрожь в моем голосе припишут праздничному возбуждению. Не успела я поприветствовать остальных, как снова позвонили. Я впустила Анжелу и Бена, оставив дверь распахнутой: по ступенькам поднимались Эрик и Кэйти.

Времени для паники не оставалось: нужно было со всеми пообщаться

и изображать веселую хозяйку. Хотя предполагалось, что праздник устроен для нас троих – меня, Эдварда и Элис, – на самом деле именно меня больше всего поздравляли и благодарили. Может быть, потому, что при свете выбранных Элис прожекторов Каллены выглядели несколько странно – скорее всего из-за того, что полуосвещенная комната казалась таинственной. В такой атмосфере, рядом с кем-нибудь вроде Эмметта, нормальный человек почувствует себя не в своей тарелке. Я заметила, как Эмметт ухмыльнулся Майку: отблески красного света сверкнули на его зубах, и Майк непроизвольно отступил.

Не исключено, что Элис намеренно добивалась такого эффекта, чтобы выставить меня в центр всеобщего внимания, думая, что мне это понравится. Элис вечно пыталась сделать меня человеком – в ее понимании этого слова.

Вечеринка удалась, несмотря на то, что присутствие Калленов вызывало у гостей неосознанную напряженность – а может, это лишь добавляло перчику. Музыка увлекала, освещение завораживало. Судя по тому, с какой скоростью исчезало съестное, на угощение тоже жаловаться не приходилось. В комнате скоро собралась целая толпа. Похоже, пришел весь выпускной класс, а также большая часть остальных классов. Тела покачивались в такт ритму, от которого подрагивал пол под ногами.

Все оказалось не так страшно, как я думала. Я следовала примеру Элис: бродила туда-сюда и болтала со всеми понемножку. Угодить гостям было несложно: ничего подобного жители Форкса в жизни не видели. Элис почти мурлыкала: никто из присутствующих не позабудет такой праздник.

Я обошла комнату по кругу и вернулась к Джессике. Она оживленно тараторила, и можно было не особо прислушиваться, потому что ей вряд ли понадобится мой ответ. Эдвард следовал за мной, как тень, одной рукой обнимая за талию. Время от времени он прижимал меня крепче – мне даже думать не хотелось, какие мысли заставляли его это делать.

Когда он вдруг отпустил меня и отстранился, я немедленно заподозрила неладное.

– Подожди здесь, – пробормотал он мне на ухо. – Я скоро вернусь.

Он прошел сквозь толпу, никого не задев, и скрылся так быстро, что я не успела спросить, куда он идет. Прищурившись, я смотрела ему вслед, пока Джессика, повиснув на моем локте, оживленно перекрикивала грохот музыки, не замечая, что я совсем ее не слушаю.

Эдвард подошел к темному проему двери на кухню – туда лишь изредка падал луч прожектора. Наклонился над кем-то, но за толпой я не разглядела, кто это. Привстав на цыпочки, я вытянула шею – и в этом

момент по спине Эдварда пробежал красный луч и отразился на блестках топика Элис. Свет лишь на долю секунды упал на ее лицо, но этого хватило.

– Джесс, извини, я на минутку, – пробормотала я, выдергивая локоть из ее рук.

Я не стала дожидаться ответа, даже не посмотрела, не обиделась ли она.

Я торопливо пробиралась между гостями, то и дело натыкаясь на кого-нибудь. Некоторые уже танцевали.

Эдвард ушел, но Элис все еще стояла в темноте и смотрела пустым взглядом, словно на ее глазах только что произошло чудовищное несчастье. Одной рукой она вцепилась в косяк, как будто ей требовалась опора.

– Элис, что такое? В чем дело? Что ты увидела? – Я умоляюще сложила руки перед собой.

Она на меня даже не посмотрела, глядя куда-то в сторону. Проследив ее взгляд, я заметила Эдварда на другом конце комнаты. Лицо у него было каменное. Он повернулся и исчез в тени под лестницей.

И тут прозвенел еще один звонок – через несколько часов после прихода последнего гостя. Элис удивленно подняла глаза – и поморщилась от отвращения.

– Кто пригласил оборотня? – недовольно спросила она.

Я нахмурилась.

– Было дело.

Вообще-то, я думала, что отменила это приглашение – к тому же мне и в голову прийти не могло, что Джейкоб в самом деле им воспользуется.

– Тогда ты им и займись. А мне надо поговорить с Карлайлом.

– Элис, подожди! – Я протянула руку, но схватила пустоту: Элис уже исчезла.

– Черт побери! – прорычала я.

Это наверняка то самое: Элис увидела то, чего ждала. Черт с ними, с гостями, пусть сами дверь открывают!

Звонок снова зазвенел: кнопку нажали и не отпускали. Я решительно повернулась спиной к двери, высматривая в темной комнате Элис.

Ничего не видно. Я стала проталкиваться к лестнице.

– Привет, Белла.

Низкий голос Джейкоба прорезался во время паузы в музыке. Услышав свое имя, я невольно подняла взгляд.

И скривилась.

Пришел не один оборотень, а целых три: Джейкоб сам открыл дверь, а

по бокам напряженно стояли Квил и Эмбри, нервно оглядываясь по сторонам, словно вошли в замок с привидениями. Эмбри дрожащей рукой придерживал дверь, готовый броситься наутек.

Джейкоб махал мне рукой и выглядел гораздо спокойнее своих спутников, хотя и сморщил нос от отвращения. Я махнула в ответ – до свидания! – и отвернулась, продолжая искать Элис.

Едва я успела протиснуться между спинами Коннора и Лорен, как Джейкоб возник из ниоткуда, положил руку мне на плечо и потянул обратно к темной кухне. Я попыталась увернуться, но он схватил меня за здоровую руку и выдернул из толпы.

– Какая гостеприимная встреча, – заметил он.

Я вырвала.

– Что ты здесь делаешь?

– Ты же сама меня пригласила.

– Если удар в челюсть оказался слишком слабым намеком, то перевожу для тех, кто в танке: приглашение я забрала обратно.

– Да ладно, не вредничай. Я принес тебе подарок и все такое.

Я скрестила руки на груди. Сейчас мне не хотелось ссориться с Джейкобом. Я хотела знать, что увидела Элис и что об этом сказали Эдвард и Карлайл. Я вытянула шею, заглядывая Джейку за спину.

– Джейк, можешь отнести подарок обратно в магазин. У меня дела…

Он шагнул в сторону, чтобы попасть в поле моего зрения.

– Белла, подарок нельзя отнести обратно: я его не в магазине купил, а сам сделал. И на это ушло немало времени.

Я снова наклонилась в сторону, глядя мимо Джейкоба в поисках Калленов, но не увидела ни одного из них. Куда они все подевались? Я вглядывалась в темноту.

– Белла, ну хватит тебе притворяться, что меня здесь нет!

– Я не притворяюсь. – Ничего не видно. – Слушай, Джейк, у меня сейчас куча дел…

Он взял меня за подбородок и потянул его вверх.

– Мисс Свон, позвольте мне поговорить с вами всего несколько секунд?

Я отшатнулась.

– Джейкоб, держи руки при себе, – прошипела я.

– Извини! – сказал он, поднимая руки вверх. – Честное слово, я не нарочно. И в тот раз тоже. Мне не следовало нападать на тебя с поцелуями. Я поступил неправильно. Наверное… наверное, я сам себя обманул, решив, что ты этого хочешь.

– Сам себя обманул – это ты точно заметил!

– Не будь злюкой. Ты ведь знаешь, что должна принять мои извинения.

– Замечательно. Извинения приняты. А теперь, прошу прощения, я на минутку…

– Ладно, – пробормотал он.

Его голос так изменился, что я перестала искать глазами Элис и всмотрелась в лицо Джейкоба. Он смотрел в пол, отводя взгляд. Нижняя губа самую чуточку выпятилась вперед.

– Я понимаю. Тебе хочется побыть с твоими настоящими друзьями, – продолжал он все тем же убитым тоном.

Я застонала.

– Джейк, ты прекрасно знаешь, что это не так.

– Разве?

– Должен бы знать. – Я наклонилась вперед, заглядывая ему в глаза.

Теперь он смотрел поверх моей головы.

– Джейк?

Он не хотел встречаться со мной взглядом.

– Слушай, так что ты там для меня сделал? – спросила я. – Где мой подарок?

Вымученный энтузиазм в голосе прозвучал весьма неубедительно, однако это сработало. Джейкоб поморщился.

Продолжая разыгрывать интерес, я протянула руку ладонью вверх.

– Так где подарок?

– Ну-ну, – насмешливо проворчал он, но все же сунул руку в задний карман джинсов, вытащил мешочек из разноцветной ткани, завязанный кожаным шнурком, и положил мне на ладонь.

– Джейк, какая прелесть! Спасибо.

Он вздохнул.

– Белла, подарок-то внутри.

– А…

Шнурок не поддавался. Джейкоб снова вздохнул, забрал у меня мешочек и развязал шнурок одним легким движением. Я протянула руку, чтобы взять мешочек обратно, но Джейкоб вывернул его наизнанку и вытряс на мою ладонь что-то серебристое. Послышалось тихое металлическое звяканье.

– Браслет сделал не я, – признался Джейкоб. – Мой только амулет.

На одном из звеньев браслета висела крохотная фигурка, вырезанная из дерева. Я взяла ее, чтобы разглядеть поближе: маленький волк выглядел совсем как живой – так детально он был вырезан. Красновато-коричневый

цвет дерева идеально совпадал с цветом кожи Джейкоба.

– Какая красота, – прошептала я. – Ты правда сам это сделал? Как?

Он пожал плечами.

– Билли научил. У него еще лучше получается.

– Не может быть, – пробормотала я, крутя в пальцах малюсенького волка.

– Тебе правда нравится?

– Да. Джейк, это просто чудо!

Он довольно улыбнулся, но потом помрачнел.

– Ну, я подумал, что, может, он будет напоминать обо мне иногда. Знаешь, как говорится, с глаз долой – из сердца вон.

Я пропустила это мимо ушей.

– Помоги-ка мне его надеть.

На правой руке была шина, поэтому я протянула Джейкобу левую. Его огромные пальцы неожиданно легко застегнули крохотную застежку.

– Ты будешь его носить? – спросил Джейкоб.

– Конечно!

Он ухмыльнулся – той счастливой улыбкой, которую я так любила.

Я улыбнулась, но потом задумчиво вгляделась в комнату, нетерпеливо высматривая в толпе Эдварда или Элис.

– Ты чего такая рассеянная? – спросил Джейкоб.

– Ничего, – соврала я, пытаясь сосредоточиться. – Спасибо за подарок. Честное слово, мне очень понравилось.

– Белла? – Джейкоб сдвинул брови, и его глаза исчезли в глубоких тенях. – Что-то случилось, верно?

– Джейк, я… нет, ничего.

– Не ври, врать ты не умеешь. Ты должна рассказать мне, что происходит. Нам нужно знать такие вещи, – сказал он, сбиваясь на множественное число.

Скорее всего, Джейкоб прав: волкам в самом деле небезразлично происходящее. Только я сама еще не знаю, что именно происходит. И не узнаю, пока не найду Элис.

– Джейкоб, я все тебе расскажу. Но сначала мне самой надо разобраться, понимаешь? Я должна поговорить с Элис.

– Она что-то увидела! – догадался Джейкоб.

– Именно в тот момент, когда вы пришли.

– Это связано с тем кровопийцей, который заходил к тебе в комнату? – пробормотал Джейкоб, понизив голос.

– Вроде того, – призналась я.

Он на минуту задумался, склонив голову набок и пристально всматриваясь в мое лицо.

– Ты скрываешь что-то от меня… что-то очень серьезное.

Какой смысл врать? Джейкоб слишком хорошо меня знает.

– Да.

Джейкоб задержал на мне взгляд еще на секунду, повернулся и посмотрел на своих братьев по стае: Квил и Эмбри неуклюже застыли у входа, чувствуя себя не в своей тарелке. Увидев выражение лица Джейкоба, они двинулись с места и ловко, словно тоже танцуя, стали пробираться между гостями. Через тридцать секунд они уже стояли рядом с Джейкобом, нависая надо мной.

– Объясни. Прямо сейчас, – потребовал Джейкоб.

Эмбри и Квил настороженно и растерянно переглянулись.

– Джейкоб, я пока знаю далеко не все.

Я продолжала оглядываться – теперь уже в надежде на спасение. Меня загнали в угол – во всех смыслах этого слова.

– Тогда расскажи то, что знаешь.

Все трое скрестили руки на груди совершенно синхронным движением. Это выглядело не столько смешно, сколько угрожающе.

И тут я увидела Элис: она спускалась по лестнице, и ее белая кожа сияла в фиолетовом свете.

– Элис! – с облегчением пискнула я.

Она тут же посмотрела на меня, хотя рев музыки должен был бы заглушить мой голос. Я замахала изо всех сил. Элис увидела нависших надо мной оборотней, и ее глаза сузились.

Но перед этим на ее лице были написаны тревога и страх. Я закусила губу. Элис подлетела ко мне.

Джейкоб, Квил и Эмбри отшатнулись. Элис обняла меня за талию.

– Мне нужно с тобой поговорить, – прошептала она.

– Джейк, я это… в общем, пока, – пробормотала я.

Мы с Элис попытались обойти квилетов.

Джейкоб протянул руку и уперся ей в стену, закрывая нам путь.

– Не так быстро.

Элис уставилась на него круглыми от изумления глазами.

– Расскажи нам, что происходит, – прорычал Джейкоб.

Джаспер внезапно появился прямо из воздуха: только что мы с Элис стояли, припертые к стенке, и Джейкоб не давал нам пройти, и вдруг Джаспер оказался по другую сторону вытянутой руки Джейкоба. Вид Джаспера давал понять, что шутки кончились.

Джейкоб нехотя убрал руку – мудрое решение, если он не хотел с ней расстаться.

– Мы имеем право знать, – пробормотал Джейкоб, все еще не сводя глаз с Элис.

Джаспер встал между ними, и оборотни приготовились к драке.

– Ну-ну, – сказала я и истерически хихикнула. – Не забывайте, что вы на вечеринке.

Никто и ухом не повел. Джейкоб хмуро смотрел на Элис, а Джаспер уставился на Джейкоба. Выражение лица Элис внезапно стало задумчивым.

– Джаспер, а ведь он прав.

Джаспер не шелохнулся.

Еще немного, и моя голова лопнет от напряжения.

– Элис, что ты увидела?

Секунду она молча смотрела на Джейкоба, а потом повернулась ко мне, явно решив, что можно говорить при нем.

– Решение принято.

– Вы едете в Сиэтл?

– Нет.

Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Сердце екнуло.

– Они идут сюда, – выдавила я.

Квилеты молча наблюдали, всматриваясь в непроизвольные проблески чувств на наших лицах. Казалось, индейцы приросли к полу, но все же не замерли на месте. У всех троих подрагивали руки.

– Да.

– В Форкс, – прошептала я.

– Да.

– Зачем?

Элис кивнула.

– У одного была твоя красная блузка.

Я сглотнула.

Джаспер неодобрительно хмурился. Ему не нравилось присутствие оборотней при этом разговоре, но он не удержался:

– Мы не можем позволить им зайти так далеко. Нас слишком мало, чтобы защитить город.

– Знаю, – удрученно сказала Элис. – Но неважно, где именно мы их остановим. Нас в любом случае слишком мало, и кто-то из них пробьется сюда.

– Нет! – прошептала я.

Шум вечеринки заглушил мой голос. Все вокруг – мои друзья, соседи

и недруги, – ели, смеялись и танцевали, понятия не имея, что вскоре столкнутся с ужасной опасностью или даже смертью. И все из-за меня.

– Элис, – почти беззвучно сказала я. – Я должна уйти. Подальше отсюда.

– Не поможет. Ведь это же не охотник. Они все равно сначала придут сюда.

– Тогда я должна пойти им навстречу! – Если бы мой голос не был таким хриплым и напряженным, то я бы завопила. – Если они получат то, что ищут, то, может быть, уйдут, никому не причиняя вреда!

– Белла! – возмутилась Элис.

– Подожди, – негромко, но напористо приказал Джейкоб. – Кто идет сюда?

Элис окатила его ледяным взглядом.

– Такие, как мы. Их очень много.

– Зачем они придут?

– За Беллой. Вот и все, что мы знаем.

– Их слишком много для вас? – спросил Джейкоб.

– У нас есть свои преимущества, псина, – вмешался Джаспер. – Драка будет на равных.

– Нет, – сказал Джейкоб, и странная, яростная усмешка появилась на его губах. – Не на равных.

– Прекрасно! – прошипела Элис.

Застыв от ужаса, я во все глаза уставилась на нее: на лице Элис появилось оживление и исчезли все следы отчаяния.

Она ухмыльнулась Джейкобу, и Джейкоб ухмыльнулся в ответ.

– Конечно же, – довольно заявила она. – Это неудобно, но, принимая во внимание все обстоятельства, я возражать не стану.

– Мы должны действовать вместе, – сказал Джейкоб. – Нам придется нелегко, но все же это, скорее, наша забота.

– Я бы так не сказала, но нам нужна помощь. И мы не собираемся привередничать.

– Стойте, стойте, стойте! – вмешалась я.

Элис привстала на цыпочки. Джейкоб склонился к ней. Лица у обоих сияли, и оба сморщили носы от запаха. Они нетерпеливо посмотрели на меня.

– Что значит «вместе»? – проговорила я сквозь зубы.

– Ты же не думала, что мы останемся в стороне? – спросил Джейкоб.

– Еще как останетесь!

– Твоя ясновидящая так не думает.

– Элис! Скажи им нет! – настаивала я. – Их же убьют!

Джейкоб, Квил и Эмбри расхохотались.

– Белла, – успокаивающе ответила Элис, – по одиночке нас всех могут убить, а когда мы вместе…

– Все будет в порядке, – закончил за нее Джейкоб.

Квил снова рассмеялся.

– Сколько их? – возбужденно поинтересовался он.

– Нет! – закричала я.

Элис не удостоила меня взглядом.

– Число меняется: сегодня двадцать один, но их становится меньше.

– Почему? – с любопытством спросил Джейкоб.

– Долгая история, – ответила Элис и вдруг принялась оглядываться. – Да и не место здесь.

– Как насчет попозже сегодня? – настаивал Джейкоб.

– Хорошо, – ответил ему Джаспер. – Мы уже запланировали… стратегическое совещание. Если вы будете драться на нашей стороне, то вам понадобятся указания.

От последних слов все волки поморщились.

– Нет! – застонала я.

– Ну дела, – задумчиво сказал Джаспер. – Никогда бы не подумал, что мы будем заодно. Первый в истории случай.

– Это точно, – согласился Джейкоб. Теперь он торопился. – Нам нужно вернуться к Сэму. Во сколько увидимся?

– Во сколько вам еще не поздно?

Все трое закатили глаза.

– Во сколько? – повторил Джейкоб.

– Часа в три?

– Где?

– Милях в десяти к северу от домика лесничего в Хоу-Форест. Приходите туда с запада и идите по нашему следу.

– Придем.

Они повернулись к выходу.

– Джейк, подожди! – крикнула я ему вслед. – Пожалуйста! Не делай этого!

Он задержался. Квил и Эмбри нетерпеливо рванули к дверям. Джейкоб, улыбаясь, повернулся ко мне.

– Белла, не говори глупостей. Ты даришь мне такой подарок, который ни в какое сравнение не идет с тем, что я тебе сегодня подарил.

– Нет! – снова закричала я.

Мой вопль заглушила электрогитара.

Джейкоб не ответил: торопился догнать уже исчезнувших из виду друзей. Я беспомощно смотрела ему вслед.

Глава восемнадцатая
Указания

– Это была самая длинная вечеринка за всю историю человечества! – пожаловалась я по дороге домой.

Эдвард не спорил:

– Ну, так ведь она уже закончилась. – Он успокаивающе погладил меня по руке.

На данный момент успокаивать требовалось только меня: Эдвард пришел в себя, да и остальные Каллены тоже.

Все меня утешали: Элис приподнялась на цыпочки и потрепала по голове, многозначительно посматривая на Джаспера – и я почувствовала волну безмятежности; Эсми поцеловала в лоб и пообещала, что все будет хорошо; Эмметт задорно засмеялся и спросил, почему это только мне позволено драться с оборотнями…

После долгих недель стресса предложение Джейкоба вызвало у них почти эйфорию. На смену сомнениям пришла уверенность. Вечеринка закончилась по-настоящему празднично.

Только не для меня.

Плохо уже то, что за меня будут драться Каллены – это само по себе ужасно! И ничего с этим не поделать, хотя не знаю, хватит ли у меня сил такое вынести.

Но чтобы еще и Джейкоб!.. И его глупые, полные энтузиазма братья – большинство из которых даже младше меня! Они ведь всего лишь дети-переростки с выпирающими мускулами и относятся к предстоящему как к пикнику на пляже. Я не могу позволить еще и их втянуть в это опасное дело. Нервы у меня совсем расшатались. Того и гляди не выдержу и заору во всю глотку.

– Сегодня ты возьмешь меня с собой, – прошептала я, чтобы удержать голос под контролем.

– Белла, ты же совсем вымоталась.

– Ты думаешь, я смогу уснуть?

Он нахмурился.

– Это всего лишь эксперимент. Не уверен, что мы сможем… действовать все вместе. И не хочу, чтобы ты оказалась в самой гуще событий.

Конечно же, после такого признания мне еще больше захотелось пойти с ними.

– Если ты не возьмешь меня с собой, то я позвоню Джейкобу.

Эдвард прищурился. Я понимала, что нанесла удар ниже пояса. Но я ни за что не останусь дома!

Эдвард промолчал: мы подъехали к дому Чарли. На крыльце горел свет.

– Увидимся наверху, – пробормотала я.

Я на цыпочках вошла в дом. Чарли спал в гостиной, развалившись на слишком маленьком для него диване, и храпел так громко, что и пушки бы не услышал.

– Папа! Чарли! – Я изо всех сил потрясла его за плечо.

Он заворчал, не открывая глаз.

– Я уже дома! Ты себе спину сломаешь, если будешь так спать. Давай, иди ложись.

Пришлось встряхнуть его еще несколько раз. Глаза он так толком и не открыл, но мне удалось стащить его с дивана и отвести в спальню. Не раздеваясь, он повалился на нерасправленную постель и снова захрапел.

Уж Чарли-то меня не скоро хватится.

Эдвард ждал в моей комнате, пока я умывалась и надевала джинсы и фланелевую рубашку. Сидя в кресле-качалке, он с несчастным видом наблюдал, как я вешала в шкаф подаренный Элис костюм.

– Иди ко мне.

Я взяла его за руку и потянула к кровати. Повалила на постель и свернулась сверху, прижавшись к его груди. Может быть, он все-таки прав, и я действительно умоталась настолько, что смогу уснуть. Но я не позволю ему улизнуть без меня.

Эдвард подоткнул одеяло со всех сторон и прижал меня к себе.

– Ты, главное, расслабься.

– Обязательно!

– Белла, у нас все получится. Я это чувствую.

Я стиснула зубы.

Эдвард все еще был в приподнятом настроении. Никому, кроме меня, и дела нет, что Джейкоб и его друзья пострадают. Меньше всего об этом задумывались сами квилеты.

Эдвард почувствовал, что у меня вот-вот перегорят предохранители.

– Белла, послушай меня внимательно. Все будет проще простого. Новорожденные будут сбиты с толку: они понятия не имеют об оборотнях. Я видел, как они действуют группой – Джаспер это помнит. Я абсолютно

уверен, что охотничьи приемы волков сработают лучше некуда. А когда нападающие потеряют голову и разделятся на группы, мы легко с ними справимся. Может, кому-то придется посидеть на скамейке запасных, – пошутил он.

– Проще простого, – пробормотала я, уткнувшись лицом ему в грудь.

Он погладил меня по щеке.

– Вот увидишь. Тебе не о чем беспокоиться.

Эдвард замурлыкал колыбельную, но против обыкновения меня это не успокоило.

Люди – ладно, пусть вампиры и оборотни, но все равно я их люблю, – близкие мне люди пострадают. Из-за меня. В очередной раз. Если бы мои несчастья фокусировались чуть точнее! Так и хотелось заорать в безмолвные небеса: «Да вот же я! Ведь это я вам нужна!»

Я попыталась придумать способ точнее сфокусировать напасти – на себе. Это будет нелегко. Придется подождать и выбрать подходящий момент…

Уснуть не удалось. Минуты быстро истекали, и, к моему удивлению, сна так и не было ни в одном глазу, когда Эдвард сел и поднял меня вместе с собой.

– Ты уверена, что не хочешь остаться дома и поспать?

Я хмуро глянула на него.

Он вздохнул, сгреб меня в охапку и выпрыгнул из окна.

Посадив меня на спину, Эдвард помчался по темному, притихшему лесу. И даже в том, как он бежал, чувствовалось его приподнятое настроение. Эдвард летел так, будто мы, как обычно, носились по лесу просто удовольствия ради. Если бы не мои растрепанные чувства, то я бы получила огромное удовольствие.

Когда мы добрались до большой поляны, вся семья уже была в сборе: сидели и болтали, как ни в чем не бывало. Время от времени поляну оглашал хохот Эмметта. Эдвард опустил меня на землю, и, взявшись за руки, мы пошли к остальным.

Луна пряталась в облаках, и я не сразу поняла, что именно на этой поляне когда-то состоялась игра в бейсбол. Именно здесь больше года назад первый беззаботный вечер с Калленами был прерван появлением Джеймса и его спутников. Как странно снова здесь оказаться: будто чего-то не хватает без Джеймса, Лорана и Виктории. Но Джеймс и Лоран никогда не вернутся: повторения той встречи не будет. Может быть, с прошлым покончено навсегда?

Да уж, теперь все по-другому. Могут ли Вольтури изменить своим

правилам?

Сомневаюсь.

Виктория всегда казалась мне чем-то стихийным – вроде урагана, надвигающегося на берег по прямой линии: неизбежная, неумолимая, но предсказуемая стихия. Однако, пожалуй, не следует воспринимать ее так ограниченно. Она наверняка способна измениться.

– Знаешь, что я думаю? – спросила я Эдварда.

– Нет, – засмеялся он.

Я едва удержалась от улыбки.

– Так что ты думаешь?

– Я думаю, что это все взаимосвязано. Не только два события, но все три.

– Ничего не понял.

– С тех пор, как ты вернулся, произошли три несчастья. – Я принялась загибать пальцы: – В Сиэтле появились новорожденные. Кто-то заходил ко мне в комнату. И, прежде всего, Виктория вернулась и ищет меня.

Эдвард задумчиво прищурился.

– И почему ты так думаешь?

– Потому что согласна с Джаспером: Вольтури привязаны к своим правилам. И скорее всего, не наломали бы таких дров. – «И если бы хотели меня убить, то я уже была бы трупом», – мысленно добавила я. – Помнишь, ты выслеживал Викторию в прошлом году?

– Да. – Эдвард нахмурился. – У меня это не очень-то получилось.

– Элис говорила, что ты ездил в Техас. Это ты за ней туда отправился?

Эдвард сдвинул брови.

– Да…

– Вот видишь! Она вполне могла подхватить там эту идею. Но сама толком не знает, что делает, поэтому новорожденные совсем отбились от рук.

Он покачал головой.

– Только Аро точно знает, как именно Элис видит будущее.

– Аро знает лучше всех, но ведь Таня, Ирина и остальные ваши друзья в Денали тоже кое-что знают, верно? Лоран жил с ними довольно долго. И если он сохранил достаточно близкие отношения с Викторией, чтобы делать ей одолжения, то почему бы ему не рассказать то, что он узнал?

Эдвард нахмурился.

– В твою комнату приходила не Виктория.

– А разве она не может завести новых дружков? Эдвард, ну сам подумай. Если Виктория в Сиэтле, то она завела множество новых друзей:

она их сделала!

Эдвард хмуро задумался.

– Хм, вполне возможно, – наконец сказал он. – Хотя я все же думаю, что это больше похоже на Вольтури… Но твоя теория… в ней что-то есть. Очень похоже на Викторию – вполне в ее характере. Она с самого начала показала недюжинную способность к выживанию – возможно, это ее главный талант. В любом случае, такой план лично ей ничем не грозит: мы до нее не доберемся, она будет спокойненько сидеть в тылу, пока новорожденные устраивают здесь бойню. Да и со стороны Вольтури ей тоже ничего не грозит. Очень может быть, что она рассчитывает на нашу победу – хотя и дорогой для нас ценой. И тогда из ее маленького войска не останется ни одного свидетеля, который бы показал на нее пальцем. Вообще-то, – продолжал Эдвард, размышляя вслух, – по-моему, оставшихся в живых свидетелей она сама уничтожит… Хм. Нет, все-таки на ее стороне есть, по крайней мере, еще один взрослый вампир: ни один новорожденный твоего отца в живых бы не оставил…

Эдвард долго хмурился в пространство, а потом вдруг вышел из задумчивости и улыбнулся.

– Вполне логичная теория. Тем не менее мы должны быть готовы ко всему, пока не будем стопроцентно уверены. Ты сегодня очень догадлива, – добавил он. – Просто невероятно догадлива!

Я вздохнула.

– Наверное, эта поляна на меня так подействовала. Здесь мне кажется, что Виктория где-то поблизости… будто следит за мной.

Эдвард стиснул зубы.

– Белла, она тебя никогда и пальцем не тронет!

Тем не менее он внимательно оглядел темные деревья. Вглядываясь в лесные тени, Эдвард оскалился, и в его глазах загорелся странный огонек – дикая, яростная надежда.

– Я бы дорого дал, чтобы Виктория в самом деле оказалась так близко, – пробормотал он. – Она, а также все остальные, кому хоть раз пришло в голову причинить тебе боль. Тогда у меня был бы шанс положить этому конец – собственноручно.

Кровожадность в его голосе заставила меня вздрогнуть. Я крепче стиснула в ладони его пальцы – если бы мне хватило сил навсегда соединить наши руки!

Мы уже почти подошли к остальным, и только тут я заметила, что Элис не разделяет всеобщего оптимизма. Она стояла в сторонке, надув губы, и смотрела, как Джаспер потягивается, словно делая зарядку.

– Что стряслось с Элис? – прошептала я.

Эдвард пришел в себя и хихикнул.

– Оборотни идут сюда, поэтому она ничего не видит в ближайшем будущем. А этого Элис терпеть не может.

Элис, хотя и стояла от нас дальше всех, все же услышала тихий голос Эдварда. Она подняла глаза и показала брату язык. Эдвард снова засмеялся.

– Привет, Эдвард, – сказал Эмметт. – Привет, Белла. Он что, хочет дать и тебе возможность поразмяться?

Эдвард застонал.

– Эмметт, не морочь ей голову!

– Когда придут наши гости? – спросил Эдварда Карлайл.

Эдвард сосредоточился на мгновение и вздохнул.

– Минуты через полторы. Но мне придется переводить: они пока не доверяют нам настолько, чтобы принять свой человеческий облик.

Карлайл кивнул.

– Для них это очень непросто. Я благодарен уже за то, что они вообще согласились прийти.

– Они придут в облике волков? – удивилась я.

Эдвард настороженно кивнул. Я сглотнула, припомнив те случаи, когда видела Джейкоба в волчьем обличье: первый раз на лугу с Лораном, а второй – в лесу, когда Пол разозлился на меня… Оба раза было от чего запаниковать…

В глазах Эдварда блеснул странный огонек: будто ему пришла в голову мысль, причем не такая уж неприятная. Он быстро отвернулся от меня и посмотрел на остальных.

– Приготовьтесь: они дают нам время.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Элис.

– Тише, – предупредил он, глядя мимо нее в темноту.

Собравшиеся в кружок Каллены внезапно рассредоточились, вытянувшись в одну линию с Джаспером и Эмметтом во главе. Эдвард наклонился ко мне с таким видом, что сразу стало ясно: он тоже хотел бы стоять рядом с теми двумя.

Я стиснула его руку. Прищурилась, вглядываясь в лес, но ничего не увидела.

– Черт побери! – пробормотал Эмметт себе под нос. – В жизни не видал ничего подобного!

Эсми и Розали переглянулись.

– Что такое? – как можно тише прошептала я. – Я ничего не вижу.

– Стая выросла, – шепнул он в ответ.

Разве я не говорила ему, что Квил теперь тоже в стае? Я вглядывалась в сумрак, высматривая шесть волков. Наконец в темноте что-то блеснуло – глаза, но гораздо выше, чем я ожидала. Я уже и забыла, какие они огромные – как лошади, да еще сплошь покрытые мускулами и мехом. И клыки как кинжалы – невозможно не заметить.

Я видела только глаза. Пытаясь получше разглядеть остальное, я заметила, что глаз не шесть пар, а больше. Одна, две, три… Я пересчитала – дважды.

Десять волков.

– Ничего себе! – почти беззвучно пробормотал Эдвард.

Карлайл нарочито медленно шагнул вперед. Намеренно осторожное движение должно было успокоить гостей.

– Добро пожаловать, – приветствовал он невидимых в темноте волков.

– Спасибо, – сказал Эдвард незнакомым, ровным голосом – и я сразу поняла, что ответил Сэм.

Я посмотрела на глаза, сверкавшие в центре группы – выше всех остальных, самый огромный волк из стаи. В темноте невозможно было разглядеть громадного черного волка.

Эдвард снова заговорил тем же отчужденным голосом, передавая слова Сэма.

– Мы будем смотреть и слушать – но и только. На большее нашего самообладания не хватит.

– Этого более чем достаточно, – согласился Карлайл. – Мой сын Джаспер, – он махнул в сторону напрягшегося в полной готовности Джаспера, – имеет некоторый опыт. Он расскажет нам, как они дерутся и как их можно победить. Уверен, вам пригодятся эти знания.

– Они отличаются от вас? – спросил Эдвард от имени Сэма.

Карлайл кивнул.

– Они совсем молодые – в этой жизни им всего несколько месяцев. Можно сказать, они еще дети. У них нет ни боевых навыков, ни стратегии – только грубая сила. Сегодня их двадцать. Десять для нас, и десять для вас – это должно быть несложно. Их может стать меньше: они дерутся друг с другом.

Волки заворчали – и в этом негромком рычании явственно слышалось воодушевление.

– Если надо, мы готовы взять на себя больше половины, – перевел Эдвард – в этот раз менее равнодушным тоном.

Карлайл улыбнулся.

– Посмотрим, что из этого получится.

– Вы знаете, когда и как они появятся?

– Они придут с гор через четыре дня. Элис поможет нам перехватить их, когда они приблизятся.

– Спасибо за информацию. Мы останемся посмотреть.

Послышался вздох, и глаза, одна пара за другой, опустились ближе к земле.

На пару секунд воцарилось молчание. Потом Джаспер сделал шаг в пустое пространство между вампирами и оборотнями. Джаспера трудно было не увидеть в темноте: его кожа сверкала так же ярко, как волчьи глаза. Он бросил настороженный взгляд на Эдварда. Тот кивнул. Тогда Джаспер повернулся спиной к оборотням и вздохнул, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

– Карлайл прав, – заговорил Джаспер, обращаясь к нам: похоже, он старательно игнорировал слушателей за своей спиной. – Они дерутся, как дети. Вы должны запомнить две важные вещи: во-первых, не давайте им обхватить вас руками, а во-вторых, не совершайте самых очевидных маневров. Это все, на что они способны. Нападайте на них сбоку и не стойте на месте. Тогда они растеряются и не смогут дать отпор. Эмметт?

Широко улыбаясь, Эмметт вышел из шеренги.

Джаспер отступил к северному краю поляны, встав между двумя армиями. Потом махнул Эмметту.

– Так, Эмметт пойдет первым. Он покажет, как нападают новорожденные.

Эмметт прищурился.

– Я очень постараюсь никому ничего не сломать, – пробормотал он.

Джаспер ухмыльнулся.

– На самом деле я имел в виду, что Эмметт полагается на силу. Он атакует в лоб. Точно так же и новорожденные: ни на какие ухищрения они не способны. Эмметт, нападай самым простым способом.

Джаспер отошел на несколько шагов назад и напрягся.

– Давай, Эмметт, поймай меня.

И тут Джаспер превратился в расплывчатый силуэт, на который с рычанием бросался Эмметт, как разъяренный медведь. Эмметт тоже двигался с поразительной быстротой, но все же медленнее Джаспера – тот вообще был похож на привидение: когда казалось, что ручищи Эмметта вот-вот его схватят, он растворялся, оставляя на месте себя пустоту.

Эдвард напряженно склонился вперед, неотрывно глядя на потасовку.

Эмметт замер. Джаспер обхватил его сзади, готовый вонзить зубы в горло.

Эмметт чертыхнулся.

Внимательно наблюдавшие волки одобрительно заворчали.

– Еще раз! – настаивал Эмметт, уже без улыбки.

– Моя очередь! – возразил Эдвард.

Я стиснула его ладонь.

– Минутку, – ухмыльнулся Джаспер, отступая. – Сначала я хочу показать кое-что для Беллы.

Я встревоженно наблюдала, как он махнул рукой, вызывая Элис.

– Я знаю, что ты за нее беспокоишься, – объяснил Джаспер, пока Элис танцующей походкой выходила вперед. – Сейчас ты увидишь, что волноваться нет причин.

Хотя я прекрасно знала, что Джаспер ни за что не позволит ни единому волоску упасть с головы Элис, было страшновато смотреть, как он припал к земле, готовясь к нападению. Элис стояла неподвижно, спокойно улыбаясь, – после Эмметта она казалась крохотной куколкой. Джаспер качнулся вперед и крадучись двинулся влево.

Элис закрыла глаза.

Мое сердце забилось с перебоями. Джаспер приближался к Элис.

Он прыгнул – и исчез. И вдруг оказался по другую сторону Элис, хотя она вроде бы даже не двинулась с места.

Джаспер резко развернулся и снова прыгнул – и опять, как и в первый раз, приземлился на корточки позади Элис. Все это время Элис неподвижно стояла, закрыв глаза и улыбаясь.

Теперь я наблюдала за ней внимательнее.

На самом деле Элис все же двигалась: просто я этого не замечала, отвлекаясь на действия Джаспера. Элис делала маленький шаг вперед в то самое мгновение, когда тело Джаспера пролетало там, где она только что стояла. Еще один шаг – и вместо талии Элис руки Джаспера схватили пустоту.

Джаспер подошел ближе, и Элис стала двигаться быстрее. Она танцевала: кружилась, изгибалась и уклонялась. Джаспер танцевал вместе с ней: бросался вперед, протягивал руки, ни разу не коснувшись ее, словно все их движения были отработаны заранее.

Элис вдруг оказалась на спине Джаспера, уткнувшись губами в шею.

– Попался! – со смехом сказала она и поцеловала его в шею.

Джаспер крякнул и покачал головой.

– Ты ужасное маленькое чудовище!

Волки снова заворчали – на этот раз настороженно.

– Это пойдет им на пользу: научит нас уважать, – пробормотал

позабавленный Эдвард. И добавил громче: – Моя очередь!

Он сжал мою руку, прежде чем отпустить ее.

Элис подошла и встала рядом со мной.

– Здорово, да? – спросила она, довольная собой.

– Еще как! – согласилась я, не отрывая взгляда от Эдварда, который бесшумно скользил навстречу Джасперу – гибкий и настороженный, как дикий кот.

– Белла, я с тебя глаз не свожу, – внезапно прошептала мне на ухо Элис – так тихо, что я ее едва услышала.

Я глянула на нее и снова перевела взгляд на Эдварда, который полностью сосредоточился на Джаспере: оба делали обманные выпады.

Элис смотрела на меня с упреком.

– Я все расскажу ему, если ты начнешь всерьез продумывать свои планы, – пригрозила она все тем же еле слышным шепотом. – Кому станет лучше от того, что ты окажешься в опасности? Ты думаешь, кого-то остановит твоя смерть? Они все равно будут драться – все мы будем драться. Ты ничего не в силах изменить, так что будь умницей, ладно?

Я поморщилась, пытаясь не обращать на нее внимания.

– Я за тобой слежу, – повторила Элис.

Эдвард приблизился к Джасперу, и в этой схватке, в отличие от предыдущих, силы соперников были почти равны. Сто лет боевых схваток многому научили Джаспера, и он пытался действовать чисто инстинктивно, однако мысли всегда выдавали его действия на долю секунды раньше. Эдвард был немного быстрее, но Джаспер использовал незнакомые ему приемы.

Соперники снова и снова бросались друг на друга, то и дело непроизвольно взбрыкивая, однако ни один из них не мог взять верх. Смотреть на это было трудно, а не смотреть – невозможно. Они двигались слишком быстро, и я не успевала уследить за их действиями. Время от времени я замечала внимательные взгляды волков: уж они-то видели куда больше меня – может, даже больше, чем им следовало видеть.

В конце концов Карлайл кашлянул.

Джаспер засмеялся и отступил. Эдвард расправил плечи и ухмыльнулся.

– Побаловались и хватит, – сказал Джаспер. – Пусть будет ничья.

Остальные тоже попробовали померяться силами с Джаспером: Карлайл, затем Розали, Эсми и снова Эмметт. Я прищурилась, с содроганием наблюдая, как Джаспер нападает на Эсми, – смотреть на это было труднее всего. Потом Джаспер сбавил темп, хотя я по-прежнему не

успевала уследить за его движениями, и стал подсказывать Эсми:

– Видишь, что я сделал? – спрашивал он. И подбадривал: – Да, именно так. Внимательнее смотри по сторонам, не забывай, куда он будет целиться. Не стой на месте.

Эдвард все время сосредоточенно слушал и наблюдал – в том числе за тем, чего не видели остальные.

Следить за схваткой становилось все труднее: меня тянуло в сон. В последнее время я вообще плохо спала, а почти сутки совсем не смыкала глаз. Я привалилась к Эдварду, позволив векам сомкнуться.

– Мы почти закончили, – прошептал он.

Джаспер подтвердил его слова: впервые повернулся к волкам, чувствуя себя явно неловко.

– Завтра мы снова будем тренироваться. Можете прийти посмотреть, если хотите.

– Да, – ответил Эдвард голосом Сэма. – Мы придем.

Эдвард вздохнул, потрепал меня по руке и отошел в сторону.

– Стая хотела бы ознакомиться с нашим запахом, – сказал он. – Чтобы не перепутать в будущем. Если мы будем стоять очень смирно, то им будет проще.

– Конечно, – ответил Карлайл Сэму. – Мы сделаем все, что вам необходимо.

Волчья стая хрипло заворчала, поднимаясь.

Позабыв усталость, я смотрела во все глаза.

Чернота ночи начинала светлеть: солнце подсветило облака на другой стороне гор, хотя и не вышло пока из-за горизонта. Когда волки подошли ближе, я смогла разглядеть их тела и окраску.

Сэм, конечно же, шел впереди: невероятно огромный, черный, как ночь, настоящее чудовище из кошмарного сна. После того как я впервые увидела Сэма и всю стаю на поляне, они не раз появлялись в моих кошмарах.

Теперь, когда за каждой парой глаз было видно гигантское тело, стая показалась мне огромной – пожалуй, волков даже больше десятка.

Краем глаза я заметила, что Эдвард внимательно наблюдает за мной.

Сэм подошел к стоявшему впереди всех Карлайлу. Стая следовала по пятам за вожаком. Джаспер напрягся. А вот Эмметт спокойно ухмылялся.

Сэм понюхал Карлайла – и, кажется, слегка поморщился. Потом перешел к Джасперу.

Я обвела взглядом настороженную стаю: в ней определенно появились новые члены. Светло-серый волк был меньше всех остальных; шерсть на

его загривке стояла дыбом от отвращения. Еще один новичок песчаного цвета казался неуклюжим и угловатым по сравнению с остальными; он тихо заскулил, потеряв самообладание, когда Сэм двинулся вперед, оставив его одного между Карлайлом и Джаспером.

Мой взгляд остановился на волке позади Сэма: косматая красновато-коричневая шерсть длиннее, чем у других; ростом почти с Сэма и выше всех остальных. Волк стоял спокойно, с невозмутимым видом принимая то, что другим определенно не нравилось.

Огромный красновато-коричневый волк почувствовал мой взгляд и поднял на меня знакомые черные глаза.

Я уставилась на него, пытаясь поверить в то, что уже знала. На моем лице отразились восхищение и любопытство.

Волк открыл пасть, обнажая клыки, – я бы испугалась, если бы он не вывалил язык набок в волчьей усмешке.

Я хихикнула.

Ухмылка Джейкоба стала еще шире. Он покинул строй, не обращая внимания на взгляды собратьев. Неторопливо прошелся мимо Эдварда и Элис и, бросив короткий взгляд на Эдварда, встал на расстоянии вытянутой руки передо мной.

Эдвард стоял неподвижно, наблюдая за моей реакцией.

Джейкоб пригнулся на передних лапах, опустив голову так, чтобы морда оказалась на уровне моего лица, и тоже вглядывался в меня.

– Джейкоб? – выдохнула я.

В ответ послышалось низкое рычание, которое прозвучало как смех.

Я протянула руку и дрожащими пальцами погладила красновато-коричневую шерсть на морде.

Черные глаза закрылись, и Джейкоб подставил голову под мою руку. Из его горла раздалось утробное урчание.

Шерсть оказалась шелковистой и жесткой, а еще теплой. Я с любопытством провела по ней пальцами, привыкая к ощущению, и погладила шею, где мех становился темнее. Я даже не заметила, как близко подошла: без всякого предупреждения Джейкоб вдруг лизнул меня в лицо – от подбородка до самого лба!

– Фу, Джейк! – пожаловалась я, отскакивая назад и замахиваясь на него, как если бы он был человеком.

Джейкоб увернулся, и лающий кашель сквозь зубы прозвучал как смех.

Я вытерла лицо рукавом рубашки и тоже не удержалась от смеха.

И тут я поняла, что на нас смотрят все: и Каллены, и оборотни. На лицах Калленов отразилось замешательство – с долей отвращения. Что

подумали волки, сказать было трудно. По-моему, Сэму это не понравилось.

Ко всему прочему Эдвард был напряжен и явно разочарован. Кажется, он надеялся на другую реакцию с моей стороны – например, вопль ужаса и паническое бегство.

Джейкоб снова засмеялся лающим кашлем.

Остальные волки попятились, не сводя глаз с Калленов. Джейкоб стоял рядом со мной, глядя на уходящих собратьев, которые вскоре растаяли в сумраке леса. Только двое задержались возле деревьев, озабоченно наблюдая за Джейкобом.

Эдвард вздохнул и, не обращая внимания на Джейка, подошел ко мне и взял за руку.

– Пошли? – спросил он.

Прежде чем я успела ответить, он посмотрел поверх моей головы на Джейкоба.

– Я пока еще не обдумал все детали, – сказал Эдвард, отвечая на немой вопрос.

Джейкоб недовольно заворчал.

– Все не так просто, – объяснил Эдвард. – Не ломай себе голову, я найду для нее безопасное место.

– О чем это вы? – спросила я.

– Да так, стратегию обсуждаем, – ответил Эдвард.

Джейкоб повертел головой туда-сюда, вглядываясь в наши лица. И вдруг метнулся к лесу. Только тогда я заметила сверток черной ткани, привязанный к его задней ноге.

– Подожди! – Я непроизвольно протянула руку ему вслед, но Джейкоб исчез за деревьями, и два других волка тоже.

– Почему он ушел? – обиженно спросила я.

– Он вернется, – сказал Эдвард и вздохнул: – Хочет поговорить с тобой без переводчика.

Я наблюдала за окраиной леса, куда умчался Джейкоб. От усталости я ног под собой не чуяла и снова привалилась к плечу Эдварда.

Джейкоб появился в поле зрения – на этот раз в человеческом облике: взлохмаченный, обнаженный по пояс, одетый только в черные спортивные штаны и босой, несмотря на холод. Он вышел из лесу один, но его друзья скорее всего притаились за деревьями.

Каллены собрались в кружок и тихо разговаривали. Держась от них подальше, Джейкоб быстро пересек поляну и подошел к нам.

– Ну что, пиявка, – сказал Джейкоб, продолжая начатый разговор, который я пропустила. – Что в этом такого сложного?

– Я должен учесть все возможные варианты, – невозмутимо ответил Эдвард. – А если вы кого-то пропустите?

Джейкоб презрительно фыркнул.

– Ладно, тогда пусть остается в резервации. Мы все равно оставляем здесь Коллина и Брейди. Там она будет в безопасности.

– Это вы обо мне? – прорычала я.

– Я всего лишь поинтересовался, куда он собирается тебя отправить на время драки, – объяснил Джейкоб.

– Отправить?

– Белла, тебе нельзя оставаться в Форксе, – примирительно сказал Эдвард. – Они знают, где там тебя искать. А если кто-то проскользнет мимо нас?

Сердце у меня екнуло, и кровь отхлынула от лица.

– А как же Чарли? – ахнула я.

– Он будет с Билли, – успокоил меня Джейкоб. – Если моему отцу придется пойти на убийство, чтобы доставить Чарли, он это сделает. Но скорее всего, до убийства не дойдет: ведь это суббота, значит, будет матч.

– В эту субботу? – Голова у меня закружилась. Мысли спутались. Я посмотрела на Эдварда и нахмурилась: – Вот черт! Пропал твой подарок!

Эдвард засмеялся.

– Дорого внимание, – напомнил он. – Можешь отдать билеты кому-нибудь другому.

– Анжела и Бен! – осенило меня. – По крайней мере, благодаря этому они уедут из города.

– Ты не можешь эвакуировать весь город, – мягко сказал Эдвард и погладил меня по щеке. – Я хочу спрятать тебя просто на всякий случай. Ведь я же говорил: теперь все проблемы решены. Они нам на один зуб.

– Так как насчет того, чтобы оставить ее в Ла-Пуш? – нетерпеливо вмешался Джейкоб.

– Она слишком часто ездила туда-сюда, – ответил Эдвард. – Ее запах остался повсюду. Элис видит только очень молодых вампиров, выходящих на охоту, но, судя по всему, кто-то их создал. За этим стоит кто-то более опытный. И кем бы он – или она – Эдвард многозначительно посмотрел на меня – ни был, все это может быть подстроено для отвода глаз. Элис увидит, если он сам решит заняться поисками, но на тот момент мы будем слишком заняты. Возможно, кто-то именно на это и рассчитывает. Я не могу оставить Беллу там, где она часто бывала. На всякий случай она должна быть хорошо спрятана. Возможно, я преувеличиваю опасность, но рисковать не стану.

Я хмуро уставилась на Эдварда, выслушивая его объяснения. Он потрепал меня по руке.

– Я всего лишь хочу перестраховаться, – сказал он.

Джейкоб махнул в сторону густого леса к востоку от нас, где раскинулись горы.

– Ну так спрячь ее там, – предложил он. – Места полно, причем в случае необходимости один из нас может примчаться туда за несколько минут.

Эдвард покачал головой.

– У нее слишком сильный запах. А в сочетании с моим его легко распознать. Даже если я понесу Беллу на руках, мы оставим след. Мы и так везде наследили в горах, но вместе с запахом Беллы это привлечет их внимание. Мы ведь не знаем наверняка, каким именно путем они пойдут, потому что они сами еще этого не знают. И если им попадется ее запах до того, как они наткнутся на нас…

Они одновременно поморщились.

– Видишь, не все так просто.

– Должен быть какой-то выход, – пробормотал Джейкоб, поджав губы и уставившись на лес.

Я покачнулась. Эдвард обхватил меня за талию и прижал к себе, не давая упасть.

– Ты совсем выдохлась – пора отвести тебя домой. Да и Чарли скоро проснется…

– Погоди-ка! – Джейкоб резко развернулся. Его глаза горели. – Ведь тебе противен мой запах, верно?

– Неплохая идея. – Эдвард понял его с полуслова. – Может сработать. – Он повернулся к своим. – Джаспер!

Тот с любопытством поднял взгляд и подошел. Элис последовала за ним – вид у нее был недовольный.

– Джейкоб, давай! – кивнул Эдвард.

Джейкоб повернулся ко мне. На его лице отражалась странная смесь чувств: ему определенно не терпелось опробовать только что придуманный план, а с другой стороны, его нервировала близость врагов, ставших союзниками.

И тут пришла моя очередь насторожиться, потому что Джейкоб протянул ко мне руки.

Эдвард глубоко вздохнул.

– Мы хотим проверить, удастся ли мне перебить твой запах настолько, чтобы сбить их со следа, – объяснил Джейкоб.

Я подозрительно посмотрела на его распахнутые объятия.

– Белла, тебе придется позволить ему взять тебя на руки, – сказал Эдвард.

В его спокойном голосе я почувствовала сдержанную неприязнь.

Я нахмурилась.

Джейкоб нетерпеливо хмыкнул, нагнулся и подхватил меня на руки.

– Ну что ты как маленькая! – пробормотал он.

И все же бросил взгляд на Эдварда. Я сделала то же самое: Эдвард выглядел невозмутимым и хладнокровным.

– Я слишком хорошо чувствую запах Беллы, – сказал он Джасперу. – Будет лучше, если кто-то другой пойдет по следу.

Джейкоб повернулся и побежал в лес. Нас поглотил сумрак. Я молча дулась, чувствуя себя неловко в объятиях Джейкоба: уж слишком крепко он прижимал меня. Интересно, сам-то он что чувствует? Происходящее слишком напоминало нашу последнюю встречу в Ла-Пуш, а об этом мне думать не хотелось. Я скрестила руки на груди – черт, совсем забыла про дурацкую шину!

Далеко мы не пошли: Джейкоб сделал круг и вернулся на поляну с другого конца, примерно на половину футбольного поля дальше того места, где мы начали. Эдвард стоял там в одиночестве, и Джейкоб пошел прямо к нему.

– Теперь уже можешь меня отпустить!

– Мне бы не хотелось нарушать чистоту эксперимента. – Джейкоб пошел медленнее и крепче прижал меня к себе.

– Какой ты вредный! – пробормотала я.

– Спасибо за комплимент.

Джаспер и Элис внезапно появились возле Эдварда. Джейкоб сделал еще один шаг вперед и поставил меня на землю. Не оглядываясь на Джейкоба, я подошла к Эдварду и взяла его за руку.

– Ну как? – спросила я.

– Белла, если ты не будешь ни к чему прикасаться, то вряд ли кому-нибудь захочется принюхаться к этому следу так близко, чтобы уловить твой запах, – ответил Джаспер и поморщился. – Его почти невозможно различить.

– Все получилось просто замечательно! – согласилась Элис, сморщив нос.

– И это навело меня на мысль.

– Которая явно сработает, – уверенно добавила Элис.

– Очень остроумная идея, – согласился Эдвард.

– И как ты только это терпишь? – пробормотал Джейкоб, обращаясь ко мне.

Эдвард пропустил слова Джейкоба мимо ушей и посмотрел на меня.

– Мы, то есть ты, оставим ложный след, ведущий на поляну. Новорожденные одуреют от твоего запаха и пойдут именно туда, куда нам нужно, не особенно заботясь об осторожности. Элис уже видит, что это сработает. Когда они почувствуют наш запах, то разделятся на группы и попробуют зажать нас в клещи. Половина пойдет в лес, где видение Элис внезапно обрывается…

– Еще бы! – прошипел Джейкоб.

Эдвард улыбнулся ему – вполне по-дружески.

Меня затошнило: и как они только могут так увлеченно рассуждать о таком? Они оба будут в опасности! Я этого просто не вынесу.

– Ни за что! – внезапно сказал Эдвард полным отвращения голосом.

Я подпрыгнула от страха: неужели он услышал мои мысли? Но Эдвард смотрел на Джаспера.

– Да ладно, ладно, – торопливо ответил Джаспер. – Всего лишь в голову пришло.

Элис наступила ему на ногу.

– Если бы Белла в самом деле была на поляне, – объяснил ей Джаспер, – то они бы совсем с ума сошли и забыли все на свете. Тогда бы мы их запросто сделали…

Хмурый взгляд Эдварда заставил Джаспера пойти на попятную.

– Конечно же, это слишком опасно для Беллы. Ну пришла мне в голову дурацкая мысль, – торопливо добавил он.

Но я заметила, как он с сожалением глянул на меня краем глаза.

– Даже и не думай, – решительно сказал Эдвард.

– Ты прав, – ответил Джаспер. Взял Элис за руку и пошел обратно к остальным Калленам. – Лучшие два из трех? – спросил он у Элис, когда они снова принялись тренироваться.

Джейкоб с отвращением проводил его взглядом.

– Джаспер смотрит на вещи с точки зрения военного, – тихо заметил Эдвард, оправдывая брата. – Рассматривает все возможные варианты: это добросовестность, а не жестокость.

Джейкоб фыркнул.

Поглощенный обдумыванием вариантов, он бессознательно подошел совсем близко. Стоя между ним и Эдвардом, я физически ощущала висевшее в воздухе неприятное напряжение, похожее на статическое электричество.

Эдвард снова перешел к делу:

– В пятницу днем я приведу Беллу сюда, чтобы оставить ложный след. Потом подойдешь ты и отнесешь ее в одно надежное место. На него трудно наткнуться случайно и там легко обороняться, хотя до этого вряд ли дойдет. Я приду туда другим путем.

– А потом что? – скептически спросил Джейкоб. – Дадим мобильник и оставим ее одну?

– У тебя есть идея получше?

– Вообще-то, да, – самодовольно ответил Джейкоб.

– Хм… Ну что ж, песик, еще одна неплохая мысль.

Джейкоб быстро повернулся ко мне – похоже, он намерен играть роль славного парня, позволяя мне участвовать в разговоре.

– Мы попытались уговорить Сета остаться дома вместе с двумя самыми молодыми волками. Он все еще очень молод, но ужасно упрям и уперся, как бык. Так что я придумал для него новое задание – мобильный телефон.

Я сделала вид, что все поняла, но никто не обманулся.

– Пока Сет Клируотер остается в обличье волка, он связан со всей стаей, – пояснил Эдвард. – Расстояние ведь не имеет значения, верно? – спросил он, поворачиваясь к Джейкобу.

– Никакого.

– Триста миль? – удивился Эдвард. – Ничего себе!

Джейкоб снова разыгрывал славного парня.

– Просто дальше мы пока не заходили, – сказал он мне. – И все равно прекрасно слышно.

Я рассеянно кивнула. Голова кружилась от мысли, что малыш Сет уже стал оборотнем! Я видела перед собой его сияющую улыбку – он так похож на Джейкоба, когда тот был младше. Восторженность Сета на вечеринке у костра внезапно предстала передо мной в другом свете.

– Неплохая идея, – неохотно признался Эдвард. – Мне будет спокойнее, когда Сет рядом с Беллой, даже без мгновенной связи. Не знаю, смогу ли я оставить Беллу одну. Но подумать только, до чего дошло! Довериться оборотню!

– Драться вместе с вампирами, а не против них! – с точно таким же отвращением отозвался Джейкоб.

– Драться все-таки придется именно с вампирами, – заметил Эдвард.

– Именно поэтому мы и пришли сюда, – улыбнулся Джейкоб.

Глава девятнадцатая
Эгоизм

Эдвард отнес меня домой на руках, решив, что я не в состоянии удержаться у него на спине. По дороге я, должно быть, уснула.

Проснулась в своей постели. В окно лился неяркий свет под странным углом – как будто уже день.

Я зевнула и потянулась. Протянула руку, но встретила пустоту.

– Эдвард? – позвала я.

Мои пальцы наткнулись на что-то прохладное и гладкое – его рука.

– Ты в самом деле уже проснулась? – пробормотал он.

Я утвердительно хмыкнула.

– А что, было много ложных тревог?

– Ты себе места не находила. И весь день разговаривала.

– Весь день? – Я моргнула и снова посмотрела на окно.

– У тебя выдалась очень длинная ночь, – успокоил он меня. – Ты вполне заслужила возможность поваляться денек в постели.

Я села, и голова у меня закружилась. Свет действительно падал в окна с запада.

– Ничего себе!

– Проголодалась? – спросил Эдвард. – Хочешь, принесу тебе завтрак в постель?

– Не надо, – простонала я и потянулась. – Мне пора встать и поразмяться немного.

По дороге на кухню Эдвард держал меня за руку и смотрел так, словно я вот-вот упаду. А может, решил, что я все еще сплю.

С завтраком я возиться не стала: решила ограничиться гренками. Увидев свое отражение в хромированной стенке тостера, я ахнула:

– Ну и чучело!

– Ночь оказалась долгой, – утешил меня Эдвард. – Лучше бы ты никуда не ходила и выспалась.

– Ага, и пропустила все на свете! Знаешь, пора бы тебе привыкнуть, что теперь я тоже член семьи.

Он улыбнулся.

– Пожалуй, я не прочь попробовать.

Я села за стол и собралась откусить кусок гренки. Эдвард сел рядом –

и уставился на мою руку. Только тогда я заметила, что все еще не сняла подаренный Джейкобом браслет.

– Можно? – спросил Эдвард, протягивая руку к крохотному волку, вырезанному из дерева.

Я шумно сглотнула.

– Конечно.

Эдвард подставил белоснежную ладонь под фигурку. На секунду я испугалась: малейшее движение пальцев сотрет волка в порошок.

Но Эдвард ведь никогда не сделает ничего подобного. Как мне такое в голову могло прийти! Он всего лишь взвесил фигурку на ладони и тут же убрал руку. Волк, покачнувшись, повис на браслете.

Я попыталась прочитать выражение глаз Эдварда и увидела в них только задумчивость: все остальное он скрывал – если там еще что-то было.

– Джейкоб Блэк имеет право дарить тебе подарки.

Это прозвучало не как вопрос или обвинение, а просто как констатация факта. Но я-то знала, что Эдвард имеет в виду мой последний день рождения и истерику, которую я устроила из-за подарков: никаких подарков я не хотела. Особенно от Эдварда. Логике мои решения не поддавались.

– Ты тоже дарил мне подарки, – напомнила я. – Ты же знаешь, я предпочитаю вещи, сделанные своими руками.

Эдвард нахмурился.

– А как насчет уже не нового подарка? На такое ты согласишься?

– Ты о чем?

– Этот браслет. – Эдвард провел пальцем по моему запястью. – Ты часто будешь его носить?

Я пожала плечами.

– Потому что не захочешь обидеть Джейкоба, – проницательно предположил Эдвард.

– Ну да, пожалуй.

– А тебе не кажется, что в таком случае было бы справедливо, если бы я тоже дал тебе амулетик? – Эдвард повернул мою руку ладонью вверх и провел пальцем по венам на запястье.

– Амулетик?

– Напоминание – чтобы ты и обо мне не забывала.

– Я и так все время о тебе думаю – без всяких напоминаний.

– Но если я дам тебе одну штучку, ты будешь ее носить? – не отступался он.

– Уже не новую штучку? – уточнила я.

– Да. То, что я сам долго носил. – Эдвард улыбнулся ангельской улыбкой.

Если его реакция на подарок Джейкоба только этим и ограничится, то я легко отделалась!

– Если тебе этого так хочется, то конечно, – ответила я.

– А ты заметила неравенство? – укоризненно спросил Эдвард. – Я вот заметил.

– Какое еще неравенство?

Он прищурился.

– Всем остальным ты позволяешь дарить тебе подарки. Всем, кроме меня. Я бы с удовольствием подарил тебе что-нибудь на выпускной, но не стал. Знал, что мой подарок тебя расстроит сильнее, чем если бы кто-то другой это сделал. Как ты объяснишь такую ужасную несправедливость?

– Да что тут объяснять? – Я пожала плечами. – Ты для меня важнее всех остальных. И подарил мне себя. Это уже гораздо больше, чем я заслуживаю, так что дополнительные подарки только подчеркивают эту разницу между нами.

Эдвард на минуту задумался.

– Что за глупости! Ты как-то странно ко мне относишься.

Я молча жевала завтрак: Эдвард наверняка не станет слушать, если я скажу ему, что все обстоит совсем наоборот.

Запищал мобильник. Эдвард глянул на номер и только потом ответил на звонок.

– Элис, что стряслось?

Эдвард слушал, а я с внезапной дрожью ждала. Но что бы ни сказала Элис, Эдварда это не удивило. Он пару раз вздохнул.

– Я так и подумал, – ответил он, глядя мне в глаза и неодобрительно хмурясь. – Она разговаривала во сне.

Мое лицо залилось краской: что я там наговорила?

– Я этим займусь, – пообещал Эдвард. Закрыл телефон и хмуро уставился на меня: – Ты мне ничего не хочешь сказать?

Я задумалась. Учитывая предупреждение Элис вчера ночью, можно догадаться, зачем она звонила. А потом мне припомнились спутанные сны: как я бежала за Джаспером, пытаясь угнаться за ним и найти в запутанном лабиринте леса поляну, где меня наверняка ждал Эдвард… Эдвард и те чудовища, которые хотят моей крови, но на них мне было наплевать, потому что я уже приняла решение – и, похоже, Эдвард это решение подслушал, пока я спала.

Я поджала губы, не решаясь посмотреть Эдварду в глаза. Он ждал.

– Мне нравится идея Джаспера, – наконец сказала я.

Он застонал.

– Я хочу помочь. Хочу сделать хоть что-нибудь, – настаивала я.

– Подставившись под удар, ты нам ничем не поможешь.

– Джаспер так не думает. А он знает лучше!

Эдвард смотрел на меня исподлобья.

– Ты не можешь не пустить меня туда, – пригрозила я. – Я не собираюсь прятаться в лесу, пока вы все рискуете из-за меня жизнью.

Эдвард вдруг сжал губы, сдерживая улыбку.

– Белла, Элис не видит тебя на поляне. Она видит, как ты, потерявшись, бродишь по лесу. Найти нас ты не сможешь, и дело кончится тем, что мне будет труднее разыскать тебя потом.

Я постаралась держаться так же невозмутимо, как он.

– Это потому, что Элис не учла присутствие Сета, – вежливо сказала я. – Иначе она бы вообще ничего не смогла увидеть. По-моему, Сет не меньше меня хочет оказаться на поляне. Так что будет совсем нетрудно убедить его показать дорогу.

На лице Эдварда промелькнула злость, но он сделал глубокий вдох и успокоился.

– Ну что же, этот фокус мог бы пройти… если бы ты мне о нем не сказала. А теперь я попрошу Сэма дать Сету совершенно определенные инструкции. Как бы ему ни хотелось, Сет не сможет нарушить такой приказ.

Я продолжала мило улыбаться.

– А зачем Сэму отдавать такой приказ? Особенно если я скажу ему, что мое присутствие пойдет на пользу. И Сэм скорее пойдет навстречу мне, чем тебе.

Эдварду снова пришлось взять себя в руки.

– Возможно, ты права. Но я уверен, что Джейкоб будет только рад отдать нужные приказы.

Я нахмурилась.

– Почему Джейкоб?

– Потому что Джейкоб второй после Сэма. Разве он тебе об этом не сказал? Его приказы тоже должны выполняться.

Здесь я попалась – и, судя по улыбке, Эдвард это знал. Я сдвинула брови. Джейкоб будет на стороне Эдварда – в данном случае сомневаться не приходилось. И Джейкоб никогда не говорил мне о своем ранге!

Эдвард воспользовался моим замешательством и продолжил

подозрительно успокаивающим и ровным тоном:

– Вчера я заглянул в сознание стаи – куда там мыльным операм! Не думал, какими сложными могут быть взаимоотношения в такой большой стае. Взаимодействие индивидуального сознания с коллективным… Увлекательнейшая вещь!

Он пытался меня отвлечь. Я молча насупилась.

– Джейкоб хранит множество секретов, – ухмыльнулся Эдвард.

Я все так же молча смотрела на него исподлобья, ожидая возможности высказаться.

– Например, ты заметила маленького серого волка?

Я неохотно кивнула.

Эдвард хихикнул.

– Они все так серьезно относятся к своим легендам. Но к такому их ни одна легенда подготовить не смогла.

Я вздохнула.

– Ладно, я проглочу наживку. Рассказывай.

– Они всегда думали, что только прямые потомки первого волка, только его правнуки могут превращаться.

– То есть превратился кто-то посторонний?

– Да нет, с тем, что она прямой потомок спорить не приходится.

– Она? – Я моргнула и в недоумении уставилась на Эдварда.

Он кивнул.

– Она тебя знает. Ее зовут Ли Клируотер.

– Ли стала оборотнем! – завизжала я. – Как это? Когда? Почему Джейкоб не сказал мне?

– Есть вещи, о которых ему запрещено рассказывать – например, сколько всего оборотней. Как я тебе уже говорил, когда Сэм отдает приказ, стая не может его не послушаться. Джейкоб был очень осторожен и поблизости от меня думал о другом. Конечно же, после вчерашнего это все пошло насмарку.

– С ума сойти! Ли Клируотер!

Я вдруг вспомнила, как Джейкоб говорил о Ли и Сэме – он выглядел так, словно сказал больше, чем следовало, когда проговорился, что Сэму приходится смотреть Ли в глаза каждый день, зная, что он нарушил все свои обещания… И как тогда, у костра, на щеке Ли блеснула слезинка, когда Старый Квил рассказывал о бремени, которое должны нести сыновья квилетов… И как Билли все время проводит у Сью, потому что с ее детьми проблемы… Так вот в чем эти проблемы – они оба стали оборотнями!

Я редко вспоминала о Ли Клируотер: пожалела ее, узнав о смерти

Гарри, и еще потом, когда Джейкоб рассказал, как импринтинг Сэма на двоюродной сестре Эмили разбил ее сердце.

А теперь она стала членом стаи и слышит его мысли… и не может скрыть свои собственные.

«Вот чего я терпеть не могу, – как-то сказал Джейкоб. – Все, чего ты стыдишься, выложено на всеобщее обозрение».

– Бедная Ли, – прошептала я.

Эдвард фыркнул.

– От нее им всем никакого житья нет. Не уверен, что стоит ее жалеть.

– Почему это?

– Им и так нелегко, потому что они вынуждены делиться своими мыслями. Большинство членов стаи стараются помогать друг другу. Но если хотя бы один намеренно поступает всем назло, то остальным приходится несладко.

– У нее есть на то причины, – пробормотала я, все еще защищая Ли.

– Да знаю, знаю, – согласился Эдвард. – Этот их импринтинг – невероятно странная штука, а мне за свою жизнь довелось повидать немало странных вещей. – Он удивленно покачал головой. – То, как Сэм привязан к Эмили, просто невозможно передать словами. У Сэма никакого выбора не было. Это мне очень напоминает «Сон в летнюю ночь» – сплошная неразбериха, вызванная любовными заклинаниями фей… настоящее волшебство. – Он улыбнулся. – Это почти такое же сильное чувство, как то, что я испытываю к тебе.

– Бедная Ли, – повторила я. – Но что ты имел в виду, когда сказал, что она поступает всем назло?

– Ли постоянно напоминает о том, о чем остальные предпочитают не думать, – объяснил Эдвард. – Например, об Эмбри.

– А причем здесь Эмбри? – удивилась я.

– Его мать переселилась в Ла-Пуш из резервации племени мака семнадцать лет назад, когда была им беременна. Она не из квилетов. Все думали, что отец остался в племени мака. А тут вдруг Эмбри присоединился к стае.

– Ну и что?

– А то, что его отцом мог быть один из трех: Квил Атеара старший, Джошуа Улей или Билли Блэк – в то время все они, разумеется, были женаты.

– Вот это да! – ахнула я.

Эдвард прав: настоящая мыльная опера.

– А теперь Сэм, Джейкоб и Квил ломают головы, гадая, кто из них

приходится Эмбри единокровным братом. Всем хочется думать, что это Сэм, потому что его отец редко показывался дома. Но все равно сомнения остаются. Джейкоб так и не набрался храбрости спросить об этом у Билли.

– С ума сойти! Как тебе удалось так много узнать всего за одну ночь?

– Сознание стаи завораживает: они думают все вместе, и каждый по отдельности. Столько всего можно прочитать!

Эдвард сказал это с сожалением, словно человек, которому пришлось закрыть книгу на самом интересном месте. Я засмеялась.

– Стая действительно завораживает. Не меньше, чем ты завораживаешь меня, когда хочешь заморочить мне голову.

Лицо Эдварда снова стало вежливой маской – как у заядлого картежника.

– Эдвард, я должна быть на поляне.

– Нет, – ответил он тоном, не допускающим возражений.

И тут меня осенило. Мне вовсе необязательно быть именно на поляне – достаточно быть рядом с Эдвардом и неважно, где именно.

«Это жестоко, – обвинила я себя. – И очень, очень эгоистично! Не делай этого!»

Я проигнорировала собственное благоразумие. Но смотреть на Эдварда не могла и виновато уставилась в стол:

– Эдвард, послушай меня, – прошептала я. – Дело в том, что… Один раз я уже сошла с ума. Я знаю, на что я способна, а на что нет. И не выдержу, если ты снова меня оставишь.

Я не поднимала глаз, боясь увидеть, какую боль ему причинила. Достаточно было услышать, как он резко втянул воздух и замолчал. И зачем я только это сказала! Но брать свои слова обратно не стану – если мне удалось добиться своего.

Эдвард вдруг обнял меня и погладил. Он утешает меня! Чувство вины стало невыносимым. Но инстинкт самосохранения перевесил: я точно знала, что без Эдварда мне не жить.

– Белла, все совсем не так, как ты думаешь, – пробормотал он. – Я буду совсем близко, и все закончится очень быстро.

– Я этого не вынесу, – настаивала я, по-прежнему не поднимая взгляда. – Я не могу теряться в догадках, вернешься ты или нет. Как я переживу такое, даже если все закончится очень быстро?

Эдвард вздохнул.

– Белла, все будет проще простого. Бояться совершенно нет причин.

– Совсем никаких причин?

– Совсем никаких.

– И все будут живы-здоровы?

– Абсолютно все, – пообещал он.

– То есть вы и без меня прекрасно обойдетесь?

– Обойдемся. Элис только что сообщила, что теперь их всего девятнадцать. Мы с ними одной левой справимся.

– Вот именно, ты сказал, что делать там совсем нечего и кому-нибудь придется посидеть на скамейке запасных, – напомнила я. – Ты правда так думаешь?

– Да.

Все было так просто – неужели он не видит, к чему я клоню?

– Настолько нечего, что ты мог бы в этом не участвовать?

После долгого молчания я наконец осмелилась поднять на него глаза.

Лицо Эдварда снова стало маской профессионального картежника.

– Эдвард, одно из двух: или опасность больше, чем ты хочешь заставить меня поверить, и тогда я должна быть там, чтобы помочь, чем смогу. Или… или все так просто, что они и без тебя обойдутся.

Эдвард молчал.

Я знала, о чем он думает – о том же, о чем думала я: Карлайл, Эсми, Эмметт, Розали, Джаспер и… мне пришлось приложить усилие, чтобы назвать последнее имя – Элис.

Наверное, я чудовище. Не такое, каким считает себя Эдвард, а настоящее чудовище – из тех, кто причиняет людям боль. Из тех, кто не остановится ни перед чем, лишь бы получить то, что хочет.

Я хотела, чтобы Эдвард был со мной – и в безопасности. Есть ли предел тому, на что я готова ради этого пойти? Чем я готова пожертвовать? Не знаю.

– Ты просишь меня не участвовать в драке? – тихо спросил Эдвард.

– Да. – К своему удивлению, мне удалось говорить ровным голосом, хотя внутри все сжималось. – Или позволить мне быть с вами. Так или эдак – мне все равно, лишь бы мы были вместе.

Эдвард сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. Обхватил ладонями мое лицо, заставляя поднять взгляд, и долго всматривался в глаза. Интересно, что он там искал? И что нашел? Я чувствовала себя такой виноватой, что мне было тошно – отражается ли это на лице?

Он слегка прищурился и потянулся к телефону.

– Элис, – вздохнул он. – Ты не можешь немного понянчиться с Беллой? – Мне нужно поговорить с Джаспером.

Элис, по-видимому, согласилась. Эдвард убрал телефон и снова посмотрел мне в глаза.

– Что ты собираешься сказать Джасперу? – прошептала я.

– Собираюсь обсудить с ним… мое сидение на скамейке запасных.

По его лицу было видно, как тяжело ему дались эти слова.

– Прости.

Я и правда чувствовала себя виноватой. Ненавидела себя за то, что заставила его это сделать. Но не настолько, чтобы притворно улыбнуться и разрешить ему идти без меня – нет уж, далеко не настолько!

– Не извиняйся, – ответил Эдвард, слегка улыбаясь. – Белла, никогда не бойся сказать мне, что ты чувствуешь. Если тебе нужно именно это… – Он пожал плечами. – Ты для меня важнее всего остального.

– Я вовсе не хотела заставить тебя выбирать между мной и семьей.

– Знаю. Кроме того, ты вовсе не об этом попросила. Ты предложила мне два варианта, которые устраивают тебя, а я выбрал тот, который устраивает меня. Именно это и называется компромиссом.

Я уткнулась лбом ему в грудь.

– Спасибо, – прошептала я.

– Не за что, – ответил он, целуя мои волосы. – Все, чего ты захочешь.

Мы долго стояли неподвижно. Я спрятала лицо, прижавшись к рубашке Эдварда. Во мне спорили два голоса: один хотел быть правильным и храбрым, а второй велел правильному заткнуться.

– Кто такая третья жена? – внезапно спросил Эдвард.

– Что? – Я притворилась, что не поняла, пытаясь потянуть время.

Неужели мне опять приснился этот сон?

– Ты бормотала ночью что-то про третью жену. Все остальное еще имело какой-то смысл, но здесь я совсем ничего не понял.

– А, ну да. Это просто одна из легенд, которую рассказывали тогда у костра. – Я пожала плечами. – Наверное, застряла в голове.

Эдвард отстранился и склонил голову набок – похоже, его удивил мой напряженный голос.

Но прежде чем он успел поинтересоваться, в чем дело, в дверях появилась Элис.

– Ты пропустишь все самое интересное, – проворчала она.

– Привет, Элис, – поздоровался Эдвард и приподнял мой подбородок для прощального поцелуя.

– Я вернусь попозже вечером, – пообещал он. – Пойду поговорю об этом с остальными и внесу кое-какие изменения в планы.

– Ладно.

– Много изменять не придется, – заметила Элис. – Я им уже сказала. Эмметт доволен по уши.

– Ну еще бы! – вздохнул Эдвард и вышел за дверь, оставив меня наедине с хмурой Элис.

– Прости, – снова извинилась я. – Ты думаешь, это подвергнет вас большей опасности?

Элис фыркнула.

– Белла, ты слишком сильно переживаешь. Этак можно преждевременно поседеть.

– Тогда почему ты расстроилась?

– Когда Эдвард не получает то, чего хочет, он становится невыносимо ворчливым. Представляю, каково будет с ним жить в ближайшие месяцы! – Она скривилась. – Хотя, если тебе от этого легче, то оно того стоит. Но все же лучше, если бы ты не была такой пессимисткой: нет причин так нервничать.

– А ты бы отпустила Джаспера одного? – спросила я.

– Это совсем другое дело, – поморщилась Элис.

– Так уж и другое.

– Иди-ка приведи себя в порядок, – скомандовала Элис. – Чарли будет дома через пятнадцать минут, и если увидит тебя в таком замученном виде, то никуда больше не отпустит.

Черт, я ведь в самом деле целый день потеряла! Какая досада. Хорошо хоть мне не всегда придется тратить время на сон.

Когда Чарли вернулся домой, вид у меня был вполне приличный: одетая и причесанная я собирала ужин на стол. Элис сидела на месте Эдварда, и это привело Чарли в восторг.

– Привет, Элис! Как поживаешь?

– Спасибо, Чарли, хорошо.

– Ты наконец-то встала, засоня, – сказал он, когда я села за стол, и снова обратился к Элис. – Весь город говорит о вчерашней вечеринке. После нее вам наверняка придется устроить генеральную уборку.

Элис пожала плечами. Насколько я ее знаю, все уже давно убрано.

– Подумаешь, уборка, – сказала она. – Праздник удался на славу, так что оно того стоило.

– А где Эдвард? – спросил Чарли с легким недовольством в голосе. – Помогает наводить порядок?

Элис вздохнула – с разнесчастным видом. Скорее всего, она притворялась, но так здорово, что я не была уверена.

– Нет. Он с Эмметтом и Карлайлом готовится к поездке на выходных.

– Опять в горы идут?

Элис грустно кивнула.

– Да. Все, кроме меня. В конце учебного года мы всегда ходим в поход, вроде как отмечаем, но в этот раз я решила, что лучше пройтись по магазинам, чем по горам, а никто не хочет со мной оставаться. Все меня бросили.

– Элис, детка, почему бы тебе не пожить у нас? – предложил Чарли. – Мне даже страшно представить, как ты там будешь одна в таком огромном доме.

Она вздохнула. На мою ногу внезапно обрушилось что-то тяжелое.

– Ай! – вскрикнула я.

Чарли повернулся ко мне.

– Что с тобой?

Элис бросила на меня выразительный взгляд. Похоже, она решила, что сегодня до меня особенно туго доходит.

– Об стол ударилась, – пробормотала я.

– Хм. – Чарли повернулся обратно к Элис. – Ну так как, поживешь у нас?

Элис снова наступила мне на ногу – на этот раз не так сильно.

– Па, ты же знаешь, у нас тут не очень-то поживешь. Не станет же Элис спать у меня на полу…

Чарли поджал губы. Элис снова приняла разнесчастный вид.

– Тогда, может, Белла поживет с тобой, – предложил Чарли. – Пока твои не вернутся.

– Ой, Белла, ты согласишься? – Элис улыбнулась мне сияющей улыбкой. – Ты ведь не против пройтись со мной по магазинам?

– Конечно, – согласилась я. – Почему бы нам не пройтись по магазинам?

– А когда твои уезжают? – поинтересовался Чарли.

– Завтра. – Элис опять сникла.

– А когда ты хочешь, чтобы я к тебе пришла? – спросила я.

– Пожалуй, после ужина, – ответила Элис и задумчиво взялась за подбородок. – Ты ведь в субботу свободна? Я хочу поехать куда-нибудь за покупками, но это на целый день.

– Только не в Сиэтл, – вставил Чарли, сдвигая брови.

– Нет, конечно, – согласилась Элис, хотя мы обе знали, что в субботу Сиэтл будет самым безопасным местом. – Я подумывала поехать в Олимпию…

– Белла, я думаю, тебе понравится, – довольный Чарли вздохнул с облегчением. – Хоть в город выберешься.

– Да, папа, это было бы здорово.

Вот так: несколькими словами Элис обеспечила мне возможность принять участие в сражении.

Скоро вернулся Эдвард. Он без всякого удивления принял пожелания Чарли хорошо провести время. Сказал, что выезд назначен на раннее утро, и распрощался раньше, чем обычно. Элис ушла вместе с ним.

И я тут же заявила, что иду спать.

– Разве ты уже устала? – удивился Чарли.

– Немного, – соврала я.

– Неудивительно, что ты не любишь вечеринки, – пробормотал он. – Ты после них никак отоспаться не можешь.

В своей комнате я обнаружила Эдварда, развалившегося на моей постели.

– Во сколько мы встречаемся с оборотнями? – прошептала я, присоединяясь к нему.

– Через час.

– Это хорошо. Джейку и его друзьям не помешает выспаться.

– Тебе это еще нужнее, – заметил он.

Я сменила тему, решив, что Эдвард попытается уговорить меня остаться дома.

– Элис тебе сказала, что снова собирается меня похитить?

– Вообще-то, не собирается, – ухмыльнулся он.

Я молча уставилась на Эдварда, а он тихо смеялся над моим недоумением.

– Разве ты забыла, что только мне позволено тебя похищать? – спросил он. – Элис идет на охоту вместе с остальными. – Он вздохнул. – Мне-то теперь охота без надобности.

– Так это ты меня похищаешь?

Он кивнул.

Я на минуту задумалась. Там не будет Чарли, который все время прислушивается и то и дело заглядывает ко мне в комнату; не будет никогда не спящих вампиров с невероятно чутким слухом, от которого никуда не спрячешься… Только мы с Эдвардом – один на один.

– Не возражаешь? – спросил он, озабоченный моим молчанием.

– Да нет… вот разве что…

– Что? – Эдвард встревоженно смотрел на меня.

Невероятно, он все еще не уверен, что я принадлежу ему. Пожалуй, мне стоит выражаться яснее.

– Почему Элис не сказала Чарли, что ты уезжаешь сегодня? – спросила я.

Эдвард облегченно рассмеялся.

В этот раз путешествие на поляну доставило мне гораздо большее удовольствие. Я все еще чувствовала себя виноватой, все еще боялась, но не до обморока, а вполне сохраняя рассудок. Могла заглянуть дальше надвигающихся событий и надеялась, что все обойдется. Ведь Эдвард спокойно принял предложение не участвовать в схватке… вряд ли он соврал, сказав, что все будет проще простого. Эдвард не оставил бы своих родных, если бы сомневался в их безопасности. Возможно, Элис права, и я напрасно нервничаю.

На поляну мы пришли позже всех.

Джаспер и Эмметт уже боролись – судя по смеху, просто разминались. Элис и Розали наблюдали, развалившись прямо на земле. Невдалеке от них Эсми и Карлайл разговаривали, склонившись друг к другу, держась за руки и ни на что не обращая внимания.

Сегодня было гораздо светлее: луна сияла сквозь тонкий слой облаков, и я легко разглядела три волчьих силуэта. Волки сидели вокруг тренировочного ринга на некотором расстоянии друг от друга, чтобы видеть происходящее с разных сторон.

Я сразу узнала Джейкоба – даже если бы он не посмотрел на нас, заслышав наши шаги.

– А где остальная стая? – поинтересовалась я.

– Им вовсе не обязательно быть здесь всем вместе. Хватило бы и одного, но Сэм не доверяет нам настолько, чтобы послать только Джейкоба, хотя тот и настаивал. Квил и Эмбри обычно… ну, можно сказать, они его ведомые.

– Джейкоб вам доверяет.

Эдвард кивнул.

– Он уверен, что мы не попытаемся его убить. Но не больше.

– А ты сегодня тренируешься? – нерешительно спросила я, зная, что для Эдварда это почти так же тяжело, как для меня остаться дома. Или даже еще тяжелее.

– Я помогу, когда понадобится, – пожал плечами Эдвард. – Джаспер хочет попробовать неравные по силам группы и поработать с несколькими нападающими сразу.

Меня захлестнула новая волна паники.

Ведь новорожденных все равно намного больше! А из-за меня это неравенство еще и усиливается.

Я уставилась на поляну, пытаясь скрыть свои чувства.

Ох, не стоило этого делать. Мне и так с трудом удавалось убедить себя, что все будет хорошо, а отведя глаза от Калленов – их шутливая возня всего через несколько дней станет смертельной схваткой, – я наткнулась на взгляд Джейкоба.

Джейкоб улыбнулся: той же самой волчьей улыбкой, как и вчера, и вокруг глаз появились такие же морщинки, какие обычно появляются от улыбки на его человеческом лице.

Трудно поверить, что совсем недавно оборотней я боялась и кошмарные сны не давали спать по ночам.

Без всяких расспросов можно отличить Эмбри от Квила. И так ясно, что Эмбри – вон тот поджарый серый волк с темными пятнами на спине, терпеливо наблюдающий за Калленами; а Квил – темно-шоколадный, с более светлым мехом на морде и постоянно вертится, словно ему невтерпеж принять участие в дружеской потасовке. Даже в таком обличье они были не чудовищами, а друзьями.

И друзья эти выглядели гораздо более уязвимыми, чем Эмметт и Джаспер, которые двигались быстрее нападающей кобры, и на их твердой, как камень, коже поблескивал лунный свет. Мои друзья-волки, похоже, не понимали, в какое опасное дело ввязались. А ведь они все еще смертны, могут истечь кровью и даже умереть…

Уверенность Эдварда утешала: видно, что он на самом деле спокоен за своих родных. Но будет ли он переживать, если что-то случится с волками? Если это ему безразлично, то и волноваться, по его мнению, не о чем. Уверенность Эдварда могла умерить только часть моих страхов.

Я попыталась улыбнуться Джейкобу, сглатывая комок в горле. Кажется, мне это не удалось.

Джейкоб вскочил – одним легким движением, которое не вязалось с громадностью его тела, – и потрусил к тому месту на краю поляны, где стояли мы с Эдвардом.

– Привет, Джейкоб, – вежливо сказал Эдвард.

Не обращая на него ни малейшего внимания, Джейкоб уставился на меня черными глазами. Опустил голову на уровень моего лица и склонил ее набок. Из горла вырвалось тихое повизгивание.

– Со мной все в порядке, – ответила я: и без перевода Эдварда все понятно. – Просто переживаю.

Джейкоб продолжал смотреть мне в глаза.

– Он хочет знать, почему, – пробормотал Эдвард.

Джейкоб зарычал – не грозно, а раздраженно. Губы Эдварда слегка дернулись.

– В чем дело? – спросила я.

– Недоволен моим переводом. На самом деле он подумал: «Вот еще глупости. О чем тут переживать?» Я решил, что это очень грубо, и отредактировал.

Я невольно улыбнулась, хотя мне было не до смеха.

– Да уж есть о чем переживать, – сказала я Джейкобу. – Например, о глупых волках, которые сами нарываются на неприятности.

Джейкоб засмеялся лающим кашлем.

Эдвард вздохнул.

– Джасперу нужна моя помощь. Ты обойдешься без переводчика?

– Попробую.

Эдвард тоскливо поглядел на меня и пошел к Джасперу.

Я уселась прямо там, где стояла. Ох, как же холодно и жестко!

Джейкоб шагнул вперед, оглянулся на меня и тоненько взвизгнул. Сделал еще полшага.

– Иди сам, – сказала я. – Мне не хочется на это смотреть.

Джейкоб снова склонил голову набок, а потом вздохнул и улегся рядом со мной.

– Да нет, ты иди, – настаивала я.

Джейкоб молча положил голову на передние лапы.

Я вглядывалась в яркие серебристые облака, не желая смотреть на схватку: у меня и так слишком живое воображение. Потянул прохладный ветерок, и я задрожала.

Джейкоб придвинулся ко мне, прижимаясь теплым мехом к моему боку.

– Ммм, спасибо, – пробормотала я.

Через несколько минут я уже привалилась к его широкому плечу: так было гораздо удобнее.

Облака медленно двигались по небу, набегая на луну, которая становилась то ярче, то бледнее.

Я рассеянно перебирала пальцами шерсть на загривке Джейка. Из его горла снова раздалось рокочущее урчание. Такой уютный звук. Более грубый и дикий, чем мурлыканье кошки, но передающий то же самое чувство удовольствия.

– Знаешь, у меня никогда не было собаки, – призналась я. – Всегда хотела завести, но у Рене аллергия.

Джейкоб засмеялся – я почувствовала, как затряслось его тело.

– Разве ты совсем не переживаешь из-за субботы? – спросила я.

Он повернул ко мне громадную голову, чтобы я могла увидеть, как

закатился его глаз.

– Если бы и я могла относится к этому так же спокойно!

Джейкоб прислонил голову к моей ноге и снова заурчал. И от этого мне стало легче.

– Значит, завтра нам предстоит прогулочка.

Он возбужденно рыкнул.

– Дорога может оказаться очень долгой, – предупредила я. – Эдвард оценивает расстояния не так, как все нормальные люди.

Джейкоб опять зашелся лающим кашлем.

Я устроилась поудобнее на его теплом, пушистом теле и положила голову на загривок.

Странно. Хотя сейчас Джейкоб был в обличье волка, мне с ним так же хорошо, как раньше: спокойная, ровная дружеская привязанность, такая же естественная, как дыхание. Не то, что последние несколько раз, когда Джейк был человеком. Чудеса да и только: я-то думала, что наша дружба распалась именно из-за этих волчьих штучек…

На поляне продолжались убийственные игры, а я все смотрела на затянутую облаками луну.

Глава двадцатая
Компромисс

Все было готово.

Я упаковала вещи для двухдневного «визита к Элис», и моя сумка лежала на пассажирском сиденье пикапа. Билеты на концерт я отдала Анжеле, Бену и Майку. Майк собирался взять с собой Джессику – как я и планировала. Билли одолжил у Старого Квила Атеары лодку и позвал Чарли на морскую рыбалку перед началом матча. Коллин и Брейди, самые молодые оборотни, оставались для защиты Ла-Пуш – хотя оба они были совсем еще дети, им едва исполнилось тринадцать. И все же Чарли там будет в большей безопасности, чем если останется в Форксе.

Я сделала все, что в моих силах. И попыталась с этим смириться, выбросив из головы то, что не могла изменить – по крайней мере, на сегодня. Так или иначе, через сорок восемь часов все закончится – эта мысль почти утешала.

Эдвард хотел, чтобы я расслабилась, и я постаралась.

– На одну-единственную ночь можем мы забыть обо всем, кроме нас двоих? – умолял он, гипнотизируя меня взглядом. – Мне кажется, что на это у нас никогда не хватает времени. Я хочу быть с тобой – просто рядом с тобой.

Трудно было отказать в такой просьбе, хотя… легко говорить «забудь все страхи»! Но ведь сегодня ночью мы останемся наедине, и меня занимали другие мысли…

Кое-что изменилось.

Например, теперь я была готова.

Готова стать членом его семьи и частью его мира. Страх, чувство вины и боль, которые я испытывала, научили меня этому. Когда я смотрела на луну в облаках, опираясь на загривок оборотня, у меня была возможность подумать обо всем, и теперь я знала, что не испугаюсь. В следующий раз, когда что-то случится, я буду готова: стану не обузой, а опорой. Эдварду больше никогда не придется выбирать между мной и своей семьей. Мы будем вместе – как Элис и Джаспер. В следующий раз мне тоже найдется дело.

Я подожду, пока минует опасность. Пусть Эдвард успокоится. Но вообще-то, опасность не имеет значения. Я готова.

Не хватает только одного. Всего одной вещи, потому что кое-что совсем не изменилось, включая мою отчаянную любовь к нему. У меня было достаточно времени, чтобы обдумать возможное значение пари, заключенного Джаспером и Эмметтом, и решить, что именно я согласна потерять вместе со своей человеческой сущностью, а что – нет. Я знала, какое человеческое переживание хочу получить до того, как перестану быть человеком.

Поэтому сегодня ночью нам есть о чем поговорить. После всего что я видела за последние два года, я больше не верила в существование чего-то «невозможного». Чтобы остановить меня на этот раз, понадобятся причины посерьезнее.

Хотя, если честно, все будет наверняка не так-то просто, но я попытаюсь.

Несмотря на всю свою решимость, я все-таки нервничала, подъезжая к дому Эдварда. Я понятия не имела, с какого бока подойти к задуманному делу – неудивительно, что меня трясет, как в лихорадке. Эдвард сидел на месте пассажира и прятал улыбку: машину я вела со скоростью улитки. Странно, что он не попытался отобрать у меня руль; похоже, сегодня Эдвард предпочитает двигаться с той скоростью, на которую я способна.

К дому мы подъехали, когда уже стемнело. Лужайку заливал яркий свет из окон.

Не успела я заглушить двигатель, как Эдвард уже открывал мне дверцу. Одной рукой вытащил меня из кабины, другой взял из кузова мою сумку и перекинул себе через плечо. Потом впился в меня поцелуем, пинком закрыв дверцу пикапа.

Не отрываясь от моих губ, Эдвард поднял меня на руки и отнес в дом.

Я даже не знаю, была ли входная дверь уже открыта. Как бы то ни было, мы оказались внутри, и голова у меня кружилась. Пришлось напомнить себе о необходимости дышать.

Такой поцелуй меня ничуть не испугал. Это раньше я чувствовала, как страх и неуверенность пробиваются сквозь самообладание Эдварда. Теперь же, похоже, его не меньше меня обрадовала возможность провести ночь наедине. Несколько минут мы целовались, стоя прямо в прихожей. Эдвард казался гораздо менее сдержанным, чем раньше: его холодные губы нетерпеливо впивались в мои.

Во мне шевельнулась надежда: может, будет не так уж трудно получить то, чего я хочу.

Ну вот, похоже, трудности я предвидела не напрасно. Тихо посмеиваясь, Эдвард отстранил меня, удерживая на расстоянии вытянутой

руки.

– Добро пожаловать домой, – сказал он.

Его глаза лучились теплом.

– Звучит неплохо, – запыхавшись, выдохнула я.

Он осторожно поставил меня на ноги. Я обхватила его обеими руками: не хочу, чтобы нас разделяло малейшее расстояние.

– У меня есть для тебя кое-что, – непринужденно сказал Эдвард.

– Что?

– Разве ты забыла? Уже не новый подарок. Ты сказала, что такой можно.

– А, правда. Действительно сказала.

Эдварда рассмешило мое неохотное признание.

– Он у меня в комнате. Принести?

В его комнате?

– Конечно. – Я взяла Эдварда за руку, чувствуя себя хитроумной, как лиса. – Пойдем.

Эдварду не терпелось подарить мне подарок: человеческая скорость его не устраивала. Он сгреб меня в охапку и взлетел по лестнице. Поставил меня на ноги возле двери своей комнаты и метнулся к шкафу.

Не успела я сделать и шага, как Эдвард уже вернулся. Однако я не обратила на него внимания и прошла прямо к огромной кровати. Плюхнулась на краешек, а потом перекатилась в середину. Свернулась клубочком и обхватила колени руками.

– Ладно, – проворчала я. – Давай его сюда.

Теперь, когда я очутилась там, куда хотела попасть, можно и покапризничать.

Эдвард засмеялся.

Залез на кровать и сел рядом со мной. Мое сердце забилось с перебоями – будем надеяться, что Эдвард припишет это предвкушению подарка.

– Уже не новый, – сурово напомнил он.

Взял меня за левое запястье и на секунду прикоснулся к серебряному браслету. И тут же отпустил мою руку.

Я осторожно посмотрела на нее: на противоположной от волка стороне теперь висел блестящий кристалл в форме сердца. Даже приглушенный свет от лампы заставлял его сверкать миллионами граней. Я тихо ахнула.

– Он принадлежал моей матери. – Эдвард неодобрительно пожал плечами. – Я унаследовал несколько таких безделушек. Отдал некоторые из них Элис и Эсми. Так что, в любом случае, это не такой уж и подарок.

Я печально улыбнулась.

– Просто мне пришло в голову, что он напоминает меня: такой же твердый и холодный. – Эдвард засмеялся. – А еще отбрасывает радугу, когда попадает на солнце.

– Ты забыл про самое главное сходство, – пробормотала я. – Он прекрасен.

– Мое сердце так же безмолвно, – сказал Эдвард. – И оно тоже принадлежит тебе.

Я повернула руку, чтобы сердечко засверкало.

– Спасибо. За оба.

– Нет, это тебе спасибо. Я и не надеялся, что ты так легко примешь подарок. Кстати, тренировка в получении подарков тебе не помешает. – Эдвард усмехнулся, блеснув зубами.

Я склонилась и прильнула к нему. Наверное, это было все равно, что прижиматься к «Давиду» Микеланджело – единственная разница в том, что безупречное мраморное создание обхватило меня руками и обняло покрепче.

Пожалуй, самое время начинать.

– Можно нам кое-что обсудить? Я буду очень тебе благодарна, если ты хотя бы попытаешься меня выслушать.

Эдвард колебался.

– Я приложу все усилия, – осторожно согласился он.

– Нарушать правила я вовсе не собираюсь, – пообещала я. – Это касается только нас двоих. – Я откашлялась. – В общем… мне очень понравилось, как нам в прошлый раз удалось найти компромисс. И подумала, что можно применить тот же принцип в другом случае.

Интересно, с чего это я заговорила так официально? Наверное, все от нервов.

– И что же ты хотела бы обсудить? – с улыбкой в голосе спросил он.

Я молчала, мучительно пытаясь подобрать нужные слова.

– Ты только послушай, как бьется твое сердце, – пробормотал Эдвард. – Трепещет, как крылышки колибри. С тобой все в порядке?

– Абсолютно.

– Ну тогда продолжай, – подбодрил он.

– В общем, я тут подумала, и прежде всего хотела бы поговорить с тобой об этом дурацком условии… о свадьбе.

– Это только для тебя оно дурацкое. Так что насчет свадьбы?

– Ну… я подумала… нельзя ли найти компромисс?

Эдвард посерьезнел и нахмурился.

– Я уже и так пошел на максимально возможную уступку – согласился отнять у тебя жизнь вопреки собственному здравому смыслу. В таком случае с твоей стороны мне полагаются кое-какие уступки.

– Нет. – Я потрясла головой, стараясь не выдать своих чувств. – Эта часть обсуждению не подлежит. Все уже решено, и сейчас мы не будем обсуждать мое… превращение. Я хотела бы обговорить другие детали.

Эдвард подозрительно посмотрел на меня.

– Какие именно?

Я заколебалась.

– Давай сначала определимся с твоими условиями.

– Ты ведь знаешь, чего я хочу.

– Тебе нужен брак. – Последнее слово прозвучало у меня как непристойность.

– Да, – широко улыбнулся Эдвард. – Для начала.

Такой удар насквозь пробил мою внешнюю невозмутимость.

– Это еще не все?

– Ну, если ты станешь моей женой, то все мое имущество будет принадлежать тебе… – задумчиво проговорил Эдвард. – Например, деньги на колледж. Тогда не будет никаких проблем с Дартмутом.

– Что-нибудь еще? Раз уж ты все равно несешь всякие глупости?

– Как насчет отсрочки?

– Нет. Ждать я не согласна. Об этом и речи быть не может.

Эдвард тоскливо вздохнул.

– Хотя бы годик или два?

Я потрясла головой, упрямо сжав губы.

– Следующее условие.

– Больше нет. Если только ты не хочешь поговорить о машинах…

Увидев мою гримасу, он улыбнулся, взял меня за руку и стал перебирать пальцы.

– Я и не думал, что ты хочешь чего-то еще, кроме собственно превращения в чудовище. Меня снедает любопытство.

Эдвард говорил тихим и мягким голосом. Но я его хорошо знала, и уловила скрытое напряжение.

Я помедлила, глядя на его руку, сжимавшую мои пальцы. С чего начать? Я чувствовала взгляд Эдварда и не осмеливалась поднять на него глаза. Мои щеки вспыхнули.

Прохладная ладонь погладила меня по щеке.

– Ты покраснела? – удивился Эдвард. Я не поднимала глаз. – Белла, ради бога, не тяни. Твое молчание меня убивает.

Я закусила губу.

– Белла! – Его укоризненный тон напомнил мне, что для Эдварда невыносимо, когда я держу свои мысли при себе.

– Ну… я немного волнуюсь… о том, что будет после, – призналась я и наконец посмотрела ему в глаза.

Тело Эдварда напряглось, но голос остался мягким и бархатистым.

– И о чем же ты волнуешься?

– По-моему, вы все абсолютно уверены, что после у меня останется одно-единственное желание – перерезать весь город. – От этих слов Эдвард поморщился. – И я боюсь, что буду так занята этим безобразием, что уже не буду собой… и что я… я не буду хотеть тебя так, как хочу сейчас.

– Белла, это проходит, – успокоил меня Эдвард.

Он не понял, что я имела в виду.

– Эдвард, – начала я, нервничая и не сводя глаз с родинки на своем запястье, – я хочу получить кое-что, пока еще не перестала быть человеком.

Он ожидал продолжения. Я молчала. Мое лицо горело огнем.

– Ты получишь все, чего захочешь, – подбодрил меня обеспокоенный и недоумевающий Эдвард.

– Обещаешь? – пробормотала я, зная, что попытка поймать его на слове не удастся, однако не в состоянии избежать искушения.

– Обещаю, – ответил он.

Я подняла глаза: Эдвард смотрел на меня серьезным и растерянным взглядом.

– Скажи мне, чего ты хочешь, и оно твое.

Какая же я все-таки неуклюжая идиотка! Слишком невинная – в чем, собственно, весь вопрос. Соблазнительница из меня никакая. Ну, чего нет, того нет – придется быть смущенной и неопытной.

– Тебя, – почти невнятно пробормотала я.

– Я и так твой. – Он улыбнулся, все еще ничего не понимая.

Я опустила глаза под его взглядом. Глубоко вдохнула и сдвинулась вперед, усевшись ему на колени. Обхватила Эдварда за шею и поцеловала.

Эдвард опешил, однако охотно ответил на мой поцелуй. Его губы мягко целовали мои, но я видела, что его мысли бродят где-то далеко: скорее всего, пытается сообразить, чего я добиваюсь. Я решила, что подсказка не помешает, и слегка дрожащими руками потянулась к вороту рубашки. Непослушными пальцами торопливо попыталась расстегнуть пуговицы. Эдвард меня остановил.

Он замер. Я почти услышала, как в его голове щелкнуло: он наконец связал воедино мои слова и действия. И тут же, укоризненно глядя на меня,

оттолкнул мои руки.

– Не делай глупостей.

– Но ты же пообещал: все, чего я захочу, – напомнила я без особой надежды.

– Об этом даже речи быть не может! – Хмуро глядя на меня, Эдвард застегнул две пуговицы, которые мне все же удалось расстегнуть.

Я стиснула зубы.

– А я говорю, может! – прорычала я, схватила ворот своей блузки и рванула, расстегнув верхнюю пуговицу.

Эдвард схватил меня за запястья и прижал мои руки к бокам.

– А я говорю, нет! – категорически заявил он.

Мы мрачно уставились друг на друга.

– Ты сам хотел узнать, что я имела в виду.

– Я думал, ты имела в виду нечто хотя бы отдаленно возможное.

– Значит, ты можешь попросить все, что угодно, включая такую невероятную глупость как брак, а мне нельзя даже поговорить о том…

Эдвард свел мои руки вместе, ухватил их одной рукой, а другой зажал мне рот, прерывая бессвязный поток обвинений.

– Нет, – сурово заявил он.

Я глубоко вдохнула, чтобы успокоиться. И когда злость начала таять, ей на смену пришло другое чувство.

Мне не сразу удалось понять, почему я снова опустила глаза и вспыхнула; почему глаза на мокром месте и тянет убежать из комнаты.

Он меня не хочет!

Эта мысль противоречила логике. Эдвард ведь не раз говорил, что все дело только в моей безопасности. И все же раньше я не выражала свои чувства так открыто.

Угрюмо уставившись на золотистое покрывало такого же цвета, как и глаза Эдварда, я едва сдерживала слезы.

Эдвард вздохнул. Убрал руку, закрывавшую мне рот, и взял меня за подбородок, задирая его вверх, чтобы я подняла взгляд.

– Ну, что теперь?

– Ничего, – неохотно выдавила я.

Он долго вглядывался в мое лицо, а я безуспешно пыталась вывернуться из его хватки.

Эдвард нахмурился.

– Я тебя обидел?!

– Нет, – соврала я.

Ничего не успев понять, я оказалась в объятиях Эдварда, прижатая

щекой к его плечу. Он успокаивающе гладил меня по лицу.

– Ты ведь знаешь, почему я вынужден сказать нет, – пробормотал он. – Ты знаешь, что я тоже тебя хочу.

– Правда? – с сомнением спросила я.

– Конечно, правда! Глупенькая ты моя, обидчивая девчонка! – засмеялся Эдвард и тут же угрюмо добавил: – И по-моему, не только я. Мне кажется, что за мной уже выстроилась нетерпеливая очередь, которая так и ждет, когда я сделаю какой-нибудь серьезный промах… Ты слишком желанна.

– Ну и кто теперь говорит глупости? – Разве кто-то может хотеть неуклюжую, застенчивую и неопытную девчонку?

– Мне что, собрать подписи под заявлением, чтобы ты мне поверила? Сказать тебе, кто подпишется первым? Некоторых ты знаешь, но остальные тебя удивят.

Я помотала головой, по-прежнему пряча лицо у него на груди.

– Ты просто морочишь мне голову. Давай вернемся к тому, с чего начали.

Эдвард вздохнул.

– Поправь меня, если я не права. – Я попыталась сохранить невозмутимость. – Ты требуешь, чтобы мы поженились, – на этом слове я не могла не поморщиться, – чтобы ты оплатил мое обучение в колледже, а еще ты хочешь отсрочку и новую машину для меня. Я ничего не забыла? Ничего себе списочек!

– Только первое условие не подлежит обсуждению. – Эдвард улыбнулся. – Остальные – это так, пожелания.

– А мое единственное маленькое требование…

– Требование? – прервал меня он, снова становясь серьезным.

– Да, требование.

Эдвард прищурился.

– Мне ужасно трудно согласиться на брак. И я пойду на это, только если получу что-нибудь взамен.

Он наклонился и прошептал мне на ухо бархатным голосом:

– Нет. Сейчас это невозможно. Потом, когда ты будешь менее хрупкой. Белла, имей терпение.

Я постаралась говорить твердо и невозмутимо:

– В том-то все и дело. Когда я буду менее хрупкой, это будет уже не то! Я стану другой! И кто его знает, кем именно.

– Ты по-прежнему останешься Беллой, – пообещал он.

Я нахмурилась.

– Каким образом?! Ведь я изменюсь настолько, что буду готова убить Чарли или пить кровь Джейкоба и Анжелы?

– Это пройдет. К тому же я сомневаюсь, что ты станешь пить кровь этой собаки. – Эдвард притворно передернулся. – Даже как новорожденная ты будешь более разборчива!

Я пропустила мимо ушей попытку отвлечь меня.

– Но ведь именно это мне всегда будет нужно больше всего, верно? Крови, крови и еще больше крови!

– То, что ты до сих пор жива, доказывает, что это не так, – заметил Эдвард.

– Ага, надо лишь подождать восемьдесят лет! – напомнила я. – Я имею в виду физические желания. Интеллектуально я смогу быть собой… со временем. Но чисто физически я буду хотеть только крови и больше ничего.

Эдвард промолчал.

– Значит, разница все-таки есть, – сделала я вывод, не встречая возражений. – Потому что сейчас физически я больше всего на свете хочу тебя. Ты мне нужен больше еды, воды и воздуха. Разум расставляет приоритеты в несколько ином порядке, но вот тело…

Я изогнулась и поцеловала его в ладонь.

Эдвард глубоко втянул в себя воздух. К моему удивлению, в его вдохе послышалась некоторая нерешительность.

– Белла, я могу нечаянно убить тебя, – прошептал он.

– Сомневаюсь, что ты на такое способен.

Эдвард прищурился и протянул руку за спину. Раздался приглушенный треск, и кровать под нами вздрогнула.

Эдвард показал мне ладонь: на ней лежало что-то темное. Розочка! Одна из тех, что украшали узорчатую металлическую раму кровати. Он сжал пальцы, а потом снова раскрыл и молча показал мне раздавленный кусок черного металла, на котором отпечаталась ладонь – как на пластилине, зажатом в руке ребенка. Металл тут же рассыпался в черный порошок.

Я хмуро посмотрела на Эдварда.

– Я вовсе не это имела в виду. Твоя сила мне и так прекрасно известна. И нечего было мебель ломать.

– Тогда что именно ты имела в виду? – мрачно спросил он и бросил пригоршню железного песка в угол комнаты – послышался шорох, похожий на стук капель дождя.

Эдвард пристально всматривался в мое лицо, пока я старалась

подобрать слова.

– Ясное дело, физически ты вполне способен причинить мне боль, если бы захотел… Я, собственно, имела в виду, что ты этого не захочешь… по-моему, ты бы никогда не смог…

Он затряс головой прежде, чем я успела договорить.

– Белла, все не совсем так, как ты себе представляешь.

– «Не совсем»! – передразнила я. – По-моему, ты не больше меня в этом понимаешь.

– Вот именно. Неужели ты думаешь, что я стал бы так рисковать тобой?

Я посмотрела на него долгим взглядом. В глазах Эдварда не было ни тени нерешительности, ни единого намека на возможность компромисса.

– Ну пожалуйста, – безнадежно прошептала я наконец. – Это все, чего я хочу. Пожалуйста.

Я закрыла глаза, признавая свое поражение и ожидая быстрый и решительный отказ.

Однако Эдвард молчал. Я в удивлении помедлила: надо же, он опять дышит неровно!

Открыв глаза, я увидела искаженное страданием лицо.

– Пожалуйста? – прошептала я снова, и сердце заколотилось. Поспешив воспользоваться внезапной нерешительностью Эдварда, я торопливо выпалила: – Тебе не нужно давать мне никаких гарантий. Если ничего не получится, то так тому и быть. Но давай хотя бы попробуем… всего лишь попробуем. И я соглашусь на все, чего ты хочешь, – необдуманно пообещала я. – Выйду за тебя замуж. Позволю заплатить за учебу в Дартмуте и не стану жаловаться на размер взятки, которую тебе придется им дать. Можешь даже купить мне гоночный автомобиль, если тебе этого так хочется! Только… ну пожалуйста!

Его ледяные руки крепче стиснули меня в объятиях, губы прикоснулись к уху, и я задрожала от холодного дыхания:

– Это невыносимо! Из всего, что я хотел бы тебе дать, ты решила потребовать именно это! Ты хотя бы представляешь себе, как больно мне отказать, когда ты вот так меня умоляешь?

– Тогда не отказывай! – задыхаясь, предложила я.

Он промолчал.

– Пожалуйста! – снова повторила я.

– Белла…

Он медленно покачал головой, однако это не выглядело отказом: его губы двигались по моей шее – кажется, Эдвард решил сдаться. Сердце,

которое и так уже билось слишком быстро, теперь застучало с бешеной силой.

И я опять воспользовалась ситуацией как могла: когда он медленно и нерешительно повернулся ко мне, я быстро извернулась в его объятиях и прижалась к губам. Я подумала, что он опять меня оттолкнет, но ошиблась.

Теперь его губы были не такими нежными: в поцелуе чувствовались неведомая раньше напряженность и отчаяние. Я обхватила Эдварда руками за шею, и для моего разгоряченного тела его кожа показалась холоднее обычного. Я задрожала – но вовсе не от холода.

Эдвард не отрывался от моих губ. На этот раз оторваться пришлось мне, чтобы втянуть в себя воздух. Однако даже тогда его губы продолжали целовать меня – просто передвинулись на горло. Восторг победы странно опьянял, давая ощущение всемогущества. Смелости. Теперь руки у меня не дрожали, и я легко справилась с пуговицами на его рубашке. Мои пальцы погладили его ледяную грудь. Какой же он красавец! Какое слово он только что использовал? Невыносимо – вот что! Невыносимая красота…

Я снова прижалась к его губам, и Эдвард явно разделял мои чувства: одной рукой держал мое лицо, а другой крепко обнимал за талию, изо всех сил прижимаясь ко мне. Добраться до пуговиц на моей блузке было трудновато, но все же возможно.

На моих запястьях сомкнулись холодные наручники. Мои руки закинули за голову, которая внезапно оказалась лежащей на подушке.

– Белла, – прошептал он мне прямо в ухо бархатным голосом, – перестань наконец пытаться снять с себя одежду.

– Ты сам хочешь это сделать? – в недоумении спросила я.

– Не сегодня, – тихо ответил он.

Теперь его губы двигались медленнее, целуя мою щеку.

– Эдвард, не…

– Я же не сказал нет, – успокоил он. – Я сказал «не сегодня».

Я обдумывала его слова и ждала, пока мое дыхание успокоится.

– Назови хотя бы одну причину, почему не сегодня. – Я все еще задыхалась, и от этого раздражение в голосе звучало не так внушительно.

– Я тоже не вчера родился, – хмыкнул он. – Как, по-твоему, кто из нас двоих охотнее даст другому то, что он хочет? Ты только что пообещала, что выйдешь за меня замуж до превращения, но если я сдамся прямо сейчас, то что помешает тебе побежать к Карлайлу завтра утром? Очевидно, что я гораздо охотнее дам тебе то, чего ты хочешь. Поэтому… сначала твоя очередь.

Я шумно выдохнула.

– Сначала я должна выйти за тебя замуж? – недоверчиво спросила я.

– Это мое условие – хочешь принимай, а не хочешь – не надо. Компромисс, помнишь?

Эдвард стиснул меня в объятиях и принялся целовать – такие поцелуи должны быть запрещены законом! Слишком они убедительны – это принуждение, прямо-таки насилие над личностью! Я попыталась сохранить ясность рассудка… и очень быстро потеряла голову.

– По-моему, ничего глупее не придумать, – пробормотала я, когда Эдвард наконец позволил мне вздохнуть.

– Неудивительно, что ты так считаешь, – поддразнил он. – Такие вещи у тебя просто в голове не укладываются.

– И как это я так? – проворчала я. – Ведь думала, что в кои-то веки добилась своего! И вдруг…

– Ты обручена, – закончил он.

– Фу! Только, пожалуйста, не говори это вслух!

– А ты что, берешь свои слова обратно? – он отстранился и заглянул мне в лицо.

Эдварда это явно забавляло.

Я хмуро уставилась на него. Но разве я могла ему сопротивляться?

– Так что, отказываешься от своих слов? – не унимался он.

– Эх! – застонала я. – Нет. Не отказываюсь. Теперь ты доволен?

Эдвард ослепительно улыбнулся:

– По уши.

Я опять застонала.

– А разве ты не рада?

Он поцеловал меня прежде, чем я успела ответить – еще один исключительно убедительный поцелуй.

– Немножко, – призналась я, когда сумела наконец ответить. – Но вовсе не из-за свадьбы.

Эдвард снова меня поцеловал.

– А тебе не кажется, что у нас все наоборот? – прошептал он мне на ухо и засмеялся. – Согласно традициям, в этом споре нам следует поменяться местами.

– В нашем случае традиции вообще неприменимы.

– Тоже верно.

Он поцеловал меня еще раз, и еще – пока мое сердце не забилось, а щеки не вспыхнули.

– Эдвард, послушай, – пробормотала я прерывающимся голосом, когда он принялся целовать меня в ладонь. – Ведь я же сказала, что выйду за тебя

замуж, и я это сделаю. Обещаю. Клянусь! Если хочешь, могу подписать клятвенное обещание собственной кровью.

– Не смешно, – пробормотал он, прижимаясь губами к моему запястью.

– Я хочу сказать, что вовсе не собираюсь тебя обманывать. Ты же меня знаешь. Так что на самом деле нам вовсе незачем ждать. Ведь мы совсем одни – а это нечасто бывает! – и у нас есть эта большая и удобная кровать…

– Не сегодня, – повторил он.

– Ты что, мне не доверяешь?

– Ну конечно же, доверяю!

Пользуясь рукой, которую он все еще целовал, я повернула Эдварда к себе лицом.

– Тогда в чем дело? Ты ведь все равно знал, что в конце концов добьешься своего. – Я нахмурилась и пробормотала: – Все всегда получается по-твоему.

– Просто перестраховываюсь, – невозмутимо ответил он.

– Тут что-то еще, – догадалась я. На лице Эдварда лежала тень – еле заметный намек на скрытый мотив, спрятанный под безмятежностью. – А ты сам-то не собираешься взять свое слово обратно?

– Нет, – торжественно пообещал он. – Клянусь, мы попытаемся. После свадьбы.

Я покачала головой и мрачно рассмеялась.

– Ты заставляешь меня чувствовать себя этаким злодеем из мелодрамы: покручивая усы, я пытаюсь обесчестить бедную девушку.

Эдвард бросил на меня настороженный взгляд и быстро отвел глаза, прижавшись губами к моей ключице.

– Так вот оно что! – Я хихикнула – скорее от изумления, чем от радости. – Ты пытаешься сохранить свое целомудрие!

Я прикрыла рот рукой, чтобы заглушить хихиканье: это слово такое… старомодное.

– Да нет же, глупая девчонка! – пробормотал он, уткнувшись в мое плечо. – Я пытаюсь сохранить твое целомудрие. И ты делаешь мою задачу невероятно трудной.

– Ничего смешнее…

– Можно я задам тебе вопрос? – прервал меня Эдвард. – Мы уже говорили об этом, но давай все же попробуем еще разок. Сколько человек в этой комнате обладают душой? У кого есть шанс попасть в рай – или куда там попадают после смерти?

– У нас обоих, – решительно и без колебаний заявила я.

– Ладно, допустим. Вообще-то по этому вопросу люди так и не пришли к согласию, но большинство считает, что нужно следовать некоторым правилам.

– Разве тебе мало вампирских правил? Хочешь следовать еще и человеческим?

– Хуже не будет, – пожал плечами Эдвард. – Так, на всякий случай.

Я взглянула на него исподлобья и прищурилась.

– Кто его знает, даже если ты права насчет моей души, для меня все равно может быть слишком поздно.

– И ничего не поздно! – сердито возразила я.

– Белла, заповедь «Не убий» входит в большинство основных религий. А я убил многих.

– Только плохих.

Он пожал плечами.

– Может, это принимается во внимание, а может, и нет. Но ты пока никого не убила…

– Насколько тебе известно, – пробормотала я.

Эдвард улыбнулся и пропустил мое замечание мимо ушей.

– И я сделаю все возможное, чтобы удержать тебя от этого искушения.

– Хорошо. Но мы ведь не об убийстве спорим, – напомнила я.

– А этот принцип приложим ко всему: есть только одно, в чем я так же чист и невинен, как ты. Можно мне не нарушать хотя бы одно правило?

– Одно?

– Ты же знаешь, я крал, лгал, желал не принадлежащего мне… мое целомудрие – это все, что у меня осталось. – Он ухмыльнулся.

– Я тоже все время вру.

– Да, но врать ты совсем не умеешь, так что это не считается. Тебе все равно никто не верит.

– Очень надеюсь, что ты ошибаешься. В противном случае в дверь вот-вот вломится Чарли с заряженным ружьем.

– Чарли чувствует себя гораздо лучше, когда притворяется, будто поверил тебе. Он предпочитает сам себя обманывать, лишь бы не смотреть правде в лицо. – Эдвард усмехнулся.

– А чего ты мог пожелать такого, что тебе не принадлежит? – с сомнением поинтересовалась я. – У тебя же все есть.

– Тебя. – Его улыбка стала хмурой. – Я не имел никакого права тебя хотеть и все же я протянул руку и взял желаемое. И посмотри в кого ты превратилась! Пытаешься соблазнить вампира. – Эдвард покачал головой в

притворном ужасе.

– Никто не запрещает хотеть того, что и так принадлежит тебе, – заявила я. – И вообще, я-то думала ты о моем целомудрии беспокоишься.

– Вот именно – о моем беспокоиться уже поздно. Но черт меня побери, если я позволю черту забрать и твою душу.

– Ты не можешь заставить меня пойти туда, где не будет тебя. На мой взгляд, именно такое место называется адом. К тому же у меня есть простое решение этой проблемы: давай не будем умирать.

– Звучит и в самом деле просто. И как это мне самому в голову не пришло?

Он смотрел на меня и улыбался, пока я не сдалась, сердито фыркнув.

– Вот так, да? Ты не станешь со мной спать, пока я не выйду за тебя замуж?

– Если быть абсолютно точным, то спать с тобой я не смогу никогда.

Я закатила глаза.

– Ужасно остроумно!

– Но если не считать этой мелочи, то все остальное ты поняла правильно.

– По-моему, у тебя еще что-то есть на уме.

Эдвард невинно распахнул глаза.

– Еще что-то?

– Лучше сам признайся, – укорила я. – Это ускорит дело.

– Есть только одно дело, которое мне хотелось бы ускорить, все остальное может подождать до скончания веков… Но в этом… тут ты права: на данный момент твои нетерпеливые гормоны – мой самый сильный союзник.

– Неужели я действительно на это согласилась? Что я скажу Чарли… и Рене! Ты представляешь, что подумает Анжела? Или Джессика? Ох! Так и слышу их сплетни.

Эдвард удивленно смотрел на меня, и я знала, почему: какая разница, что они скажут, если я все равно скоро уезжаю и никогда не вернусь? Или я и правда такая неженка, что не смогу пережить всего несколько недель косых взглядов и наводящих вопросов?

Наверное, я переживала бы гораздо меньше, если бы не знала, что и сама точно так же сплетничала бы о какой-нибудь другой девчонке, которая решила этим летом выйти замуж!

Тьфу ты! Выйти замуж!

Меня передернуло.

И может быть, я бы не так нервничала по этому поводу, если бы в меня

с детства не вбили отвращение к мысли о замужестве.

Эдвард прервал мои горестные размышления.

– Вовсе незачем устраивать нечто грандиозное. Мне не нужно пышное торжество. Тебе не придется никому ничего сообщать или что-то менять. Мы поедем в Вегас, найдем местечко, где можно расписаться, не выходя из машины и без подвенечного платья, а прямо в старых джинсах. Я просто хочу официально зарегистрировать наши отношения – чтобы ты принадлежала мне и никому другому.

– И так уже все официальнее некуда, – проворчала я.

Вообще-то, план Эдварда не так уж плох. Только Элис будет разочарована.

– Посмотрим. – Он довольно улыбнулся. – Вряд ли ты захочешь получить обручальное кольцо прямо сейчас, а?

Мне пришлось сглотнуть, прежде чем я смогла ответить:

– Ты угадал!

Эдвард рассмеялся.

– Ну и ладно. Я все равно скоро надену его тебе на палец.

Я угрюмо посмотрела на него.

– Можно подумать, оно у тебя уже есть.

– Конечно, – ничуть не смутился он. – И я готов заставить тебя его надеть – при первой же возможности.

– Ну ты даешь!

– Не хочешь на него посмотреть? – спросил Эдвард, и его золотистые глаза внезапно засияли.

– Нет! – почти выкрикнула я, ничего не успев сообразить. И тут же пожалела: лицо Эдварда слегка вытянулось. – Разве что ты очень хочешь мне его показать… – поправилась я и стиснула зубы, стараясь не выдать свой безотчетный ужас.

– Ладно, куда торопиться, – пожал плечами Эдвард.

Я вздохнула.

– Эдвард, покажи мне это дурацкое кольцо.

Он покачал головой.

– Нет.

Я замолчала, пристально всматриваясь в его лицо.

– Пожалуйста, – тихо попросила я, проверяя недавно найденное оружие. Провела по лицу Эдварда кончиками пальцев. – Покажи, пожалуйста.

Он прищурился.

– Ты самое опасное существо из всех, кого я когда-либо встречал, –

пробормотал Эдвард.

Однако встал и с привычной грацией опустился на колени возле ночного столика, а через мгновение уже вернулся на место и сел рядом, обхватив рукой мои плечи. В другой руке он держал черную коробочку.

– Ну на, смотри. – Он поставил коробочку мне на колено.

Поднять обычную коробочку оказалось труднее, чем я ожидала, но мне не хотелось снова обидеть Эдварда, и я постаралась удержать дрожь в руках. Провела пальцами по гладкой поверхности из черного сатина и помедлила.

– Надеюсь, ты потратил кучу денег? Иначе тебе лучше соврать.

– Я не потратил ни цента, – успокоил он. – Еще одна уже не новая вещь. Это кольцо мой отец подарил матери.

– О! – удивилась я.

Сжала крышечку пальцами, однако открывать не стала.

– Пожалуй, оно немного устарело, – извинился Эдвард. – Старомодное, вроде меня. Могу купить что-нибудь более современное – в «Тиффани», например.

– Мне нравятся старомодные вещи, – пробормотала я, нерешительно приподнимая крышку.

На черном сатине лежало и переливалось в тусклом свете обручальное кольцо: на узком и изящном ободке из золота вытянутым овалом располагались наклонные ряды сверкающих округлых камней, соединенных хрупкой золотой паутиной.

Я невольно погладила сияющие камешки.

– Какая красота! – в удивлении пробормотала я себе под нос.

– Нравится?

– Очень красиво. – Я пожала плечами в притворном безразличии. – Почему бы оно мне не понравилось?

Эдвард хмыкнул.

– Тогда примерь.

Моя левая рука сжалась в кулак.

– Белла, – вздохнул Эдвард, – я вовсе не собираюсь припаять кольцо к твоему пальцу. Просто примерь, чтобы я знал, надо ли подгонять его по размеру. А потом можешь снять.

– Ладно, – проворчала я и потянулась за кольцом.

Длинные пальцы Эдварда опередили меня. Он взял мою левую руку и надел кольцо на безымянный палец. Потом вытянул мою руку, чтобы мы оба могли рассмотреть сверкающий овал. Надо же, все вовсе не так ужасно, как я боялась!

– Как раз твой размер, – невозмутимо сказал Эдвард. – Вот и хорошо – не придется идти к ювелиру.

Под внешним хладнокровием в голосе Эдварда слышалась какая-то сильная эмоция, и я посмотрела ему в глаза: несмотря на сдержанное выражение лица, в них горело то же самое чувство.

– Тебе нравится, правда? – недоверчиво спросила я, потряхивая пальцами.

Лучше бы я сломала левую руку!

Эдвард пожал плечами.

– Конечно, – бесстрастно ответил он. – Тебе очень идет.

Я уставилась на него: какие чувства кипят под этим внешним спокойствием? Эдвард посмотрел мне в глаза – и напускная сдержанность вдруг растаяла: его ангельское лицо загорелось радостью и торжеством победы. Он выглядел так сногсшибательно, что у меня захватило дух.

Не успела я прийти в себя, как Эдвард набросился на меня со страстными поцелуями. Когда он наконец оторвался от моих губ, голова у меня кружилась. Мы оба задыхались.

– Да, мне очень нравится. Ты себе представить не можешь, как мне это нравится! – прошептал он мне на ухо.

– Охотно верю! – засмеялась я.

– Можно, я кое-что сделаю? – пробормотал он и крепче сжал меня в объятиях.

– Можешь делать все, что угодно.

Тогда он выпустил меня из объятий и отодвинулся.

– Все, кроме этого! – воскликнула я.

Эдвард пропустил мои слова мимо ушей и стянул меня с кровати. С серьезным видом встал передо мной, положив руки мне на плечи.

– А теперь я хочу сделать это как положено. Пожалуйста, очень тебя прошу, имей в виду, что ты все равно уже согласилась, так что не мучай меня.

– Только не это! – ахнула я, когда он опустился на колено.

– Не вредничай, – пробормотал он.

Я глубоко вдохнула.

– Изабелла Свон. – Эдвард посмотрел на меня снизу вверх, сквозь невероятно длинные ресницы. Взгляд его золотистых глаз обжигал. – Я обещаю любить тебя всегда – каждый день и каждый час до скончания веков. Ты выйдешь за меня замуж?

В моей голове теснилось множество разнообразных ответов: некоторые слишком ехидные, а некоторые отвратительно сентиментальные

– и гораздо более романтичные, чем Эдвард мог бы от меня ожидать. Чтобы не ляпнуть ни того, ни другого, я прошептала:

– Да.

– Спасибо, – отозвался Эдвард без дальнейших церемоний.

Взял меня за левую руку и поцеловал каждый пальчик, а потом кольцо, которое теперь принадлежало мне.

Глава двадцать первая
Тропинки

Этой ночью мне ужасно не хотелось терять время на сон, но куда деваться? Когда я проснулась, солнце уже ярко сияло за стеклянной стеной, а по небу быстро проносились облачка. Ветер раскачивал верхушки деревьев, и весь лес дрожал, словно его вот-вот вырвут с корнем.

Эдвард оставил меня одну, давая возможность одеться, и я с благодарностью воспользовалась одиночеством, чтобы подумать. Как-то так получилось, что мои планы вышли мне боком, и теперь надо примириться с последствиями. Хотя я вернула кольцо Эдварду – сразу же, как только смогла это сделать так, чтобы он не обиделся, – оно все еще чувствовалось на левой руке: невидимое, но тяжелое.

В конце концов, чего я так переживаю? Ну подумаешь, съездим в Вегас. И я надену даже не потертые джинсы, а старые спортивные штаны. Церемония наверняка много времени не занимает – минут пятнадцать от силы. Как-нибудь переживу.

А потом, когда все останется позади, Эдварду придется выполнить свою часть договора. Вот о чем я буду думать, а остальное лучше выбросить из головы.

Эдвард сказал, что вовсе не обязательно кому-либо об этом говорить, и я собиралась поймать его на слове. Только об Элис как-то забыла.

Каллены вернулись домой около полудня. Они выглядели непривычно деловитыми, и это напомнило мне о серьезности надвигающегося события.

Элис была не в духе, что на нее совсем не похоже!

– Я думаю, – она поморщилась от этого неопределенного слова, – что вам лучше взять с собой теплые вещи. Мне не удается точно увидеть, где вы будете, потому что с вами идет этот пес. Но, похоже, именно в том направлении буря будет особенно сильной.

Эдвард кивнул.

– В горах пойдет снег, – предупредила она.

– Снег! – пробормотала я.

Черт возьми, на дворе уже июнь!

– Надень куртку, – неприязненно сказала мне Элис.

Чего это она такая недружелюбная? Я попробовала заглянуть ей в лицо, но Элис отвернулась.

Я посмотрела на Эдварда: он улыбался. На что бы ни разозлилась Элис, его это позабавило.

Походного снаряжения у Эдварда было больше, чем достаточно: Каллены частенько бывали в магазине Ньютонов, покупая вещи для отвода глаз. Эдвард взял пуховый спальник, маленькую палатку и несколько пакетов обезвоженных продуктов – увидев пакеты, я скорчила гримасу, и он ухмыльнулся, – и запихал это все в рюкзак.

Элис зашла в гараж и молча наблюдала за сборами. Эдвард не обратил на нее ни малейшего внимания.

Упаковав рюкзак, он протянул мне мобильник.

– Позвони-ка Джейкобу и скажи, что мы будем ждать его через часик – он знает где.

Джейкоба дома не было, но Билли пообещал найти кого-нибудь из оборотней, кто передаст сообщение.

– Белла, за Чарли не волнуйся, – сказал Билли. – За ним я лично прослежу.

– Да, я уверена, что с ним все будет в порядке. – На мой взгляд, сын Билли окажется в гораздо большей опасности, но этого я говорить не стала.

– Жаль, что я не смогу завтра быть вместе с остальными, – с сожалением крякнул Билли. – Старость не радость.

Готовность влезть в драку, похоже, является признаком, сцепленным с полом. Все мужчины одинаковы!

– Надеюсь, вы с Чарли хорошо проведете время.

– Удачи тебе, Белла, – ответил он. – И… гм-м… Калленам от меня того же.

– Я передам, – пообещала я, удивленная таким жестом.

Возвращая телефон Эдварду, я заметила, что они с Элис вели какую-то безмолвную дискуссию. Элис пристально смотрела на брата умоляющими глазами. Эдвард хмурился в ответ, недовольный ее просьбой.

– Билли пожелал вам удачи.

– Очень великодушно с его стороны, – ответил Эдвард, отворачиваясь от Элис.

– Белла, можно тебя на пару слов? – тут же сказала она.

– Элис, ты собираешься усложнить мне жизнь, – сквозь зубы предупредил ее Эдвард. – Не надо.

– Эдвард, тебя это не касается, – возразила Элис.

Он засмеялся: что-то в ее ответе показалось ему забавным.

– Ты ни при чем, – настаивала Элис. – Это между нами, девочками.

Эдвард нахмурился.

– Позволь ей поговорить со мной, – сказала я: меня снедало любопытство.

– Ты сама напросилась, – пробормотал он и засмеялся – наполовину раздосадованный, наполовину позабавленный.

Эдвард вышел из гаража, и я повернулась к Элис. Что же у нее на уме? Однако Элис на меня не смотрела: она все еще была не в духе. С кислой миной Элис присела на капот своего «порше». Я привалилась к бамперу рядом с ней.

– Белла? – сказала Элис и прильнула ко мне.

В ее голосе звучала такая тоска, что я обняла подругу, пытаясь утешить.

– Элис, что случилось?

– Ты меня любишь? – спросила она тем же разнесчастным голосом.

– Конечно, люблю! Ты и сама знаешь.

– Тогда почему я вижу, как ты тайком сбегаешь в Вегас, не приглашая меня на свадьбу?

– Ой! – Мои щеки вспыхнули. Ну конечно, Элис обиделась! Я поспешила оправдаться: – Ты же знаешь, я терпеть не могу всякие торжества. И вообще, это идея Эдварда, а не моя.

– Какая разница, чья это идея? Как ты можешь так со мной поступить? От Эдварда я еще могла этого ожидать, но от тебя! Ведь я люблю тебя, как родную сестру.

– Элис, для меня ты и есть родная сестра.

– На словах! – проворчала она.

– Ладно, можешь прийти на свадьбу. Хотя смотреть там будет не на что.

Элис все еще хмурилась.

– Ну чего ты? – спросила я.

– Белла, а насколько ты меня любишь?

– А что?

Элис смотрела на меня умоляющим взглядом; длинные черные брови сведены и опущены вниз, уголки губ дрожат – от одного вида сердце разрывается!

– Пожалуйста, я тебя очень прошу, – прошептала она. – Белла, если ты меня любишь… я тебя умоляю, позволь мне подготовить свадьбу.

– Элис! – простонала я и отстранилась. – Нет! Даже и не проси.

– Белла, если ты меня на самом деле любишь…

Я скрестила руки на груди.

– Это ужасно несправедливо. И Эдвард уже выкинул со мной точно

такую же штуку.

– Уверена, что Эдварду больше понравилась бы традиционная свадьба, хотя он никогда тебе в этом не признается. А Эсми… ты только подумай, что это будет означать для нее!

Я застонала:

– Лучше уж я одна выйду против целой армии новорожденных вампиров.

– Я буду у тебя в долгу целых десять лет.

– Ты будешь у меня в долгу целых сто лет!

Глаза Элис вспыхнули.

– Ты согласна?

– Нет! На такое я не пойду!

– Тебе совсем ничего не придется делать – только пройти несколько шагов и повторить слова за священником.

– Фу, фу и еще раз фу!

– Ну пожалуйста? – Элис принялась подпрыгивать на месте. – Я тебя прошу, умоляю, заклинаю!

– Элис, этого я тебе никогда в жизни не прощу! Никогда и ни за что!

– Ура! – завопила она, захлопав в ладоши.

– Я не сказала да!

– Но ведь скажешь! – промурлыкала она.

– Эдвард! – рявкнула я и решительно вышла из гаража. – Я знаю, что ты все слышал. Иди сюда!

Элис шла следом, все еще хлопая в ладоши.

– Огромное тебе спасибо, Элис, – кисло сказал Эдвард, появляясь из-за моей спины.

Я развернулась, чтобы выдать ему по первое число, но у него был такой расстроенный и озабоченный вид, что у меня язык не повернулся. Вместо обвинений, я обняла Эдварда, спрятав лицо у него на груди, чтобы мою злость не приняли за слезы.

– Вегас, – шепотом пообещал мне Эдвард.

– Ни за что! – злорадствовала Элис. – Белла не сможет так со мной обойтись. Знаешь, Эдвард, как брат ты меня иногда очень огорчаешь.

– Не будь такой противной, – проворчала я. – В отличие от тебя он пытается сделать меня счастливой.

– Белла, я тоже хочу сделать тебя счастливой. Просто я лучше знаю, что принесет тебе счастье… в конечном итоге. Ты меня еще поблагодаришь за это. Лет этак через пятьдесят, но наверняка поблагодаришь.

– Никогда не думала, что доживу до того дня, когда поставлю против

тебя в споре, но сегодня именно такой день!

Элис засмеялась серебристым смехом.

– Ну как, покажешь колечко?

Я в ужасе поморщилась, когда Элис схватила меня за левую руку – и тут же выпустила.

– Странно. Я же видела, как он надел тебе кольцо… Неужели я что-то упустила? – На долю секунды она сосредоточилась, нахмурив брови, а потом ответила на собственный вопрос: – Да нет, свадьба все-таки состоится.

– Просто Белла не очень любит ювелирные украшения, – объяснил Эдвард.

– Подумаешь, еще один бриллиант! Нет, конечно, на кольце бриллиантов много, но я имею в виду, что один ты уже…

– Элис, хватит! – внезапно оборвал ее Эдвард. И вид у него при этом был такой… как у настоящего вампира. – Нам некогда.

– Ничего не понимаю. Что там было насчет бриллиантов? – спросила я.

– Потом об этом поговорим, – ответила Элис. – Эдвард прав: вам пора. Вы должны успеть подготовить ловушку и поставить лагерь, пока не началась гроза. – Элис нахмурилась, и на ее лице появилось беспокойство, переходящее в тревогу. – Белла, не забудь куртку. Кажется, похолодает очень сильно…

– Куртку я уже взял, – заверил Эдвард.

– Всего хорошего, – пожелала нам Элис на прощание.

Путь до поляны в этот раз был вдвое длиннее обычного: Эдвард пошел в обход, чтобы мой запах не оказался поблизости от тропинки, по которой меня потом понесет Джейкоб. Эдвард держал меня на руках.

У дальнего края поляны он остановился и поставил меня на ноги.

– Все. Теперь иди некоторое время на север, прикасаясь ко всему подряд. Элис показала мне ясную картинку маршрута новорожденных, и вскоре мы пересечем их путь.

– А где север?

Эдвард улыбнулся и указал нужное направление.

Я вошла в лес, и яркий свет необычно солнечного дня остался позади, на поляне. Может, видения Элис слишком нечетки, и она ошиблась, предсказав снегопад? Небо почти безоблачное, хотя на открытых местах ветер продувал насквозь. В чаще дуло не так сильно, хотя стоял необычный для июня холод: несмотря на толстый свитер поверх рубашки с длинными рукавами по телу бежали мурашки.

Шла я не торопясь, проводя пальцами по всему, до чего могла дотянуться: шершавой коре деревьев, влажным папоротникам, покрытым мхом камням.

Эдвард шел следом, но в стороне – ярдах в двадцати от меня.

– Я все правильно делаю? – крикнула я.

– Как нельзя лучше!

Меня осенило.

– А вот это поможет? – Я провела рукой по голове, вырвала пару прядок и оставила их на папоротнике.

– Да, это усилит след. Но тебе вовсе незачем рвать на себе волосы. Все и так замечательно.

– Ничего, волос у меня предостаточно.

Под деревьями царил сумрак. Жалко, что нельзя идти рядом с Эдвардом и держать его за руку!

Я оставила еще пару волосков в сломанной ветке, нависшей над тропой.

– Ты вовсе не обязана идти на поводу у Элис, – сказал Эдвард.

– Не волнуйся. В любом случае я не собираюсь сбежать из-под венца.

Похоже, Элис все равно своего добьется: в основном потому, что не стесняется в средствах, когда ей чего-то хочется, а также потому, что я чувствую себя виноватой всегда и во всем.

– Дело не в этом. Я просто хочу, чтобы все было так, как ты хочешь.

Я подавила тяжелый вздох. Эдвард обидится, если я скажу правду: добьется Элис своего или нет – совершенно неважно, потому что в любом случае для меня это будет ужасно и вопрос лишь в том, насколько.

– Даже если уступить Элис, то все равно необязательно устраивать нечто грандиозное. Только свои. Эмметт может получить по интернету лицензию на право проведения церемонии.

Я хихикнула.

– Вот это уже лучше!

Если читать клятвы будет Эмметт, то прозвучат они не очень-то официально – и это хорошо. Правда, мне будет нелегко сохранить серьезный вид.

– Вот видишь, – улыбнулся Эдвард. – Всегда можно найти компромисс.

Мне понадобилось немало времени, чтобы дойти до места, где армия новорожденных наверняка пересечет наш след, но Эдвард не сердился на мою черепашью скорость.

На обратном пути ему пришлось показывать дорогу, чтобы вернуться

той же тропинкой: для меня все тропки выглядели одинаково.

Мы почти дошли до поляны – и тут я упала. Впереди виднелось открытое пространство, и, наверное, именно поэтому я заспешила, перестав смотреть под ноги. Мне удалось удержаться на ногах, но ветка, за которую я ухватилась левой рукой, треснула и воткнулась в ладонь.

– Ой! Очень мило, – пробормотала я.

– Ты не ушиблась?

– Нет. Стой, где стоишь. У меня кровь течет. Через минуту-другую остановится.

Эдвард меня не послушал: не успела я договорить, как он уже стоял рядом.

– Я взял аптечку, – сказал он, снимая рюкзак. – Так и знал, что она пригодится.

– Ничего страшного. Я сама справлюсь – тебе вовсе незачем испытывать такие неудобства.

– Со мной все в порядке, – спокойно ответил он. – Давай промою ранку.

– Погоди-ка! У меня есть идея получше!

Не глядя на кровь и дыша через нос, чтобы не взбунтовался желудок, я прижала руку к ближайшему камню.

– Что ты делаешь?

– Джасперу это понравится! – сказала я и пошла к поляне, прижимая ладонь ко всему подряд. – От этого у них просто крыша поедет!

Эдвард вздохнул.

– Задержи дыхание, – велела я.

– Со мной все в порядке, – повторил он. – Но мне кажется, это уже перебор.

– Это все, что мне позволено сделать, и я хочу выполнить свою задачу добросовестно.

Мы вышли из леса на поляну. Я провела пораненной рукой по папоротникам.

– Ты прекрасно справилась с задачей. Новорожденные совсем голову потеряют, и Джаспер будет восхищен твоей преданностью делу. А теперь давай-ка я займусь твоей рукой – в ранку попала грязь.

– Лучше я сама.

Он взял меня за руку и с улыбкой осмотрел ладонь:

– Меня это больше не беспокоит.

Я внимательно наблюдала, как он прочистил порез, но не заметила никаких признаков беспокойства: Эдвард дышал ровно и слегка улыбался.

– А почему? – наконец спросила я, когда он разгладил повязку на моей ладони.

– Прошло, – пожал он плечами.

– Прошло? Когда? Как?

Я попыталась припомнить, когда Эдвард в последний раз задерживал дыхание рядом со мной. Вспоминался только мой неудавшийся день рождения в прошлом году.

Эдвард сжал губы, подбирая слова.

– Белла, я прожил целых двадцать четыре часа, думая, что ты умерла. Это изменило мой взгляд на многие вещи.

– И мой запах для тебя тоже изменился?

– Вовсе нет. Просто… зная, каково думать, что я потерял тебя… в общем, мои реакции изменились. Все мое существо противится любым действиям, которые могут привести к подобной боли.

Что тут скажешь?

Глядя на меня, Эдвард улыбнулся.

– Можно сказать, это переживание многому меня научило.

Порыв ветра пронесся по поляне, растрепал мои волосы, и я поежилась.

– Ладно, – сказал Эдвард, снова открывая рюкзак. – Ты свое дело сделала. – Вытащил мою тяжелую зимнюю куртку и помог мне ее надеть. – Больше мы ничего сделать не можем. Пойдем ставить палатку!

Притворная бодрость в его голосе рассмешила меня.

Эдвард взял меня за забинтованную руку – на другой все еще была шина – и пошел к противоположной стороне поляны.

– Где мы встречаемся с Джейкобом? – спросила я.

– Прямо здесь.

Эдвард показал на деревья впереди, и из тени мгновенно появился настороженный Джейкоб – в человеческом теле.

Меня это удивило: сама не знаю, почему, но я высматривала огромного красно-коричневого волка.

Мне показалось, что Джейкоб стал еще больше: должно быть, я подсознательно ожидала увидеть прежнего Джейка, каким он сохранился в памяти – друга, с которым было легко общаться.

Джейкоб стоял, скрестив руки на обнаженной груди и сжимая в кулаке куртку, и бесстрастно смотрел на нас.

Эдвард поджал губы.

– Мы наверняка могли бы придумать что-нибудь получше.

– Теперь уже слишком поздно, – мрачно пробормотала я.

Он вздохнул.

– Привет, Джейк! – сказала я, когда мы подошли.

– Привет, Белла.

– Здравствуй, Джейкоб.

Джейкоб пропустил вежливое приветствие Эдварда мимо ушей и сразу перешел к делу:

– Куда мне ее отнести?

Эдвард вытащил карту из бокового кармашка рюкзака и передал ее Джейкобу. Тот развернул.

– Сейчас мы вот здесь, – сказал Эдвард, показывая пальцем место. Джейкоб непроизвольно отпрянул от его руки. Эдвард сделал вид, что ничего не заметил. – Ты принесешь ее вот сюда, – продолжал Эдвард и провел пальцем по паутине отметок высот на бумаге. – Это примерно девять миль.

Джейкоб кивнул.

– За милю до этого места вы пересечете мой след. Он приведет вас ко мне. Тебе нужна карта?

– Нет, спасибо. Я неплохо знаю этот район. Думаю, я и так дорогу найду.

Похоже, Джейкобу приходилось прилагать больше усилий, чтобы поддерживать вежливый тон.

– Я пойду более длинным путем, – сказал Эдвард. – Увидимся через несколько часов.

Эдвард грустно посмотрел на меня: эта часть плана ему совсем не нравилась.

– До встречи, – пробормотала я.

Эдвард скрылся в лесу.

Стоило ему уйти, Джейкоб повеселел.

– Что нового, Белла? – спросил он, ухмыляясь.

– Да так, все по-старому.

– Ну да, – согласился он. – Шайка вампиров пытается тебя убить – ничего нового.

– Совсем ничего.

– Ладно, – сказал он, натягивая куртку, чтобы высвободить руки. – Тогда нам пора двигаться.

Я скривилась и сделала шажок вперед.

Джейкоб наклонился, одной рукой подхватил меня под коленки так, что я потеряла равновесие, а другой поймал, не дав удариться головой о землю.

– Балбес! – пробормотала я.

Джейкоб усмехнулся – он уже бежал по лесу: ровным, скорым шагом, какой мог бы поддерживать человек… на равнине… и без сотни с лишним фунтов груза на руках.

– Бежать совсем не обязательно. Ты ведь устанешь.

– От бега я не устаю, – ответил Джейкоб. Дышал он ровно – этаким мерным дыханием марафонца. – Кроме того, скоро похолодает. Надеюсь, он успеет поставить палатку к нашему приходу.

Я постучала пальцем по толстой подкладке куртки Джейкоба.

– Ты же вроде говорил, что больше не мерзнешь.

– А я и не мерзну. Для тебя взял – на тот случай, если бы ты оказалась неподготовленной. – Джейкоб разочарованно посмотрел на мою куртку. – Что-то мне погода не нравится. Настораживает она меня. Ты обратила внимание, что мы ни одной зверюшки не видели?

– Хм, вообще-то не обратила.

– Пожалуй, ты и не могла заметить: нюх не тот.

Я пропустила колкость мимо ушей.

– Элис тоже беспокоилась, что будет гроза.

– Когда лес так молчит, то будет такое, что мало не покажется. Ну и ночку ты выбрала для похода в горы!

– Как будто от меня что-то зависело!

Джейкоб шел по лесу без тропы, забираясь все круче в гору, однако на его скорости это не сказывалось. Он легко прыгал с камня на камень, совсем не используя рук, – с таким безупречным чувством равновесия, что напоминал горного козла.

– А что это за новая штучка у тебя на браслете? – спросил Джейкоб.

Я посмотрела вниз: сердечко лежало на моем запястье.

– Еще один подарок к окончанию школы, – виновато пожала плечами я.

– Камень, – фыркнул Джейкоб. – Все понятно.

Камень? Я внезапно вспомнила незаконченную фразу Элис. Глядя на яркий белый кристалл я попыталась вспомнить, что она говорила… Мы стояли возле гаража, и Элис сказала что-то о бриллиантах. Может, она имела в виду «один он уже на тебя надел»? То есть, что я уже носила один бриллиант, подаренный Эдвардом? Не может быть! Сердечко весит все пять карат – с ума сойти! Эдвард не стал бы…

– А ты давненько не заглядывала в Ла-Пуш, – сказал Джейкоб, прерывая мои тревожные домыслы.

– Некогда было, – ответила я. – Да и… пожалуй, я бы все равно не

приехала.

Джейкоб скривился.

– Я-то думал, ты из тех, кто прощает, а дуться полагается мне.

Я пожала плечами.

– Ты ведь часто думала о нашей последней встрече?

– Вот еще!

Джейкоб засмеялся.

– Или ты врунишка, или самый упрямый человек на свете.

– Насчет последнего не знаю, но врать я не вру.

Мне совсем не нравился этот разговор – особенно сейчас, когда горячие руки Джейкоба крепко держали меня и я ничего не могла с этим поделать. И его лицо было слишком близко – жаль, что нельзя отстраниться.

– Разумный человек рассматривает свои решения со всех сторон.

– Я так и сделала.

– Если ты совсем не думала о нашем последнем… эээ, разговоре, то это неправда.

– Наш разговор не имеет к этому никакого отношения.

– Некоторые готовы на все, лишь бы обмануть самих себя.

– Я заметила, что оборотни особенно этим отличаются – может, что-то генетическое?

– Хочешь сказать, что он целуется лучше? – Джейкоб внезапно помрачнел.

– Джейк, я не знаю ответа на этот вопрос: Эдвард – единственный, с кем я целовалась.

– Кроме меня.

– Джейкоб, я бы не называла это поцелуем. По-моему, это было насилие.

– Ой! За что ты меня так!

Я пожала плечами: брать свои слова обратно не стану.

– Ведь я же извинился, – напомнил он.

– И я тебя простила… почти. Однако мои воспоминания от этого не изменились.

Джейкоб пробормотал нечто невнятное.

Мы замолчали: слышалось лишь размеренное дыхание Джейкоба и завывания ветра в верхушках деревьев. Рядом с нами из леса выросла отвесная скала: голый, шершавый камень. Мы пошли вдоль ее основания.

– А по-моему, это слишком опрометчиво, – внезапно выпалил Джейкоб.

– Не знаю, о чем ты, но ты не прав.

– Белла, ну сама подумай. Ты говоришь, что за всю жизнь целовалась всего с одним человеком – который на самом деле даже и не человек вовсе, – и на этом все? Откуда тебе знать, что это именно то, чего ты хочешь? Может, тебе стоит попробовать и другие варианты?

– Я точно знаю, чего хочу, – невозмутимо ответила я.

– Тогда тебе не повредит это проверить. Может, стоит попробовать поцеловать кого-то еще – просто ради сравнения… потому что случившееся в прошлый раз не считается. Можешь, например, меня поцеловать. Я согласен быть подопытным кроликом.

Джейкоб крепче прижал меня к груди – так, что наши лица сблизились. Он улыбался своей шутке, но я не собиралась рисковать.

– Джейк, не зарывайся. Честное слово, я не стану останавливать Эдварда, если он захочет выбить тебе зубы.

Панические нотки в моем голосе заставили Джейкоба улыбнуться еще шире.

– Если ты попросишь меня поцеловать тебя, то у него не будет оснований обижаться. Он сказал, что в таком случае можно.

– Попросить тебя? Да я скорее удавлюсь!

– Что-то ты сегодня не в духе.

– Интересно, с чего бы это?

– Иногда мне кажется, что как волка ты меня любишь больше.

– Иногда так оно и есть. Может быть, дело в том, что волки не умеют разговаривать?

Джейкоб задумчиво сжал губы.

– Нет, я думаю, дело не в этом. По-моему, тебе легче быть рядом со мной—волком, потому что тогда не нужно притворяться, будто тебя ко мне не тянет.

Я оторопела от такой наглости и заскрипела зубами.

Джейкоб услышал – его губы растянулись в торжествующей улыбке.

Прежде чем ответить, я медленно втянула в себя воздух.

– Нет. По-моему, все дело в том, что ты тогда теряешь дар речи.

Он вздохнул.

– Ты никогда не устаешь себе врать? Ведь не можешь же ты не знать, как остро ты ощущаешь мое присутствие – физически, я имею в виду.

– Джейкоб, да кто может не ощущать твоего присутствия – физически? – раздраженно спросила я. – Ты огромное чудовище, которое бесцеремонно вторгается в личное пространство окружающих.

– Я заставляю тебя нервничать. Но только в моем человеческом теле.

Когда я волк, рядом со мной ты чувствуешь себя гораздо спокойнее.

– Нервничать – это одно, а раздражаться – совсем другое.

Джейкоб целую минуту не сводил с меня глаз. Он пошел медленно, и веселость исчезла с его лица. Глаза сузились и потемнели под нависшими бровями. Дыхание – такое ровное, когда он бежал, – участилось. Джейкоб склонился к моему лицу.

Я презрительно смотрела на него, точно зная, что он собирается сделать.

– Побереги зубы, – предостерегла я.

Джейкоб расхохотался и снова побежал.

– Сегодня вечером мне не до драки с твоим вампиром; хотя в любой другой день – пожалуйста. Но завтра нам обоим предстоит работа, и не хотелось бы вывести одного Каллена из строя.

На меня внезапно нахлынуло чувство вины.

– Знаю, знаю, – сказал Джейкоб, неверно истолковав выражение моего лица. – Ты думаешь он меня побьет.

Я не могла вымолвить ни слова: из-за меня у Калленов будет на одного бойца меньше. А если кто-то пострадает, потому что я такая неженка? Но если я проявлю храбрость, а Эдвард… нет, даже подумать об этом невозможно!

– Белла, да что с тобой? – С лица Джейкоба исчезла шутливая бравада: словно сняли маску, и под ней оказался тот Джейкоб, которого я знала. – Если мои слова тебя обидели, так ведь ты же знаешь, я просто пошутил. Ничего такого я не имел в виду… Эй, ты чего? Белла, не плачь, пожалуйста, – взмолился он.

Я постаралась взять себя в руки.

– Не буду плакать.

– Что я такого сказал?

– Ничего. Ничего такого ты не сказал. Это все я… Натворила кое-что.

Джейкоб в недоумении уставился на меня.

– Эдвард не будет завтра драться, – шепотом объяснила я. – Я заставила его остаться со мной. Вот такая я отчаянная трусиха.

Он нахмурился.

– Думаешь, уловка не сработает? Боишься, что они найдут тебя здесь? Ты знаешь что-то, чего я не знаю?

– Да нет же! Вовсе я этого не боюсь. Просто… я не могу позволить ему уйти. Если он не вернется… – Я вздрогнула и закрыла глаза, чтобы избежать этой мысли.

Джейкоб молчал.

Я прошептала, не открывая глаз:

– Если кто-то пострадает, то виновата буду только я. И даже если все останутся живы-здоровы… я все равно вела себя ужасно – и все ради того, чтобы заставить его остаться. Он, конечно, никогда не упрекнет меня за это, но я-то знаю, как скверно поступила.

Я призналась во всем, и мне немного полегчало. Хотя признаться я могла только Джейкобу.

Джейкоб фыркнул. Я открыла глаза: на его лице снова была маска.

– Он позволил тебе отговорить себя от драки? Ушам своим не верю! Лично я бы никогда на такое не согласился.

– Знаю, – вздохнула я.

– Но это еще ничего не значит, – вдруг пошел на попятную Джейкоб. – Не думай, что я люблю тебя меньше, чем он.

– Однако ты не остался бы, как бы я ни умоляла.

Джейкоб задумался. Интересно, станет ли он это отрицать? Мы оба прекрасно знали правду.

– Только потому, что я тебя лучше знаю, – наконец ответил Джейкоб. – Все пройдет как по маслу. И даже если бы ты попросила, а я сказал нет, то потом ты не стала бы на меня злиться.

– Если все пройдет как по маслу, то ты, пожалуй, прав. Злиться бы я не стала. Но пока тебя не будет рядом со мной, все это время я бы места себе не находила. С ума бы сходила от беспокойства.

– Почему? – хмуро спросил он. – Какая тебе разница, случится ли что-то со мной?

– Не говори так. Ты ведь знаешь, как много значишь для меня. Извини, это не то, чего ты хочешь, но так уж получилось. Ты мой лучший друг. По крайней мере, был им. И иногда остаешься… когда снимаешь маску.

Джейкоб улыбнулся хорошо знакомой улыбкой, которую я так любила.

– Я всегда твой лучший друг. Даже когда… веду себя не так, как положено. Внутри я всегда остаюсь тем же самым.

– Знаю. В противном случае не стала бы мириться с твоими выходками.

Джейкоб засмеялся вместе со мной, но потом его глаза погрустнели.

– Белла, когда ты наконец поймешь, что тоже меня любишь?

– Вечно ты ляпнешь что-нибудь не к месту!

– Я вовсе не говорю, что ты его не любишь. Я же не полный идиот. Но ведь можно любить двоих одновременно – и я это видел.

– Джейкоб, я-то не какой-нибудь дурацкий оборотень!

Он сморщил нос, и я уже собралась извиниться за последний выпад,

однако Джейкоб сменил тему.

– Мы уже близко, я его чую.

Я с облегчением вздохнула.

Джейкоб неправильно истолковал мой вздох.

– Белла, я бы с удовольствием сбавил темп, но лучше бы тебе оказаться в укрытии, прежде чем разразится вот это.

Мы оба посмотрели на небо.

С запада неслась иссиня-черная стена облаков, накрывая лес мраком.

– Вот это да! – пробормотала я. – Джейк, ты бы поторопился, а то обратно домой добраться не успеешь.

– Домой я возвращаться не собираюсь.

Я раздраженно уставилась на него.

– Не вздумай остаться с нами!

– Вообще-то я буду не совсем с вами: во всяком случае, в палатке ночевать не стану. Уж лучше буря, чем вонища. Однако твой кровосос наверняка захочет иметь возможность общаться со стаей в целях координации совместных действий, и я любезно предоставлю свои услуги.

– Я думала, это обязанность Сета.

– Сет займется этим завтра, во время схватки.

Напоминание о схватке заставило меня на секунду замолчать. Я уставилась на Джейка: меня вдруг охватило безумное беспокойство.

– Надо полагать, ты ни за что не останешься с нами, раз уж ты все равно здесь? – предложила я. – Даже если я тебя попрошу? Или соглашусь на пожизненное рабство взамен?

– Соблазнительное предложение, но увы. С другой стороны, было бы любопытно посмотреть, как ты станешь просить. Можешь попробовать, если хочешь.

– И что бы я ни сказала, это не поможет?

– Не-а. Разве что ты пообещаешь мне драку получше. И вообще, командует Сэм, а не я.

– Эдвард на днях рассказал мне кое-что… про тебя, – вспомнила я.

Джейкоб ощетинился.

– Небось, наврал.

– Разве? То есть ты вовсе не второй после Сэма?

Он ошарашенно моргнул.

– А! Ты об этом…

– Почему ты мне никогда про это не говорил?

– А зачем? Подумаешь, важность.

– Ну, не знаю. Почему бы нет? Ведь интересно же. Так как это

получилось? Почему Сэм стал альфой, а ты… как это… бетой?

Джейкоб усмехнулся, услышав изобретенные мной термины.

– Сэм превратился первым, он самый старший, так что ему и командовать.

Я нахмурилась.

– Тогда почему вторым не стал Пол или Джаред? Ведь они превратились до тебя!

– Ну… это трудно объяснить, – уклончиво ответил Джейкоб.

– А ты попытайся.

Он вздохнул.

– Происхождение важнее, понимаешь? Как в старые времена. Хотя, по-моему, кому какая разница, кто был твой дедушка?

Тут я вспомнила кое-что, о чем Джейкоб рассказал мне давным-давно, когда мы оба еще и понятия не имели об оборотнях.

– Ты, кажется, говорил, что Эфраим Блэк был последним вождем квилетов?

– Говорил. Потому что он был альфа. А ты знаешь, что, строго говоря, Сэм теперь вождь всего племени? – Джейкоб засмеялся. – Дурацкие традиции!

Я на секунду задумалась.

– Но ведь ты также говорил, что к твоему отцу в совете прислушиваются больше, чем к остальным, потому что он внук Эфраима?

– Ну и что из этого?

– Так ведь если все дело в происхождении… тогда вождем должен стать ты?

Джейкоб промолчал. Уставился в темнеющий лес, словно ему вдруг понадобилось сосредоточиться на том, куда мы идем.

– Джейк?

– Нет. Это работа Сэма. – Джейкоб не сводил глаз с невидимой тропки.

– Почему? Ведь его прапрадедом был Леви Улей, верно? Он тоже был альфой?

– Альфа всегда только один, – не раздумывая ответил Джейкоб.

– Тогда кем был Леви?

– Что-то вроде беты, наверное. – Джейкоб фыркнул, насмехаясь над моим термином. – Вроде меня.

– Ничего не понимаю.

– Да тут и понимать нечего.

– Я просто пытаюсь разобраться.

Джейкоб наконец посмотрел на меня. Увидел мой недоумевающий

взгляд и вздохнул:

– Да. Я должен был бы стать альфой.

– Сэм не захотел уступить? – удивилась я.

– Наоборот. Я не захотел занять его место.

– Почему?

Джейкоб нахмурился, недовольный моими вопросами. Ну что ж, теперь его очередь чувствовать себя не в своей тарелке.

– Белла, мне все это даром не нужно. Я не хотел ничего менять. Не хотел стать каким-нибудь легендарным вождем. И вообще не хотел быть в стае оборотней – не говоря уж о том, чтобы стать их вожаком. И когда Сэм предложил, я отказался.

Я надолго задумалась. Джейкоб не мешал мне размышлять: он опять уставился на лес.

– А я-то думала, ты счастлив и не возражаешь, что все так получилось, – наконец прошептала я.

Джейкоб улыбнулся, глядя на меня сверху вниз.

– Нет, все не так уж плохо, – заверил он. – Иногда случается что-нибудь интересное – вроде завтрашней схватки. Хотя сначала я чувствовал себя так, словно меня призвали на войну, о которой я и понятия не имел. Мне не дали никакого выбора, понимаешь? И никуда не денешься. – Он пожал плечами. – Но сейчас я, пожалуй, доволен. Дело должно быть сделано, а кому еще я могу это доверить? Лучше уж лично убедиться, что все сделано как надо.

Я уставилась на Джейка с неожиданным восхищением: мой друг оказался взрослее, чем я думала. Как и в Билли той ночью у костра, в нем проявилось величие, о котором я не подозревала.

– Вождь Джейкоб, – прошептала я и улыбнулась: забавное сочетание!

Джейкоб усмехнулся.

И тут ветер тряхнул деревья так, будто собирался вырвать их с корнем, и дохнуло таким холодом, словно повеяло прямо с ледника. Треск ломающегося дерева эхом отдался в горах. Жуткое облако закрывало небо, стало темно, однако я все же разглядела белые пушинки, летевшие сверху.

Джейкоб прибавил шагу, прямо-таки помчался изо всех сил, не сводя глаз с земли под ногами. Я охотнее прижалась к его груди, прячась от противного снега.

Всего через несколько минут он повернул за скалу, и мы оба увидели палатку, поставленную под ее защитой. Пушинки вокруг закружились чаще, но ветер дул с такой силой, что не давал им упасть.

– Белла! – с облегчением воскликнул Эдвард, останавливаясь: он

мерил шагами полянку.

Эдвард бросился ко мне, двигаясь так быстро, что его очертания стали расплывчатыми. Джейкоб недовольно поморщился и опустил меня на землю. Эдвард не обратил внимания на реакцию Джейкоба и сжал меня в объятиях.

– Спасибо, – сказал Эдвард поверх моей головы – его голос прозвучал вполне искренне. – Вы пришли быстрее, чем я ожидал, огромное спасибо.

Я повернулась, чтобы посмотреть на Джейкоба: он всего лишь пожал плечами, без тени дружелюбия на лице.

– Отведи ее в палатку. Сейчас такое начнется! У меня волосы дыбом стоят. Палатка хорошо закреплена?

– Осталось разве что приварить ее к скале.

– Тогда ладно.

Джейкоб посмотрел на небо: оно уже потемнело, сыпал мелкий снежок.

– Я собираюсь превратиться. – Джейкоб раздул ноздри. – Хочу узнать, как там дома.

Он повесил куртку на нижнюю ветку и, не оборачиваясь, ушел в темный лес.

Глава двадцать вторая
Огонь и лед

Ветер снова потряс палатку, и я затряслась вместе с ней.

Температура продолжала падать: это чувствовалось сквозь пуховый спальник и куртку. В спальник я залезла полностью одетая и в ботинках, но теплее не стало. Ничего себе мороз! И куда еще холоднее? Должен же быть какой-то предел!

– К-к-к-котор-р-рый ч-ч-час? – едва выговорила я сквозь клацающие зубы.

– Два часа ночи, – ответил Эдвард.

Он сидел как можно дальше – насколько позволяла теснота палатки, – и боялся даже дышать на меня, чтобы не заморозить еще больше. В темноте я не могла разглядеть его лицо, но в голосе звучали беспокойство, нерешительность и досада.

– Может…

– Н-н-нет, в-в-се н-н-нормально. Я н-н-не х-х-хочу идти н-н-на ул-л-лицу.

Эдвард уже не раз пытался уговорить меня удрать отсюда, но я панически боялась выйти из палатки: если здесь, в защищенном от ветра месте так холодно, то каково будет бежать по лесу в такую погоду?

А кроме того, это сведет насмарку все наши усилия. Будет ли у нас время, чтобы подготовить все заново, когда буря закончится? И закончится ли она? Сниматься с насиженного места сейчас не имеет смысла. Одну ночь как-нибудь переживу.

Меня беспокоило, что проложенный мной след занесет, но Эдвард заверил, мимо такого следа не пройдешь.

– Что я могу сделать для тебя? – почти умолял Эдвард.

Я только головой покачала.

Где-то в снегу взвизгнул Джейкоб.

– Уб-б-бирайся! – опять приказала ему я.

– Он о тебе беспокоится, – перевел Эдвард. – С ним-то все в порядке: ему такое нипочем.

– В-в-в-в-в…

Я хотела сказать, чтобы Джейкоб все равно уходил, но у меня слишком сильно стучали зубы: и так чуть язык не откусила, пока пыталась что-то

выговорить. Судя по всему, Джейкобу снег и в самом деле нипочем: из всей стаи у него самая длинная, густая и лохматая шерсть. Интересно, с чего бы это?

Джейкоб тоненько взвизгнул – это прозвучало как жалоба.

– От меня-то ты чего хочешь? – прорычал Эдвард, слишком расстроенный, чтобы соблюдать приличия. – Чтобы я в такую бурю унес ее обратно? Толку от тебя все равно не видать. Пошел бы обогреватель притащил, что ли.

– В-в-се н-н-нормально, – запротестовала я.

Эдвард застонал, а снаружи послышалось приглушенное ворчание – обмануть мне никого не удалось. Ветер тряс палатку, и я тряслась вместе с ней.

Сквозь рев ветра вдруг послышался вой. Я заткнула уши. Эдвард ощетинился.

– Вовсе незачем было это делать, – пробормотал он и громко добавил: – В жизни не слышал ничего глупее!

– Ты сам-то ничего умнее не придумал, – ответил Джейкоб человеческим голосом, заставив меня вздрогнуть. – «Обогреватель принеси». Что я тебе, сенбернар? – проворчал он.

Послышался звук расстегиваемой молнии: Джейкоб открыл вход в палатку ровно настолько, чтобы кое-как протиснуться вовнутрь. Следом за ним хлынул ледяной воздух, и несколько снежинок упали на пол. Я задрожала так, словно меня лихорадка била.

– Мне это не нравится, – прошипел Эдвард, пока Джейкоб застегивал молнию. – Отдай Белле куртку и выметайся.

Мои глаза достаточно привыкли к темноте, и я различила Джейкоба, державшего в руке парку, которую он днем повесил на дерево рядом с палаткой.

Я хотела спросить, о чем они спорят, но сумела выговорить лишь «В-в-в-в»: зубы ужасно стучали.

– Куртка пригодится завтра. Сейчас Белла слишком замерзла, чтобы согреть ее самостоятельно: парка вся заледенела. – Он бросил ее возле входа. – Ты же сам сказал, что Белле нужен обогреватель – ну так вот он я.

Джейкоб развел руки насколько позволяла ширина палатки. Как обычно, на время превращения в волка он обошелся минимумом одежды: только спортивные штаны – ни рубашки, ни ботинок.

– Д-д-джейк, т-т-ты з-з-замерзнешь! – выдавила я.

– Вот еще! – жизнерадостно возразил он. – Я теперь всегда горячий – сорок два и семь! Со мной ты враз вспотеешь.

Эдвард зарычал, но Джейкоб и ухом не повел. Подполз ко мне и принялся расстегивать мой спальник.

Тяжелая рука Эдварда внезапно опустилась на его плечо – белоснежный мрамор на темной коже. Джейкоб стиснул зубы, его ноздри раздулись, и он отшатнулся от холодного прикосновения, непроизвольно напрягая бицепсы.

– Убери клешни, – прорычал он сквозь зубы.

– Убери от нее свои лапы, – мрачно ответил Эдвард.

– Н-н-не с-с-сорьтесь! – взмолилась я.

Меня снова бросило в дрожь. Зубы так стучали, что того и гляди вылетят.

– Белла наверняка скажет тебе спасибо, когда у нее пальцы на ногах почернеют и отвалятся, – огрызнулся Джейкоб.

Эдвард заколебался. Потом убрал руку и скользнул обратно в уголок палатки.

– Только без глупостей, – пригрозил он.

Джейкоб насмешливо хмыкнул.

– Белла, подвинься-ка. – Он расстегнул спальник.

Я в ярости уставилась на Джейкоба. Неудивительно, что Эдвард так разозлился!

– Н-н-н… – попыталась возразить я.

– Ну что ты как маленькая! – возмутился он. – Ноги отморозить хочешь?

Джейкоб втиснулся в спальник и застегнул молнию.

И тут мне расхотелось возмущаться: он оказался таким горячим! Джейкоб обхватил меня руками и крепко прижал к обнаженной груди. Его тепло неудержимо притягивало. Я не удержалась и прижала к нему ледяные ладони. Джейкоб вздрогнул.

– Ох, ты прямо в ледышку превратилась! – пожаловался он.

– Из-з-звини, – заикаясь, выдавила я.

– Да ты расслабься, – посоветовал он, когда меня снова забила дрожь. – Сейчас согреешься. Хотя ты согрелась бы еще быстрее, если бы сняла одежду.

Эдвард зарычал.

– А что такого? – защищался Джейкоб. – Против фактов не попрешь. Это всего лишь правило из руководства по выживанию в экстремальных ситуациях.

– Дж-ж-жейк, хв-в-ватит! – разозлилась я, хотя мое тело ни за что не свете не желало отстраняться от Джейкоба. – К-к-кому н-н-нужны все д-д-

десять п-пальцев н-на н-ногах?

– Не переживай ты так за этого кровососа, – самодовольно заявил Джейкоб. – Он всего лишь ревнует.

– Конечно, ревную, дворняжка. – Голос Эдварда снова стал бархатным и сдержанным – музыка в темноте. – Ты представить себе не можешь, как бы мне хотелось сделать для нее то, что делаешь ты.

– У каждого свои недостатки. – Джейкоб не стал злиться на оскорбление. Но потом вдруг безрадостно добавил: – По крайней мере, ты знаешь, что она хочет, чтобы на моем месте был ты.

– Верно, – согласился Эдвард.

Пока эти двое переругивались, дрожь начала потихоньку утихать.

– Ну вот, – с удовольствием заметил Джейкоб. – Лучше стало?

Я наконец-то могла говорить членораздельно:

– Да.

– У тебя губы до сих пор синие, – заметил он. – Хочешь, согрею? Тебе стоит только попросить.

Эдвард тяжело вздохнул.

– Не хулигань, – пробормотала я, прижимаясь лицом к его плечу.

Джейкоб опять вздрогнул от прикосновения моей холодной кожи, и я ухмыльнулась, чувствуя себя отомщенной.

В спальнике уже стало тепло и уютно. Казалось, что жар идет со всех сторон – наверное, потому, что Джейкоб такой огромный. Я скинула ботинки и прижала стопы к его ногам. Джейкоб слегка вздрогнул, а потом наклонил голову, чтобы прижаться горячей щекой к моему озябшему уху.

От кожи Джейкоба шел терпкий, древесный запах – он был вполне уместен здесь, посреди леса. Приятный такой аромат. Похоже, Каллены и квилеты просто предвзято относятся друг к другу: лично я ни на чей запах не жаловалась.

Буря ревела, как дикий зверь, пытаясь разнести палатку, но теперь меня это не беспокоило: Джейкоб был в тепле, да и я тоже. Кроме того, беспокоиться уже никаких сил не было: слишком долго я не могла заснуть, и все мышцы ныли. Я оттаивала по частям, тело расслаблялось и наконец совсем обмякло.

– Джейк? – сонно пробормотала я. – Можно у тебя кое-что спросить? Я вовсе не прикалываюсь, мне действительно интересно. – То же самое сказал мне Джейк тогда на кухне… сколько уже времени прошло?

– Спрашивай. – Он усмехнулся воспоминаниям.

– Почему ты такой лохматый? Твоим друзьям до тебя далеко. Можешь не отвечать, если я что-то не то брякнула. – Кто его знает, какие в обществе

оборотней правила приличия?

– Потому что у меня волосы длиннее, – ответил Джейк.

По крайней мере, вопрос его не обидел – скорее позабавил.

Джейкоб потряс головой, чтобы его длинные, до подбородка, волосы пощекотали меня по щеке.

– Теперь понятно. – Ответ меня удивил, хотя с другой стороны, все логично. Так вот почему все остальные коротко подстриглись, когда вошли в стаю. – А почему ты не стал подстригаться? Предпочитаешь ходить лохматым?

На этот раз Джейкоб не сразу ответил, а Эдвард тихонько засмеялся.

– Извини. – Я зевнула. – Можешь не говорить, если не хочешь.

Джейкоб раздраженно хмыкнул.

– Он все равно тебе расскажет, так что лучше уж я сам… Волосы я отрастил потому… потому что мне показалось, что тебе так больше нравится.

– Ой! – Мне стало неловко. – Ну, в общем, мне и так, и так нравится. Тебе вовсе необязательно… мириться с неудобствами.

Он пожал плечами.

– Сегодня это оказалось очень даже удобно, так что не переживай.

Сказать мне больше было нечего. Молчание затянулось, и мои веки сами по себе закрылись, а дыхание замедлилось.

– Вот и правильно, моя хорошая, поспи немного, – прошептал Джейкоб.

Я удовлетворенно вздохнула, уже задремав.

– Сет пришел, – сообщил Эдвард Джейкобу, и я вдруг поняла, зачем Джейкоб выл.

– Прекрасно. Теперь ты можешь заниматься делом, пока я позабочусь о твоей подружке.

Эдвард промолчал, и я сонно пробормотала:

– Да хватит вам!

Наступила тишина – по крайней мере, в палатке. Снаружи бесновался ветер, завывая в деревьях. Палатка дрожала, мешая спать: каждый раз, когда я уже почти засыпала, стойки вдруг начинали трястись, не давая провалиться в забытье. А бедный волк – бедный мальчик! – сидит там в снегу.

В ожидании сна мысли бесцельно бродили в голове. Тепло и уют спальника напомнили мне первые дни знакомства с Джейкобом, – дни, когда он заменил мне солнце, согрел меня теплом и вернул к жизни. Давно я не думала об этом, и вот Джейк снова рядом и греет меня.

– Ради бога! – зашипел Эдвард. – Не мог бы ты перестать!

– Что перестать? – удивленно прошептал Джейкоб.

– Не мог бы ты хотя бы попытаться контролировать свои мысли? – в тихом шепоте Эдварда звучала ярость.

– А кто заставляет тебя слушать? – смущенно огрызнулся Джейкоб. – Нечего залезать в мою голову.

– Хотел бы я из нее вылезти! Ты даже не представляешь, как громко звучат твои фантазии – ты прямо орешь во все горло.

– Постараюсь потише, – насмешливо пообещал Джейкоб.

На мгновение они замолчали.

– Да, – едва слышно ответил Эдвард на безмолвный вопрос. – К этому я тоже ревную.

– Я так и думал, – самодовольно прошептал Джейкоб. – Это несколько уравнивает шансы.

– Мечтать не вредно! – хмыкнул Эдвард.

– А ведь она все еще может передумать, – не отступал Джейкоб. – Учитывая все, что я могу с ней сделать – и чего не можешь ты. По крайней мере, не подвергая ее опасности.

– Джейкоб, поспал бы ты лучше, – пробормотал Эдвард. – Ты начинаешь действовать мне на нервы.

– Пожалуй, я и впрямь вздремну. Уж очень уютно.

Эдвард промолчал.

Я слишком глубоко провалилась в забытье, чтобы попросить их перестать говорить обо мне так, словно меня тут нет. Находясь между сном и явью, я не была уверена, что этот разговор происходит на самом деле.

– Возможно, – сказал Эдвард, отвечая на немой вопрос.

– И скажешь правду?

– Не веришь – сам у нее спроси. – Судя по тону ответа, я упустила какую-то шутку.

– Раз уж ты можешь читать мои мысли, дай мне сегодня заглянуть в твою голову – это будет вполне справедливо, – сказал Джейкоб.

– В твоей голове полно вопросов. На какой именно ты хочешь получить ответ?

– Ревность… ведь тебя наверняка мучает ревность? Ты не можешь быть настолько уверен в себе, насколько хочешь это показать. Разве что ты совсем уж бревно бесчувственное.

– Конечно, мучает, – ответил Эдвард без прежней шутливости. – В данный момент так сильно, что я с трудом контролирую свой голос. И становится еще хуже, когда Белла с тобой и я не могу ее видеть.

– Ты все время об этом думаешь? – прошептал Джейкоб. – Когда ее нет рядом, тебе трудно сосредоточиться?

– И да, и нет, – ответил Эдвард: он явно собирался честно отвечать на вопросы. – Моя голова работает по-другому, чем у тебя: я могу думать одновременно о многом. И конечно же, это означает, что ты не выходишь у меня из головы и я всегда спрашиваю себя, не о тебе ли она думает, когда молчит.

На минуту они оба затихли.

– Да, мне кажется, она часто о тебе думает, – пробормотал Эдвард, отвечая на мысленный вопрос Джейкоба. – Чаще, чем мне хотелось бы. Переживает, что ты чувствуешь себя несчастным. Да ты и сам это знаешь. И этим пользуешься.

– Что есть, тем и пользуюсь, – буркнул Джейкоб. – У меня ведь нет твоих преимуществ – например, она знает, что любит тебя.

– Да уж, это совсем не лишнее, – согласился Эдвард.

– Но и меня она тоже любит, – не сдавался Джейкоб.

Эдвард промолчал.

– Только она сама об этом не знает, – вздохнул Джейкоб.

– Ничего не могу сказать по этому поводу.

– А тебя это не напрягает? Разве ты не хотел бы знать, что она думает?

– Да… и нет. Ей так больше нравится, и хотя временами это сводит меня с ума, по мне пусть лучше она будет довольна.

Ветер рванул палатку, и она заходила ходуном, словно при землетрясении. Джейкоб сжал меня крепче.

– Спасибо, – прошептал Эдвард. – Как ни странно, но, пожалуй, я рад, что ты здесь, Джейкоб.

– Ты хочешь сказать «как бы мне ни хотелось тебя убить, я рад, что ей тепло»?

– Неуютное у нас перемирие, верно?

– Я так и знал, что ты ревнуешь не меньше меня, – вдруг самодовольно прошептал Джейкоб.

– Только в отличие от тебя я не такой дурак, чтобы выставлять свои чувства напоказ. Тебе это не на пользу, знаешь ли.

– Просто у тебя терпения больше.

– Еще бы! У меня было целых сто лет, чтобы научиться терпению. Я сто лет ждал ее.

– Ну и… когда ты решил играть роль терпеливого ангелочка?

– Когда увидел, какую боль причиняет ей необходимость выбора. Обычно мне не так уж трудно держать себя в руках. Большей частью я могу

довольно легко заглушить… не совсем приличные цивилизованному человеку чувства по отношению к тебе. Иногда мне кажется, что она видит меня насквозь, но я неуверен.

– А по-моему, ты просто боялся, что если действительно поставишь ее перед выбором, то она может выбрать вовсе не тебя.

Эдвард помедлил с ответом.

– Отчасти ты прав, – наконец признался он. – Но только отчасти. Время от времени все мы подвержены сомнениям. Однако в основном я боялся, что с ней что-нибудь стрясется, когда она попробует ускользнуть к тебе тайком. Когда я признал, что с тобой Белла более-менее в безопасности – настолько, насколько она вообще может быть в безопасности, – тогда решил, что лучше всего не доводить ее до крайностей.

Джейкоб вздохнул.

– Я бы ей все это рассказал, но ведь она мне не поверит.

– Знаю. – Похоже, Эдвард улыбался.

– Не воображай, что знаешь все на свете, – пробормотал Джейкоб.

– Будущего я не знаю, – ответил Эдвард, и его голос вдруг прозвучал неуверенно.

Они надолго замолчали.

– А что ты будешь делать, если она передумает? – спросил Джейкоб.

– Этого я тоже не знаю.

– Попытаешься меня убить? – насмешливо хмыкнул Джейкоб, словно сомневаясь в способности Эдварда пойти на такое.

– Нет.

– Почему? – Джейкоб все еще насмехался.

– Неужели ты думаешь, что я смог бы причинить ей такую боль?

На секунду Джейкоб смешался, а потом вздохнул.

– Да уж, ты прав. Так и есть. Но иногда…

– Иногда эта идея кажется весьма соблазнительной.

Джейкоб уткнулся лицом в спальник, чтобы заглушить смех.

– Вот именно! – согласился он.

Какой странный сон! Может быть, это непрекращающийся ветер вызывает в моем воображении странные шепоты. Хотя ветер скорее воет, чем шепчет…

– А каково это? Потерять ее? – нарушил молчание Джейкоб, и в его внезапно охрипшем голосе не осталось и тени насмешки. – Когда ты думал, что навсегда потерял ее? Как ты… с этим справился?

– Мне очень трудно говорить об этом.

Джейкоб молча ждал.

– Такое случилось дважды. – Эдвард выговаривал каждое слово чуть медленнее обычного. – В первый раз, когда я думал, что могу уйти от нее… это еще можно было пережить. Ведь я думал, что она меня забудет, будто никогда и не встречала. Больше шести месяцев мне удавалось сдерживать свое слово не вмешиваться в ее жизнь. С трудом, но удавалось, хотя я и знал, что долго мне не продержаться: все равно бы вернулся… просто чтобы убедиться, что с ней все в порядке. По крайней мере, так бы я самого себя уговаривал. И если бы оказалось, что она более или менее счастлива… хочется верить, что я бы нашел в себе силы снова уйти. Но она вовсе не была счастлива. И я остался. Именно так она убедила меня остаться с ней завтра. Ты уже спрашивал, как я мог на такое пойти… и Белла совершенно напрасно чувствует себя виноватой за это. Белла напомнила мне, что с ней произошло после моего ухода, – что она до сих пор чувствует, когда меня нет рядом. Ей ужасно неловко говорить об этом, но она права. Я никогда не смогу искупить свою вину за то, что ушел тогда, но все равно буду очень стараться.

Джейкоб молчал – уж не знаю, прислушиваясь к буре или осмысливая услышанное.

– А в другой раз – когда ты подумал, что она умерла? – хрипло прошептал Джейкоб.

– Да, – ответил Эдвард на какой-то невысказанный вопрос. – Скорее всего, тебе именно так и покажется. Так ты нас воспринимаешь, и возможно, для тебя она больше не будет Беллой. Хотя по-прежнему останется собой.

– Я не об этом спросил.

– Я не могу сказать тебе, каково это. Словами не объяснишь! – резко ответил Эдвард.

Джейкоб сжал меня в объятиях.

– Но ведь ты же ушел, потому что не хотел сделать из нее кровопийцу. Ты сам хотел, чтобы она осталась человеком!

– Джейкоб, с того мгновения, когда я понял, что люблю ее, я знал, что возможны всего четыре варианта, – словно нехотя заговорил Эдвард. – Первый вариант, наилучший для Беллы, – если бы она не была так сильно ко мне привязана, – забыть меня и найти другого. Я бы смирился с этим, хотя мои чувства к ней не изменились бы. Ты думаешь, что я… живой камень – твердый и холодный. Это верно. Мы такие, какие есть, и очень редко меняемся. Однако если перемена все же случается, то остается навсегда – именно это произошло, когда я встретил Беллу. Изменить ничего

невозможно… Второй вариант, который я сначала выбрал, – прожить с ней ее человеческую жизнь. Не самый лучший выбор для нее – потратить жизнь на кого-то, кто даже не человек, – но мне это было бы легче всего принять: знал бы заранее, что когда она умрет, я тоже найду способ умереть. Шестьдесят лет, семьдесят лет – мне такой срок показался бы очень, очень коротким… Однако потом оказалось, что для Беллы слишком опасно жить на границе моего мира: ей на голову сваливалась каждая неприятность, которая только могла свалиться. А если не сваливалась, так нависала над головой… ожидая своего часа. Я ужасно испугался, что нам и шестидесяти лет не протянуть, если Белла будет рядом со мной, оставаясь при этом человеком. Тогда я выбрал вариант номер три – который оказался самой большой ошибкой в моей достаточно долгой, как тебе известно, жизни. Я решил уйти из ее мира, надеясь вынудить Беллу принять вариант первый. Ничего не вышло, и мы оба чуть не погибли. Так что еще мне остается? Только вариант номер четыре. Именно этого она сама хочет – по крайней мере, так ей кажется. Я пытался притормозить Беллу, дать ей время передумать, но она… ужасно упрямая – тебе ли не знать! Мне очень повезет, если удастся отложить это еще на несколько месяцев. Белла панически боится постареть, а ее день рождения в сентябре…

– Лично я предпочитаю вариант первый, – пробормотал Джейкоб.

Эдвард промолчал.

– Ты знаешь, как противно мне это признавать, но я вижу, что ты ее действительно любишь… по-своему, – прошептал Джейкоб. – С этим спорить не приходится. В таком случае, не рано ли отказываться от первого варианта? По-моему, есть неплохой шанс, что с ней все будет в порядке – со временем. Если бы тогда, в марте, она не спрыгнула со скалы… если бы ты подождал еще шесть месяцев… тогда вполне могло оказаться, что она более-менее счастлива. Я ведь разработал целый план действий.

– Возможно, так все и было бы, – хмыкнул Эдвард. – План был хорошо продуман.

– Да уж, – вздохнул Джейкоб. – Но… – он вдруг заторопился, глотая слова: – дай мне год, кро… Эдвард. Я уверен, что смогу сделать ее счастливой. Мне ли не знать, какая Белла упрямая, но она бы залечила свои раны – ведь ей почти удалось прийти в себя! И она могла бы остаться человеком, быть рядом с Чарли и Рене, могла бы повзрослеть и завести детей… Могла бы быть собой. Ты любишь ее достаточно сильно, чтобы увидеть все преимущества такого варианта. Белла думает, что ты весь из себя альтруист – но так ли это? Способен ты хотя бы задуматься о том, что я подхожу ей больше?

– Я уже об этом подумал, – тихо ответил Эдвард. – В некоторых отношениях ты правда подходишь ей больше, чем обычный человек. За Беллой нужно присматривать, а ты достаточно силен, чтобы защитить ее от самой себя и от всего, что ей угрожает: ты уже это доказал, и за это я у тебя в долгу на всю жизнь – или до скончания веков – смотря что произойдет раньше… Я даже спросил у Элис, может ли она увидеть Беллу с тобой. Не может, конечно: тебя Элис не видит вообще, а Белла на данный момент точно знает, чего хочет. И я не настолько глуп, чтобы повторить ошибку. Я не стану вынуждать Беллу принять вариант номер один. Пока она хочет быть со мной, я буду рядом.

– А если она захочет быть со мной? – настаивал Джейкоб. – Ладно, признаю, это маловероятно, но все же?

– Тогда я ее отпущу.

– Вот так просто?

– Да – в том смысле, что не покажу ей, как мне тяжело. Но я не спущу с тебя глаз. Ведь ты можешь однажды оставить ее: как Сэм и Эмили, окажешься не властен над собой. А я всегда буду ждать поблизости, надеясь, что это случится.

Джейкоб тихонько фыркнул.

– Ты со мной гораздо откровеннее, чем я мог бы надеяться… Эдвард. Спасибо, что дал мне заглянуть в твою голову.

– Как я уже сказал, я испытываю к тебе странное чувство благодарности за то, что сегодня ты рядом с Беллой. В общем, не за что… А знаешь, Джейкоб, если бы мы не были кровными врагами и если бы ты не пытался украсть у меня самый смысл моей жизни, то, пожалуй, мы могли бы поладить.

– Может быть… если бы ты не был отвратительным вампиром, который собирается высосать жизнь из моей любимой девушки… хотя нет, даже тогда мы бы с тобой не поладили.

Эдвард насмешливо хмыкнул. И вдруг добавил:

– А можно у тебя кое-что спросить?

– Разве тебе требуется спрашивать?

– Я могу услышать только то, о чем ты думаешь. Это просто история, которую Белла почему-то не стала мне рассказывать. Что-то насчет третьей жены…

– Что именно?

Эдвард не ответил, прислушиваясь к безмолвному рассказу Джейкоба, и вдруг тихо зашипел.

– Что такое? – спросил Джейкоб.

– Ну конечно же! – вскипел Эдвард. – И как я не догадался! Лучше бы ваши старейшины держали эту легенду при себе!

– Не нравится, что пиявок изобразили во всей красе? – поддразнил Джейкоб. – Ты ведь знаешь, они такие и есть. Какие были, такими и остались.

– Да наплевать мне на это! Лучше подумай, с каким персонажем Белла могла отождествить себя?

Джейкоб на минуту задумался.

– Ох! Мда… Третья жена. Теперь ясно.

– Она хочет быть на поляне вместе со всеми. Внести свой скромный вклад, как она это называет. – Эдвард вздохнул. – И это было второй причиной, почему я остаюсь завтра с Беллой: когда она чего-то хочет, то становится ужасно изобретательной.

– Между прочим, твой воинственный братец тоже навел ее на эту мысль – не меньше, чем сама легенда.

– Никто не имел в виду ничего плохого, – примирительно прошептал Эдвард.

– А когда заканчивается это небольшое перемирие? – спросил Джейкоб. – На рассвете? Или после схватки?

Оба замолчали и задумались.

– На рассвете, – одновременно прошептали они и засмеялись.

– Спокойной ночи, Джейкоб, – пробормотал Эдвард. – Наслаждайся моментом.

Они снова замолчали, и на несколько минут в палатке воцарилась тишина. Ветер, похоже, решил, что смять нас не удастся, и сдался.

– Я вовсе не имел это в виду в буквальном смысле! – застонал Эдвард.

– Извини, – прошептал Джейкоб. – Мог бы и уйти – оставил бы нас наедине.

– Джейкоб, может, тебе помочь заснуть? – предложил Эдвард.

– Можешь попробовать, – безмятежно ответил Джейкоб. – Интересно, чья возьмет?

– Не зарывайся, волк. Мое терпение отнюдь не безгранично!

– В данный момент я бы предпочел не двигаться, если ты не возражаешь! – тихонько рассмеялся Джейкоб.

Эдвард принялся напевать себе под нос – громче, чем обычно, наверное, чтобы заглушить мысли Джейкоба. Он мурлыкал мою колыбельную, и, несмотря на то, что этот странный, наполненный шепотами, сон начинал меня раздражать, я все глубже погружалась в забытье… в другие, более приятные сны…

Глава двадцать третья
Чудовище

Когда я проснулась, солнце уже светило вовсю – даже в палатке глазам было больно. И я действительно вспотела, как и говорил Джейкоб. Сам он тихонько похрапывал над ухом, все еще сжимая меня в объятиях.

Я оторвалась от его горячей груди и почувствовала пронизывающий утренний холодок на щеке. Джейкоб сонно вздохнул и неосознанно прижал меня покрепче. Я заворочалась, пытаясь высвободиться и поднять голову…

Эдвард спокойно смотрел на меня: лицо ничего не выражало, но в глазах была нескрываемая боль.

– Ну как, потеплело на улице? – прошептала я.

– Да. Сегодня тебе вряд ли понадобится обогреватель.

Я попробовала дотянуться до молнии на спальнике, однако не могла высвободить руки. Джейкоб забормотал во сне и сжал меня еще крепче.

– Поможешь? – тихонько спросила я.

Эдвард улыбнулся.

– Хочешь, я ему вообще руки повыдергиваю?

– Нет, спасибо. Просто выпусти меня отсюда, пока я не получила тепловой удар.

Эдвард одним движением расстегнул спальник. Джейкоб вывалился наружу, стукнувшись голой спиной о ледяной пол палатки.

– Эй! – возмутился Джейкоб, моментально открыв глаза, и инстинктивно отшатнулся от холода, перекатившись на меня.

Я ахнула, когда он навалился всем весом – и тут же исчез: влетел в стойку палатки, которая чуть не рухнула от удара.

Со всех сторон послышалось рычание. Эдвард сидел на корточках впереди меня, и его лица я не видела, но прекрасно слышала злобный рык. Джейкоб тоже присел, дрожа всем телом, и рычал сквозь стиснутые зубы. Снаружи рычание Сета эхом отдавалось от скалы.

– Хватит! Прекратите! – завопила я, неуклюже втискиваясь между ними.

Палатка была маленькая, и, разведя руки в стороны, я легко дотянулась до обоих, уперевшись ладонями им в грудь. Эдвард обхватил меня за талию, готовый отбросить в сторону.

– Прекрати сейчас же! – предупредила я его.

От моего прикосновения Джейкоб начал успокаиваться: перестал дрожать, хотя все еще скалил зубы и не сводил злобного взгляда с Эдварда. Сет продолжал рычать – грозный звук на фоне наступившей в палатке тишины.

– Джейкоб, – сказала я, дождавшись, когда он посмотрит на меня, – ты не ушибся?

– Вот еще! – прошипел он.

Я повернулась к Эдварду: он недовольно смотрел на меня.

– Это было не очень-то вежливо. Ты должен извиниться.

– Шутишь, что ли? – удивился Эдвард. – Он тебя чуть не раздавил!

– Потому что ты бросил его на пол! Джейкоб не нарочно, и со мной ничего не сделалось!

Эдвард застонал. Медленно поднял взгляд и уставился на Джейкоба.

– Извиняюсь, собака, – с отвращением сказал он.

– А не за что, – поддразнил Джейкоб.

В палатке все еще было холодно, хотя не так, как вчера. Я обхватила себя руками.

– Держи, – спокойно сказал Эдвард, поднимая парку, и набросил ее мне на плечи поверх куртки.

– Это ведь куртка Джейкоба, – возразила я.

– У Джейкоба есть шуба.

– Если не возражаешь, я лучше снова залезу в спальник. – Джейкоб обошел нас и скользнул обратно в пуховый спальник. – Вставать я пока не собирался: ночка выдалась та еще.

– Сам напросился, – бесстрастно напомнил Эдвард.

Джейкоб уже свернулся калачиком и закрыл глаза.

– Я ведь не говорю, что мне не понравилось – просто не выспался. Думал, Белла так и будет болтать всю ночь.

Я поморщилась: кто его знает, что я могла ляпнуть во сне – подумать страшно!

– Рад за тебя, – пробормотал Эдвард.

Черные глаза Джейкоба распахнулись.

– А ты разве плохо провел ночь? – самодовольно спросил он.

– Я бы не назвал это худшей ночью в моей жизни.

– Но в десятку-то худших она попала? – подколол Джейкоб.

– Возможно.

Джейкоб улыбнулся и закрыл глаза.

– Однако, если бы мне удалось вчера ночью оказаться на твоем месте, – продолжал Эдвард, – это не стало бы лучшей ночью в моей жизни.

Приятных тебе сновидений!

Джейкоб открыл глаза и нахмурился. Потом сел.

– По-моему здесь стало тесновато.

– Это ты верно заметил.

Я ткнула Эдварда локтем в ребра – и, кажется, заработала себе синяк.

– Пожалуй, я как-нибудь потом отосплюсь. – Джейкоб скорчил мину. – Все равно мне надо поговорить с Сэмом.

Он перекатился на колени, собираясь вылезти из палатки.

Меня пронзила резкая боль: я внезапно поняла, что могу больше не увидеть Джейка. Он уйдет обратно к Сэму и будет сражаться с бандой кровожадных новорожденных вампиров.

– Джейк, подожди… – Я протянула к нему руку, и мои пальцы скользнули по его плечу.

Джейкоб отшатнулся, прежде чем я успела его ухватить.

– Ну пожалуйста, Джейк! Останься!

– Нет.

Отказ прозвучал холодно и решительно. На моем лице явно отразилась боль, потому что Джейкоб шумно выдохнул и слегка улыбнулся.

– Белла, не волнуйся. Со мной все будет в порядке – как всегда. – Он улыбнулся. – Кроме того, ты же не думаешь, что я позволю Сету занять мое место – повеселиться, да еще и всю славу получить? – фыркнул он.

– Будь осторожен…

Джейкоб исчез, не дослушав.

– Белла, да хватит тебе, – пробормотал он, застегивая молнию снаружи.

Я вслушивалась, но так и не услышала удаляющихся шагов: полная тишина. Ни ветерка. Только далеко в горах поет ранняя пташка. Джейкоб теперь двигается совершенно бесшумно.

Закутавшись в две куртки, я привалилась к плечу Эдварда. Мы молчали.

– Долго еще? – спросила я.

– Элис сказала Сэму, что еще около часа, – тихо ответил Эдвард бесцветным голосом.

– Мы будем вместе, несмотря ни на что.

– Несмотря ни на что, – согласился Эдвард.

– Я тоже за них боюсь, – сказала я.

– Они могут постоять за себя, – успокоил меня Эдвард нарочито беззаботным голосом. – Жаль, что мне не удастся повеселиться!

И этот туда же – повеселиться ему охота!

Эдвард положил руку мне на плечи.

– Не волнуйся. – Он поцеловал меня в лоб.

Как будто в такой ситуации можно сидеть спокойно!

– Не буду.

– Хочешь, я тебя отвлеку? – выдохнул Эдвард и провел холодными пальцами по моей скуле.

Я непроизвольно вздрогнула: все-таки утро выдалось холодным.

– Пожалуй, как-нибудь потом, – ответил сам себе Эдвард и убрал руку.

– Есть и другие способы меня отвлечь.

– Например?

– Ты мог бы рассказать мне про десять твоих лучших ночей, – предложила я. – Любопытно было бы узнать.

Он засмеялся.

– А ты угадай!

Я покачала головой:

– У тебя было слишком много ночей, о которых я ничего не знаю – целые сто лет!

– Могу подсказать: все мои лучшие ночи случились уже после того, как мы с тобой познакомились.

– Правда?

– Конечно правда! Те, что были до того, и рядом не стояли.

Я подумала и наконец призналась:

– Мне приходят в голову только мои лучшие ночи.

– Может быть, это те же самые, что и у меня, – подбодрил Эдвард.

– Ну, тогда первая ночь – когда ты в первый раз у меня остался.

– Да, и для меня тоже. Правда, ты проспала ту часть, которая понравилась мне больше всего.

– Точно, – вспомнила я. – А еще я тогда во сне разговаривала.

– Было дело, – согласился он.

Я вспыхнула, вспомнив, что могла наболтать сегодня ночью в объятиях Джейкоба. Никаких снов я не помнила, а может, и вовсе не видела, и кто его знает, что было у меня на уме.

– Что я наговорила сегодня ночью? – прошептала я, понизив голос.

Вместо ответа Эдвард пожал плечами. Я поморщилась.

– Все так плохо?

– Ничего особо ужасного, – вздохнул он.

– Тогда расскажи!

– В основном повторяла мое имя – как обычно.

– Ну, это не так уж плохо, – осторожно согласилась я.

– А к утру ты стала бормотать какую-то чушь и повторяла «Джейкоб, мой Джейкоб». – Даже в его шепоте слышалась боль. – Твоему Джейкобу это очень понравилось.

Я вытянула шею, пытаясь достать губами до подбородка Эдварда. Его глаз я не видела: он смотрел в потолок.

– Прости, – пробормотала я. – Я их так различаю.

– Кого?

– Доктора Джекилля и мистера Хайда – Джейкоба, который мне нравится, и того, которого терпеть не могу, – объяснила я.

– Тогда понятно. – Кажется, Эдвард слегка оттаял. – А какая у тебя еще любимая ночь?

– Когда мы летели домой из Италии.

Эдвард нахмурился.

– А разве в твой список она не входит? – удивилась я.

– Да в мой-то как раз входит, а вот найти ее в твоем я не ожидал. Разве ты тогда не думала – совершенно ошибочно! – что мои действия были продиктованы только муками совести и я собирался сбежать, едва самолет приземлится?

– Думала, – улыбнулась я. – Но ведь ты все равно был рядом.

Он поцеловал меня в макушку:

– Белла, ты любишь меня больше, чем я того заслуживаю.

Я рассмеялась: скажет тоже!

– А следующей в моем списке будет ночь после Италии, – продолжала я.

– Согласен. Ты была такая забавная.

– Забавная?

– Я и понятия не имел, какие яркие сны тебе снятся. Мне едва удалось убедить тебя, что ты не спишь.

– В этом я до сих пор не уверена, – пробормотала я. – Ты всегда казался больше похожим на сон, чем на явь. А теперь расскажи мне про одну из твоих любимых ночей. Я правильно угадала, какая стоит на первом месте?

– Нет. На первом та, которая была две ночи назад, когда ты наконец согласилась выйти за меня замуж.

Я скривилась.

– Разве тебе она не понравилась?

Я вспомнила, как Эдвард поцеловал меня, какой уступки я от него добилась, и передумала:

– Понравилась… Хотя и не совсем. Не понимаю, почему для тебя это

было важно: я и так твоя навеки.

– Лет через сто, когда у тебя будет достаточно жизненного опыта, чтобы оценить мой ответ, я тебе расскажу, – пообещал он.

– Через сто лет я тебе об этом напомню!

– Ты не замерзла? – вдруг спросил он.

– Нет. А что?

Ответить он не успел: тишину разорвал оглушительный вой, полный боли. Отразился от голых скал и эхом заполнил воздух, раздаваясь со всех сторон сразу.

Этот вой – знакомый и незнакомый одновременно – заставил меня вздрогнуть: незнакомый, потому что никогда раньше я не слышала, чтобы так кричали от боли; знакомый, потому что сразу узнала голос. Узнала и поняла, в чем дело, – с пронзительной ясностью, словно сама кричала. Неважно, что сейчас Джейкоб был не в человеческом теле: перевода не требовалось.

Джейкоб был рядом. И слышал каждое слово. И теперь кричал от боли.

Вой перешел в горловое всхлипывание, а потом замолк.

Я не слышала, как Джейкоб бесшумно исчез, но почувствовала его отсутствие, пустоту, которая осталась после него. А я-то думала, что он уже далеко отсюда!

– Потому что твой обогреватель дошел до предела, – негромко ответил Эдвард. – Перемирие закончилось, – добавил он так тихо, что мне это могло и почудиться.

– Джейкоб подслушивал наш разговор, – прошептала я – отнюдь не вопросительным тоном.

– Да.

– И ты это знал.

– Да.

Я уставилась в пустоту невидящими глазами.

– Ведь я же никогда не обещал драться по-честному, – тихо напомнил мне Эдвард. – К тому же, он имеет право это знать.

Я уронила голову на руки.

– Ты на меня злишься? – спросил он.

– Не на тебя, – прошептала я. – Это я настоящее чудовище.

– Не мучай себя, – взмолился Эдвард.

– Да уж, – с горечью согласилась я. – Лучше поберечь силы, чтобы еще немножко помучить Джейкоба. Чтобы совсем его замучить.

– Он знал, что делает.

– Какая разница? – Я сморгнула слезы, которые наверняка послышались в моем голосе. – Думаешь, меня волнует, справедливо ли это и был ли Джейкоб предупрежден заранее? Я причиняю ему боль. Каждый раз, когда я возвращаюсь, я причиняю ему боль! – Мой голос звучал все громче, сбиваясь на истерические нотки. – Я ужасное чудовище!

– Ничего подобного! – Эдвард крепко обнял меня.

– Так и есть! И какой только бес в меня вселился? – Я рванулась из его объятий, и Эдвард отпустил меня. – Я должна пойти за ним.

– Белла, он уже черт знает где, и на улице мороз.

– Плевать! Не могу же я просто сидеть здесь! – Я скинула парку Джейкоба, сунула ноги в ботинки и неуклюже поползла ко входу: ноги не слушались. – Я должна… должна… – Я сама толком не знала, что именно должна сделать, но все равно расстегнула молнию и вылезла из палатки.

Стояло солнечное, студеное утро. Снега оказалось гораздо меньше, чем можно было ожидать после такой бури. Наверное, ветром сдуло – вряд ли бы он успел растаять под низко висевшим на юго-востоке солнцем, лучи которого отражались от снежной белизны и с непривычки больно били по глазам. В воздухе чувствовался пронизывающий холод, хотя ветра не было и температура медленно поднималась вслед за восходящим солнцем.

Сет Клируотер свернулся на сухих еловых иголках под густой елью и положил голову на лапы. Его желтоватый мех почти сливался с опавшей хвоей, и я заметила только яркое отражение снега в черных глазах. Мне показалось, что Сет смотрит на меня укоризненно.

Спотыкаясь, я пошла к лесу, зная, что Эдвард идет следом. Он шел бесшумно, но солнце отражалось от него миллионами радуг, которые плясали впереди меня. Я уже углубилась на несколько шагов в лес, когда Эдвард схватил меня за руку.

– Ты не можешь пойти за ним. Сегодня нельзя. Уже почти время. И в любом случае, если ты потеряешься, никому от этого легче не станет.

Я вывернула руку, безуспешно пытаясь вырвать ее из железной хватки Эдварда.

– Белла, прости, – прошептал он. – Я не должен был этого делать.

– Ты ничего такого не сделал. Это я во всем виновата. Я это сделала. Я натворила ошибок. Я могла бы… Когда он… Мне не следовало… Я… Я… – Я разрыдалась.

– Белла, ну будет уже!

Руки Эдварда обхватили меня, и мои слезы промочили его рубашку.

– Я должна была… сказать ему… надо было сказать… – Что? Что тут скажешь? – Нельзя было, чтобы он… вот так обнаружил.

– Хочешь, я попробую привести его обратно, чтобы ты могла с ним поговорить? У нас еще есть немного времени, – пробормотал Эдвард с приглушенной болью в голосе.

Я кивнула, уткнувшись лицом ему в грудь, не решаясь посмотреть в глаза.

– Никуда не уходи. Я скоро вернусь.

Он разжал объятия и исчез так быстро, что я не успела заметить: подняв взгляд, вдруг обнаружила, что осталась одна.

И опять разрыдалась. Сегодня я только и делаю, что всем причиняю боль. К чему ни прикоснусь, все порчу!

Почему я так сильно на это отреагировала? Ведь знала же, что все именно к этому и идет! Однако Джейкоб никогда раньше не терял самообладания настолько, чтобы его покинула непробиваемая самоуверенность! Никогда раньше не показывал, как ему на самом деле больно. Его вопль все еще звучал в ушах, отдаваясь где-то в груди. Но меня терзала еще одна боль: я переживала, что мучаю Джейкоба, и этим причиняла боль Эдварду – вместо того, чтобы хладнокровно позволить Джейкобу уйти, точно зная, что другого выбора у меня нет.

Какая же я эгоистка! И мучительница. Я терзаю тех, кого люблю.

Совсем как Кэтрин из «Грозового перевала». Только выбор у меня был получше: ни один из двоих не был ни злодеем, ни слабаком. Так я и сидела: вся в слезах и никак не пытаясь исправить положение – совсем как Кэтрин.

Я больше не могу позволить чувствам влиять на мои решения. Теперь уже слишком поздно и ничего изменить нельзя, но я должна хотя бы сейчас сделать то, что следует. А может быть, за меня уже все сделано. Может быть, Эдвард не сумеет привести Джейкоба обратно. И тогда я смирюсь с этим и буду жить дальше. Эдвард больше никогда не увидит, как я проливаю слезы по Джейкобу Блэку – ни единой слезинки! Я вытерла глаза уже замерзшими пальцами.

А если Эдвард все же приведет Джейкоба, то так тому и быть. Я должна буду сказать Джейку, чтобы он уходил и больше не возвращался.

Ну почему это так трудно? Гораздо труднее, чем попрощаться с остальными друзьями – с Анжелой и с Майком? Почему мне от этого больно? Что-то здесь не так. Больно быть не должно. Ведь я же получила то, чего хотела. Того, которого хотела: получить обоих сразу мне не светит, потому что Джейкоб не согласен просто со мной дружить. И пора уже перестать на его дружбу надеяться. Нельзя же быть такой жадной!

Пора избавиться от идиотской мысли, что можно сохранить отношения с Джейкобом: как он может быть моим Джейкобом, если я

принадлежу другому?

Я поплелась обратно к поляне. Выйдя из темноты леса, моргнула от яркого света и глянула на Сета: он все еще лежал на подстилке из хвои. Я отвела глаза, избегая его взгляда.

Волосы у меня растрепались и свалялись. Я попробовала расчесать их пальцами, но быстро сдалась. Да и кому какое дело, как я выгляжу?

Возле входа в палатку висела фляжка. Я схватила ее и глотнула ледяной воды, чтобы прополоскать рот. Где-то должна быть еда, но я не так проголодалась, чтобы искать ее.

Я принялась мерить шагами залитую солнцем полянку, чувствуя на себе пристальный взгляд Сета, но упорно избегая смотреть в его сторону. И вместо огромного волка Сет представлялся мне мальчишкой, очень похожим на юного Джейкоба.

Попросить что ли Сета гавкнуть или подать какой-то другой знак, если Джейкоб решил вернуться? Нет, не стоит. Какая разница, вернется Джейкоб или нет? Может, будет проще, если он не вернется. Если бы можно было как-то позвать Эдварда обратно!

Тут Сет взвизгнул и поднялся на ноги.

– Что случилось? – тупо спросила я.

Сет не обратил на меня внимания. Подошел к краю леса, глядя на запад. И заскулил.

– Сет? Это остальные? Там, на поляне? – требовательно спросила я.

Он глянул на меня, коротко тявкнул и снова уставился на запад. Прижал уши и опять заскулил.

Ну какая же я идиотка! Зачем я отослала Эдварда? Как теперь узнать, что происходит? Я-то волчьего языка не понимаю!

По спине побежал холодок ужаса. А если время пришло? Если Джейкоб и Эдвард подошли слишком близко к поляне? Что, если Эдвард решил принять участие в схватке?

Ужас застыл ледяным комом в животе. А если Сет расстроен вовсе не тем, что происходит на поляне и его тявканье означало «нет»? Вдруг Эдвард и Джейкоб подрались друг с другом где-то в лесу? Но ведь они же не станут этого делать!

Внезапное осознание окатило меня леденящей волной: еще как станут! Стоит одному из них что-нибудь ляпнуть… Я вспомнила, как пришлось разнимать их сегодня утром. Похоже, я недооценила готовность выяснить отношения кулаками.

Так мне и надо, если я вдруг потеряю обоих!

Ледяная рука сжала сердце.

Прежде чем я успела упасть в обморок от ужаса, Сет заворчал глубоким утробным рыком, отвернулся и пошел обратно на свое место под елью. Я успокоилась и вспылила одновременно: неужели он не может написать что-то на снегу или как-нибудь по-другому объясниться?

От хождения туда-сюда я вспотела. Сняла куртку и бросила ее в палатку, а потом снова принялась утаптывать тропинку в середине прогалины.

Сет вдруг вскочил и ощетинился. Я оглянулась, но ничего не увидела. Если Сет не прекратит свои выходки, то получит от меня шишкой по лбу!

Он зарычал глухим предупреждающим рычанием и метнулся к западному краю полянки. Пожалуй, бросаться шишками пока не стоит.

– Сет, это мы! – раздался вдалеке голос Джейкоба.

Ну почему мое сердце вдруг бешено заколотилось? Наверняка просто от страха: я боялась того, что мне предстояло сделать. Нельзя радоваться возвращению Джейкоба: от этого будет только хуже.

Первым из леса вышел Эдвард, сохраняя на лице бесстрастное выражение. Солнце отражалось от его кожи точно так же, как от снега. Сет подошел поприветствовать Эдварда и пристально заглянул ему в глаза. Эдвард медленно кивнул и озабоченно нахмурился:

– Да уж, только этого нам и не хватало, – пробормотал он себе под нос, прежде чем заговорить с огромным волком: – Пожалуй, удивляться нечему. Но времени очень мало. Передай, пожалуйста, Сэму, пусть он попросит Элис по возможности уточнить сроки.

Сет наклонил голову, и я чуть сама не зарычала: теперь-то он научился кивать! Разозлившись, я отвернулась – и увидела Джейкоба.

Он стоял спиной ко мне, глядя в ту сторону, откуда они пришли. Я настороженно ждала, когда он обернется.

– Белла, – пробормотал Эдвард, внезапно оказавшись рядом со мной.

Он смотрел на меня, и в его глазах не отражалось ничего, кроме заботы. Великодушию Эдварда поистине нет предела! Теперь я заслуживаю его меньше, чем когда-либо.

– Возникло небольшое осложнение, – сказал он мне нарочито беззаботным голосом. – Мы с Сетом отойдем в сторонку и попытаемся с этим разобраться. Далеко я не пойду, но и подслушивать не стану. Я знаю, что зрители тебе не нужны, независимо от того, что именно ты решишь сделать.

Только на последних словах в его голосе прорезалась боль.

Никогда больше я не сделаю ему больно! Это станет целью моей жизни. Больше никогда ему не придется смотреть на меня такими глазами.

Я слишком расстроилась, чтобы поинтересоваться, что за осложнение вдруг возникло. Мне и так проблем хватает!

– Возвращайся поскорее! – прошептала я.

Он легонько чмокнул меня в губы и исчез в лесу. Сет последовал за ним.

Джейкоб все еще стоял в тени деревьев, и я не могла толком разглядеть выражение его лица.

– Белла, я тороплюсь, – тускло сказал он. – Давай быстрее, ладно?

Я сглотнула: в горле так пересохло, что и слова не вымолвишь.

– Просто скажи все как есть, и дело с концом.

Я втянула в себя воздух и прошептала:

– Извини, я просто свинья. Мне очень стыдно, что я была такой эгоисткой. Лучше бы мы с тобой никогда не встречались и я бы не причинила тебе столько боли. Больше не буду, честное слово. Буду держаться от тебя подальше. Уеду из штата. С глаз твоих долой.

– Тоже мне извинение, – горько сказал Джейкоб.

Говорить я могла только шепотом:

– Скажи мне, как ты хочешь, чтобы я извинилась.

– А если я не хочу, чтобы ты уезжала? Если хочу, чтобы ты осталась – пусть даже ты ужасная эгоистка? Разве у меня нет выбора, раз уж ты пытаешься загладить свою вину?

– Джейк, ничего хорошего из этого не выйдет. Мне не следовало оставаться с тобой, зная, что нам нужны совершенно разные вещи. Лучше не станет. Я по-прежнему буду причинять тебе боль. А я этого не хочу. Ненавижу делать тебе больно! – Я поперхнулась.

Джейкоб вздохнул.

– Перестань. Не надо больше ничего говорить. Я все понимаю.

Я хотела сказать ему, что буду очень скучать, но прикусила язык: из этого тоже ничего хорошего не выйдет.

Минуту Джейкоб стоял, не поднимая глаз, и я боролась с желанием подойти и обнять его. Утешить.

И вдруг он резко вздернул голову.

– Ну что же, не только ты способна на самопожертвование, – заявил он окрепшим голосом. – В эту игру можно сыграть вдвоем.

– Что?

– Я и сам виноват. Зачем было все так усложнять? Мне следовало с достоинством сдаться в самом начале. Ведь я тоже причинял тебе боль.

– Это моя вина.

– Нет уж, Белла, не надо брать все грехи на себя. Да и всю славу тоже.

Я знаю, как искупить вину.

– Ты о чем? – Загоревшийся в его глазах сумасшедший огонек испугал меня.

Джейкоб глянул на солнце и улыбнулся мне.

– Внизу вот-вот завяжется серьезная драка. Будет совсем не трудно сбросить меня со счетов.

Его слова медленно доходили до моего сознания, погружаясь одно за другим. Я перестала дышать. Хотя я и собиралась вычеркнуть Джейкоба из своей жизни, до меня только сейчас дошло, что для этого придется вонзить нож в самое сердце.

– Нет, Джейкоб, нет! Только не это! – в ужасе выдохнула я. – Не надо, Джейк! Пожалуйста, не делай этого! – Коленки у меня задрожали.

– Белла, ну какая теперь разница? Всем только легче станет. И тебе даже не придется уезжать отсюда.

– Нет! – еще громче закричала я. – Нет, Джейкоб! Я тебе не позволю!

– И как ты собираешься меня остановить? – поддразнил он и улыбнулся, чтобы сгладить грубость.

– Джейкоб, я тебя умоляю. Останься со мной! – Если бы я могла шевельнуться, то упала бы на колени.

– Остаться с тобой на пятнадцать минут и пропустить хорошую драку? Чтобы ты могла сбежать от меня, как только будешь уверена, что я снова в безопасности? Не смеши меня.

– Я не убегу. Я передумала. Джейк, все как-нибудь утрясется. Всегда можно найти какой-то компромисс. Не уходи!

– Врешь ты все.

– Не вру! Ты же знаешь, что я врать не умею. Посмотри мне в глаза. Я не уеду, если ты останешься со мной.

Джейкоб помрачнел.

– Ага, и я буду свидетелем на твоей свадьбе?

На мгновение я потеряла дар речи.

– Ну пожалуйста! – Вот и все, что я могла ему сказать.

– Я так и думал, – ответил он. Его лицо снова разгладилось, и лишь в глазах горел огонь. – Белла, я люблю тебя, – пробормотал он.

– Я люблю тебя, Джейкоб, – прерывающимся голосом прошептала я.

Он улыбнулся.

– Это я лучше тебя знаю.

И отвернулся, чтобы уйти.

– Все, что угодно, – сдавленным голосом сказала я ему вслед. – Джейкоб, проси все, что хочешь, только не уходи!

Он медленно обернулся.

– По-моему, ты это не всерьез.

– Останься! – умоляла я.

Он покачал головой.

– Нет, я ухожу. – Помедлил, словно принимая решение. – Хотя я могу положиться на судьбу.

– Как это? – поперхнулась я.

– Мне не надо намеренно что-то делать. Я могу просто изо всех сил драться за свою стаю, а там будь что будет. – Он пожал плечами. – Если ты докажешь, что действительно хочешь, чтобы я вернулся обратно, а не просто пытаешься отговорить меня.

– Как? – спросила я.

– Ну, ты могла бы меня попросить.

– Возвращайся, – прошептала я.

Неужели он сомневается, что я говорю это искренне?

Джейкоб покачал головой и улыбнулся.

– Я не это имел в виду.

Мне понадобилась долгая секунда, чтобы понять, чего он хочет, и все это время Джейкоб снисходительно смотрел на меня, словно точно знал, чего ожидать. Как только до меня дошло, я тут же выпалила, не подумав о последствиях:

– Джейкоб, ты меня поцелуешь?

Он удивленно распахнул глаза, а потом подозрительно прищурился.

– Ты шутишь.

– Джейкоб, поцелуй меня. Поцелуй, а потом возвращайся обратно.

Он заколебался в нерешительности. Повернулся на запад, отворачиваясь от меня, но не двигаясь с места. Все еще глядя в сторону, сделал неуверенный шаг ко мне, потом еще один. Обернулся и с сомнением посмотрел на меня.

Я не сводила с него глаз. И понятия не имела, что написано на моем лице.

Джейкоб покачнулся на пятках и вдруг покрыл расстояние между нами всего за три шага.

Я знала, что он воспользуется ситуацией. Я этого ожидала. И стояла совсем неподвижно: глаза закрыты, руки сжаты в кулаки и вытянуты по швам. Джейкоб обхватил ладонями мое лицо и набросился на меня с таким пылом, который граничил с насилием.

Его губы обнаружили мое скрытое сопротивление, и я почувствовала, как он разозлился. Одной рукой ухватил меня за шею, а другой за плечо;

потряс и прижал к себе. Взял за запястье и закинул мою руку себе на шею. Я не стала ее убирать, хотя кулак не разжала – как далеко я готова зайти в отчаянной решимости сохранить Джейкобу жизнь? А все это время его дразняще мягкие и теплые губы пытались добиться взаимности.

Убедившись, что я не уберу руку с его шеи, Джейкоб отпустил мое запястье и провел горячей ладонью вниз по моему телу. Найдя кусочек обнаженной кожи на пояснице, притянул меня к себе, вынуждая изогнуться дугой.

Он на мгновение оторвался от моих губ, хотя я знала, что поцелуй еще далеко не закончен. Джейкоб провел губами по моей щеке, потом по шее и забросил мою вторую руку себе на шею.

Обеими руками сжал мою талию и нашел губами ухо.

– Белла, ты способна на большее, – хрипло прошептал он. – Не надо слишком много думать.

Я вздрогнула, почувствовав, как он прикусил зубами мочку уха.

– Уже лучше, – пробормотал он. – Хотя бы один раз позволь себе почувствовать собственные ощущения.

Я замотала головой. Джейкоб взял меня опять за шею, заставив остановиться.

– А ты действительно хочешь, чтобы я вернулся? – ядовито спросил он. – Или хочешь, чтобы я умер?

Меня охватила ярость: это нечестно!

Я вцепилась обеими руками ему в волосы, не обращая внимания на боль в сломанной руке, и попыталась оторваться от Джейкоба. Однако он меня не понял: слишком силен оказался. Мои попытки вырвать волосы с корнем Джейкоб принял за проявление страсти и подумал, что я наконец ответила на его ласки!

Судорожно вздохнув, он впился в меня поцелуем и плотнее прижал ладонь к моей пояснице.

Вспышка злости вдребезги разбила мое хрупкое самообладание, а неожиданно страстный ответ Джейкоба заставил совсем потерять голову. Если бы он всего лишь торжествовал победу, то я бы еще могла сопротивляться, но полная беззащитность его внезапной радости разрушила мою уверенность. Тело перестало подчиняться мозгу, и я ответила на поцелуй Джейкоба. Вопреки всяким предостережениям здравого смысла, мои губы двигались сами по себе, делая то, чего никогда не делали: ведь мне не надо было осторожничать с Джейкобом, а уж он и подавно не думал об осторожности.

Мои пальцы вцепились в его волосы, но теперь я прижимала его к

себе.

Джейкоб был повсюду. Ослепительный солнечный свет сквозь закрытые веки выглядел красным и казался жаром. Жар шел со всех сторон: я не видела, не слышала и не чувствовала ничего, кроме Джейкоба.

Крошечный кусочек мозга, который сохранил благоразумие, вопил во все горло: почему я не сопротивляюсь? Хуже того, почему я не чувствую никакого желания сопротивляться? Разве я не хочу заставить Джейкоба перестать? Почему мои руки вцепились в его широкие плечи, наслаждаясь их силой? Почему крепкие объятия недостаточно крепки и хочется прижаться еще сильнее?

Дурацкие вопросы. Ведь я знала ответ: потому что все это время я себе лгала.

Джейкоб прав – и давно говорил мне об этом: он мне гораздо больше, чем друг. Именно поэтому так трудно было с ним распрощаться: ведь я люблю его. Тоже. Люблю его больше, чем следует, и все-таки далеко не достаточно. Влюблена в него, но не настолько, чтобы это что-то изменило – однако вполне довольно для того, чтобы причинить боль нам обоим. Чтобы нанести ему такую рану, какой еще никогда не наносила.

На все остальное мне было наплевать – на все, кроме его боли. Свою собственную я заслужила сполна. Надеюсь, мне будет очень больно и я как следует помучаюсь.

В этот миг мы словно слились в единое целое: его боль всегда была и всегда будет моей болью, а теперь его радость стала моей радостью. Я тоже была счастлива, но каким-то мучительным счастьем, похожим на медленную пытку: почти осязаемое, оно горело на коже как серная кислота.

На одно бесконечное мгновение перед моими заплаканными глазами открылось совершенно другое будущее. Я словно заглянула в мысли Джейкоба и увидела, от чего именно я отказываюсь, что мне не удастся сохранить: Чарли и Рене почему-то вместе с Билли и Сэмом в Ла-Пуш; проходящие годы и как они изменяют меня; громадный волк, которого я люблю и который всегда готов меня защитить. На какую-то долю секунды я увидела черноволосые головки двух детей, убегающих в знакомый лес – когда они исчезли, то и видение растаяло вместе с ними.

И тогда я отчетливо почувствовала, как трещина в моем сердце разошлась до конца и маленький кусочек отделился от целого.

Губы Джейкоба перестали двигаться раньше моих. Я открыла глаза: он смотрел на меня с восхищением и радостью.

– Я должен идти, – прошептал он.

– Нет!

Джейкоб улыбнулся, довольный моим ответом.

– Я не надолго, – пообещал он. – Но сначала…

Он наклонился и снова поцеловал меня. Я не сопротивлялась: теперь-то какой смысл сопротивляться?

На этот раз поцелуй был другим: Джейкоб мягко обхватил мое лицо ладонями, и его теплые губы оказались нежными и неожиданно неуверенными. Мимолетный, но очень сладкий поцелуй.

Джейкоб стиснул меня в объятиях, прижал покрепче и прошептал:

– Вот таким должен был бы стать наш первый поцелуй… Лучше поздно, чем никогда.

Спрятав лицо у него на груди, чтобы он не мог этого увидеть, я дала волю слезам.

Глава двадцать четвертая
Спонтанное решение

Я лежала, уткнувшись лицом в спальник, и ждала возмездия. Может быть, пройдет лавина и засыпет меня здесь. И мне больше не придется смотреть на себя в зеркале.

Ни единый звук не предупредил о его приближении: Эдвард вдруг возник из ниоткуда и погладил меня по растрепанным волосам. Я виновато вздрогнула от его прикосновения.

– С тобой все в порядке? – обеспокоенно пробормотал он.

– Нет. Я хочу умереть.

– Этого не будет никогда – я не позволю.

Я застонала.

– Возможно, ты передумаешь, – прошептала я.

– Где Джейкоб?

– Ушел на поляну, – пробормотала я, не поднимая головы.

Джейкоб умчался со всех ног, жизнерадостно бросив напоследок: «Я скоро вернусь!». Он уже дрожал на бегу, готовясь превратиться в волка. А теперь вся стая знала о случившемся. Сет Клируотер, меряющий шагами полянку, знал каждую подробность моего падения.

Эдвард на минуту замолчал.

– Вот как! – наконец сказал он таким тоном, что лучше бы меня побыстрее накрыло лавиной!

Я глянула на него краем глаза: ну конечно же, он смотрел в пространство, прислушиваясь к чему-то – дорого бы я дала, чтобы он этого не слышал! Я снова уткнулась лицом вниз.

Эдвард вдруг насмешливо хмыкнул.

– А я-то думал, что это я играю нечестно! – признал он с невольным восхищением. – Да по сравнению с Джейкобом я просто безгрешный ангел! – Эдвард погладил меня по щеке. – Я вовсе не сержусь на тебя, моя хорошая. Джейкоб оказался хитрее, чем я думал. Правда, жаль, что ты его сама попросила.

– Эдвард, – прошептала я, не смея посмотреть на него. – Я… я…

– Шшш! – Его пальцы успокаивающе погладили меня по щеке. – Я вовсе не это имел в виду. Он все равно поцеловал бы тебя – даже если бы ты не поддалась на провокацию, но теперь у меня нет предлога, чтобы

выбить ему зубы. А я был бы не прочь!

– Поддалась на провокацию? – в недоумении прошептала я.

– Белла, неужели ты подумала, что он и правда весь такой из себя благородный? Что он действительно готов умереть в бою, чтобы не мешать мне?

Я медленно подняла голову. Эдвард терпеливо смотрел на меня: в его глазах было понимание, а не отвращение, которого я заслуживала.

– Да, поверила, – пробормотала я и отвернулась.

Однако я не злилась на Джейкоба за этот обман: меня переполняла ненависть к самой себе и для других чувств места не оставалось.

Эдвард снова тихонько рассмеялся.

– Ты сама совсем не умеешь врать и веришь любому, у кого это получается чуть лучше.

– Почему ты на меня не рассердился? – прошептала я. – Не возненавидел? Или ты еще не всю историю услышал?

– По-моему, я получил достаточно полное представление, – безмятежно ответил Эдвард. – Джейкоб создает в голове очень яркие образы – для стаи это почти так же неприятно, как и для меня. Бедного Сета чуть не стошнило. Но теперь Сэм заставил Джейкоба сосредоточиться.

Какой ужас! Я закрыла глаза и помотала головой. Жесткий нейлон царапал кожу.

– Ты всего лишь человек, – прошептал Эдвард и опять погладил меня по голове.

– Это самое неубедительное оправдание, которое я когда-либо слышала!

– Белла, но ведь ты в самом деле человек. И как бы мне ни хотелось верить в обратное, он тоже человек. И я понимаю, что могу удовлетворить не все твои потребности.

– Неправда! Именно поэтому моему поступку нет оправдания. Нет никаких таких потребностей.

– Белла, ты его любишь, – мягко сказал Эдвард.

Каждая клеточка моего тела запротестовала.

– Тебя я люблю сильнее, – ответила я.

На большее меня не хватило.

– И это я тоже знаю. Но… когда я ушел, то оставил тебя истекать кровью. И именно Джейкоб зашил твои раны. От такого непременно остаются следы – на вас обоих. Не уверен, что подобные швы рассасываются сами по себе. И не могу винить ни одного из вас в том, что

произошло по моей вине. Возможно, я заслужу прощение, но это не поможет избежать последствий.

– Я должна была догадаться, что ты сумеешь повернуть все так, чтобы самому оказаться виноватым. Перестань, пожалуйста. Я не могу это слышать.

– А что ты хочешь, чтобы я сказал?

– Я хочу, чтобы ты назвал меня всеми нехорошими словами, какие только знаешь на всех известных тебе языках. Хочу, чтобы ты сказал мне, что я отвратительна и ты уйдешь – и заставишь меня ползти за тобой на коленях, умоляя остаться.

– Извини, – вздохнул он. – Этого я не могу.

– Тогда хотя бы перестань меня утешать. Позволь мне помучиться. Я это заслужила.

– Нет, – пробормотал он.

Я медленно кивнула.

– Ты прав. Оставайся таким же великодушным. Пожалуй, это еще хуже.

Эдвард замолчал, и я почувствовала какое-то новое напряжение в воздухе.

– Уже близко, – заметила я.

– Да, остается несколько минут. Как раз хватит, чтобы сказать еще одну вещь…

Я молча ждала продолжения.

– Я и в самом деле могу проявить благородство, – наконец прошептал Эдвард. – Я не собираюсь заставлять тебя выбирать между нами. Просто будь счастлива – и ты можешь получить всего меня целиком или любой кусочек или совсем ничего, если так для тебя будет лучше. И не надо думать, что ты мне чем-то обязана и поэтому должна сделать определенный выбор.

Я резко приподнялась, встав на колени.

– Что за чушь ты несешь! – закричала я.

Глаза у Эдварда стали круглыми от удивления.

– Да нет, ты не поняла! Белла, я вовсе не пытаюсь тебя утешить, я действительно так думаю!

– Это я и сама знаю, – простонала я. – А как же решение бороться? Что это еще за внезапное самопожертвование? Сражайся!

– Как? – спросил Эдвард, и в его глазах отразилась древняя как мир тоска.

Я взобралась к нему на колени и обхватила его руками.

– Мне наплевать, что здесь холодно. Наплевать, что сейчас я воняю псиной. Заставь меня забыть, какое я чудовище. Заставь забыть его. Заставь забыть, как меня зовут! Не сдавайся!

Я не стала дожидаться его решения – и не дала возможности сказать, что ему не нужно такое жестокое и ветреное чудовище, как я. Прильнула к нему и прижалась губами к ледяным губам.

– Осторожнее, радость моя, – пробормотал он под моими страстными поцелуями.

– Нет! – прорычала я.

Эдвард нежно оттолкнул меня на несколько дюймов.

– Ты вовсе не обязана мне что-то доказывать.

– А я и не доказываю. Сам сказал, что я могу получить любую часть тебя. Так вот я хочу именно эту! А также все остальные.

Я обхватила его руками за шею и потянулась к губам. Он наклонился, чтобы поцеловать меня, однако мое все возрастающее нетерпение вызывало у него тревогу. Тело недвусмысленно выдавало мои намерения. И в конце концов Эдвард обхватил меня руками, удерживая от глупостей.

– Сейчас для этого не самый подходящий момент, – сказал Эдвард.

И как он может оставаться таким невозмутимым?

– Почему? – проворчала я.

Если Эдвард собрался вести себя благоразумно, то упорствовать смысла не имело – я опустила руки.

– Во-первых, потому что действительно холодно. – Эдвард поднял спальник и завернул меня в него, как в одеяло.

– Неправда! Во-первых, потому что для вампира ты бессовестно совестлив.

– Ну ладно, пусть так, – хмыкнул Эдвард. – Холод – это во-вторых. А в-третьих… от тебя, радость моя, и в самом деле попахивает. – Он сморщил нос.

Я вздохнула.

– В-четвертых, – прошептал он прямо мне в ухо, – мы обязательно попробуем. Я сдержу свое слово. Но мне бы не хотелось, чтобы это произошло из-за Джейкоба Блэка.

Я скривилась и спрятала лицо у него на плече.

– А в-пятых…

– У тебя ужасно длинный список! – пробормотала я.

Эдвард засмеялся.

– Да, но ты хочешь послушать, что там происходит на поляне или нет?

И тут снаружи завыл Сет.

Я напряглась – и даже не заметила, что моя левая рука сжалась в кулак и ногти воткнулись в забинтованную ладонь, пока Эдвард не раскрыл мои пальцы.

– Белла, все будет хорошо, – пообещал он. – На нашей стороне навыки, подготовка и фактор неожиданности. Все очень скоро закончится. Если бы я в это не верил, то был бы сейчас внизу – и ты тоже была бы там: прикованная к дереву или что-то в этом роде.

– Элис такая маленькая! – простонала я.

– Да, это может быть недостатком, – хмыкнул он. – Если кому-то удастся ее поймать.

Сет взвизгнул.

– Что случилось? – настороженно спросила я.

– Он злится, что застрял здесь с нами. Знает, что стая не пустила его в бой для его же блага. И ему ужасно хочется к ним присоединиться.

Я хмуро посмотрела в ту сторону, где скорее всего был Сет.

– Новорожденные дошли до конца тропы – все сработало лучше некуда, Джаспер молодец! Они почуяли запах тех, кто на поляне, и теперь разбиваются на две группы, как и говорила Элис, – бормотал Эдвард, глядя куда-то вдаль невидящими глазами. – Сэм ведет нас в обход, готовя засаду. – Эдвард так увлекся, что использовал «мы».

Он вдруг перевел взгляд на меня:

– Белла, дышать не забудь!

Я с трудом попыталась последовать его совету. Прямо за стенкой палатки слышалось мерное, тяжелое дыхание Сета, и я постаралась дышать в такт, чтобы не потерять сознание от недостатка кислорода.

– Первая группа уже на поляне. Мы слышим звуки сражения.

Я стиснула зубы.

– Мы слышим Эмметта, – рассмеялся Эдвард. – Он веселится вовсю!

Я заставила себя вдохнуть вместе с Сетом.

– Вторая группа готовится к нападению: нас они пока не заметили.

Эдвард зарычал.

– Что такое? – ахнула я.

– Они говорят о тебе. – Эдвард лязгнул зубами. – Им велено убедиться, что ты не ускользнешь… Молодчина, Ли! Быстро она его, – одобрительно хмыкнул Эдвард. – Один из новорожденных почуял наш запах, и Ли завалила его прежде, чем он успел повернуться. Сэм помогает прикончить его. Пол и Джейкоб взяли еще одного, но остальные теперь готовы защищаться. Они понятия не имеют, кто мы такие. Теперь мы пытаемся обмануть их, а они – нас… Нет, пускай Сэм ведет. Не мешайся под

ногами, – бормотал он. – Разделяйте их, не давайте встать спиной к спине.

Сет взвизгнул.

– Так-то лучше, отгоняйте их к краю поляны, – одобрил Эдвард.

Он ерзал, наблюдая за схваткой и непроизвольно готовясь принять в ней участие.

Мы все еще держались за руки, и я переплела наши пальцы. По крайней мере, Эдвард здесь, а не там внизу, на поляне!

Внезапное отсутствие всяких звуков стало единственным предупреждением.

Дыхание Сета вдруг затихло – и я это заметила, потому что старалась дышать с ним в такт. И тоже перестала дышать: настолько испугалась, почувствовав, как Эдвард превратился в неподвижную глыбу льда.

Ой! Нет! Только не это!

Кого потеряли? Нашего и волка? Мои, они все мои. Так кого же я потеряла?

Так быстро, что я ничего не успела понять, меня вдруг поставили на ноги, а палатку разорвали в клочья. Неужели это Эдвард разорвал палатку, чтобы мы выбрались наружу? Но зачем?

Я моргнула, ослепленная ярким светом, не в состоянии разглядеть ничего, кроме Сета, который почти уткнулся носом в лицо Эдварда. Одну бесконечно долгую секунду они сосредоточенно вглядывались друг в друга. Солнце разбивалось на радуги, отражаясь от кожи Эдварда, и сверкало на шерсти Сета.

– Давай, Сет! – настойчиво прошептал Эдвард.

Огромный волк развернулся и исчез в темном лесу.

Время тянулось бесконечно долго. Меня почти тошнило от мысли, что на поляне произошло нечто ужасное. Я уже открыла рот, чтобы потребовать от Эдварда отнести меня туда прямо сейчас: он им нужен, и я тоже нужна. Если мне придется истечь кровью ради их спасения, то я это сделаю! И умру ради них, как умерла третья жена. Серебряного кинжала у меня нет, но я что-нибудь придумаю…

Не успела я произнести и звука, как почувствовала, что лечу по воздуху. Эдвард не выпустил мою руку: он нес меня так быстро, что казалось, будто я падаю набок.

Эдвард прижал меня спиной к скале и встал передо мной в хорошо знакомой защитной стойке.

У меня камень с плеч упал – и сердце ушло в пятки.

Значит, я все напутала!

Как хорошо, что на поляне ничего страшного не случилось.

Ой, мамочки! Опасность-то прямо здесь!

Сомнений не оставалось – Эдвард стоял пригнувшись и слегка вытянув руки вперед. Меня замутило. Скала за спиной могла бы быть древней кирпичной стеной в итальянском переулочке, где Эдвард прикрывал меня от одетых в черные плащи стражников Вольтури.

На нас кто-то собирался напасть.

– Кто? – прошептала я.

Эдвард ответил с громким рычанием сквозь зубы – слишком громким. Значит, прятаться поздно. Нас загнали в угол, и неважно, услышат ли они слова Эдварда.

– Виктория, – выплюнул он, словно чертыхнулся. – И не одна. Она почуяла мой запах, когда шла за новорожденными, чтобы посмотреть – драться вместе с ними она не собиралась. И вдруг ей стукнуло в голову пойти за мной: подумала, что ты будешь где-то рядом. Она оказалась права. Ты была права. За всем этим с самого начала стояла Виктория.

И Виктория была так близко, что Эдвард слышал ее мысли.

Я снова вздохнула с облегчением: если бы пришли Вольтури, то нам обоим крышка. А Виктории не нужны мы оба. Эдвард мог выбраться из этой переделки. Он хороший боец, не хуже Джаспера. И если с ней не очень много новорожденных, то Эдвард сумеет пробиться к своим. Ведь он быстрее всех, у него получится.

И как хорошо, что Эдвард отослал Сета! Конечно, за помощью бежать некуда: Виктория очень удачно выбрала момент. Но по крайней мере, Сет в безопасности. Думая о нем, я не могла представить себе огромного светло-желтого волка – перед глазами стоял долговязый пятнадцатилетний подросток.

Эдвард чуть сдвинулся – почти незаметно, однако теперь я знала, куда смотреть, и уставилась на черные тени леса.

И тут словно стали явью мои кошмарные сны: два вампира, сверкающие как бриллианты, неспеша вышли на полянку и внимательно огляделись.

На белобрысого мальчишку я едва взглянула – рослый и мускулистый, всего лишь мальчишка примерно моего возраста. Глаза у него были такие ярко-красные, каких я никогда еще не видела. Мне в глаза он не смотрел, да и я на нем взгляд не задержала, хотя он стоял ближе к Эдварду и опасность исходила в первую очередь от него.

Чуть в стороне и позади мальчишки стояла Виктория и не сводила с меня глаз.

Ее оранжевые волосы были ярче, чем я помнила, – настоящее пламя.

Ветра не было, но казалось, что языки огня вокруг ее лица слегка колеблются, словно живые.

Глаза Виктории почернели от жажды. В отличие от Виктории из моих кошмаров настоящая не улыбалась: губы сжаты в тонкую линию. Она удивительно походила на кошку – напряженная, как львица, готовая прыгнуть при первой возможности. Виктория постоянно переводила безумный взгляд с меня на Эдварда, но не могла отвести глаза от моего лица дольше, чем на долю секунды. Впрочем, я тоже.

Напряжение буквально стекало с нее почти ощутимыми в воздухе волнами: всепоглощающая страсть целиком завладела ею. Я как будто слышала ее мысли и знала, о чем она думает.

Вот она, ее цель, к которой пришлось идти больше года, – теперь так близко.

Моя смерть.

Намерения Виктории вполне очевидны – и разумны. Белобрысый парень нападет на Эдварда. А когда Эдвард на нем сосредоточится, Виктория покончит со мной. Причем быстро: нет времени играть в глупые игры. Быстро и наверняка. Сделает что-нибудь, с чем не справится даже яд вампира.

Сердце бешено забилось – вот она я! Теперь меня невозможно не заметить.

Где-то очень далеко, за сумрачным лесом, в неподвижном воздухе раздался волчий вой. Однако Сет ушел, и оставалось только гадать, что бы это значило.

Белобрысый краем глаза глянул на Викторию, ожидая команды.

Да он не только совсем еще мальчишка – он и вампиром-то стал недавно, судя по ярко-красному цвету радужки. Силен, но неопытен. Эдвард сумеет отбиться.

Виктория молча дернула подбородком, указывая мальчишке на Эдварда.

– Райли! – умоляюще сказал Эдвард тихим голосом.

Белобрысый застыл на месте, широко открыв глаза.

– Райли, ведь она тебе врет, – продолжал Эдвард. – Послушай меня. Она врет тебе так же, как врала всем остальным, которых сейчас убивают. Ты ведь знаешь, что им она говорила неправду, и тебя тоже заставляла говорить им неправду: вы же вовсе не собираетесь им помогать. Неужели так трудно поверить, что она и тебя тоже дурачит?

Райли опешил.

Эдвард сдвинулся на несколько дюймов в сторону, и белобрысый

непроизвольно повторил его маневр.

– Райли, на самом деле она тебя не любит. – Бархатный голос Эдварда звучал убедительно, почти гипнотически. – И никогда не любила. Ее возлюбленного звали Джеймс, а ты для нее всего лишь орудие.

Услышав имя Джеймса, Виктория оскалилась, не сводя с меня глаз.

Райли бросил на нее обезумевший взгляд.

– Райли? – позвал Эдвард.

Белобрысый автоматически вновь посмотрел на Эдварда.

– Она ведь знает, что я убью тебя, Райли. Она хочет, чтобы ты умер: тогда ей больше не придется притворяться. Ты же и сам это видел. Замечал неохоту во взгляде, подозревал фальшивые ноты в обещаниях. Ты был абсолютно прав. Ты ей не нужен: каждый поцелуй, каждое прикосновение – все это ложь.

Эдвард снова передвинулся: на несколько дюймов ближе к мальчишке, на несколько дюймов дальше от меня.

Виктория уставилась на промежуток между нами. Ей понадобится не больше секунды, чтобы убить меня – и она воспользуется малейшей возможностью сделать это.

Райли тоже передвинулся, на этот раз медленнее.

– Тебе вовсе незачем умирать, – пообещал Эдвард, глядя мальчишке в глаза. – Необязательно жить так, как она показала. Райли, в жизни есть не только вранье и кровь. Ты можешь уйти прямо сейчас. Зачем тебе умирать за ее басни?

Эдвард незаметно скользнул вперед и в сторону. Теперь между нами был целый фут. В этот раз, повторяя маневр Эдварда, Райли отошел слишком далеко. Виктория слегка наклонилась вперед.

– Райли, даю тебе последний шанс, – прошептал Эдвард.

Белобрысый в отчаянии посмотрел на Викторию.

– Райли, он все врет, – сказала Виктория, и при звуках ее голоса я вздрогнула. – Я же предупреждала, что они умеют морочить голову. Ты ведь знаешь, что я люблю только тебя.

Вместо мощного рычания дикой кошки, которого я ожидала от Виктории, судя по ее виду, она говорила высоким детским голоском. Такой голосок наводит на мысли о завитых блондинках и розовой жвачке. И совсем не вяжется с оскаленными зубами.

Райли сжал челюсти и расправил плечи. Взгляд стал пустым: ни растерянности, ни подозрения – и вообще никаких мыслей. Белобрысый приготовился к атаке.

Виктория напряженно дрожала всем телом. Пальцы уже превратились

в когти – как только Эдвард отодвинется от меня еще на дюйм…

Рычание послышалось совсем с другой стороны.

Громадная светло-желтая тень мелькнула в воздухе над серединой полянки и обрушилась на Райли, прижав его к земле.

– Нет! – завопила ошеломленная Виктория своим детским голоском.

В двух шагах от меня огромный волк рвал на части белобрысого вампира. Что-то белое и твердое ударилось о камни возле моих ног. Я отшатнулась.

Виктория даже не посмотрела на мальчишку, которому только что признавалась в любви: она не сводила глаз с меня. Ее взгляд был полон такого безумного разочарования, словно она потеряла рассудок.

– Нет, – снова сказала Виктория сквозь зубы, когда Эдвард двинулся к ней, преграждая дорогу ко мне.

Райли вскочил на ноги – потрепанный и истерзанный, он все же умудрился пнуть Сета в плечо. Хрустнули кости. Сет отступил и, хромая, стал обходить Райли. Белобрысый выставил руки вперед, готовясь к нападению, хотя одна рука, кажется, пострадала…

В нескольких шагах от них танцевали Эдвард и Виктория.

Не совсем по кругу: Эдвард не давал ей приблизиться ко мне. Она отступила, двигаясь из стороны в сторону в поисках слабого места в его обороне. Эдвард легко повторял ее движения. Он начал двигаться на долю секунды раньше, читая мысленные намерения Виктории.

Сет набросился на Райли сбоку – и вырвал кусок тела. Послышался ужасный скрежет и еще один белый ошметок упал где-то в лесу, глухо стукнувшись о землю. Райли завопил от ярости и замахнулся изуродованной рукой. Сет отскочил – удивительно прытко для такого огромного зверя.

Виктория уже мелькала между деревьями на дальнем краю полянки. Ноги пытались унести ее в безопасное место, а глаза следили за мной, словно я притягивала их, как магнит. Жгучее желание убить боролось с инстинктом самосохранения.

Эдвард тоже это заметил.

– Не уходи, Виктория, – пробормотал он тем же гипнотическим голосом. – Такого шанса ты больше не получишь.

Она оскалилась и зашипела на него.

– Ты всегда успеешь убежать, – мурлыкал Эдвард. – Времени хватит. Ведь ты это хорошо умеешь, верно? Именно поэтому Джеймс держал тебя при себе. Очень полезное приобретение для того, кто играет в смертельные игры – напарница, безошибочно знающая, когда пора сделать ноги. Не

стоило ему от тебя уходить: твои навыки пригодились бы, когда мы поймали его в Финиксе.

Из горла Виктории вырвалось рычание.

– Только за это он тебя и держал. Глупо тратить столько сил, чтобы отомстить за того, кто любил тебя меньше, чем охотник любит свою лошадь. Ты для него всегда была всего лишь удобным инструментом – уж я-то знаю. – Эдвард криво усмехнулся и постучал себя по виску.

Со сдавленным криком Виктория метнулась из леса обратно на полянку, делая ложный выпад в сторону. Эдвард двинулся к ней, и они снова затанцевали.

И тут Райли попал кулаком Сету в бок. Сет негромко тявкнул и отступил, подергивая плечом, словно стряхивая боль.

«Ради бога! – хотела я крикнуть Райли, но не могла ни рот открыть, ни втянуть воздух. – Пожалуйста, не надо, ведь он всего лишь ребенок!»

Почему Сет не убежал? И почему сейчас не убегает?

Райли наступал, оттесняя Сета к скале рядом со мной. Виктория внезапно заинтересовалась своим напарником. Я заметила, как она краем глаза прикидывала расстояние между мной и Райли. Сет клацнул зубами, вынуждая Райли отступить, и Виктория зашипела.

Сет больше не хромал. Обходя Райли сбоку, он подошел совсем близко к Эдварду, задев хвостом его спину. Виктория выпучила глаза.

– Нет, на меня он не бросится, – сказал Эдвард, отвечая на мысленный вопрос Виктории. Пользуясь моментом, он скользнул ближе к ней. – Ты сделала нас союзниками: мы объединились против тебя.

Виктория стиснула зубы, пытаясь сконцентрироваться только на Эдварде.

– Посмотри-ка получше, Виктория, – пробормотал он, мешая ей собраться с мыслями. – Разве он действительно похож на то чудовище, за которым гонялся Джеймс в Сибири?

Она вытаращила глаза, лихорадочно переводя взгляд с Эдварда на Сета, потом на меня и обратно на Эдварда.

– Разве это другой? – рыкнула она тоненьким голоском. – Не может быть!

– Все может быть, – бархатно мурлыкнул Эдвард, приближаясь к ней еще на дюйм. – Кроме того, чего ты хочешь. Ее ты и пальцем не тронешь.

Виктория резко потрясла головой, чтобы сосредоточиться, и попробовала обойти Эдварда, однако он перекрыл ей дорогу, как только уловил ее планы. Раздраженная Виктория снова стала похожа на львицу: пригнулась и целеустремленно пошла вперед.

В отличие от неопытного, действующего инстинктивно новорожденного, Виктория была смертельно опасна. Даже я видела разницу между ней и Райли. Против этого вампира Сет бы не устоял.

Эдвард тоже сдвинулся с места – лев против львицы.

Танец ускорился: как Элис и Джаспер тогда на лугу, Эдвард и Виктория превратились в размытые силуэты – только на этот раз движения не были так идеально отрепетированы. Время от времени кто-то сбивался, и тогда резкий хруст и треск эхом отдавались от скалы. Вот только противники двигались слишком быстро, чтобы я могла рассмотреть, кто из них ошибается…

Райли отвлекло зрелище жестокого балета: он беспокойно следил за напарницей. Сет бросился вперед и отхватил еще кусок. Белобрысый заревел и изо всех сил двинул Сету прямо в грудь. Огромный волк взлетел в воздух и врезался в скалу у меня над головой с такой силой, что гора содрогнулась. Послышался шумный выдох, и я метнулась в сторону: отлетев от скалы, Сет упал на землю в нескольких шагах от меня и тихо взвизгнул сквозь зубы.

На меня посыпались острые осколки камня, царапая обнаженную кожу. По правой руке скатился зазубренный обломок, и я непроизвольно поймала его. Когда пальцы сжали заостренный камень, сработали инстинкты: шансов убежать не оставалось, поэтому мое тело приготовилось к драке – какой бы безнадежной она ни была.

По венам побежал адреналин. Шина врезалась в ладонь, но боли я не чувствовала.

Все, что я видела за спиной Райли – это пляшущее пламя волос Виктории и размытые белые силуэты. Все чаще раздавались звонкие щелчки, что-то рвалось, кто-то охал и шипел сквозь зубы – для кого-то этот танец становился смертельным.

Но для кого именно?

Райли бросился ко мне с горящими от ярости глазами. Мрачно посмотрел на обмякшее тело волка между нами и его изломанные, покусанные руки превратились в когти. Блеснув зубами, белобрысый открыл рот, собираясь вцепиться Сету в горло.

Повторный выброс адреналина пронзил меня, словно током, и внезапно все стало ясно.

Обе схватки шли почти на равных. Сет, можно сказать, проиграл свою, и я понятия не имела, побеждает Эдвард или проигрывает. Им нужна помощь. Нужно дать им преимущество и как-то отвлечь их противников.

Я так крепко стиснула в руке обломок, что шина лопнула.

Хватит ли у меня сил? И смелости? Смогу ли я воткнуть осколок камня в собственное тело? Даст ли это необходимую передышку волку? Сможет ли Сет прийти в себя достаточно быстро, чтобы моя жертва пошла ему на пользу?

Я провела острым концом осколка вверх по руке, задрала толстый свитер, обнажая кожу, и прижала камень к сгибу локтя. У меня уже был там шрам, оставшийся после прошлого дня рождения: в ту ночь моя кровь привлекла внимание всех вампиров и на секунду все они застыли на месте. Лишь бы эта уловка сработала еще раз! Я собралась с духом и со свистом втянула в себя воздух.

Этот звук отвлек Викторию: на долю секунды она замерла и посмотрела мне в глаза. В ее взгляде странно смешались ярость и любопытство.

Не знаю, как я могла услышать такой тихий звук – вокруг стоял ужасный шум, а в голове у меня стучало. Мое собственное сердцебиение должно было бы его заглушить. Тем не менее в ту долю секунды, когда я смотрела на Викторию, мне послышался знакомый недовольный вздох.

И тут же танец прекратился. Все произошло так стремительно, что я ничего толком не разглядела и лишь потом попыталась сообразить, как это случилось.

Из расплывшегося сплетения тел вылетела Виктория и, взлетев высоко в воздух, с силой врезалась прямо в сосну. Однако упав на землю, она снова приготовилась к нападению.

Одновременно Эдвард, быстрый настолько, что стал почти невидим, извернулся и поймал ничего не подозревавшего Райли за руку. Похоже, Эдвард уперся ногой белобрысому в спину и потянул…

Райли заорал так, что в ушах зазвенело.

Сет вскочил на ноги, заслонив меня.

Викторию я все же разглядела: хотя она казалась странно деформированной, как будто не могла полностью выпрямиться, на ее безумном лице мелькнула та самая улыбка, которая снилась мне в кошмарных снах.

Виктория напряглась и прыгнула.

Что-то маленькое и белое просвистело в воздухе и попало в нее на лету. Послышался звук, похожий на взрыв, и Викторию отбросило к другому дереву, которое сломалось пополам. Она опять приземлилась на ноги, готовая к новому нападению, но Эдвард уже был на месте. Как же я обрадовалась, когда увидела, что он стоит прямо и выглядит невредимым.

Виктория пинком отпихнула в сторону снаряд, который испортил ее

атаку. Странный предмет подкатился ко мне, и я поняла, что это такое.

Меня чуть не вырвало.

Пальцы все еще подергивались, хватая травинки. Рука Райли бесцельно потащила себя по земле.

Сет снова принялся кружить вокруг белобрысого; тот, с искаженным от боли лицом, уходил от наступающего оборотня. Оставшуюся руку он выставил вперед, защищаясь. Сет прыгнул на вампира, который с трудом сохранял равновесие. Волчьи клыки вонзились в плечо Райли. Сет отпрыгнул назад, не разжимая челюстей. Послышался оглушительный металлический скрежет, и белобрысый потерял вторую руку.

Сет мотнул головой, и рука улетела в кусты. Волк прерывисто зашипел сквозь зубы, словно хихикая.

– Виктория! – в агонии завопил Райли.

Виктория и ухом не повела, даже не взглянула в сторону напарника.

Сет прыгнул вперед и врезался в белобрысого вампира с силой пушечного ядра. От удара оба улетели в лес, откуда послышался металлический скрежет и вопли Райли. Вопли внезапно прекратились, и раздавался лишь треск раздираемого на кусочки камня.

Виктория, похоже, поняла, что осталась одна. И начала отступать от Эдварда. В ее глазах горело бешеное разочарование. Она бросила на меня последний тоскливый взгляд и попятилась еще быстрее.

– Нет-нет, – мурлыкнул Эдвард голосом обольстителя. – Задержись еще немножко.

Виктория развернулась и стрелой полетела к лесу в поисках спасения.

Но Эдвард оказался быстрее – он двигался словно пуля, вылетевшая из ружья. Настиг Викторию сзади, на самом краю полянки, и на этом последнем шаге танец закончился.

Казалось, Эдвард провел губами по шее Виктории, будто целуя. Шум, поднятый усилиями Сета, заглушал все остальные звуки, и движение Эдварда можно было принять за ласку.

И вдруг огненная шевелюра отделилась от тела: оранжевая волна волос упала на землю, подпрыгнула и укатилась в лес.

Глава двадцать пятая
Зеркало

От потрясения я застыла на месте и с трудом заставила себя отвести глаза от округлого предмета, обернутого подрагивающей огненной гривой. Смотреть на это не хотелось.

Эдвард быстро и деловито разорвал на части обезглавленное тело.

Подойти к Эдварду я не могла: ноги приросли к земле, но я внимательно наблюдала за ним, пытаясь разглядеть малейшие признаки ран. Сердце немного успокоилось, когда я не заметила никаких следов повреждений: Эдвард оставался таким же легким и подвижным, как всегда, и даже одежда не пострадала.

Ужасно испуганная, я стояла, прижавшись к скале, и Эдвард ни разу не взглянул на меня: собрал в кучу дрожащие, подергивающиеся куски и засыпал сверху сухой хвоей. Потом бросился в лес за Сетом – все еще ни разу не поглядев на меня.

Вернулись они быстро, я еще не успела прийти в себя. Эдвард нес охапку останков Райли. Сет держал в зубах большой кусок туловища. Они бросили все это в уже сложенную кучу, и Эдвард достал из кармана серебристую коробочку. Вспыхнуло пламя газовой зажигалки, и сухая хвоя моментально занялась: длинные языки оранжевого пламени лизнули мертвые тела.

– Собери все, до последнего кусочка, – тихо сказал Эдвард Сету.

Вампир и оборотень вместе прочесали всю полянку, время от времени подбрасывая в огонь небольшие куски белого камня. Сет брал их зубами. Я слишком туго соображала и не догадалась, почему он не превратился в человека и не использовал руки.

Занятый поисками, Эдвард не поднимал на меня глаз.

Наконец они закончили. От огромного костра поднимались клубы удушающего фиолетового дыма, гораздо более густого, чем обычно и издающего неприятный запах – слишком сильный и тяжелый.

Сет снова хихикнул по-волчьи, и на задумчивом лице Эдварда мелькнула улыбка. Он протянул сжатую в кулак руку. Сет ухмыльнулся, показав острые, как кинжалы, зубы, и ткнулся носом в руку Эдварда.

– Здорово мы с тобой их сделали, – пробормотал Эдвард.

Сет засмеялся кашляющим смехом.

Эдвард глубоко вдохнул и повернулся ко мне.

Почему он на меня так смотрит? Настороженно, как будто я тоже враг. С опаской. А ведь Викторию и Райли он совсем не испугался… Ошеломленная происшедшим, я не могла не только двигаться, но и соображать: просто стояла, озадаченно уставившись на Эдварда.

– Белла, радость моя, – очень мягко сказал он и нарочито медленно пошел ко мне, держа руки перед собой, ладонями вверх.

Странно, очень похоже на то, как подозреваемый подходит к полицейскому и показывает, что безоружен…

– Белла, брось, пожалуйста, камень. Осторожно, не поранься.

Я совсем забыла про свое оружие – оказывается, я вцепилась в него с такой силой, что сломанный палец отчаянно болел. Неужели опять сломался? На этот раз Карлайл уж точно гипс наложит.

В нескольких шагах от меня Эдвард помедлил, глядя с опасением и все еще держа руки перед собой.

Я не сразу вспомнила, как пошевелить пальцами. Потом камень упал на землю, а моя рука осталась на месте.

Теперь Эдвард слегка расслабился, но ближе не подходил.

– Белла, тебе нечего бояться, – пробормотал он. – Ты в безопасности. Я не причиню тебе вреда.

Загадочное обещание только привело меня в еще большее недоумение. Я уставилась на Эдварда, как полная идиотка, пытаясь понять, что он имел в виду.

– Белла, все будет хорошо. Я знаю, что ты испугалась, но больше бояться нечего. Никто тебя пальцем не тронет. Я не прикоснусь к тебе, не причиню вреда, – повторил он.

Я замигала и наконец-то обрела дар речи:

– Почему ты все время это повторяешь?

Я неуверенно шагнула вперед, и Эдвард отшатнулся от меня.

– Что случилось? – прошептала я. – О чем ты говоришь?

– Разве ты… – В его золотистых глазах внезапно отразилось полное недоумение. – Разве ты меня не боишься?

– Боюсь? Тебя? С чего бы это?

Я сделала еще один неуверенный шаг вперед и споткнулась – скорее всего, запутавшись в собственных ногах. Эдвард подхватил меня, и я уткнулась лицом ему в грудь, разрыдалась.

– Белла, прости, малышка. Уже все, все кончилось.

– Ничего, – выдохнула я. – Со мной. Все. В порядке. Просто. Перепугалась. Сейчас. Отойду.

Эдвард сжал меня крепче.

– Прости, пожалуйста, – снова и снова повторял он.

Я прижималась к нему, а когда снова смогла дышать, стала целовать его: грудь, плечо, шею – все, до чего могла дотянуться. Голова постепенно начинала соображать.

– С тобой все в порядке? – спросила я между поцелуями. – Ты не ранен?

– Со мной все в полном порядке, – успокоил Эдвард и поцеловал меня в макушку.

– А как Сет?

Эдвард хмыкнул.

– Лучше не бывает! Страшно доволен собой.

– А остальные? Как Элис и Эсми? Как волки?

– Все живы-здоровы. Там тоже все закончилось. И прошло так же гладко, как я и обещал. Нам пришлось хуже всех.

Я замолчала, вдумываясь в его слова.

Моей семье и друзьям ничего не грозит. Виктория никогда больше не вернется за мной. Все закончилось.

И теперь все будет хорошо – у всех нас.

Однако хорошие новости не укладывались в моей голове: оставалось слишком много непонятного.

– А теперь скажи мне, почему ты думал, что я тебя боюсь? – настойчиво спросила я.

– Прости. – Интересно, за что он извиняется? – Я так виноват. Я не хотел, чтобы ты это видела. Видела меня таким. Ведь я наверняка привел тебя в ужас.

Я задумалась, вспоминая, как нерешительно Эдвард приближался ко мне, держа руки перед собой. Словно я убегу, если он будет двигаться слишком быстро…

– Ты серьезно? – наконец спросила я. – Ты… что? Думал, будто напугал меня до чертиков? – фыркнула я.

Очень удачно получилось: от фырканья голос не дрожит и не прерывается. И звучит это весьма непринужденно.

Эдвард взял меня за подбородок и повернул мою голову набок, вглядываясь в лицо.

– Белла, ведь я… – он помедлил и наконец выговорил вслух: – Ведь я же на твоих глазах убил и разорвал на части разумное существо. Разве тебя это не испугало? – Он нахмурился.

Я пожала плечами. Пожимать плечами тоже хорошо: наплевательский

такой жест.

– Не очень. Я только за вас с Сетом боялась. Хотела помочь, но мало что могла сделать… – Я замолчала, увидев внезапную злость на его лице.

– Да уж. Эта твоя выходка с камнем! Ты хоть понимаешь, что чуть не довела меня до инфаркта? Что не так-то просто сделать!

Под его разозленным взглядом слова застревали у меня в горле.

– Я помочь хотела… Сета ведь ранили…

– Сет всего лишь притворялся раненым! Это была уловка. А ты… – Эдвард потряс головой, не в силах закончить фразу. – Сет не видел, что ты собираешься сделать, поэтому мне пришлось вмешаться. И теперь он немного обижен, потому что не может похвастаться, что завалил Райли в одиночку.

– Сет… притворялся?

Эдвард сухо кивнул.

– Надо же…

Мы оба посмотрели на Сета, который старательно не обращал на нас внимания, наблюдая за костром. Каждый волосок волчьей шкуры излучал самодовольство.

– Но мне-то откуда было знать? – оправдывалась я. – К тому же не так-то просто быть единственным беспомощным человеком из всех присутствующих. Погоди, вот стану вампиром и тогда черта с два я буду сидеть на скамейке для зрителей!

На лице Эдварда отразилась буря эмоций. Наконец победило удивление.

– В следующий раз? Ты что, ожидаешь в ближайшее время новую войну?

– При моей-то невезучести? Да запросто!

Эдвард нахмурился, но я видела, что он на седьмом небе: от облегчения у нас обоих слегка кружилась голова.

Все закончилось!

Или нет?

– Погоди-ка… Что ты там говорил?

Я поморщилась, вспомнив, о чем мы разговаривали до появления Виктории. И что я теперь скажу Джейкобу? Мое разбитое на части сердце отозвалось болью. Трудно, почти невозможно в это поверить, но худшее на сегодня еще впереди. Я мужественно сделала шаг навстречу боли:

– Что за осложнение? Элис должна была уточнить сроки. И ты сказал, что времени мало. Мало для чего? – Ну? – не отступала я.

– Да так, пустяки, – быстро ответил Эдвард. – Однако нам пора идти…

Он хотел посадить меня себе на спину, но я отстранилась.

– Какие такие пустяки?

Эдвард обхватил мое лицо ладонями.

– У нас не больше минуты, поэтому не впадай, пожалуйста, в панику. Ведь я же говорил тебе, что бояться нечего, верно? Ты можешь мне в этом довериться?

Я кивнула, старательно скрывая испуг: сколько еще я сумею продержаться?

– Бояться нечего. Все понятно.

Эдвард сжал губы, подбирая слова. И вдруг перевел взгляд на Сета, словно волк его позвал.

– Что она делает? – спросил Эдвард.

Сет тревожно заскулил. У меня волосы встали дыбом.

На поляне воцарилась тишина.

– Нет! – вдруг ахнул Эдвард и резко махнул рукой, будто пытаясь схватить что-то невидимое. – Не надо!

Сет вздрогнул всем телом и отчаянно завыл. В ту же секунду Эдвард упал на колени: сморщившись от боли и сжимая голову руками.

Я закричала и упала на колени рядом с Эдвардом, бестолково пытаясь отнять его руки от лица. Мои потные ладони скользили по мраморной коже.

– Эдвард! Эдвард!

Он поднял на меня взгляд и с усилием разжал стиснутые зубы.

– Все в порядке. С нами все в порядке. Это… – Эдвард замолчал и снова поморщился.

Сет выл от боли.

– Что происходит? – вскрикнула я.

– Ничего, все будет хорошо, – выдохнул Эдвард. – Сэм… помоги ему…

Услышав имя Сэма, я поняла, что Эдвард говорит вовсе не о них с Сетом: никакие невидимые враги на нас не напали. В этот раз беда случилась не здесь.

Эдвард говорил «мы», имея в виду стаю.

Весь мой адреналин уже сгорел – ничего не осталось. Я обмякла, и Эдвард поймал меня, не дав рухнуть на камни. И тут же вскочил, подхватив меня на руки.

– Сет! – крикнул Эдвард.

Сет припал к земле с таким видом, будто вот-вот бросится в лес.

– Нет! – приказал Эдвард. – Возвращайся домой! Сейчас же. И как можно быстрее!

Волк взвизгнул и помотал головой из стороны в сторону.

– Сет, доверься мне.

Огромный волк на секунду пристально посмотрел Эдварду в глаза, потом выпрямился и понесся к лесу, растворившись в чаще словно призрак.

Эдвард крепко прижал меня к груди, и мы тоже помчались по сумрачному лесу – вовсе не вслед за Сетом.

– Эдвард… – Мне с трудом удавалось пропихнуть слова сквозь комок в горле. – Что случилось? Что стряслось с Сэмом? Куда мы идем? Что происходит?

– Нам нужно вернуться к своим, – тихо ответил он. – Мы знали, что это скорее всего произойдет. Еще утром Элис увидела это и передала через Сэма Сету. Вольтури решили, что пора вмешаться.

Вольтури!

Это уже слишком! Просто в голове не укладывается…

Деревья проносились мимо. Эдвард бежал вниз по склону так быстро, что казалось, будто мы беспомощно летим в пропасть.

– Не волнуйся. Они пришли не за нами. Обычный отряд, который наводит порядок в подобных случаях. Ничего особенного, они просто делают свое дело. Хотя время прибытия выбрано очень удачно. И это наводит меня на мысль, что в Италии никто бы не расстроился, если бы новорожденные и в самом деле хорошенько потрепали Калленов. – Эдвард говорил сквозь зубы, жестким и бесцветным голосом. – Когда Вольтури появятся, я смогу наверняка узнать их мысли.

– Именно для этого мы и возвращаемся? – прошептала я.

Хватит ли у меня сил? Мне невольно вспомнились развевающиеся черные плащи, и я вздрогнула. Еще немного, и я совсем с ума сойду!

– Да, но не только. Сейчас для нас безопаснее всего собраться всем вместе. У Вольтури нет причин нападать на нас, но… с ними Джейн. И если она подумает, что мы с тобой где-то вдалеке от остальных, то может соблазниться таким шансом. Как и Виктория, Джейн скорее всего догадается, что я с тобой. Деметрий, конечно же, вместе с Джейн. И может найти меня, если она попросит…

Я не хотела слышать это имя. Не хотела вспоминать ослепительно прекрасное, совсем детское личико. Из горла вырвался странный звук.

– Тише, Белла, тише. Все будет хорошо. Элис это видит.

Элис видит? Но… где же тогда волки? Куда делась стая?

– А где стая?

– Им пришлось срочно уйти. Вольтури не признают договоров с оборотнями.

Я судорожно глотнула воздух.

– Честное слово, все будет в порядке, – пообещал Эдвард. – Вольтури не узнают запах и не поймут, что здесь были волки: с такими зверями они никогда не встречались. Стая в безопасности.

Я ничего не поняла из его объяснений. Страх не давал мне сосредоточиться.

«С нами все в порядке», – сказал Эдвард… и Сет выл от боли…

Эдвард не ответил на мой первый вопрос, отвлек меня сообщением о Вольтури…

Я едва держалась на краю пропасти – можно сказать, висела на кончиках пальцев.

Деревья проносились мимо, сливаясь в изумрудный поток.

– Что случилось? – прошептала я. – Раньше. Когда Сет завыл? Когда тебе стало больно?

Эдвард помедлил.

– Ну же! Скажи мне, в чем дело!

– Все уже закончилось. – Эдвард бежал с такой скоростью, что его шепот тонул в свисте ветра. – Волки не пересчитали свою половину нападающих… подумали, что уложили всех. А Элис, конечно же, ничего не могла увидеть…

– Что случилось?!

– Один из новорожденных спрятался… Ли нашла его – и повела себя очень глупо и самонадеянно: напала на него в одиночку.

– Ли… – повторила я. Сил уже не оставалось, чтобы устыдиться охватившего меня облегчения. – Как она?

– Ли не пострадала, – пробормотал Эдвард.

Я молча смотрела на него.

«Сэм… помоги ему…» – сказал тогда Эдвард. Ему, а не ей!

– Почти пришли. – Эдвард уставился куда-то вверх.

Я непроизвольно проследила за его взглядом: над деревьями висело фиолетовое облако. Облако? В такой необычно солнечный день?.. Да нет, не облако, а столб густого дыма, такого же, как от нашего костра в горах.

– Эдвард, – прошептала я почти беззвучно. – Ведь кто-то все-таки пострадал.

Я же слышала вой Сета и видела боль в глазах Эдварда.

– Да, – прошептал он.

– Кто? – спросила я, хотя уже знала ответ.

Разумеется, я знала ответ. Еще бы не знать!

Деревья стали двигаться медленнее – мы добрались до места

назначения.

Эдвард не сразу ответил.

– Джейкоб, – сказал он.

Я сумела кивнуть.

– Конечно, кто же еще… – прошептала я.

И соскользнула в невидимую пропасть.

Перед глазами все почернело.

Прежде всего я почувствовала прикосновение холодных рук. Больше, чем одной пары рук. Меня держали в объятиях, к щеке прижималась ладонь, пальцы гладили лоб, а другие пальцы лежали на запястье.

Потом я услышала голоса: сначала невнятное гудение, которое постепенно усилилось и стало разборчивым, словно кто-то настроил радиоприемник.

– Карлайл, уже прошло пять минут, – с тревогой сказал Эдвард.

– Эдвард, она придет в себя, когда будет к этому готова. – Голос Карлайла звучал как всегда уверенно и спокойно. – Сегодня на нее слишком много всего навалилось. Дай ее рассудку время с этим справиться.

Однако мой рассудок не справлялся: даже в бессознательном состоянии его стискивал капкан боли, которая была частью темноты.

Я чувствовала себя целиком отделенной от тела. Как будто пряталась где-то в уголке сознания, не в силах держать штурвал. И ничего не могла с этим поделать. Думать я тоже не могла: слишком больно. И никуда от этой боли не денешься.

Джейкоб.

Джейкоб!

Нет, нет, только не это, нет…

– Элис, сколько у нас остается времени? – напряженно спросил Эдвард: утешения Карлайла его не успокоили.

Откуда-то издали донесся бодрый голос Элис.

– Еще пять минут. Белла откроет глаза через тридцать семь секунд. Уверена, что она уже сейчас нас слышит.

– Белла, девочка моя, ты меня слышишь? – мягко спросила Эсми. – Теперь ты в полной безопасности.

Я-то в безопасности – но что это меняет?

Прохладные губы прижались к моему уху, и Эдвард произнес слова, которые вызволили меня из застенка пыток в собственной голове:

– Белла, он выживет. Джейкоб Блэк уже выздоравливает. С ним все будет в порядке.

Когда боль и ужас утихли, я вернулась обратно в тело. Мои веки затрепетали.

– Белла, наконец-то! – с облегчением выдохнул Эдвард и прикоснулся губами к губам.

– Эдвард, – прошептала я.

– Я здесь.

Мне удалось открыть глаза, и я посмотрела в теплую золотистую глубину.

– Джейкоб жив?

– Да, – заверил он.

Я внимательно вглядывалась в его глаза в поисках малейшего знака, что он всего лишь утешает меня, но ничего такого не заметила.

– Я сам его осматривал, – сказал Карлайл.

Я повернула голову и увидела его лицо всего в нескольких футах. Карлайл выглядел серьезно и убедительно – в его словах невозможно было сомневаться.

– Раны Джейкоба не опасны. И невероятно быстро заживают. Правда, он пострадал так сильно, что даже такими темпами выздоровление займет несколько дней. Как только мы закончим с делами здесь, я сделаю все возможное, чтобы помочь ему. Сэм пытается уговорить Джейкоба превратиться обратно в человека: так мне было бы легче его лечить. – Карлайл слегка улыбнулся. – Все-таки я не ветеринар!

– Что с случилось с Джейкобом? – прошептала я. – Ему сильно досталось?

Карлайл снова посерьезнел.

– Один из волков попал в переделку…

– Ли! – выдохнула я.

– Да. Джейкоб оттолкнул ее в сторону, но не успел защититься: новорожденный обхватил его руками и сломал почти все кости с правой стороны.

Я вздрогнула.

– Сэм и Пол подоспели вовремя. Джейкоб уже начал приходить в себя, когда они понесли его в Ла-Пуш.

– Он поправится? – спросила я.

– Да, Белла. Никаких долговременных последствий не будет.

Я глубоко вдохнула.

– Три минуты, – тихо напомнила Элис.

Я попыталась встать. Эдвард сообразил, что мне нужно, и помог подняться. Я огляделась.

Каллены собрались в кружок вокруг костра. Пламя было едва заметно – только густой фиолетово-черный дым ядовитым облаком висел над изумрудной травой. Ближе всех к почти осязаемому столбу дыма стоял Джаспер. В тени облака солнце отражалось от него не так ярко, как от других. Джаспер стоял спиной ко мне, напряженно пригнувшись и слегка вытянув руки вперед. Что-то там было, в этой тени…

Я до того выбилась из сил, что почти и не испугалась, когда поняла, над чем так настороженно нависает Джаспер.

На поляне было восемь вампиров.

Возле костра свернулась клубочком девушка, обхватив колени руками. Совсем молоденькая девушка – младше меня. Она выглядела лет на пятнадцать, темноволосая и худенькая.

Девушка не сводила с меня взгляда, и ее глаза были невероятно красного цвета – ярче, чем у Райли: они горели красным огнем и безумно вращались.

Эдвард заметил мое недоумение.

– Она сдалась, – тихонько объяснил он. – В жизни не видел ничего подобного. Такое могло прийти в голову только Карлайлу. Джасперу это не нравится.

Я не могла отвести взгляд от девушки. Джаспер рассеянно потер предплечье.

– Он не ранен? – прошептала я.

– Нет, просто яд жжет.

– Его укусили? – испугалась я.

– Джаспер пытался быть во всех местах сразу. Хотел убедиться, что Элис ничего не грозит. – Эдвард покачал головой. – Элис ничья помощь не требуется.

– Дурачок, нашел кого защищать! – скривилась Элис, глядя на свою вторую половинку.

Девчонка вдруг закинула голову и пронзительно, по-звериному, заверещала.

Джаспер рыкнул на нее, и она отшатнулась, вцепившись ногтями в землю и мотая головой от боли. Джаспер придвинулся к ней на шаг и присел. Эдвард, с преувеличенной небрежностью, повернулся так, чтобы встать между мной и девчонкой. Я глянула поверх его плеча на девчонку и Джаспера.

Карлайл мгновенно оказался рядом с Джаспером и положил руку на плечо самого «младшего» из своих сыновей, удерживая его на месте.

– Разве ты передумала? – как всегда спокойно спросил Карлайл. – Мы

не хотим тебя убивать, но нам придется это сделать, если ты не в состоянии держать себя в руках.

– Как вы можете сдерживаться? – застонала девчонка. – Я хочу ее!

Ярко-красные глаза сфокусировались на Эдварде, посмотрели сквозь него на меня, и она снова вцепилась ногтями в землю.

– Ты должна сдерживать себя, – сурово сказал Карлайл. – Должна управлять собой. Это вполне возможно, и только это может спасти тебя сейчас.

Девчонка стиснула голову испачканными в земле руками и тихонько заголосила.

– Может, нам лучше отойти подальше? – прошептала я, потянув Эдварда за руку.

Услышав мой голос, девчонка оскалилась, словно от боли.

– Мы должны остаться здесь, – пробормотал Эдвард. – Они уже подходят к северному краю поляны.

С бешено колотящимся сердцем я оглядела поляну, но за густыми клубами дыма ничего не заметила.

Оставив бесплодные поиски, я перевела взгляд обратно на молоденькую вампиршу. Она все еще не сводила с меня полубезумных глаз.

Мы уставились друг на друга. Темные короткие волосы обрамляли белое как мел лицо. Трудно сказать, была ли она красавицей: ее черты исказились от ярости и жажды. Я разглядела только дикие красные глаза – от них невозможно было оторваться. Девчонка злобно вытаращилась на меня, дрожа и подергиваясь каждые несколько секунд.

Я пристально ее разглядывала. Не в зеркало ли я заглянула? А если это и есть мое будущее?

Карлайл и Джаспер пошли обратно. Эмметт, Розали и Эсми торопливо собрались вокруг меня, Эдварда и Элис. Все вместе, как и говорил Эдвард, и я в центре – для моей максимальной безопасности.

Я с трудом отвела глаза от кровожадной девчонки и оглянулась в поисках приближающихся чудовищ.

Пока никого не видно. Я взглянула на Эдварда, но он смотрел прямо перед собой. Проследив за его взглядом, я ничего не увидела, кроме дыма: густого, маслянистого, клубящегося над самой землей и лениво поднимающегося над травой.

Дым заклубился облаком, более темным в середине.

– Хм, – безучастно пробормотал мертвый голос из черной глубины.

Я мгновенно его узнала.

– Добро пожаловать, Джейн, – произнес Эдвард с холодной

вежливостью.

Темные тени придвинулись ближе, вышли из дыма и обрели плоть. Я знала, что Джейн будет идти во главе: самая темная, почти черная накидка и самая маленькая фигурка – ниже остальных на добрую пару футов. В тени капюшона едва различалось ангельское личико Джейн.

Высившиеся за ее спиной четыре фигуры в серых накидках тоже показались мне знакомыми. Я узнала самого высокого из четырех. Пока я смотрела на него, пытаясь подтвердить свои подозрения, Феликс поднял на меня взгляд. Позволил капюшону слегка приоткрыть лицо: подмигнул мне и улыбнулся. Рядом со мной Эдвард напряженно застыл в ожидании.

Джейн неторопливо обвела взглядом сияющие лица Калленов и посмотрела на девчонку возле костра: она снова стиснула голову руками.

– Это еще что? – Голос Джейн прозвучал не так безразлично, как раньше.

– Она сдалась, – объяснил Эдвард.

Темные глаза Джейн впились в лицо Эдварда.

– Сдалась?

Феликс обменялся взглядом со второй тенью.

– Карлайл дал ей выбор, – пожал плечами Эдвард.

– Для тех, кто нарушает правила, никакого выбора быть не может, – равнодушно ответила Джейн.

Тогда заговорил Карлайл.

– Дело ваше. Поскольку она не стала нападать на нас, я не видел необходимости уничтожить девочку. Ее ничему не научили, – мягко сказал он.

– Это не имеет значения, – отмахнулась Джейн.

– Как скажешь.

Джейн раздраженно уставилась на Карлайла. Едва заметно потрясла головой и снова приняла безучастный вид.

– Аро надеялся, что мы доберемся до ваших краев и увидим тебя, Карлайл. Он шлет тебе привет.

Карлайл кивнул.

– Буду очень тебе благодарен, если передашь ему привет от меня.

– Разумеется, – улыбнулась Джейн.

Ее лицо становилось невыразимо прекрасным, как только на нем отражались какие-нибудь эмоции.

Джейн оглянулась на дым.

– Похоже, сегодня вы сделали за нас нашу работу… большей частью. – Она бросила взгляд на пленницу. – Чисто из профессионального

любопытства, сколько всего их было? В Сиэтле они здорово наследили.

– Восемнадцать, включая эту девочку, – ответил Карлайл.

Глаза Джейн округлились. Она опять посмотрела на костер, заново оценивая его размеры. Феликс и вторая тень обменялись долгим взглядом.

– Восемнадцать? – с сомнением повторила Джейн.

– Совсем зеленые, – пренебрежительно отмахнулся Карлайл. – Ничего не умели.

– Все новички? – резко спросила Джейн. – Тогда кто же их создал?

– Ее звали Виктория, – равнодушно ответил Эдвард.

– Звали?

Эдвард наклонил голову, указывая на восточную часть леса. Джейн глянула вверх и уставилась на что-то вдалеке. Второй столб дыма? Я не стала проверять свою догадку.

– То есть Виктория не входит в эти восемнадцать?

– Нет. С ней был еще один. Не такой зеленый, как девчонка у костра, но все же не старше года.

– Двадцать! – выдохнула Джейн. – И кто же справился с Викторией?

– Я, – ответил Эдвард.

Джейн прищурила глаза. Затем повернулась к девчонке у костра.

– Ну-ка ты, – сказала Джейн, и ее мертвый голос прозвучал еще более грозно. – Имя?

Девчонка ответила ей злобным взглядом и крепко сжала губы.

Джейн ангельски улыбнулась в ответ.

Девчонка истошно завопила и выгнулась самым неестественным образом. Мне захотелось заткнуть уши, и я отвела взгляд. Стиснула зубы, борясь с тошнотой. Вопли стали еще оглушительнее. Я попыталась сосредоточиться на лице Эдварда: вид у него был совершенно безучастный. Однако это напомнило мне, как Джейн проделывала то же самое с Эдвардом, и меня затошнило еще больше. Тогда я посмотрела на Элис и Эсми: на их лицах тоже ничего не отражалось.

Наконец вопли стихли.

– Имя, – повторила Джейн без всякой интонации в голосе.

– Бри, – судорожно выдохнула девчонка.

Джейн улыбнулась, и девчонка снова закричала. Я затаила дыхание, пока крики не прекратились.

– Она скажет все, что ты хочешь узнать, – сказал Эдвард сквозь зубы. – Нет необходимости ее мучить.

Джейн посмотрела на него, и в обычно мертвых глазах внезапно блеснул смех.

– Знаю, – усмехнулась она и перевела взгляд на молоденькую вампиршу.

– Бри, правду ли он сказал? – Ее голос снова заледенел. – Вас было двадцать?

Девчонка прижималась щекой к земле и судорожно хватала воздух.

– Девятнадцать или двадцать, а может, больше, – быстро заговорила она. – Не знаю! – Она скривилась, в ужасе ожидая, что за такой ответ опять будет наказана. – Сара и еще одна, не знаю, как ее звали, они по дороге подрались…

– А эта Виктория – она вас создала?

– Не знаю. – Девчонка вздрогнула. – Райли никогда не называл ее по имени. Я не видела, что случилось той ночью… было темно и больно… – Бри задрожала. – Он не хотел, чтобы мы думали о ней. Говорил, что наши мысли могут подслушать…

Джейн глянула на Эдварда и снова посмотрела на Бри.

Виктория очень хорошо подготовилась. Если бы она не пошла по следу Эдварда, мы бы никогда не узнали наверняка, что именно она в этом замешана…

– Расскажи мне о Райли, – приказала Джейн. – Зачем он привел вас сюда?

– Райли сказал, что мы должны уничтожить этих странных желтоглазых, – охотно затараторила Бри. – Сказал, это будет совсем не трудно. Сказал, что город принадлежит им и они придут посчитаться с нами. А когда мы с ними расправимся, то вся кровь будет наша. И он дал нам ее запах. – Бри подняла руку и ткнула пальцем, показывая на меня. – Райли сказал, что она будет с теми, кто нам нужен, и именно так мы их узнаем. И разрешил взять ее первому, кто до нее доберется.

Эдвард до хруста сжал челюсть.

– Да, Райли недооценил сложность задачи, – заметила Джейн.

Бри с облегчением кивнула, радуясь, что пыток больше не будет, и осторожно села.

– Я не знаю, что произошло. Мы разделились на две группы, но вторая так и не пришла. И Райли тоже исчез: обещал помочь и не помог. А потом все перепуталось и всех разорвали на части. – Она передернулась. – Я испугалась. Хотела убежать. Тогда он, – она посмотрела на Карлайла, – сказал, что меня не тронут, если я перестану сопротивляться.

– Увы, это не ему решать, детка, – пробормотала Джейн неожиданно нежным голосом. – Нарушители должны быть наказаны.

Бри недоуменно уставилась на нее.

Джейн посмотрела на Карлайла.

– Ты уверен, что вы добили всех? А где вторая группа?

Выражение лица Карлайла не изменилось.

– Мы тоже разделились, – кивнул он.

Джейн слегка улыбнулась.

– Должна признаться, вы меня поразили. – Громадные тени за ее спиной одобрительно заворчали. – Никогда не видела, чтобы такую атаку отбили без единой потери. Вы знаете, чем было вызвано нападение? В ваших местах подобная агрессивность весьма необычна. И причем здесь девчонка? – На мгновение Джейн неохотно задержала взгляд на мне.

Я вздрогнула.

– Виктория хотела отомстить Белле, – безучастно объяснил Эдвард.

Джейн засмеялась: переливчатым смехом счастливого ребенка.

– Похоже, эта девчонка толкает нам подобных на безумные поступки, – заметила она, улыбаясь мне во весь рот, с ангельским выражением лица.

Эдвард напрягся. Я посмотрела на него и успела заметить, как он отвернулся обратно к Джейн.

– Ты не могла бы этого не делать? – напряженно попросил он.

Джейн снова заливисто рассмеялась.

– Просто проверила. Судя по всему, никакого вреда ей это не причинило.

Я задрожала. Слава богу, что я такая ненормальная! Эта моя ненормальность защитила меня от Джейн в нашу последнюю встречу, да и сейчас тоже подействовала. Эдвард прижал меня покрепче.

– Ну что же, нам тут делать нечего. Странно, – сказала Джейн с прежней апатией в голосе. – Непривычно оказаться ненужными. Жаль, что мы пропустили схватку. По-моему, здесь было на что посмотреть.

– Да, – быстро согласился Эдвард, и это прозвучало довольно резко. – А ведь вы были так близко. Жаль, что не подошли на полчасика раньше. Тогда вы бы имели возможность выполнить свою миссию.

Джейн пристально посмотрела на Эдварда.

– Да, жаль, что все так получилось, верно?

Эдвард кивнул: его подозрения подтвердились.

Джейн снова повернулась к Бри.

– Феликс? – лениво позвала она со скучающим видом.

– Погоди, – вмешался Эдвард.

Джейн приподняла бровь, но Эдвард, не сводя глаз с Карлайла, настойчиво предложил:

– Мы могли бы объяснить ей правила. Кажется, она согласна учиться. Ведь она же понятия не имела, что делает.

– Разумеется, – отозвался Карлайл. – Мы готовы взять ответственность за Бри на себя.

На лице Джейн отразились изумление и веселье одновременно.

– Мы не делаем исключений, – сказала она. – И не даем второго шанса. Это вредит репутации. И кстати… – Она внезапно опять посмотрела на меня. На ее ангельских щечках появились ямочки. – Кай несомненно заинтересуется тем, что ты до сих пор человек, Белла. Возможно, он решит заехать в гости.

– Дата уже установлена, – подала голос Элис. – Возможно, мы сами заедем к вам в гости через несколько месяцев.

Улыбка Джейн потускла. Так и не взглянув на Элис, Джейн безразлично пожала плечами и повернулась к Карлайлу.

– Рада была увидеть тебя, Карлайл. А я-то думала, что Аро преувеличивает. Ну что же, до встречи…

Карлайл кивнул с искаженным от боли лицом.

– Феликс, займись! – сказала Джейн, словно изнемогая от скуки, и кивнула на Бри. – Я хочу домой.

– Не смотри, – прошептал Эдвард мне на ухо.

Меня не надо было уговаривать. За один день я и так слишком много всего повидала – на целую жизнь хватит. Я закрыла глаза и уткнулась лицом Эдварду в грудь.

Но уши-то я не заткнула!

Послышался низкий, раскатистый рык, а потом ужасно знакомый вопль. Крики быстро прекратились, и тишину нарушали только хруст и потрескивание.

Эдвард озабоченно потирал мои плечи.

– Пошли, – сказала Джейн.

Я подняла взгляд как раз вовремя – увидела удаляющиеся фигуры в серых плащах. В воздухе вновь появился резкий запах.

Серые плащи растворились в густом дыму.

Глава двадцать шестая
Этика

В ванной комнате Элис туалетный столик был завален разнообразными косметическими продуктами, которые все как один утверждали, что способны украсить любую внешность. Поскольку все в этом доме обладали прекрасной внешностью и непроницаемой кожей, оставалось лишь предположить, что всю косметику Элис купила для меня. Я тупо читала надписи на упаковках: и зачем она потратила такую кучу денег?

В большое зеркало я упорно старалась не смотреть.

Элис плавными, ритмичными движениями расчесывала мои волосы.

– Хватит уже, Элис, – без всякого выражения сказала я. – Мне надо ехать в Ла-Пуш.

Чтобы увидеть Джейкоба я столько часов прождала, пока Чарли наконец-то уедет от Билли! И каждая минута казалась вечностью: ведь я даже не знала, дышит ли еще Джейкоб или уже нет. А потом, когда мне в конце концов разрешили туда поехать и лично убедиться, что Джейкоб жив, время понеслось галопом. Не успела я оглянуться, как Элис уже позвала Эдварда, настаивая, что мы должны продолжать притворяться, будто я ночевала с ней. Ну какая теперь разница?..

– Джейкоб все еще без сознания, – ответила Элис. – Карлайл или Эдвард позвонят, когда он придет в себя. В любом случае, тебе сначала нужно повидаться с Чарли. Он был у Билли, видел, что Карлайл и Эдвард вернулись из поездки и теперь наверняка заподозрит что-то неладное, когда ты вернешься домой.

Я уже заучила свою роль наизусть, и подтверждение моей истории тоже было подготовлено.

– Ну и пусть. Я хочу быть рядом с Джейкобом, когда он придет в себя.

– Сейчас ты должна подумать о Чарли. Денек у тебя выдался тот еще, – извини, я понимаю, что это еще мягко сказано, – однако не следует пренебрегать своими обязанностями. – Элис говорила серьезно, почти укоризненно. – На данный момент гораздо важнее, чтобы Чарли ничего не заподозрил. Сначала ты должна сыграть свою роль, а потом можешь делать все, что вздумается. Каллены всегда безупречны в выполнении своих обязанностей.

Конечно же, она права.

– Поезжай домой, – велела Элис. – Поговори с Чарли. Предъяви ему свое алиби. Убедись, что он ни о чем не догадывается.

Я встала, и кровь хлынула в ноги – будто меня кольнули сразу тысячи иголок: я слишком долго просидела неподвижно.

– Это платье тебе очень идет, – мурлыкнула Элис.

– Платье? А… Да, еще раз спасибо за обновки, – пробормотала я больше из вежливости, чем из благодарности.

– Тебе же нужны вещественные доказательства, – ответила Элис, невинно распахнув глаза. – Какой может быть поход по магазинам без обновок? Кстати, платье тебе очень даже к лицу.

Я моргнула, не в состоянии вспомнить, во что именно нарядила меня Элис. Мысли разбегались, как тараканы от включенного света…

– Белла, с Джейкобом все в порядке, – сказала Элис, легко догадавшись, что у меня на уме. – Торопиться некуда. Если бы ты знала, какую дозу морфия был вынужден вкатить ему Карлайл – при такой температуре морфий очень быстро выводится, – то поняла бы, что Джейкоб еще долго не очнется.

По крайней мере, он не чувствует боли. Пока не чувствует.

– Ты ни о чем не хочешь поговорить перед уходом? – участливо поинтересовалась Элис. – Тебе здорово досталось.

Я знала, что именно ее интересует. Однако меня волновало другое.

– Я тоже такой стану? – тихо спросила я. – Как та девчонка Бри?

Забот у меня хватало, однако я никак не могла выбросить из головы эту девочку, чья новая жизнь так внезапно подошла к концу. Лицо, искаженное желанием впиться мне в горло, стояло перед глазами.

Элис погладила меня по руке.

– У всех по-разному. Но что-то вроде того.

Я попыталась представить себя.

– Это проходит, – пообещала Элис.

– Как скоро?

– Через несколько лет, иногда быстрее, – пожала она плечами. – Для тебя все может быть по-другому. Я никогда не видела, что происходит с тем, кто выбрал это добровольно. Интересно будет посмотреть, как это отразится на тебе.

– Да уж, очень интересно, – буркнула я.

– Мы не дадим тебе наделать глупостей.

– Знаю. Я доверяю вам. – Голос прозвучал мертво, без интонаций.

Элис нахмурилась.

– Если ты переживаешь за Карлайла и Эдварда, то я уверена, что с ними все будет в порядке. Думаю, Сэм начал нам доверять… по крайней мере, Карлайлу. И это хорошо. По-моему, атмосфера несколько накалилась, когда Карлайлу пришлось заново сломать Джейкобу…

– Элис, ради бога!

– Извини.

Джейкоб начал выздоравливать слишком быстро, его переломы срастались неправильно. Он тогда был без сознания, но думать об этом все равно не хотелось.

– Элис, а можно задать тебе вопрос? О будущем?

Она вдруг насторожилась.

– Ты ведь знаешь, я вижу далеко не все.

– Да я не об этом. Но ты же иногда видишь мое будущее. Как ты думаешь, почему? Все остальное на мне не работает: то, что делают Джейн, Эдвард или Аро… – Я замолчала, потеряв интерес к вопросу: есть и более важные заботы.

А вот Элис вопросом заинтересовалась.

– Белла, не забывай про Джаспера: он способен воздействовать на твое тело так же, как и на тела других. В этом вся разница, понимаешь? Джаспер действует непосредственно на тело – он на самом деле вызывает возбуждение или успокаивает. Это не иллюзия. Я вижу результаты, а не причины и не мысли, приводящие к ним. Все это тоже вне рассудка и тоже не иллюзия, а реальность – или одна из возможных реальностей. То, что делают Джейн, Эдвард, Аро и Деметрий – все это внутри головы. Джейн всего лишь создает иллюзию боли. Она вовсе не причиняет телу физическую боль, тебе это только кажется. Теперь ты понимаешь? Внутри своего собственного сознания ты в безопасности – там никто не может до тебя дотянуться. Неудивительно, что Аро заинтересовался, какие способности у тебя могут открыться в будущем.

Элис внимательно наблюдала за мной, чтобы убедиться, что я слушаю. На самом деле ее слова сливались вместе, а звуки теряли всякий смысл – я не могла на них сосредоточиться. Однако все же кивнула, притворяясь, что поняла.

Обмануть Элис не удалось. Она погладила меня по щеке и пробормотала:

– Белла, Джейкоб поправится. Это я и без видений знаю. Ты готова?

– Еще один вопрос. О будущем, можно? Детали мне не нужны, просто в общих чертах.

– Постараюсь, – неуверенно ответила она.

– Ты все еще видишь, как я превращаюсь в вампира?

– О, ну это совсем несложно. Конечно, вижу.

Я кивнула.

Элис внимательно посмотрела на меня.

– Белла, разве ты сама не знаешь, чего хочешь?

– Знаю. Но хотела убедиться наверняка.

– Белла, ты же знаешь, я уверена в этом лишь настолько, насколько ты сама в этом уверена. Если ты вдруг передумаешь, то и мои видения изменятся… или, в данном случае, исчезнут.

Я вздохнула.

– Нет, этого не случится.

Элис обняла меня.

– Мне очень жаль. Не могу представить себя на твоем месте: первое, что я помню, – это лицо Джаспера в моем будущем. Я всегда знала, что в конце концов мы с ним будем вместе. Но я могу тебе посочувствовать. Мне очень жаль, что тебе приходится выбирать между хорошим и хорошим.

Я стряхнула ее руки.

– Не надо меня жалеть.

Есть люди, которым стоит посочувствовать, да только я не из их числа. И никакого выбора у меня не было – оставалось лишь разбить хорошее сердце, и сделать это надо прямо сейчас.

– Поеду-ка я к Чарли.

Чарли ждал меня дома – полный подозрений, как и предсказывала Элис.

– Привет, Белла. Как ваша прогулка по магазинам? – поприветствовал меня Чарли, когда я зашла на кухню.

Руки он скрестил на груди и пристально вглядывался в мое лицо.

– Затянулась, – неохотно ответила я. – Мы только что приехали.

Чарли заметил мое настроение.

– Стало быть, ты уже знаешь про Джейка?

– Да. Остальные Каллены вернулись раньше нас. Эсми сказала, куда уехали Карлайл и Эдвард.

– Как ты себя чувствуешь?

– За Джейка переживаю. Приготовлю тебе ужин и сразу поеду в Ла-Пуш.

– Говорил же я тебе, как опасны эти мотоциклы. Надеюсь, теперь ты понимаешь, что я вовсе не шутил.

Я кивнула и открыла холодильник. Чарли уселся за стол – сегодня он

более разговорчив, чем обычно.

– По-моему, тебе не стоит сильно переживать за Джейка. Если у парня хватает сил так чертыхаться, то помирать он точно не собирается.

Я обернулась:

– Джейк был в сознании, когда ты его видел?

– Еще как в сознании! Послушала бы ты его… хотя нет, хорошо, что ты его не слышала. По-моему, он орал на весь Ла-Пуш. Не знаю, где Джейкоб нахватался таких слов, но надеюсь, при тебе он ими не пользуется.

– Сегодня ему простительно. Как он выглядел?

– На нем живого места не было. Друзья занесли его в дом. Повезло, что они такие здоровые ребята: этого парня не очень-то поднимешь. Карлайл сказал, что у Джейка сломаны правая нога и правая рука. И вообще вся правая сторона тела пострадала, когда он врезался на этом дурацком мотоцикле. – Чарли покачал головой. – Белла, если я еще раз услышу, что ты катаешься…

– Папа, не волнуйся. Не услышишь. Ты правда думаешь, что с Джейком все в порядке?

– Конечно! Не волнуйся ты так. Он чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы поддразнить меня.

– Поддразнить тебя? – ошеломленно повторила я.

– Ну да… не переставая оскорблять чью-то мать и поминать имя Господа всуе, он успел также вставить: «Что, Чарли, могу поспорить, теперь ты доволен, что она любит не меня, а Каллена?»

Я отвернулась к холодильнику, пряча лицо.

– И что я мог сказать? Эдвард и правда ведет себя более ответственно, когда дело касается твоей безопасности, этого у него не отнимешь.

– Джейкоб тоже очень даже ответственный, – упрямо возразила я. – Он наверняка не виноват в том, что случилось.

– Странный сегодня день, – помолчав, продолжал Чарли. – Вообще-то, я не верю во всякие дурацкие суеверия, но это действительно чудеса да и только… Как будто Билли заранее знал, что сегодня с Джейком что-то случится. Он все утро был как на иголках. По-моему, он не слышал ни слова из того, что я ему говорил. А потом – еще чуднее: помнишь, в феврале—марте появились эти огромные волки?

Я как раз наклонилась, чтобы взять сковородку, и на пару секунд спряталась за дверцей шкафчика.

– Ага, помню, – пробормотала я.

– Надеюсь, больше у нас таких проблем не будет. Утром, когда мы

рыбачили с лодки, Билли не обращал внимания ни на меня, ни на рыбу. И вдруг в лесу завыли волки. Да не один, а много! Хоть уши затыкай! Как будто они прямо в поселке выли. А самое странное – Билли тут же развернул лодку и поплыл к берегу, словно волки лично его позвали. И даже не услышал, как я спросил, что он делает. Не успели мы причалить, как вой прекратился. Билли ни с того ни с сего со всех ног заспешил домой, смотреть матч, хотя до начала еще оставалась уйма времени. А он, понимаешь, несет полный бред насчет раннего показа… Это при прямой-то трансляции? Ей-богу, Белла, что-то здесь не так. В общем, нашел он какой-то матч, сказал, что хочет его посмотреть, а сам к телевизору спиной повернулся. И провисел все время на телефоне: то Сью позвонит, то Эмили, то дедушке твоего друга Квила. Понятия не имею, чего он от них хотел – просто болтал о всякой всячине. А потом волки опять завыли, да прямо возле дома. В жизни ничего подобного не слышал! У меня просто мурашки по коже побежали. Я спросил Билли – пришлось перекрикивать волчий вой, – не поставил ли он капкан во дворе: зверюга выла будто от дикой боли.

Меня передернуло, но Чарли так увлекся рассказом, что ничего не заметил.

– Я только сейчас обо всем этом вспомнил, потому что именно в тот момент привезли Джейкоба. Сначала оглушительно выл волк, а я вдруг перестал его слышать: Джейк заглушил своими ругательствами. Ну и глотка у этого парня!

Чарли задумчиво помедлил.

– Забавно, что из этого безобразия вышло и кое-что хорошее. Я думал, квилеты никогда не избавятся от своих дурацких предрассудков и не пустят Калленов в Ла-Пуш. Однако кто-то позвонил Карлайлу, и Билли был очень благодарен, когда доктор приехал. Я думал, Джейка следовало бы отвезти в больницу, но Билли хотел оставить его дома, и Карлайл согласился. Ну что же, ему виднее. Очень великодушно с его стороны подписаться на домашние визиты к больному – в такую даль и на такой долгий срок! – И… – Чарли замолчал, словно не желая произносить это вслух. Потом вздохнул и продолжил: – И Эдвард тоже… славный парень. Он переживал за Джейка не меньше тебя – будто его родной брат пострадал. Эдвард так на него смотрел! – Чарли покачал головой. – Белла, он хороший парень. Я постараюсь не забывать об этом. Хотя и не даю никаких обещаний. – Он ухмыльнулся, глядя на меня.

– Я не стану напоминать тебе об этом, – пробормотала я.

Чарли вытянул ноги и застонал.

– До чего же хорошо дома! Ты не представляешь, как тесно бывает в домике у Билли. Семеро друзей Джейка втиснулись в крохотную гостиную – я чуть не задохнулся! Ты когда-нибудь обращала внимание, какие они все здоровенные парни?

– Да уж, это верно.

Чарли пристально посмотрел на меня. Его взгляд внезапно стал более сосредоточенным.

– Белла, ей-богу, Карлайл сказал, что Джейк скоро встанет на ноги – ты и оглянуться не успеешь. И еще сказал, что на самом деле все не так плохо, как кажется. С Джейком все будет в порядке.

Я молча кивнула.

Джейкоб казался таким… таким непривычно хрупким, когда я примчалась, едва Чарли уехал. Весь в шинах: Карлайл посчитал, что кости срастаются не по дням, а по часам, и нет смысла накладывать гипс. Такой здоровенный парень и вдруг выглядит совсем хрупким. Может, это всего лишь мое воображение – плюс знание, что я собираюсь разбить ему сердце.

Если бы в меня ударила молния и разбила надвое! Желательно, так, чтобы искры из глаз посыпались. Впервые отказ от моей человеческой сущности показался мне жертвой. Возможно, цена слишком велика?

Я поставила готовый ужин на стол и собралась уходить.

– Белла, погоди-ка минутку!

– Чего-то не хватает? – Я посмотрела на тарелку Чарли.

– Да нет, просто я… хотел тебя кое о чем попросить. – Чарли нахмурился и опустил глаза. – Присаживайся, я тебя надолго не задержу.

Недоумевая, я села напротив него. Постаралась сосредоточиться.

– Пап, тебе что-нибудь нужно?

– В общем так, Белла. – Чарли покраснел. – Может, у меня всего лишь разыгралось воображение… после этой странной рыбалки с Билли. Но мне кажется… у меня такое ощущение, что я скоро тебя потеряю.

– Папа, ну что за глупости! – виновато пробормотала я. – Ведь ты же хочешь, чтобы я пошла учиться?

– Пообещай мне одну вещь.

Я помедлила в нерешительности, готовая взять свое слово обратно.

– Ладно…

– Ты ведь скажешь мне, прежде чем решишься на что-то серьезное? Прежде, чем сбежишь с ним или еще что-нибудь в этом роде?

– Ну папа! – простонала я.

– Кроме шуток. Я не стану устраивать сцены. Просто скажи мне

заранее. Дай возможность обнять тебя на прощание.

Поморщившись про себя, я протянула ему ладонь:

– Вот еще глупости! Но если тебе от этого легче… то обещаю.

– Спасибо, Белла, – сказал он. – Я люблю тебя, малышка.

– Я тоже тебя люблю, папа. – Я потрепала его по плечу и встала из-за стола. – Если что, то я у Билли.

Я выскочила из дома, не оглядываясь. Только этого не хватало! Причем именно сейчас! Всю дорогу до Ла-Пуш я ворчала себе под нос.

Перед домом Билли уже не было черного «мерседеса» Карлайла. С одной стороны, это хорошо, а с другой – плохо. Разумеется, мне нужно поговорить с Джейкобом наедине. И все же очень хотелось держать при этом Эдварда за руку, как я делала это, когда Джейк лежал без сознания. Увы, ничего не получится! Но я соскучилась по Эдварду: день, проведенный с Элис, показался бесконечно долгим. Что же, в таком случае ответ очевиден: я уже и так знаю, что не могу жить без Эдварда. Однако этот факт не делает предстоящее менее болезненным.

Я тихонько постучала в дверь.

– Заходи, Белла, – отозвался Билли.

Рев моего пикапа трудно не узнать.

Я вошла.

– Привет, Билли. Джейк проснулся?

– С полчаса назад, как раз перед уходом доктора. Заходи, по-моему, он тебя ждет.

Я вздрогнула и сделала глубокий вдох:

– Спасибо.

Возле двери в комнату Джейкоба я в нерешительности помедлила: постучать или нет? Решила сначала заглянуть, надеясь – какая же я все-таки трусиха! – что он опять уснул. Мне бы не помешали еще несколько минут.

Я приоткрыла дверь и неуверенно просунула голову в щель.

Джейкоб ждал меня. Он выглядел спокойным: с лица исчезло замученное выражение, сменившись нарочитой безмятежностью. Черные глаза потускнели.

Очень трудно было смотреть на Джейка и знать, что я люблю его. Кто бы мог подумать, что это понимание так все изменит. Неужели все это время Джейкобу приходилось так же трудно, как мне сейчас?

Хорошо хоть кто-то догадался накрыть его одеялом: под ним не видно, насколько сильно досталось Джейку.

Я вошла и тихо закрыла за собой дверь.

– Привет, Джейк, – пробормотала я.

Он не сразу ответил: сначала долго на меня смотрел. Затем с некоторым усилием изобразил на лице насмешливую улыбку.

– Пожалуй, я догадывался, что этим все и кончится. – Он вздохнул. – Сегодня весь день наперекосяк: для начала я выбрал не то место, пропустил лучшую схватку и вся слава досталась Сету; а потом Ли не придумала ничего умнее, как доказать, что она не хуже остальных, и я оказался тем самым идиотом, который ее спас. А теперь еще и это. – Он помахал левой рукой в направлении двери, рядом с которой я застыла в нерешительности.

– Как ты себя чувствуешь? – промямлила я.

Дурацкий вопрос!

– Немножко под кайфом. Доктор Клык точно не знает, сколько обезболивающих мне нужно, поэтому колет наугад. По-моему, он перестарался.

– Но тебе ведь не больно.

– Нет. По крайней мере, переломов я не чувствую. – Он снова насмешливо улыбнулся.

Я закусила губу. Мне никогда не сделать то, что задумала! И почему никто не попытался убить меня, когда я сама хотела умереть?

Насмешливость исчезла с его лица, и взгляд потеплел. На лбу появились морщинки, словно от беспокойства.

– Ты сама-то как? – озабоченно спросил он. – С тобой все в порядке?

– Со мной? – Я уставилась на него круглыми от изумления глазами. Может, ему и правда вкатили слишком большую дозу обезболивающих? – Да мне-то что сделается?

– Ну, я, конечно, был уверен, что бить тебя он не станет, но не знал, как туго тебе придется. С тех пор как проснулся, я чуть с ума не сошел – переживал за тебя. Все гадал, разрешат ли тебе навестить меня или нет. От неизвестности чокнуться можно! Что он тебе сказал? Разозлился? Прости, я не хотел. Не хотел, чтобы ты одна с ним разговаривала. Думал, что и я там буду…

Я не сразу поняла, о чем он. Джейк продолжал тараторить, с каждым словом все больше смущаясь, пока до меня не дошло, в чем дело. И тогда я поспешила его успокоить.

– Да нет, Джейк! Со мной все в порядке. Даже слишком. И конечно же, он на меня не злился. Дождешься от него!

– Что? – удивился Джейкоб.

– Эдвард вовсе не рассердился – ни на меня, ни даже на тебя! Он такой великодушный, что я чувствую себя хуже некуда! Лучше бы наорал на меня

или еще что. Ведь я же заслужила… причем гораздо больше, чем выговор. Только ему все равно: он хочет, чтобы я была счастлива.

– Он не рассердился? – недоверчиво переспросил Джейкоб.

– Нет. Он… для этого слишком добрый.

Еще минуту Джейкоб не сводил с меня глаз, а потом нахмурился.

– Черт побери! – прорычал он.

– Что случилось? Тебе больно? – Я беспомощно всплеснула руками, оглядываясь в поисках лекарства.

– Нет, – с отвращением проворчал он. – Ушам своим не верю! И он не предъявил тебе ультиматум или еще чего-нибудь в этом роде?

– Ничего подобного. Да что с тобой?

Джейкоб с мрачным видом покачал головой.

– Вообще-то, я надеялся, что он что-нибудь такое выкинет. Черт бы его побрал! Он лучше, чем я о нем думал.

Его слова напомнили мне, как утром в палатке Эдвард отозвался о моральных качествах Джейкоба – правда, Эдвард не так сильно злился. Значит, Джейк все еще надеется, все еще не сдается. Я вздрогнула: в сердце словно нож вонзили.

– Джейк, он вовсе не притворяется, – тихо сказала я.

– А по-моему, еще как притворяется! Не меньше меня. Вот только он знает, что делает, а я нет. Но я же не виноват, что он лучше умеет морочить людям головы и заставлять их делать то, что ему хочется: у меня пока не хватает опыта.

– Он вовсе не морочит мне голову!

– Еще как морочит! Когда ты наконец поймешь, что он совсем не такой ангелочек, каким ты его считаешь?

– По крайней мере, он не угрожал самоубийством, чтобы вынудить меня поцеловать его, – огрызнулась я. И тут же покраснела от стыда. – Стой! Давай сделаем вид, что ты ничего не слышал. Ведь я же обещала себе ни слова не говорить об этом.

Джейкоб вздохнул и заговорил уже спокойнее:

– А почему бы нет?

– Потому что пришла сюда вовсе не за тем, чтобы в чем-то тебя обвинять.

– Но ведь так и было, – ровным голосом сказал он. – Я ведь это сделал.

– Мне все равно. Джейк, я не сержусь.

Он улыбнулся.

– И мне все равно. Я знал, что ты меня простишь, и ничуть не раскаиваюсь. И сделал бы это снова. По крайней мере, я получил хоть что-

то. Хотя бы заставил тебя понять, что ты в самом деле меня любишь. Это уже немало.

– Разве? А не лучше ли было бы, если бы я по-прежнему оставалась в неведении?

– А тебе не кажется, что ты должна знать свои истинные чувства? Чтобы однажды они не застигли тебя врасплох – когда будет слишком поздно и ты уже станешь замужней вампирочкой?

Я покачала головой.

– Нет, я не про себя, я про тебя говорила! Тебе-то лучше или хуже от того, что я знаю свои чувства? Ведь это знание все равно ничего не меняет. Разве тебе не было бы проще, лучше, если бы я так ничего и не поняла?

Я задала вопрос совершенно серьезно, и Джейкоб не стал ерничать.

– Лучше, когда ты знаешь, – подумав, ответил он. – Если бы ты так ничего и не поняла… то я бы всегда гадал, а не передумала бы ты, если бы поняла. Теперь я знаю. И сделал все, что мог. – Он судорожно вздохнул и закрыл глаза.

На этот раз я не могла противостоять желанию утешить Джейкоба. Подошла к кровати и опустилась на колени у изголовья: на кровать сесть побоялась, чтобы не причинить Джейкобу боли случайным толчком.

Я прижалась лбом к его щеке, и Джейкоб вздохнул. Положил руку мне на затылок, не давая отстраниться.

– Джейк, прости.

– Я всегда знал, что шансов у меня почти нет. Белла, ты ни в чем не виновата.

– И ты туда же! – застонала я. – Не надо!

Джейкоб посмотрел мне в глаза.

– Чего не надо?

– Я очень даже виновата! И меня тошнит, когда твердят о моей невиновности.

Он ухмыльнулся, хотя глаза остались грустными.

– Хочешь, чтобы я тебя пропесочил как следует?

– Вообще-то… хочу.

Джейкоб поджал губы, прикидывая, насколько серьезно я это сказала. На его лице мелькнула улыбка – и тут же сменилась хмурой гримасой.

– Ты ответила на мой поцелуй, и этому нет оправданий, – резко сказал он. – Если ты уже знала, что откажешься от него, то не надо было целоваться так убедительно.

Я поморщилась и кивнула.

– Прости.

– Белла, от извинений легче не становится. Чем ты только думала?

– Ничем, – прошептала я.

– Надо было послать меня на смерть. Ведь ты именно этого хотела.

– Нет, Джейк! – заскулила я, сдерживая слезы. – Нет! Никогда!

– Ты что, плачешь? – спросил он – уже нормальным голосом – и заерзал.

– Да, – пробормотала я, посмеиваясь над собой сквозь слезы, которые вдруг хлынули потоком.

Джейкоб повернулся, свесив здоровую ногу с кровати.

– Что ты делаешь? – прикрикнула я на него сквозь слезы. – Лежи, дурачок, тебе нельзя вставать! – Я вскочила и обеими руками толкнула его в здоровое плечо.

Он сдался и, ахнув от боли, лег обратно, но все же успел схватить меня за талию и прижал к себе, заставив сесть на кровать. Я прижалась к нему, стараясь заглушить нелепые рыдания.

– Неужели ты плачешь? – пробормотал он. – Ты же знаешь, я сказал все это только для того, чтобы тебе угодить. Я вовсе так не думаю. – Его ладонь погладила меня по плечу.

– Знаю. – Я судорожно вздохнула и постаралась взять себя в руки. Как могло получиться, что расплакалась я, а Джейкоб меня утешает? – Только все это правда. Спасибо, что высказал ее вслух.

– Может, мне полагаются дополнительные очки за то, что я довел тебя до слез?

– А как же! – Я попыталась изобразить улыбку. – Столько, сколько захочешь.

– Белла, солнышко, не переживай. Все образуется.

– Интересно, каким таким образом, – пробормотала я.

Джейкоб потрепал меня по голове:

– Я сдамся и буду вести себя примерно.

– Опять голову мне морочишь? – Я развернулась к нему лицом.

– Может быть! – не без усилия засмеялся Джейкоб и тут же помрачнел. – Но я все же попытаюсь.

Я нахмурилась.

– Не будь такой подозрительной! Поверь мне на слово.

– И что ты понимаешь под примерным поведением?

– Белла, я буду твоим другом. И не стану просить о большем.

– Джейк, по-моему, уже поздно. Как мы можем быть друзьями, если любим друг друга?

Он уставился в потолок, словно читая там невидимую надпись.

– Ну… пусть это будет дружба на расстоянии, заочная.

Я стиснула зубы. Хорошо, что Джейкоб на меня не смотрит! Вот-вот опять разревусь… Я должна быть сильной – вот только откуда взять силу?

– Ты знаешь эту библейскую историю? – вдруг спросил Джейкоб, все еще изучая потолок. – Про царя и двух женщин, которые не поделили младенца?

– А, про царя Соломона!

– Точно. Царь Соломон, – повторил Джейкоб. – Он велел им разрезать младенца пополам… проверял, которая из них откажется от своей половины, чтобы защитить ребенка.

– Ну да, помню.

Джейкоб посмотрел мне в глаза:

– Белла, я больше не хочу резать тебя пополам.

Я поняла, что Джейк имеет в виду: он любит меня больше, чем Эдвард, и сдается, чтобы доказать это. Меня подмывало защитить Эдварда, сказать, что он сделал бы то же самое, если бы я захотела, если бы позволила ему это сделать. Ведь именно я не хотела его отпускать. Но какой смысл затевать спор, от которого Джейкобу станет только хуже?

Я закрыла глаза, пытаясь унять боль. Нельзя ее показывать!

На минуту воцарилось молчание. Кажется, Джейкоб ждал моего ответа.

– А можно я скажу тебе, что хуже всего? – нерешительно спросил он, когда я так и не произнесла ни слова. – Можно? Я обещаю вести себя примерно.

– Разве это поможет? – прошептала я.

– Возможно. Уж наверняка не повредит.

– Ну так что?

– Хуже всего – знать, как это было бы.

– Как это могло бы быть, – со вздохом поправила я.

– Нет. – Джейкоб покачал головой. – Белла, мы с тобой идеально подходим друг другу. Для нас было бы естественно быть вместе – так же естественно, как дышать. Твоя жизнь повернулась бы именно так, если бы… – Он замолчал, глядя в пространство. – Если бы мир был таким, каким должен быть: без чудовищ и магии…

Я видела то же самое и знала, что Джейкоб прав. Если бы мир не был сумасшедшим, то мы с Джейком были бы вместе – и счастливы. В другом мире он был бы моей второй половинкой – если бы на его пути не встала такая сила, которой в нормальном мире не место.

Два будущих, две половинки – слишком много для одного человека! И

как несправедливо, что не я одна за это расплачиваюсь! Страдания Джейкоба – непомерно высокая цена. Ужасно высокая… Интересно, колебалась бы я в своем выборе, если бы уже не потеряла однажды Эдварда. Если бы не испытала, что значит – жить без него. Не знаю. Эти воспоминания так впечатались в память, что стали неотделимой частью меня.

– Белла, он для тебя как наркотик. – Джейкоб говорил мягко, без всякого осуждения. – Я вижу, что ты без него жить не можешь. Теперь уже поздно. Хотя я был бы полезнее для твоего здоровья: не наркотик, а воздух и солнце.

Я тоскливо улыбнулась уголком рта.

– Знаешь, я именно так о тебе когда-то и думала. Как о солнышке – о моем личном солнышке. Ты неплохо разгонял для меня облака.

Джейкоб вздохнул.

– С облаками-то я бы справился без труда. Но что поделаешь с затмением?

Я положила ладонь на его щеку. Он выдохнул и закрыл глаза. Стало очень тихо: я слышала, как медленно и ровно бьется его сердце.

– А теперь скажи мне, что хуже всего для тебя, – прошептал он.

– По-моему, не стоит.

– Скажи!

– Боюсь, это причинит тебе боль.

– Все равно скажи.

Разве в такой момент я могла хоть в чем-то отказать Джейкобу?

– Хуже всего… – Я помедлила в нерешительности, а потом выпалила все как есть: – Хуже всего, что я видела, как это могло бы быть – всю нашу жизнь. И мне очень этого захотелось, Джейк, нестерпимо захотелось! Захотелось остаться здесь и больше никуда не уходить. Любить тебя и подарить тебе счастье. Но я не могу, и это сводит меня с ума. Джейк, ведь тут то же самое, что случилось с Эмили и Сэмом – никакого выбора быть не может. И я всегда знала, что ничего изменить нельзя. Наверное, именно поэтому я изо всех сопротивлялась пониманию.

Похоже, Джейкоб сосредоточился на том, чтобы дышать ровно.

– Ну вот, не следовало тебе это говорить…

Он покачал головой.

– Нет. Я рад, что ты сказала. Спасибо. – Джейкоб поцеловал меня в макушку и вздохнул: – А теперь я буду паинькой.

Я посмотрела на него: он улыбался.

– Значит, ты собираешься замуж?

– Нам вовсе не обязательно…

– Я бы хотел выяснить некоторые подробности. Вряд ли у меня скоро появится возможность снова с тобой поговорить.

Я замолчала, собираясь с силами. Убедившись, что мой голос не дрогнет, я ответила:

– Честно говоря, свадьба не моя идея, но… да. Для него это очень важно. Так что почему бы нет?

Джейк кивнул.

– Верно. Это не так уж важно – по сравнению с другим.

Его голос звучал очень спокойно, очень рассудительно. Я уставилась на Джейкоба во все глаза: как он ухитряется сохранить спокойствие? И тогда он не выдержал. Встретил мой взгляд и тут же отвернулся. Я дождалась, пока он возьмет себя в руки.

– Да. По сравнению с другим, – согласилась я.

– И сколько времени у тебя осталось?

– Смотря как быстро Элис сумеет организовать свадьбу. – Я чуть не застонала, представив, как развернется Элис.

– До или после? – тихо спросил Джейкоб.

Я знала, что он имеет в виду.

– После.

Джейкоб с облегчением кивнул: наверное, провел не одну бессонную ночь в ожидании моего выпускного.

– Ты не боишься? – прошептал он.

– Боюсь, – шепотом ответила я.

– А чего ты боишься? – едва слышно спросил он, не сводя глаз с моих рук.

– Много чего. – Я постаралась говорить не очень серьезно, но врать не стала. – Я ведь не мазохистка, боль меня не привлекает. И лучше бы Эдварда не было рядом: не хочу, чтобы он страдал вместе со мной, хотя, похоже, от этого никуда не деться. А еще нужно что-то сказать Чарли и Рене… А когда это будет позади, надеюсь, что быстро научусь сдерживаться. Может, я стану настолько опасной, что стае придется со мной разделаться.

Джейкоб неодобрительно посмотрел на меня.

– Я сам с любым из них так разделаюсь!..

– Спасибо.

Он слегка улыбнулся. Потом сдвинул брови.

– Но разве это не опасно? Во всех историях говорится, что это очень тяжело… они теряют контроль над собой… люди погибают…

– Нет, этого я не боюсь. Глупенький, неужели ты веришь в дурацкие сказки про вампиров? – Джейкоб явно не оценил мою шутку. – В общем, есть о чем беспокоиться. Однако в конце концов оно того стоит.

Джейкоб неохотно кивнул.

Я прижалась щекой к его теплой коже.

– Ты же знаешь, что я люблю тебя, – прошептала я ему на ухо.

– Знаю, – выдохнул он, непроизвольно прижимая меня покрепче. – И ты знаешь, как бы мне хотелось, чтобы этого было достаточно.

– Знаю.

– Белла, я всегда буду ждать на скамейке запасных, – шутливо пообещал он и ослабил объятия.

Я отстранилась – с гнетущим чувством потери: словно что-то оборвалось, и позади, рядом с Джейком, я оставила часть себя.

– У тебя всегда будет запасной вариант, если ты вдруг захочешь.

Я с усилием улыбнулась.

– Пока мое сердце не перестанет биться.

Он ухмыльнулся в ответ.

– Знаешь, не исключено, что даже тогда я тебя возьму. Пожалуй, это будет зависеть от того, как сильно от тебя будет разить вампиром.

– Ты хочешь, чтобы я приехала повидаться с тобой? Или лучше не надо?

– Я подумаю и скажу тебе позже. Возможно, мне понадобится компания, чтобы не сойти с ума. Вампирское светило хирургии пока запретил мне превращаться: это может сдвинуть с места кости. – Джейкоб скривился.

– Будь хорошим мальчиком и слушайся Карлайла. Быстрее поправишься.

– Буду, буду, не переживай.

– Интересно, когда это случится? – сказала я. – Когда твой взгляд упадет на ту самую девушку?

– Не дождешься, – ответил Джейкоб. – Хотя для тебя это наверняка станет облегчением.

– Может, станет, а может, и нет. Скорее всего, я подумаю, что она недостаточно хороша для тебя. Интересно, сильно ли я стану ревновать?

– А вот это будет забавно, – признался он.

– Дай мне знать, если захочешь, чтобы я вернулась, и я приеду, – пообещала я.

Он вздохнул и повернулся ко мне щекой.

Я наклонилась и чмокнула его.

– Я люблю тебя, Джейкоб.

Он рассмеялся.

– А я люблю тебя еще больше.

Джейкоб с непроницаемым видом проводил меня взглядом, когда я выходила из комнаты.

Глава двадцать седьмая
Потребности

Далеко отъехать не удалось. Когда я окончательно перестала видеть дорогу, свернула на неровную обочину и остановилась. Обмякла на сиденье и поддалась слабости, перед которой устояла в присутствии Джейкоба. Все еще хуже, чем я думала – такого я никак не ожидала! Да уж, Джейкобу это показывать не стоило. И вообще никому.

Однако в одиночестве я оставалась недолго – ровно столько, сколько понадобилось Элис, чтобы увидеть меня, плюс несколько минут на дорогу. Дверца открылась, и Эдвард сжал меня в объятиях.

Сначала стало только хуже. Потому что маленькая часть меня – маленькая, но злая и горластая – вопила на остальную меня и хотела оказаться в других объятиях. А потом свежее чувство вины сильнее растравило боль.

Эдвард молчал, давая мне выплакаться, пока я не забормотала имя Чарли.

– Ты в самом деле готова ехать домой? – недоверчиво спросил он.

Далеко не с первой попытки мне удалось объяснить, что в ближайшее время лучше все равно не станет и надо попасть домой, прежде чем Чарли начнет беспокоиться и позвонит Билли.

Тогда Эдвард повез меня домой – в кои-то веки на черепашьей даже для моего пикапа скорости и крепко обнимая одной рукой мою талию. Всю дорогу я пыталась взять себя в руки. Сначала усилия казались безнадежными. Но я не сдавалась. Мне нужно продержаться всего несколько секунд! Ровно столько, чтобы успеть соврать что-нибудь, найти какой-то предлог, – а потом можно снова развалиться на части. Неужели не продержусь? Я отчаянно пыталась найти в себе скрытые резервы силы.

Резервов хватило лишь на то, чтобы утихомирить рыдания – задержать, но не прекратить. Слезы по-прежнему лились ручьем – с ними я ничего не могла поделать.

– Подожди меня наверху, – пробормотала я, когда мы подошли к дому.

Эдвард на минуту стиснул меня в объятиях – и пропал.

Я вошла в дом и сразу же направилась к лестнице.

– Белла? – окликнул Чарли со своего излюбленного места на диване.

Я молча повернулась. У Чарли глаза вылезли на лоб, и он вскочил на

ноги.

– Что стряслось? Джейкоб?..

Я помотала головой и с трудом выдавила:

– С ним все нормально, все хорошо.

Голос прозвучал хрипло и тихо. С Джейкобом и в самом деле все нормально – физически, а на данный момент именно это и волновало Чарли.

– Тогда что стряслось? – Он схватил меня за плечи и пристально вгляделся в лицо. – Что с тобой случилось?

Наверное, я выгляжу хуже, чем ожидала.

– Ничего… просто поговорила с Джейком… о том, о чем нелегко говорить. Со мной все в порядке.

Беспокойство на лице отца сменилось неодобрением.

– Тебе не кажется, что ты выбрала не самый удачный момент?

– Пожалуй… у меня не было выбора: пришло время принимать решение… Иногда компромисс невозможен.

Чарли покачал головой.

– И как он к этому отнесся?

Я промолчала.

Чарли долго вглядывался в мое лицо и наконец кивнул: похоже, нашел ответ.

– Надеюсь, это не помешает ему встать на ноги.

– Он быстро поправляется, – пробормотала я.

Чарли вздохнул.

Еще немного, и мое самообладание не выдержит.

– Пойду к себе, – сказала я, выворачиваясь из его рук.

– Ладно, – согласился Чарли.

Наверное заметил, что вот-вот слезы хлынут ручьем, а именно этого он больше всего и боится.

Спотыкаясь, я вслепую добралась до своей комнаты.

Закрыв за собой дверь, попыталась дрожащими пальцами расстегнуть застежку и снять браслет.

– Нет, Белла, – прошептал Эдвард и схватил меня за руки. – Это часть тебя.

Рыдания снова вырвались на волю, и Эдвард обнял меня.

Бесконечный день все тянулся и тянулся. Кончится он когда-нибудь или нет?

И все же, хотя рассвет никак не хотел наступать, это была не самая худшая ночь в моей жизни. И я была не одна – что меня очень утешало.

Чарли так боялся моих слез, что в комнату не заглядывал, хотя сохранить тишину мне не очень-то удавалось, и вряд ли он выспался.

Теперь, задним числом, все выглядело яснее ясного: я видела все свои ошибки, все промахи – большие и маленькие. Всю боль, которую я причинила Джейкобу, все раны, которые нанесла Эдварду, сложились в аккуратные стопки – не увидеть нельзя и отрицать не приходится.

И тогда я поняла, что все было совсем не так: те магниты, которые я пыталась прижать друг к другу, это вовсе не Эдвард и Джейкоб, а две половинки меня – Белла Эдварда и Белла Джейкоба. Только ужиться вместе они никак не могли, так что не стоило и пытаться.

Сколько же глупостей я натворила!

В какой-то момент я вспомнила обещание, которое дала сама себе рано утром: Эдвард никогда не увидит, как я проливаю слезы из-за Джейкоба Блэка. От этой мысли у меня началась истерика, испугавшая Эдварда куда больше, чем рыдания. Однако и это прошло, когда исчерпало себя.

Эдвард почти ничего не говорил: просто держал меня в объятиях, позволяя заливать соленой влагой его рубашку.

Понадобилось немало времени, чтобы меньшая часть меня выплакала все слезы. И все же я наконец выбилась из сил и уснула. Беспамятство не принесло полного облегчения, но, словно лекарство, приглушило боль – сделало ее терпимой. Однако боль оставалась, даже во сне я чувствовала ее, и это помогло мне примириться с происшедшим.

Утро принесло с собой если не радужные перспективы, то, по крайней мере, какое-то подобие самообладания. Я знала, что рана в моем сердце никогда не перестанет болеть. Со временем станет легче – все так говорят. И наплевать, заживет ли мое сердце или нет – главное, чтобы Джейкобу стало лучше. Чтобы он снова мог найти свое счастье.

Проснувшись, я сразу пришла в себя. Открыла глаза – наконец-то сухие – и увидела встревоженный взгляд Эдварда.

– Привет, – сказала я.

Голос прозвучал хрипло.

Эдвард промолчал. Смотрел на меня и ждал, когда начнется.

– Нет, со мной все в порядке. Больше никаких истерик.

От этих слов он слегка прищурился.

– Мне очень жаль, что тебе пришлось такое вынести, – сказала я. – Это было нечестно по отношению к тебе.

– Белла… ты уверена? Уверена, что сделала правильный выбор? Я никогда не видел, чтобы тебе было так больно… – На последнем слове голос Эдварда дрогнул.

Но я-то знала, что бывает и больнее.

– Да. – Я прикоснулась к его губам.

– Сомневаюсь… – Эдвард нахмурился. – Разве правильный выбор может нести такую боль?

– Эдвард, я знаю, без кого не в силах жить.

– Но…

Я покачала головой.

– Ты не понимаешь. Может, тебе хватит мужества жить без меня. А я не способна на такое самопожертвование. Мне нужно быть с тобой – без тебя я жить не в состоянии.

Эдвард все еще сомневался. Не следовало позволять ему оставаться со мной в эту ночь. Но ведь он был мне так нужен…

– Дай-ка мне книжку, – попросила я, показывая на книгу за его спиной.

Эдвард недоуменно нахмурился, но подал.

– Опять ту же самую? – спросил он.

– Просто хочу найти в ней один отрывок, который мне запомнился… что она там сказала… – Я пролистала страницы и легко нашла нужную: я на ней часто останавливалась и всегда загибала уголок. – Кэтрин, конечно, чудовище и все же кое в чем абсолютно права, – пробормотала я и негромко прочитала, в основном для себя: *«Если все прочее сгинет, а он останется – я еще не исчезну из бытия; если же все прочее останется, но не станет его, вселенная для меня обратится в нечто огромное и чужое, и я уже не буду больше ее частью»*.– Я кивнула сама себе. – Я отлично понимаю, что она хотела сказать, и точно знаю, без кого не смогу жить.

Эдвард забрал книгу и отшвырнул – пролетев через всю комнату, она со стуком упала на письменный стол. Эдвард обхватил меня за талию. На его лице, все еще хмуром от беспокойства, появилась улыбка.

– Хитклиф иногда тоже не промах. – Книжка ему не требовалась – он прижал меня покрепче и прошептал на ухо: – *«Я не могу жить без жизни моей! Не могу жить без моей души!»*

– Да, – тихо молвила я. – Именно это я и хотела сказать.

– Белла, просто невыносимо смотреть, как ты мучаешься. Может…

– Нет, Эдвард. Я все это натворила, мне и жить с этим. Но я знаю, чего хочу и что мне нужно… и что я собираюсь сделать прямо сейчас.

– И что же мы собираемся сделать прямо сейчас?

Я слегка улыбнулась его поправке.

– Мы собираемся поехать к Элис, – вздохнула я.

Элис сидела на нижней ступеньке крыльца – с таким видом, будто вот-

вот пустится в пляс: она уже знала о новостях, которые я хотела сообщить, и ужасно обрадовалась. Ждать нас в доме ей было невтерпеж.

– Белла! Спасибо! – запела она, едва мы выбрались из пикапа.

– Элис, погоди! – предупредила я, поднимая руку, чтобы умерить восторги подруги. – У меня есть несколько условий.

– Знаю, знаю, знаю! Свадьба не позже, чем тринадцатого августа, список гостей ты утверждаешь сама, а если я слишком размахнусь, то ты больше со мной не разговариваешь!

– Ну… ладно. В общем, да.

– Не волнуйся, Белла, все будет замечательно. Хочешь посмотреть на свое платье?

Мне пришлось несколько раз глубоко вдохнуть.

«Все, что угодно, лишь бы Элис была счастлива», – напомнила я себе.

– Конечно.

Элис довольно улыбнулась.

– Кстати, – нарочито небрежно сказала я, – а когда ты успела купить мне платье?

Все-таки притворяться я не умею: Эдвард сжал мою ладонь.

Элис вела нас к лестнице.

– Такие вещи за пять минут не делаются, – уклончиво объяснила Элис. – То есть я не была стопроцентно уверена, что все сложится именно так, однако вероятность казалась достаточно…

– Когда? – повторила я.

– К Пэррину Брюйеру надо записываться заранее, – оправдывалась она. – Шедевры за одну ночь не создаются. Если бы я не позаботилась вовремя, пришлось бы тебе надеть тряпки из магазина!

Похоже, прямого ответа не получить.

– Что еще за Пэрр… как его там?

– Не самый известный дизайнер, так что не надо устраивать истерику. Но он определенно талантлив и занимается именно тем, что мне требовалось.

– Я вовсе не устраиваю истерик.

– И правда. – Элис подозрительно уставилась на меня. Как только мы вошли в ее комнату, она повернулась к Эдварду. – За дверь!

– Почему? – недовольно спросила я.

– Белла, ты же знаешь! – застонала Элис. – Ему не положено видеть платье до самого дня свадьбы.

Я еще раз глубоко вдохнула.

– Мне все равно. К тому же, он видел платье в твоих мыслях. Но если

ты так хочешь…

Элис выставила Эдварда за дверь. Он даже не взглянул на сестру: не сводил глаз с меня, опасаясь оставить нас наедине.

Я кивнула. Надеюсь, мне удалось изобразить на лице безмятежность и успокоить Эдварда.

Элис захлопнула дверь перед самым его носом и пробормотала:

– Ну вот, теперь пойдем посмотрим.

Схватила меня за руку и потащила к встроенному шкафу – один этот шкаф размером больше всей моей комнаты!.. В дальнем углу на отдельной вешалке висел большой белый чехол для одежды.

Элис расстегнула молнию, аккуратно сняла платье с вешалки и протянула его мне словно приз.

– Ну как? – выдохнула она.

Я нарочито долго разглядывала платье. Элис забеспокоилась.

– О! – сказала я, решив не играть на нервах подруги. – Да уж.

– Нравится? – настойчиво спросила Элис.

Такое платье как раз подходит героине из какого-нибудь романа начала двадцатого века.

– Лучше и быть не может. То, что надо. Ты просто гений.

– Знаю! – ухмыльнулась Элис.

– Тысяча девятьсот восемнадцатый? – предположила я.

– Где-то около того, – кивнула она. – Кое-что я сама придумала: фату, шлейф… – Элис погладила белый атлас. – Кружева настоящие, старинные. Нравятся?

– Красота! Именно то, что нужно Эдварду.

– А тебе-то самой как?

– Да, пожалуй. Уверена, ты блестяще справишься с организацией свадьбы… если удержишься от искушения хватить через край.

Элис засияла.

– А твое платье мне можно посмотреть? – спросила я.

Элис недоуменно моргнула.

– Ты что, не заказала себе платье одновременно с моим? Я бы не хотела, чтобы подружка невесты надела тряпки из магазина! – Я притворно передернула плечами.

Элис стиснула меня в объятиях.

– Белла, спасибо!

– Неужели ты об этом не подумала? – поддразнила я, целуя подругу в макушку. – Тоже мне ясновидящая!

Элис затанцевала прочь от меня, уже строя планы.

– У меня столько дел! Иди развлекайся с Эдвардом, а мне работать надо. – И вылетела из комнаты с криком: – Эсми!

Я неторопливо последовала за ней. Эдвард ждал меня в коридоре, прислонившись к стене.

– Очень мило с твоей стороны, – сказал он.

– По-моему, Элис на седьмом небе от радости, – согласилась я.

Эдвард прикоснулся к моему лицу и внимательно вгляделся; глаза у него были слишком темные: очень давно не ходил на охоту.

– Пойдем-ка отсюда, – вдруг предложил он. – На нашу полянку.

Весьма соблазнительная идея!

– Мне ведь больше не надо прятаться, верно?

– Верно. Все опасности позади.

Эдвард бежал молча, о чем-то думая. Ветер дул мне в лицо – теплый ветер: буря в самом деле закончилась. Небо, как обычно, покрывали облака.

Сегодня луг казался мирным и счастливым местечком. По траве мазками белой и желтой краски рассыпались ромашки. Я улеглась на землю, не обращая внимания на сырость, и стала разглядывать облака. Они были слишком гладкие и ровные – ничего в них не увидишь, никаких картинок, – только мягкое серое одеяло.

Эдвард улегся рядом и взял меня за руку. Наступило уютное молчание.

– Тринадцатое августа? – небрежно спросил он немного погодя.

– Тогда до моего дня рождения останется еще месяц. Не хочу слишком затягивать.

Он вздохнул.

– Эсми на три года старше Карлайла – официально. Ты это когда-нибудь замечала?

Я помотала головой.

– Вот видишь, им это ничуть не мешает.

– Эдвард, дело вовсе не в возрасте. – Если в голосе Эдварда звучало волнение, то я была абсолютно спокойна. – Я готова. Я выбрала свой путь в жизни и хочу по нему пойти.

Он погладил меня по голове.

– А что насчет списка гостей?

– Вообще-то, мне все равно, кого пригласит Элис, но… – Я помедлила. Объяснять не хотелось, однако лучше уж покончить с этим сразу. – Вдруг Элис решит пригласить… несколько оборотней. Не знаю, захочет ли Джейк… сочтет ли он нужным прийти. Может, подумает, что так положено, или что я обижусь, если он не придет. Не стоит его заставлять.

Я смотрела на верхушки деревьев, почти черные на фоне светло-

серого неба.

Внезапно Эдвард обхватил меня за талию, подтянул, и я оказалась на нем сверху.

– Белла, объясни мне, почему ты вдруг позволила Элис сделать все, что ей вздумается?

Я повторила ему то, что сказал мне Чарли – перед тем, как я поехала вчера вечером к Джейкобу.

– Было бы нечестно скрыть это от Чарли. А значит, нужно сказать Рене и Филу. Так пусть заодно и Элис порадуется. Может, Чарли будет проще смириться с моим уходом, если устроить настоящее прощание. Даже если он думает, что мне слишком рано выходить замуж, не хотелось бы лишить его шанса повести меня к алтарю. – От этих слов я поморщилась. – По крайней мере, отец, мама и мои друзья будут знать самое важное о моем выборе – ту часть, которую им можно рассказать. Они будут знать, что я выбрала тебя и что мы вместе. Будут знать, что я счастлива, где бы ни находилась. По-моему, это лучшее, что я могу для них сделать.

Эдвард пристально посмотрел на меня.

– Сделка не состоится, – внезапно заявил он.

– Что?! – ахнула я. – Ты идешь на попятную? Нет!

– Белла, я вовсе не иду на попятную. Я сдержу свои обещания. Но ты свободна от любых обязательств. И можешь получить все, что хочешь, без всяких условий.

– Почему это?

– Белла, я же вижу, что ты делаешь. Ты пытаешься осчастливить всех остальных. А мне наплевать на остальных. Я хочу, чтобы ты была счастлива. Не переживай, Элис я сам скажу. И обещаю, что она не будет тебя ни в чем винить.

– Но я…

– Нет. Мы сделаем все по-твоему. Потому что по-моему получается черт знает что. Я называю тебя упрямой, но посмотри, что я сам натворил! Как полный идиот, цеплялся за свою идею о том, как будет лучше для тебя, хотя тебе от этого было только хуже. Снова и снова причинял тебе боль. Я больше самому себе не доверяю. Ты можешь быть счастлива по-твоему. По-моему все вечно получается наперекосяк. Вот. – Он расправил плечи. – Белла, мы все сделаем, как этого хочешь ты. Сегодня. Вечером. Чем скорее, тем лучше. Я поговорю с Карлайлом. Может, если дать тебе большую дозу морфия, то все будет не так уж страшно. Во всяком случае, стоит попытаться. – Эдвард стиснул зубы.

– Нет!

Он приложил палец к моим губам.

– Не волнуйся, Белла, радость моя. Я не забыл, чего еще ты хочешь.

Прежде, чем я успела сообразить, что он имеет в виду, Эдвард уже целовал меня – нежно, но очень настойчиво. Ох, что же он делает?!

Времени на раздумья не оставалось: еще немного, и я забуду, почему должна остановить его. Я уже и так задыхалась, изо всех сил прижимаясь к нему. Мои губы не могли оторваться от его губ, отвечая на все незаданные вопросы сразу.

Я попыталась было заговорить.

Эдвард мягко перекатился, вжимая меня в прохладную траву.

«Ой, лучше помолчи!» – возликовала менее благоразумная часть меня.

Сладкое дыхание Эдварда сводило с ума.

«Нет, нет, нет!» – запротестовала я и потрясла головой.

Эдвард принялся целовать мою шею, давая мне возможность перевести дух.

– Эдвард, перестань! Подожди. – Мой голос оказался таким же слабым, как моя воля.

– Почему? – прошептал он, целуя меня.

Я постаралась говорить решительно.

– Я не хочу это делать сейчас.

– Разве? – спросил он с улыбкой в голосе.

И снова впился в мои губы, не давая говорить. Меня бросило в жар; кожа горела от прикосновения к его телу.

Я сосредоточилась. С огромным усилием заставила себя перестать гладить его волосы и упереться руками ему в грудь. В конце концов мои усилия увенчались успехом – и тогда я оттолкнула Эдварда. У меня бы не хватило сил сдвинуть его, однако он понял и сделал именно то, чего я ожидала: отстранился и посмотрел на меня. От его взгляда решимости у меня не прибавилось: глаза у него горели. Огнем.

– Почему? – негромко повторил он хриплым голосом. – Я люблю тебя. Я хочу тебя. Прямо сейчас.

Я потеряла дар речи, и Эдвард этим воспользовался.

– Стой, подожди! – попыталась выговорить я под его поцелуями.

– Не буду ждать, – упрямо пробормотал он.

– Ну пожалуйста! – выдохнула я.

Эдвард застонал и скатился с меня. С минуту мы оба лежали, глядя в небо и пытаясь успокоить дыхание.

– Белла, скажи мне, пожалуйста, почему нет, – потребовал он. – Надеюсь, дело не во мне!

Глупый! А в чем же еще может быть дело? Ведь я только о тебе и думаю!

– Эдвард, для меня это очень важно. И я собираюсь сделать все по правилам.

– По чьим правилам?

– По моим.

Он перекатился на бок и неодобрительно посмотрел на меня.

– И как именно?

Я глубоко вздохнула.

– Ответственно. По порядку. Я дам Чарли и Рене возможность проститься со мной. Позволю Элис повеселиться от души, раз уж все равно согласилась на свадьбу. И я свяжу нас с тобой всеми возможными для человека узами до того, как попрошу тебя сделать меня бессмертной. Эдвард, я все сделаю по правилам. Твоя душа для меня слишком важна, чтобы ею рисковать. И ты меня не переубедишь.

– Могу поспорить, что мне бы это удалось, – пробормотал он, и в его глазах снова зажегся огонек.

– Но ведь ты не станешь, – сказала я, стараясь сдержать дрожь в голосе. – Потому что знаешь, что мне нужно именно это.

– Ты играешь нечестно! – обвинил он.

Я ухмыльнулась.

– А разве я обещала играть честно?

Он тоскливо улыбнулся в ответ.

– Ну, если вдруг передумаешь…

– То ты узнаешь об этом первым, – пообещала я.

И тут стал накрапывать дождик: несколько редких капель упали на траву.

Я хмуро посмотрела на небо.

– Я отнесу тебя домой. – Эдвард вытер с моих щек мелкие капельки.

– Дождь вовсе не проблема, – проворчала я. – Просто пора сделать нечто неприятное и потенциально весьма опасное.

Глаза Эдварда тревожно раскрылись.

– Хорошо, что ты пуленепробиваемый, – вздохнула я. – Мне понадобится кольцо: пора сказать Чарли.

Увидев выражение моего лица, Эдвард рассмеялся.

– Весьма опасная затея, – подтвердил он. Опять засмеялся и полез в карман джинсов. – По крайней мере, не придется никуда заезжать по дороге к Чарли.

Он снова надел кольцо на безымянный палец моей левой руки.

Где оно и останется – вероятно, до скончания веков.

Эпилог
Выбор

– Джейкоб, долго это еще будет продолжаться? – нетерпеливо взвизгнула Ли.

Я стиснул зубы.

Как и остальные члены стаи, Ли знает все. Знает, зачем я пришел сюда – на самый край земли, неба и моря. Чтобы побыть в одиночестве. Она знает, что больше мне ничего не надо – просто побыть в одиночестве.

И тем не менее Ли решила навязать мне свое общество.

Я, конечно, разозлился до чертиков, однако на долю секунды почувствовал еще и гордость: ведь мне даже не нужно прилагать усилий, чтобы сдержаться. Теперь это получается само собой, без труда. Красная пелена не застилает глаза, жаркая дрожь не прокатывается по позвоночнику.

– Ли, провалилась бы ты к черту, – ровным голосом ответил я и показал вниз.

– Ну в самом-то деле, сколько можно? – Она пропустила мои слова мимо ушей и растянулась рядом на скале. – Ты не представляешь, каково мне приходится!

– Тебе? – Я не сразу поверил, что она говорит серьезно. – Ли, да ты невероятная эгоистка. Я не хочу разбивать вдребезги твой мир, где солнце вращается исключительно вокруг тебя, поэтому не стану говорить, что твои проблемы мне до лампочки. Проваливай. Да поживей.

– А ты попробуй взглянуть на это с моей точки зрения! – невозмутимо продолжала она.

Если Ли хотела развеять мою меланхолию, то ей это удалось: я захохотал. Почему-то от звука смеха мне стало больно.

– Перестань фыркать и выслушай меня! – рявкнула она.

– Если я сделаю вид, что слушаю, то ты наконец уберешься отсюда?

Я глянул на Ли: хмурая гримаса застыла на ее лице – даже и не припомню, когда в последний раз видел на нем какое-нибудь другое выражение.

Когда-то Ли казалась мне симпатичной девчонкой, чуть ли не красавицей. Но это было давно. Теперь красавицей ее не считал никто – кроме разве что Сэма. Он себя никогда не простит. Как будто это его вина,

что Ли превратилась в злобную мегеру.

Ли помрачнела еще больше, словно догадалась, о чем я думаю. А может, и впрямь догадалась.

– Джейкоб, меня уже тошнит от этого. Ты хоть представляешь, что я чувствую? Лично мне какая-то Белла Свон вообще до лампочки, а ты заставляешь меня страдать по этой любительнице пиявок, как будто я тоже в нее влюблена. Тебе не кажется, что временами это несколько сбивает меня с толку? Вчера мне приснилось, что мы с ней целуемся! И что мне прикажешь делать?

– Что хочешь, то и делай.

– Сил моих больше нет слушать твои мысли! Выбрось наконец из головы эту девчонку! Она собирается выйти замуж за чудовище. И он попытается сделать ее одной из них! Парень, не пора ли тебе остыть?

– Заткнись! – прорычал я.

Огрызаться не стоило, я это знал. И прикусил язык. Но Ли пожалеет, если не уйдет – прямо сейчас.

– Скорее всего, он ее просто убьет, – сказала Ли с насмешкой. – Говорят, чаще всего случается именно так. Надеюсь, похороны отрезвят тебя быстрее, чем свадьба!

На этот раз пришлось приложить усилие: я закрыл глаза, сдерживая горячий вкус в горле; толкал и отпихивал огонь, норовящий сбежать вниз по позвоночнику; силился сохранить свой облик, пока мое тело дрожало от желания разлететься на части.

Взяв себя в руки, я хмуро посмотрел на Ли. Она наблюдала, как дрожь уходит из моих пальцев – и улыбалась.

Очень смешно.

– Ли, если ты так переживаешь из-за снов, в которых ты целуешь девчонку… – Я говорил медленно, делая ударение на каждом слове. – Тогда подумай, каково всем нам смотреть на Сэма твоими глазами? Бедной Эмили достаточно того, что ты на Сэма пялишься; не хватало еще, чтобы и у парней по нему слюнки текли.

Хотя я ужасно злился, мне все же стало стыдно, когда лицо Ли исказилось от боли.

Она торопливо вскочила на ноги и, дрожа всем телом, как натянутая струна, помчалась к лесу – задержавшись на секунду лишь для того, чтобы плюнуть в мою сторону.

– Промазала, – мрачно рассмеялся я.

Сэм еще устроит мне взбучку, но оно того стоило. Ли больше не станет меня допекать. И если подвернется шанс, я сделаю то же самое.

Потому что ее слова застряли в голове, вцепились в мозг репьями, причиняя такую боль, что перехватывало дыхание.

Неважно, что Белла выбрала кого-то другого, а не меня. Это еще не боль. С такой болью я мог бы жить всю оставшуюся жизнь – всю свою дурацкую и слишком долгую жизнь.

Важно то, что Белла перестанет быть собой: позволит сердцу остановиться, коже заледенеть, а мозгу превратиться в извращенный мозг хищника. Она станет чудовищем. Чуждым мне чудовищем.

Ничего хуже, ничего больнее и быть не может.

Но если он ее убьет…

Мне снова пришлось сдержать злость. Наверное, если бы не Ли, то стоило бы позволить жару обратить меня в существо, для которого инстинкты гораздо сильнее эмоций. В животное, которое не так чувствует боль. И это другая боль. Хоть какое-то разнообразие. Однако Ли уже стала волком, и я не хотел слышать ее мысли. Черт бы ее побрал! Она лишила меня даже этой лазейки.

Руки все еще тряслись. От чего? От злости? От боли? Не знаю, что именно на меня нашло.

Я должен верить, что Белла выживет. Однако для этого требовалось доверие – а я не хотел доверять этому кровососу, не хотел полагаться на то, что он сумеет сохранить ей жизнь.

Белла станет совсем другой. Интересно, как это повлияет на меня? Когда Белла будет стоять передо мной – твердая, как камень, и холодная, как лед, – а ее запах будет раздирать мои ноздри, разжигая инстинктивное желание рвать и кусать… Как это будет? Смогу ли я убить ее? И разве могу я не хотеть вцепиться в горло одному из них?

Я смотрел, как волны набегают на берег. Под выступом скалы они исчезали из виду, но я слышал шум прибоя. Уже давно стемнело, а я все смотрел на волны.

Домой идти, пожалуй, не стоило. Однако я проголодался, а ничего другого в голову не пришло.

Я поморщился, засовывая руку в ненужную повязку и подбирая костыли. Эх, если бы Чарли не видел меня в тот день и не разболтал повсюду о моей «аварии на мотоцикле»! Таскай теперь с собой эту бутафорию! Черт бы ее побрал!

Когда я пришел домой и глянул на отца, то решил, что проголодался вовремя: у отца что-то было на уме. Он всегда слишком старается сделать вид, будто все как обычно. А еще начинает болтать без умолку.

Не успел я сесть за стол, как отец принялся рассказывать, чем

занимался днем. Трепать языком он начинает только тогда, когда хочет о чем-то умолчать. Я старался не обращать на него внимания, сосредоточившись на еде. Чем быстрее я проглочу ужин…

– …а еще Сью сегодня заходила. – Как обычно, отец говорил так громко, что пропустить его слова мимо ушей нелегко. – Поразительная женщина. Покрепче любого медведя. Правда, я ума не приложу, как она управляется с дочкой. Вот из Сью получился бы всем волкам волк! А Ли так, и на волчонка-то едва тянет. – Он фыркнул.

Отец немного подождал, не скажу ли я чего в ответ, но, похоже, не заметил выражения смертельной скуки на моем лице, которое обычно его ужасно раздражало. А насчет Ли – лучше бы он помолчал. О ней я бы предпочел вообще забыть.

– С Сетом гораздо проще. Конечно, с тобой тоже было проще, чем с твоими сестрами, пока… ну, тебе пришлось потруднее, чем им.

Я протяжно вздохнул и уставился в окно.

Билли помолчал чуть дольше, чем следовало.

– Сегодня письмо пришло.

Так вот о чем он не хотел говорить!

– Какое письмо?

– Приглашение… на свадьбу.

Каждый мускул во мне сжался. По спине легонько пробежала горячая змейка. Я вцепился в стол, чтобы не дрожали пальцы.

– В нем записка, адресованная тебе, – продолжал Билли, словно ничего не заметил. – Я не открывал.

Он вытащил плотный конверт цвета слоновой кости и положил его на стол между нами.

– Наверное, тебе не стоит это читать. Какая разница, что там написано.

Дурацкие психологические штучки! Типа запретный плод сладок. Я схватил конверт.

Плотная негнущаяся бумага. Дорогая. В Форксе совсем не к месту. И приглашение внутри такое же: изысканное и официальное. К этому Белла явно не имела отношения: прозрачные бумажки с отпечатанными лепесточками не в ее вкусе. Читать приглашение я не стал, даже на дату не посмотрел – на кой черт?

В конверте еще лежал свернутый вдвое листок плотной желтоватой бумаги, на котором было от руки написано мое имя. Почерка я не узнал, но выглядел он так же вычурно, как и все остальное. Никак этот кровосос вздумал позлорадствовать?

Я развернул записку.

Джейкоб!

Я нарушаю правила, посылая тебе приглашение. Она боялась тебя обидеть и не хотела, чтобы ты чувствовал себя обязанным. Но я знаю, что если бы все сложилось иначе, то я бы предпочел иметь возможность выбора.

Джейкоб, я обещаю, что позабочусь о ней. Спасибо тебе – за нее и за все остальное.

Эдвард

– Джейк, стол-то у нас всего один, – напомнил Билли, не сводя глаз с моей левой руки.

Мои пальцы так стиснули дерево, что оно вот-вот не выдержит. Я сосредоточился на том, чтобы разжать пальцы по одному, а потом сжал руки в кулаки – пока еще что-нибудь не сломал.

– Впрочем, какая разница, – пробормотал Билли.

Я вышел из-за стола, на ходу стягивая футболку. Будем надеяться, что Ли уже ушла домой. Я рывком распахнул дверь.

– Не задерживайся, – негромко сказал Билли мне вслед.

Не успев добраться до леса, я уже бежал, разбрасывая за собой одежду – словно помечая путь, чтобы не заблудиться потом. Превращение никаких усилий не требовало: мое тело знало, куда я иду, и давало мне то, что нужно, еще до того, как я об этом просил.

Теперь у меня было четыре ноги, и я летел.

Деревья слились в проносящуюся мимо черную массу. Мускулы сокращались и расслаблялись в ровном ритме. Я мог бежать так целыми днями, ни капельки не уставая. Может, в этот раз я не стану останавливаться.

Однако я был не один.

«Мне так жаль», – прошептал в голове Эмбри.

Я видел его глазами: он был далеко на севере, но тут же развернулся и побежал ко мне навстречу. Я зарычал и прибавил ходу.

«Не так быстро! Подожди нас!» – пожаловался Квил, который оказался ближе – только что вышел из поселка.

«Отстаньте вы все от меня!» – рыкнул я.

Я чувствовал их тревогу, хотя и старался изо всех сил заглушить ее воем ветра и звуками леса. Вот уж чего я всегда терпеть не мог: видеть себя глазами друзей – а теперь еще и полными жалости. Ребята заметили мою ярость и все-таки продолжали бежать за мной.

В голове прозвучал новый голос: «Оставьте его в покое!».

Хотя и произнесенный мягко, приказ есть приказ. Эмбри и Квил перешли на шаг.

Если бы я мог перестать видеть их глазами и слышать их ушами! Слишком много народу столпилось в моей голове, однако чтобы остаться одному нужно вернуть себе человеческий облик, а это слишком больно.

«Перевоплощайтесь, – велел Сэм остальным. – Эмбри, я приеду за тобой».

Сначала один, а потом и другой молча исчезли из моего сознания. Остался только Сэм.

«Спасибо», – сумел мысленно выговорить я.

«Возвращайся домой, когда сможешь».

Слова прозвучали глухо и растворились в пустоте: Сэм тоже ушел. Я остался один.

Так-то лучше! Теперь я слышал тихое шуршание слежавшихся листьев под ногами, шепот совиных крыльев над головой и далеко, далеко к западу стон океанского прибоя. Как чудесно – не чувствовать ничего, кроме скорости, движения мышц, сухожилий и костей, дружно работающих вместе, и оставлять позади милю за милей.

Если голоса в голове замолчат, то я никогда не вернусь. И буду отнюдь не первым, кто выбрал это тело, отказавшись от другого. Может, если убежать достаточно далеко, то я больше не услышу голосов…

Я прибавил ходу, оставляя Джейкоба Блэка позади.

Благодарности

Было бы совершенно непростительно с моей стороны не поблагодарить всех тех, кто помог мне пережить рождение еще одного романа.

Родители всегда были моей опорой; даже не знаю, как можно писать, не имея возможности посоветоваться с отцом или поплакаться матери.

Муж и сыновья оказались необычайно терпеливы: любая другая семья уже сдала бы меня в приют для умалишенных. Спасибо вам, парни, за то, что вы меня терпите.

Моя Элизабет – Элизабет Юлберг, лучший на свете агент по рекламе, – только благодаря тебе я смогла сохранить рассудок как во время поездок, так и между ними. Мало кому везет так тесно сотрудничать со своей лучшей подругой, и я бесконечно благодарна этой любительнице сыра, девчонке со Среднего Запада.

Джоди Ример продолжает гениально и изящно руководить моей карьерой. Очень приятно знать, что я в таких хороших руках.

И замечательно, что мои рукописи тоже попадают в хорошие руки.

Спасибо Ребекке Дейвис за столь точное понимание сложившейся в моей голове истории и за помощь в поисках наилучшего способа донести ее до читателей.

Спасибо Меган Тингли – во-первых, за несгибаемую веру в мою книгу, а во-вторых за ее шлифовку до блеска.

Спасибо всем сотрудникам отдела молодежной литературы в издательстве «Litte, Bvown and Company» за такое бережное отношение к моим творениям. Сразу видно, что все вы делаете свое дело с любовью, и я невыразимо признательна вам за это. Спасибо всем: Крису Мерфи, Шону Фостеру, Эндрью Смиту, Стефани Ворос, Гэйл Дубинин, Тине МакИнтайр, Эми О’Нилл и многим другим, кто обеспечил успех серии.

Мне невероятно повезло найти Лори Джоффс, которая как-то ухитряется быть самым быстрым и самым внимательным читателем. Я очень рада, что у меня есть такая подруга и помощница: проницательная, талантливая и терпеливо относящаяся к моему нытью.

И еще раз спасибо Лори Джоффс, а также Лауре Кристиано, Микаэле Чайлд и Теду Джоффс за создание и поддержку самой яркой звезды в виртуальной вселенной «Сумерек» – Словаря «Сумерек». Я очень признательна за все ваши усилия, благодаря которым вы обеспечили моим

поклонникам уютное место, где они могут пообщаться друг с другом.

А также спасибо моим международным друзьям в Crepuscolo-es.com за создание поразительного сайта, который преодолел все языковые барьеры.

Огромная благодарность также Бриттани Гарденер за ее превосходную работу на Stephenie Meyer MySpace Group; там собралось такое огромное количество поклонников, что я не представляю, как можно всех упомнить. Бриттани, я тобой восхищаюсь.

Кэйти и Одри, сайт Bella Penombra – это просто прелесть.

Хэзер, сайт twilightnexus.com – это круто.

К сожалению, я не могу упомянуть здесь все сайты и всех их создателей, но огромное спасибо вам всем.

Огромная благодарность Лауре Кристиано, Мишель Виейра, Бриджет Кревистон и Кимберли Петерсон за ценные замечания, поддержку и энтузиазм.

Каждому писателю нужно подружиться с независимым книжным магазином; я очень благодарна моим приверженцам в родном городе Темпе, штат Аризона, и особенно Фейз Хоххальтер, которая обладает изумительным литературным вкусом.

Я в долгу у богов рока, группы Muse, за еще один вдохновляющий сборник.

Спасибо за то, что продолжаете писать мою любимую музыку.

Я также признательна всем группам, чьи песни я постоянно слушаю и кто помогает мне обрести вдохновение: Ok Go, Gomez, Placebo, Blue October и Jack’s Mannequin.

А самое главное – громадное спасибо всем моим поклонникам.

Я твердо уверена, что все вы самые привлекательные, умные, интересные и преданные поклонники во всем мире.

Если бы могла, я хотела бы обнять вас всех и подарить каждому «Порше 911 турбо».